

Виктор Киркевич

История Киева. Киев капиталистический

© В. Г. Киркевич, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

История – это правда, которая становится ложью. Миф – это ложь, которая становится правдой.

Предисловие

Вот и пришло время моему Читателю углубиться в 4-ю книгу «Истории Киева» под названием «Киев капиталистический». В Российской империи, где Киев занимал одно из ведущих мест, все социальные формулировки были условными и относительными. Что говорить, если и сегодня феодальные отношения превалируют в имперско-сталинской модели Российской Федерации, где всё решает Москва, и даже не город, а только Кремль – незыблемый оплот абсолютизма. А для рядового гражданина, не вникающего в дебри политики, со стороны почти не заметна их рокировка и смутно воспринимаются их перемещения.

При написании этого тома вполне закономерно возникла проблема – как изложить без фальши этот самый скучный период, занимательно, и без цифрового занудства, показать забавные, даже увлекательные страницы истории Киева и Украины. Тяжелая это работа – тянуть интеллигента из информационного болота! Эта искаженная цитата, взятая у Корнея Чуковского, пришла на ум на Андреевском спуске после общения со многими «пыхатыми» киевлянами, считающими себя «сливками общества» и уверенными в своем всезнайстве. Но «сливки» давно прокисли, а их знания формировались на школьных курсах «Истории СССР», да и то в состоянии полудремы. Вот в этом и беда! В Киеве, как и в других школах крупных городов *«от Москвы до самых до окраин»*, преподаватели были натасканы на «официально рекомендованном материале», напичканном цитатами партийных деятелей. Педагоги систематически и настойчиво вдалбливали основы марксизма-ленинизма в детские головы. Ранние эпохи разбавлялись романтическими авторами художественных произведений, а вот эпоха капитализма «внедрялась» и «укреплялась» в развивающемся сознании советской «историко-патриотической» литературой, созданной членами «союзов писателей» с «псевдонимами». Не будем отрицать, большинство из них – не без таланта. В Киеве даже существовала редакция «Радянський письменник», но не был рад читатель! А в средней и высшей школе формировалась единая социальная общность – «советский человек»: без национальных признаков, с признаками умственной усредненности, этикие «винтики», о которых говорил Сталин на банкете в Кремле по случаю Победы над Германией. Соответственно в сознании «трудящихся» не укладывалось какое-то маломальское понятие о полезности капитализма, где, по мнению учителей, процветали только эксплуатация нищего народа и социальная несправедливость. Если в более ранние периоды были «хорошие», воспетые советскими авторами, цари Иван Грозный и Петр I, то хорошие капиталисты и купцы в школьных учебниках по истории просто не присутствовали! Их никогда не существовало! Такое сложилось у советских людей «понятие»! Поэтому во всех учебниках по истории этого периода – только насилие – как «имели» простой народ кровавые цари и эксплуататоры. А вечно лгущие цифры превращали исторические исследования в пособия по математике.

Вот и хочется отметить, что устоявшаяся характеристика капитализма – неравное распределение благ, а врожденное качество социализма – равное распределение нищеты.

Приступим к изложению и немного позанудствуем. Я все-таки учился в советской школе и на историческом факультете «Коммунистического университета», так в 1920-х годах назывался университет имени Тараса Шевченко.

Перевожу исторические события в математические формулы, преобладающие в советской средней школе. Новые капиталистические отношения, зародившиеся в конце XVIII – первой половине XIX века, настойчиво требовали ликвидации крепостного права, которое стало тормозом дальнейшего экономического развития украинских земель. Еще больше углубила эти противоречия Крымская война (1853–1856), которую Россия позорно проиграла. 3 января 1857 года был создан Секретный комитет, позднее переименованный в Главный комитет по крестьянскому делу, которое должны были решать дворяне. А как же иначе? Крестьянских объединений в государственном масштабе не существовало. 19

февраля 1861 года Александр II издал Манифест об отмене крепостного права и «Общее положение о крестьянах, освобожденных от крепостной зависимости». По этим документам крестьяне становились лично свободными, но за помещиками оставалось право собственности на их землю.

В ходе аграрной реформы территория Украины делилась на регионы по специфике проведения: 1) общинное землевладение (губернии Новороссийского края); 2) подворное землепользование (Левобережная Украина). Было сохранено крупное помещичье землевладение.

Крестьяне получили экономические права: могли покупать недвижимость, заниматься торговлей и промыслами, заводить предприятия, в том числе и фабрики. Однако крестьянство оставалось низким сословием в государстве с ограниченным правом передвижения. В результате земельной реформы крестьяне на юге и востоке потеряли 30 % своих наделов. На Правобережье правительство увеличило крестьянские наделы на 20 % с целью привлечь крестьян на свою сторону и ослабить польских магнатов и шляхту. В течение 49 лет крестьяне должны были выплатить выкупные платежи, хотя на Правобережье их уменьшили на те же 20 %. Внедрялась система крестьянского управления: сельские общины объединялись в волости, устанавливалась круговая порука за уплату налогов, что было не по душе людям, не желавшим работать.

Последствия реформы: 1) произошли коренные изменения в распределении земельной собственности; 2) товарно-денежные отношения становились доминирующими в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян; 3) более определенной становится специализация отдельных районов Украины; 4) применяют различные методы использования земли (аренду, ведение собственного хозяйства); 5) повысилась урожайность сельскохозяйственных культур вследствие использования машин, вольнонаемного труда, агрообоснованности посевов.

В 1864 году была проведена земская реформа. Создавалась система местного самоуправления. На Левобережной Украине создано 6 губернских и 60 уездных земских управ. На Правобережной Украине земское самоуправление было введено в 1911 году. Орган самоуправления в земских управах – губернское земское собрание. Исполнительные органы – губернские и уездные земские управы. Выборы проходили по имущественным цензам на три года.

Земства занимались организацией медицинской помощи, развитием образования, почты (уникальным явлением стали выпуски земских марок), собирали статистические данные для урегулирования налогов, занимались водоснабжением, благоустраивали дороги.

В 1864 году была осуществлена судебная реформа. Вместо сословного и закрытого суда ввели внесословный открытый, независимый суд. Вводились присяжные судьи. Суд проходил при участии двух сторон: защиты и обвинения. В Украине были созданы три судебных палаты: Киевская, Харьковская и Одесская. Приговоры, вынесенные без участия присяжных, могли быть обжалованы в судебных палатах. Был создан институт мировых судей, которые решали мелкие дела. Кассационные функции исполнял сенат. В 1864 году начали реформу образования. По «Положению о начальных народных училищах» внедрили единую систему начального образования. В области среднего образования создавали классические мужские и женские гимназии. Плата за обучение была высокой, но для среднего класса доступной. Право поступать в университет имели выпускники только классических гимназий, однако выпускницы женской гимназии подобных прав не имели. Поэтому высшее образование они могли получать только за границей. А девиц туда не пускали. Выезд за границу разрешался лишь замужним, поэтому кое-кто для достижения заветной цели вступал в фиктивный брак. В 1865 году осуществлена реформа цензуры, для этого были созданы специальные органы.

В 1870 году проведена городская реформа. Во всех городах Украины создавали городские думы. Выборы проводились на основе имущественного ценза. Исполнительный орган думы – городская управа, во главе которой стоял

председатель. Они ведали хозяйством города.

Состоялась в 1864–1883 годах и военная реформа. В Украине созданы три военных округа: Киевский, Одесский, Харьковский. Реформа значительно укрепила армию. Начал действовать новый военный устав. Ввели всеобщую воинскую повинность (срок службы 6 лет, на флоте – 7). Духовенство освобождалось от службы. Были открыты военные училища и гимназии, юнкерские училища. Состоялось перевооружение армии.

Финансовая реформа была проведена в 1860–1864 годах. Создан государственный банк, введен единый государственный ревизионный центр, акцизное обложение спиртных напитков, увеличены налоги на товары массового потребления, созданы единые государственные кассы, в которых сосредоточивались все доходы и расходы государства.

Реформы 1860-1870-х годов были ограниченными, непоследовательными и половинчатыми, но они создали условия для экономического и политического развития страны в новых условиях. Развивалась промышленность, торговля, росли города и городское население, сельское население привлекалось в промышленность. Был открыт широкий путь к становлению индустриального общества.

В Украине начал развиваться капитализм. На протяжении 1860-1880-х годов завершился промышленный переворот, то есть переход от мануфактур к машинной индустрии, самыми характерными признаками которой было использование в производстве паровых двигателей, развитой системы машин и станков.

Основным промышленным топливом стал каменный уголь. Большие капиталистические предприятия – заводы и фабрики – для повышения производительности труда стали использовать достижения науки и техники. Экономическое развитие Украины в то время определяли, прежде всего, отрасли тяжелой промышленности – угольная, железорудная, металлургическая, машиностроительная.

Интенсивнее всего развивался Донецко-Криворожский железорудный бассейн – главная угольно-металлургическая база Украины. Со времени реформы 1861 года добыча каменного угля в Украине выросла более чем в 115 раз и составляла в 1900 году – 691,5 млн пудов – более половины общеимперской добычи. В конце 1890-х годов Украина давала свыше половины общеимперской выплавки чугуна – 92 млн пудов, и немного меньше половины железа и стали – 59 млн пудов. За последние два десятилетия XIX столетия в Екатеринославской и Херсонской губерниях появилось 17 больших металлургических заводов. Некоторые из них были построены на средства иностранных капиталистов. Английских – завод Джона Юза с рабочим поселком Юзовка (ныне Донецк), бельгийских – Днепровский завод в поселке Каменском, французских – Гданцевский завод возле Кривого Рога. Российские капиталисты стали собственниками Брянского завода возле Екатеринослава, Дружковского и Донецко-Юрьевского в Донбассе. С 1888 года за шесть лет в Украине было организовано 22 иностранных акционерных компании с уставным капиталом почти 63 млн рублей. Французский, бельгийский, английский и немецкий капиталы в значительной мере захватили ключевые позиции в каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности Украины. Из иностранцев на многих заводах формировались административно-управленческий персонал, инженерно-технический состав, мастера и даже часть квалифицированных рабочих.

В результате реформ 1860–1870 годов значительный толчок для развития на основе капиталистических производственных отношений получили традиционные в Украине отрасли промышленности, связанные с сельским хозяйством. В первую очередь это касалось сахарной промышленности, где хозяйничали украинские, русские, польские и еврейские предприниматели Терещенко, Харитоненко, Бобринский, Хряков, Браницкий, Потоцкий, Бродский, Гальперин, Фишман, Гинзбург. Благодаря завершению технического переворота, концентрации

производства на больших предприятиях, общее количество сахарных заводов в Украине с начала 1860-х и к середине 1890-х годов уменьшилось с 247 до 153, а количество рабочих наоборот увеличилось с 38 тысяч до 78 тысяч. Производство сахара на них выросло в 14 раз – с 1,6 млн до 23 млн пудов, что составляло 84 % производства всей Российской империи. Чтобы не допускать снижения цен на внутреннем рынке, наибольшие сахарозаводчики Украины объединились в сахарный синдикат – первое в Российской империи капиталистическое монопольное объединение, которое возникло в Киеве в 1887 году. Уже через 5 лет в его подчинении находилось свыше 90 действующих заводов в Украине.

В конце XIX столетия возникли большие предприятия транспортного машиностроения – Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы. До 1900 года они построили 233 паровоза. В то время длина железной дороги в Украине достигала 8417 км. Первой с 1865 года считается железная дорога длиной 219 верст, соединившая Балту и Одессу. Позже, в интересах помещиков, занимавшихся экспортом хлеба, железные дороги строились в направлении азово-черноморских портов. А открытие в 1884 году Екатерининской железной дороги, соединившей Донбасс с Криворожьем, было обусловлено, прежде всего, потребностями развития тяжелой промышленности. Правительство, в ведении которого находилось всё железнодорожное строительство, руководствовалось в Украине военно-стратегическими соображениями, а не потребностями местной экономической жизни. Производство железнодорожных рельсов, которое в Украине составляло свыше трех четвертей от общего производства, преимущественно обслуживало Российскую империю с самыми длинными в мире железнодорожными магистралями. Все основные большие железные дороги направлялись к центрам России и Прибалтики. Преследовалась цель сохранить односторонний, фактически колониальный характер товарообмена, сложившийся между Украиной и Россией. Ведь только 15 промышленных предприятий в Украине производили готовую продукцию, а все остальные поставляли сырье для изготовления в Россию, что увеличивало стоимость продукции. Таким образом, накопление капиталов в России происходило за счет неэквивалентной торговли ее с провинцией. Да и регулирование цен за провоз грузов по железным дорогам было таким, что выгоднее было промышленную и сельскохозяйственную продукцию вывозить по железным дорогам за пределы Украины, чем развозить ее своим потребителям.

Колониальным аграрно-сырьевым придатком к промышленно развитым центральным и западным провинциям Австро-Венгерской империи оставались подвластные ей западноукраинские земли Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья. Новую сельскохозяйственную технику и наемный труд использовали и зажиточные крестьяне. В конце XIX столетия из всего сельского населения западноукраинских земель таких насчитывалось в Восточной Галиции свыше 11 %, в Северной Буковине – свыше 8 %. Вместе с тем, почти половина крестьянских хозяйств считалась нищими. Нечего было ожидать от них товарной продукции – собранного урожая не хватало даже для прокорма собственной семьи крестьянина-бедняка.

Под властью Российской империи процесс социального расслоения украинского крестьянства в условиях капиталистического развития был еще более разительным. В конце XIX столетия зажиточные крестьяне в Украине составляли около четверти всего сельского населения, сосредоточив в своих руках около 40 % крестьянских земель и свыше 50 % рабочего и продуктивного скота.

Хозяйства некоторых крестьян-богачей, особенно на юге Украины, достигли размеров значительных помещичьих имений – в тысячу десятин земли и даже больше. В среднем на один крестьянский двор приходилось 10 десятин, а на одно дворянское поместье – 507 десятин. Свыше половины крестьянских хозяйств, земельная собственность которых так и не превышала 5 десятин, считались беднячками. Чтобы улучшить свою жизнь, крестьяне-бедняки нанимались к более зажиточным односельчанам, шли работать в помещичьи экономии. Многие из них вообще оставляли свои дома и временно или пожизненно нанимались на фабрики и

заводы. В конце XIX столетия в Украине насчитывалось до двух миллионов сельскохозяйственных работников. Теперь несколько подробнее о людях, сыгравших важную роль в этих событиях второй половины XIX века.

Александр II – государь и памятник

«Царь благодушный, царь с евангельской душой, с любовью к ближнему святою...» – так писал об Александре II Ф. И. Тютчев, и я с ним согласен. В отечественную историю этот император вошел как Освободитель. Главным в его царствовании и важнейшим событием в истории России стал Манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права, а также последующие реформы в жизни государства. Империя сделала первый и очень важный шаг на пути буржуазного развития. Сам император признавался: «У меня сознание, что я выполнил великий долг». Александр II находился в сложных условиях. Нужно обладать большим опытом, сильной волей и здравым смыслом, чтобы удержать власть и не сдаться разбушевавшейся стихии.

Император продолжил всё начатое отцом в нашем городе. Былая напыщенность исчезла, в стране развивались предпринимательство, общедоступность, железные дороги.

Динамичная рациональность и трезвый расчет пришли на смену пассивному служению и бюрократической субординации. Практицизм, стремление к преуспеванию, независимость во взглядах граждан начали сказываться на облике города. Так, в 1856 году Киев был соединен телеграфом с Петербургом и Одессой. На следующий год из столицы пришел указ о разрешении проведения летом Контрактной ярмарки. Для обеспечения обилия товаров на ней, а также и во всей округе, оживилось судоходство по Днепру, благоустраивалась Подольско-Крещатицкая набережная. В 1857 году владимирские кадеты перебираются в законченное здание Кадетского корпуса (арх. И. Штром) на Шулявке, громадное по тем меркам в Киеве, – теперь там Министерство обороны Украины. А в освобожденном Кловском дворце проводится 2-я Российская сельскохозяйственная выставка.

Кадеты. Открытка 1910-х гг.

Александр II с супругой посетили Киев 21 сентября 1857 года. На въезде в город, по Житомирскому шоссе, были выстроены триумфальные ворота из дерева. Они были настолько эффектными, что их изображали на почтовых открытках. Прием был не менее торжественным, чем при его отце и дяде. На следующий день в присутствии императорской четы открыли благотворительные заведения княгини Васильчиковой. К приезду приурочили освящение Присутственных мест (арх. И. Штром), где планировалось разместить губернскую администрацию. В 1870-е годы город пережил первый строительный бум. Новая фигура в этом строительстве – гражданский инженер. Возводились в основном 2-этажные обывательские дома. Кирпич для их строительства интенсивно поставляли более дюжины заводов. Новые строения преимущественно служили для сдачи квартир внаем и получения прибыли: зарождался новый тип доходного дома. Теперь главными были не внешние классические предпочтения домовладельцев, а удобство и привлекательность. Простые фасады украсили всевозможными гипсовыми завитками различных архитектурных стилей.

В империи повеяло ветром прогрессивных реформ и просвещения. В губернском городе открылись новые школы, просветительские и благотворительные организации и общества. Начали выходить газеты, в частности «Киевлянин», «Киевский телеграф». Все это свидетельствовало о демократизации общественной жизни после суровой политики Николая I. Это время связывают с именами трех деятелей переходного периода: генерал-губернатора князя И. И. Васильчикова, попечителя учебного округа Н. И. Пирогова, активиста проведения крестьянской реформы Г. П. Галагана.

И. И. Васильчиков. Фотография 1850-х гг.

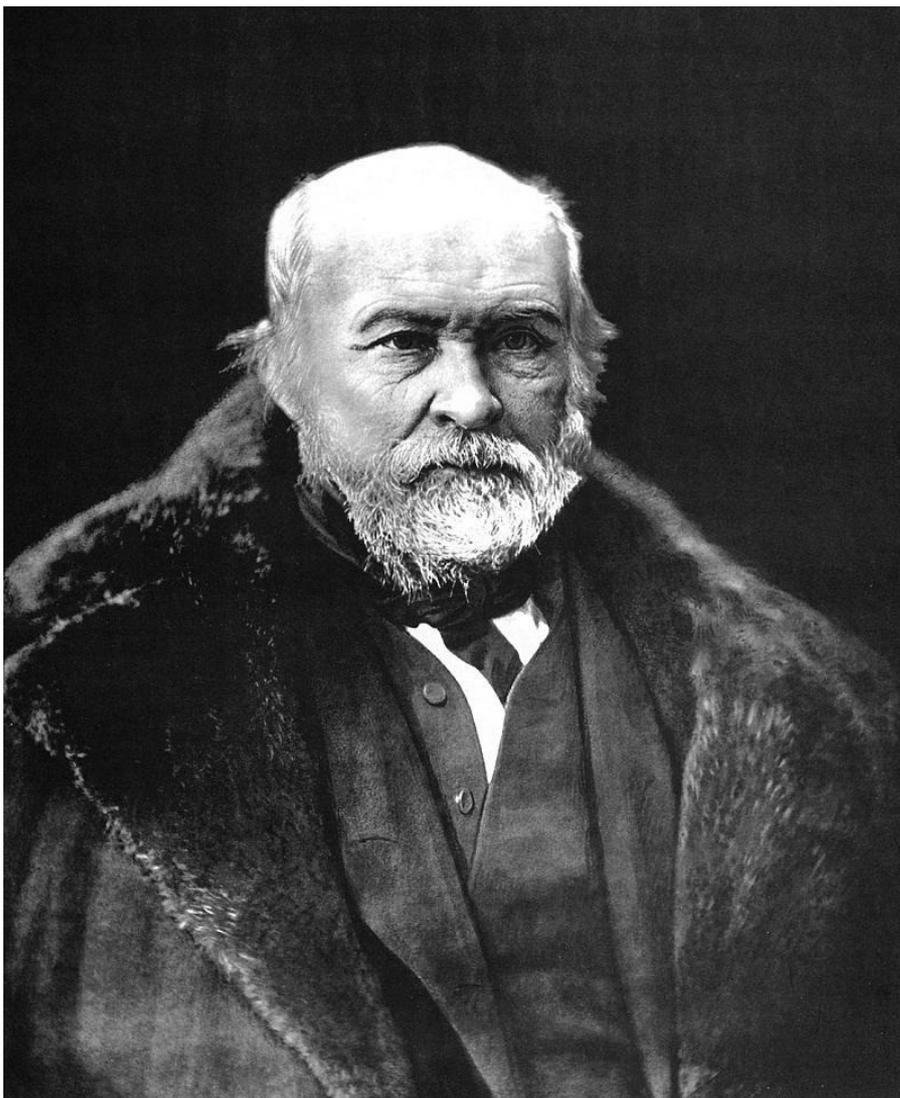
Более всего вспоминают деятельность Николая Ивановича. Выдающийся педагог-гуманист, отложив в сторону скальпель и работу гениального хирурга, принялся лечить души, а не тела. Его педагогические начинания были настолько плодотворны, что и сегодня, через 170 лет, в системе всеобщего образования можно найти их отголоски. Университет Св. Владимира был освобожден от всех ограничений и получил автономию. Женщины допускались на слушание лекций. В школах строго запретили порку. Поощрялись литературные работы старшеклассников, ведение ими рукописных журналов, на все внеклассные мероприятия приглашались попечители. После реформы 1861 года открылась целая сеть просветительских организаций и народных школ в селах. В Киеве при участии Н. И. Пирогова были открыты воскресная школа и учительская семинария. Эту благодатную деятельность прервало восстание 1863 года, поддержанное поляками университета Св. Владимира. Николай Иванович пытался их утихомирить с помощью студентов-украинцев, что не понравилось администрации, отправившей его в отставку. Пирогов на прощальном обеде сказал: *«В моих глазах попечитель есть не столько начальник, сколько миссионер»*. Его возле 1-й гимназии провожало около 300 человек, а на почтовой станции под Киевом встретили еще 700. Там Пирогов, выйдя из экипажа, вспомнил о «царстве идей» и пообещал, что он никогда не расстанется со своими единомышленниками.

Е. А. Васильчикова. Фотография 1850-х гг.

Деятельность вице-президента временной комиссии по крестьянскому вопросу Григория Павловича Галагана проходила за пределами Киева, поэтому особенно останавливаться на ней не будем.

Киевский генерал-губернатор Илларион Илларионович Васильчиков был прирожденным аристократом, а своими манерами и образованием - полной противоположностью ревностному служаке Бибику. К тому же время было другое, русификацию края следовало проводить более либеральными методами. В этот период возродилось национальное сознание украинской общественности, чаяния которой нужно было как-то совместить с настроениями поляков. Для тех и других «Ойчизна» или «Батьківщина» находились на одной и той же территории. По указаниям Васильчикова, которые он, безусловно, согласовывал с Александром II, прекратились преследования чиновников польского происхождения, возобновились дворянские выборы и изучение польского языка в учебных заведениях. При этом князь Васильчиков сочувствовал крестьянам во время их выступления против помещиков и был сторонником обязательного выкупа земельных наделов. Большой мечтой Васильчикова было приучить евреев к земледелию, поэтому он создал для них земельные колонии и школы. Но кто сейчас помнит об этом?

Н. И. Пирогов. Фотография 1870 г.

30 февраля 1856 г., всего лишь через несколько дней после вступления Александра II на престол, граф Киселев, председатель правительственной комиссии по еврейскому вопросу, предложил императору пересмотреть существующее законодательство о евреях для проведения в нем соответствующих изменений. В этих начинаниях граф нашел поддержку у князя Васильчикова и гражданского губернатора Гессе. Они в своих докладных на имя императора заявили о нехватке продуктов и дороговизне в Киеве из-за отсутствия евреев-купцов. Гессе докладывал императору: «...Выселение из Киева евреев допущено в 1827 года, по представлению бывшего киевского военного губернатора Желтухина, вследствие ходатайства тогдашнего киевского купечества из христиан, выставлявшего в то время пребывание евреев в сем городе вредным для своей промышленности и для самой казны. Но киевское купечество не оправдало этой меры, ибо стремилось к монополии на все потребности к вреду прочего более значительного населения... даже и собственно для себя не извлекло никаких выгод, по недостатку предприимчивости, потребных для торговли капиталов и затем несообразности частной своей жизни. Поглощающие все их приобретения на утоление развившейся между ними роскоши. Что касается соблюдения выгоды казны, то киевские граждане не только не принесли казне никакой пользы со времени выселения евреев, но, напротив того, вредили. Начальство при производившихся торгах на все значительные и экстренные подряды и поставки, видя явную склонность их к вреду казны, вынуждено было постоянно все эти операции отдавать евреям, делавшим весьма выгодное понижение цен... Из всего следует, что удаление евреев из Киева остановило развитие правильной торговли... Монополия вообще вредна для правильного развития торговли, но, по крайней мере, естественно бывает полезна для тех, в чьих руках находится; почти 30-летний опыт доказал, что киевское купечество не может похвалиться даже тем, на что естественно было рассчитывать, и, стесняя купцов-евреев и покупателей, жителей Киева, они не сумели быть даже полезным самим себе».

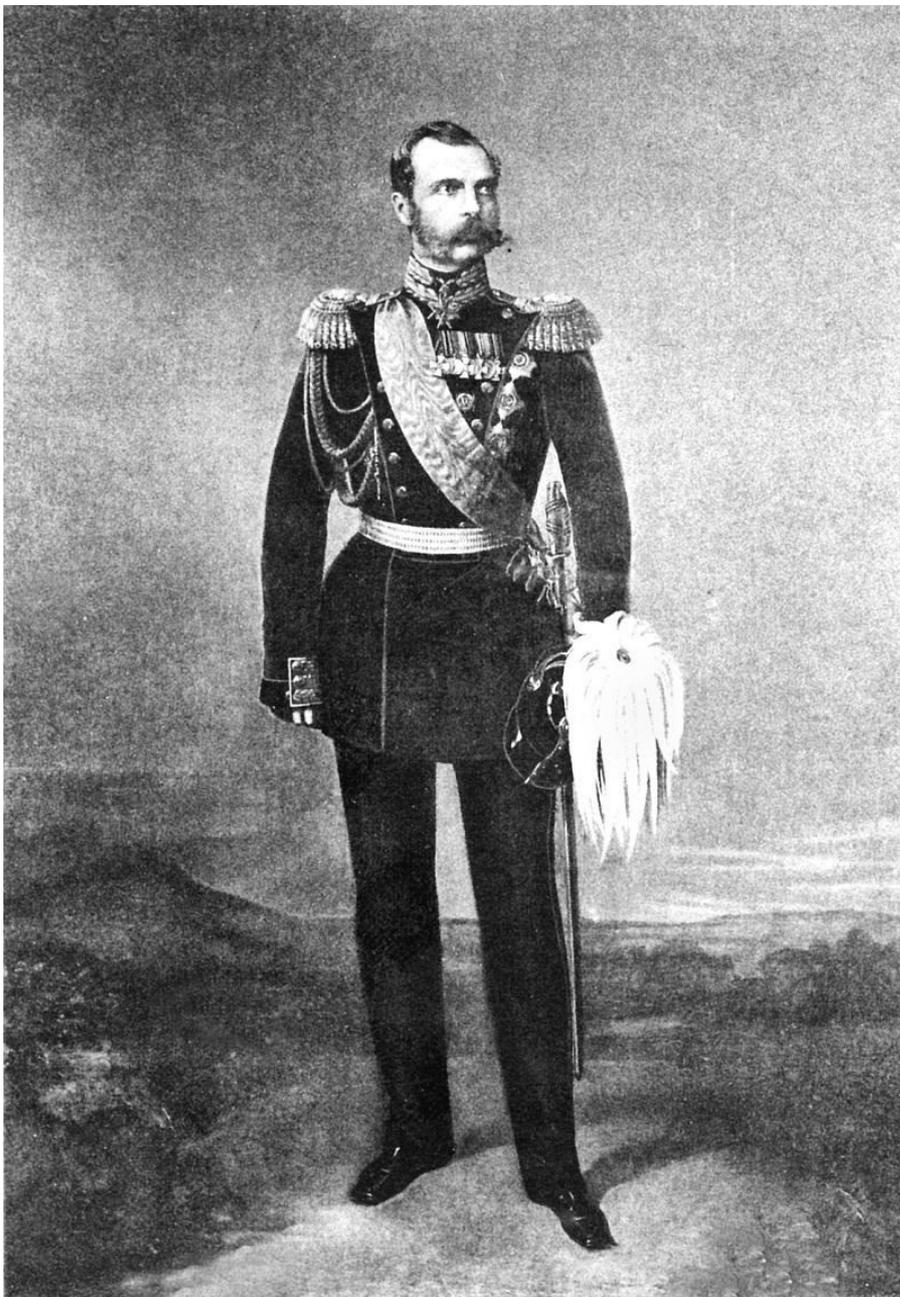
Николай Павлович Гессе Фотография сер. XIX в.

16 марта 1859 года министр внутренних дел в своем докладе на Совете министров высказался за необходимость предоставления евреям права постоянного жительства в Киеве на основе исключительных законов, а также временного пребывания всем евреям без исключения. На том же заседании было принято решение об изменении содержания 284 статьи XIV тома Свода закона (о паспортах и беглых): *«Купцам-евреям 1-й гильдии, как и иностранным купцам-евреям, предоставление свободного жительства в Киеве с их семействами и служащими»*. По указу Александра II от 30 декабря 1861 года евреям, имевшим высшее образование, разрешалось жить постоянно в Киеве вместе с семьями и прислугой, которая могла быть с ними одной веры. Читатель, безусловно, понимает, что разговор касается только лиц иудейского вероисповедания. Тех, кто принял православие, то есть стал «выкрестом», все запретительные правила не касались. Но полноправными членами высшего общества они так и не стали, несмотря на свои богатства. Хотя, если разобраться, то было немало случаев их стремительной карьеры. Далее в книге это можно проследить по биографии А. Д. Бланка.

В указе Сената по рассматриваемому вопросу было сказано: *«Его Императорское Величество соизволил одобрить решение Сената о представлении права жительства в Киеве купцам и лицам с высшим образованием из евреев с их семьями и потребным количеством служащих, а также о дозволении временного пребывания в оном всем остальным евреям»*. Александр II утвердил этот указ.

Через четыре года император повелел разрешить жительство в Киеве, как и во всех городах государства, еврейским ремесленникам, ученикам и подмастерьям, а всем членам семьи учащегося в правительственных учебных заведениях предоставлено было право жительства до окончания курса его обучения. К этому можно добавить, что наказание еврея-«преступника», прибывавшего в Киев и не входящего в вышеперечисленные

категории, было незначительным, и за небольшое подношение можно было оставаться жить и дальше безо всяких забот. Таким образом, ряд богатых еврейских семейств – Бродских, Гальпериных и других закрепились в городе и заняли достойное и влиятельное положение коммерсантов и домовладельцев.

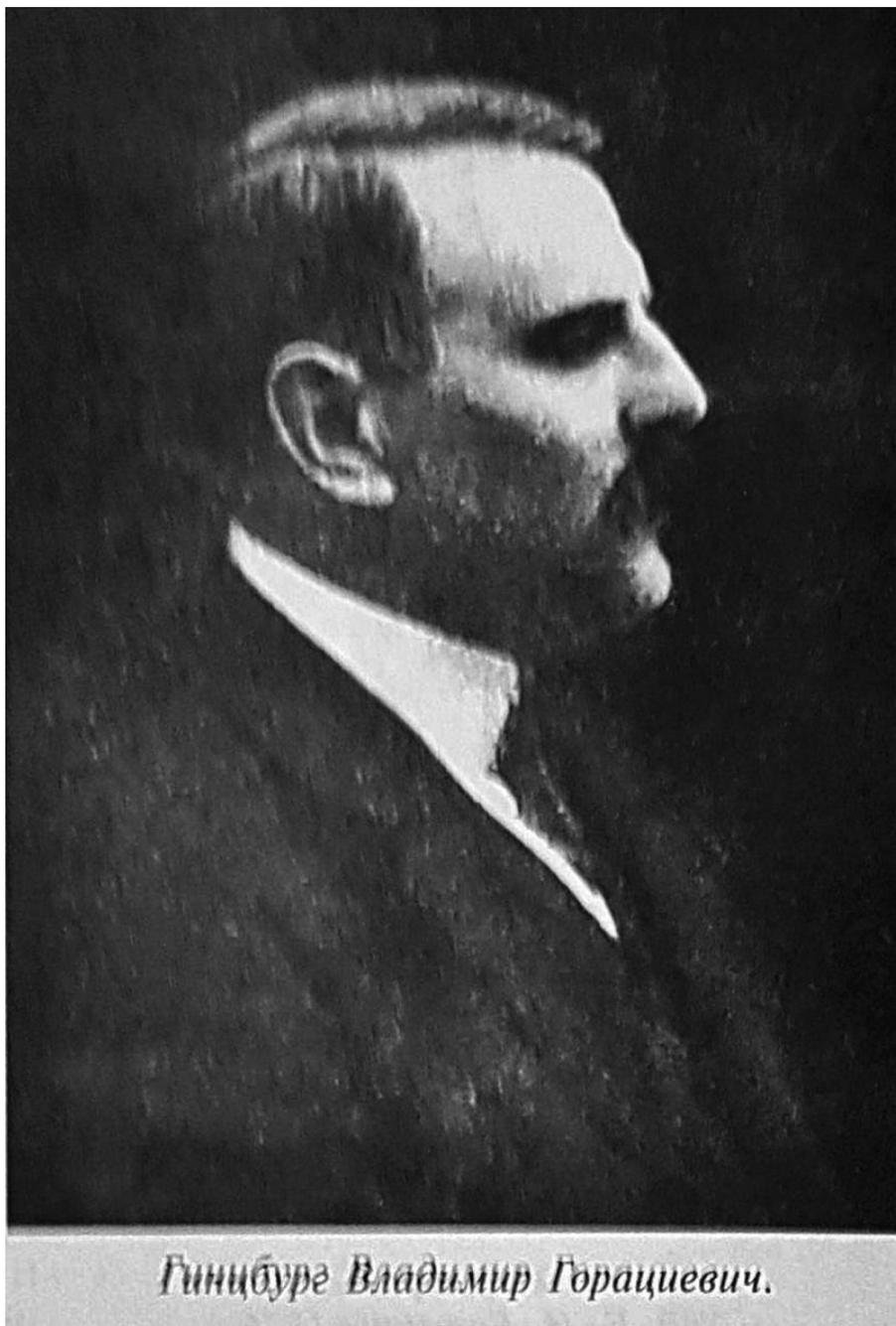

Александр II. Худ. Е. И. Ботман, до 1856 г.

Скажем пару слов о В. Г. Гинцбурге, почетном попечителе Киевской еврейской больницы и 2-го Коммерческого училища, почетном блюстителе Фундуклеевской гимназии, крупном библиофиле и меценате. Владимир Горациевич подарил Киевской публичной библиотеке скульптурный портрет в рост Александра II работы М. М. Антакольского, который, ныне забытый, стоит в углу двора Киевского музея русского искусства.

Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить выпускника Житомирского раввинского училища Г. М. Бараца, родившегося в Дубно. Он – прямой потомок ученого-иудайста и праведника Бен-Рабби-Цадока (аббревиатура «Барац»). Еще студентом университета его зачислили на службу в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, а с 1863 года Барац уже «ученый еврей» (была и такая совершенно фантазмагорическая должность в те времена) при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Десять лет трудился Барац цензором еврейских книг, и лишь уйдя в 1881 года в отставку, обратился к адвокатской практике. Барац был чудаковат и рассеян, в Киеве о нем ходили легенды. Одну из них пересказал хорошо знавший его Шолом-Алейхем: «Он никогда не мог попасть к себе домой, пока не натыкался на дощечку с надписью „Герман Маркович Барац“».

Однажды Барац внимательно посмотрел на дощечку, прочитал указанные на ней часы приема – с трех до пяти. Взглянув на часы и убедившись, что сейчас всего лишь два, Барац решил, что Бараца, должно быть, нет дома. А раз Бараца нет дома, то Барацу здесь делать нечего. И он отправился на часок погулять в саду».

Владимир Горацевич Гинцбург

Литературно-публицистическая деятельность Германа Марковича продолжалась 50 лет, с 1860-х годов. Он постоянно активно и плодотворно выступал с сериями статей, всегда актуальных, злободневных и исторически достоверных. Некоторые из них (о происхождении Руси) я использовал для написания 1-го тома. Особенно важны для нашего периода содержательные «Материалы для истории водворения евреев на жительство в Киеве», напечатанные в нескольких номерах газеты «День», и затем собранные в отдельном оттиске (нач.1870-х). Особенно занимали Бараца памятники древнерусской письменности, над изучением которых он в течение многих лет трудился упорно и настойчиво, а результаты, представляющиеся ему верными и справедливыми, публиковал либо в периодической печати, либо за свои средства выпускал небольшими, но емкими брошюрами. Некоторые находятся в моей библиотеке. Эти работы, дополненные ранее неопубликованными, были выпущены в двух монументальных томах (причем первый из них в двух книгах) в 1924–1927 годах его сыном Л. Г. Барацом, также окончившим юридический факультет Киевского университета. Послужной список Льва Германовича не менее

цветист, но значительно менее экзотичен, чем у его отца: директор Киевского отделения внешней торговли банка, профессор Киевского коммерческого института, присяжный поверенный, в 1914–1917 годах председатель контрольной комиссии Киевского общества по оказанию помощи евреям, пострадавшим от военных действий, автор многочисленных трудов по теории и технике банковского дела, финансам, статистике... В 1922–1925 годах, находясь в Берлине, Барац был избран членом Русского Академического союза, председательствовал в Культурно-просветительской комиссии Союза русских евреев в Германии, преподавал в Русском Научном институте. В память о сыне Марке, погибшем 9 февраля 1926 года, Лев Германович передал библиотеке своего родного Коммерческого института (тогда уже КИНХа) значительную часть не только собственной, но и родовой библиотеки, в основном по экономике, статистике и финансам. Все сведения о Барацах мне сообщил Я. И. Бердичевский.

Кое-что о дедушке «дедушки Ленина»

Украине не выпало «счастье» видеть на своей земле В. И. Ульянова (Ленина). От этого страдали, в первую очередь, советские украинские художники! Им приходилось изображать его в Кракове на Шевченковском вечере, в Шушенском, Париже... Но все биографы Ленина старались не вспоминать его родственные связи по матери. А ведь ряд народов по традициям определяют национальность по матери!

Родословную семьи Бланк начали изучать сестры Ленина – Анна и Мария. Анна Ильинична рассказывала: *«Старшие не могли нам выяснить этого. Фамилия казалась нам французского корня, но никаких данных о таком происхождении не было. У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире – известном еврейском центре. Бабушка – мать матери – родилась в Петербурге и была по происхождению немкой из Риги. Но в то время как с родными по матери у мамы и ее сестер связи поддерживались довольно долго, о родных ее отца, А. Д. Бланка, никто не слышал. Он являлся как бы отрезанным ломтем, что наводило меня также на мысль о его еврейском происхождении. Никаких рассказов деда о его детстве или юношестве у его дочерей не сохранилось в памяти».* О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, Анна Ильинична Ульянова сообщила Иосифу Сталину в 1932 и 1934 годах. *«Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта».* *«Молчать о нем абсолютно!»* – таков был категорический ответ Сталина. Да и вторая сестра Ленина, Мария Ильинична, тоже полагала, что факт этот *«пусть будет известен когда-нибудь через сто лет».*

Мария Александровна Ульянова

Ста лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью проследить родословную семьи Бланк...

Прадед Ленина - Моше Ицкович Бланк - родился, видимо, в 1763 году. Первое упоминание о нем содержится в ревизии 1795 года, где среди мещан города Староконстантинова Волынской губернии под № 394 записан Мойшка Бланк. Откуда появился он в здешних местах - трудно сказать. Впрочем...

Анна Ильинична Ульянова

Некоторое время тому назад известный библиограф Майя Дворкина ввела в научный оборот любопытный факт. Где-то в середине 1920-х годов архивист Юлиан Григорьевич Оксман, занимавшийся по заданию директора Ленинской библиотеки В. И. Невского изучением родословной «вождя мирового пролетариата», обнаружил прошение одной из еврейских общин Минской губернии, относящееся якобы к началу XIX века, об освобождении от подати некоего мальчика, ибо он является *«незаконным сыном крупного минского чиновника»*, а посему, мол, община платить за него не должна. Фамилия мальчика была Бланк.

По словам Оксмана, Невский повез его ко Льву Каменеву, а затем втроем они явились к Николаю Бухарину. Показывая документ, Каменев буркнул: *«Я всегда так думал»*. На что Бухарин ему ответил: *«Что вы думаете – неважно, а вот что будем делать?»* С Оксмана взяли слово, что он никому не скажет о находке. И с тех пор этого документа никто не видел.

Так или иначе, Моше Бланк появился в Староконстантинове, будучи уже взрослым, и в 1793 году женился на местной 29-летней девице Марьям (Марем) Фроимович. Из последующих ревизий следует, что он читал как по-еврейски, так и по-русски, имел собственный дом, занимался торговлей, и плюс к тому, у местечка Рогачево им было арендовано 5 моргов (около 3 га) земли, которые засеивались цикорием. В 1794-м у него родился сын Аба (Абель), а в 1799-м – сын Сруль (Израиль). Вероятно, с самого начала у Моше Ицковича не сложились отношения с местной еврейской общиной. Он был *«человеком, который не хотел или, может быть, не умел находить общий язык со своими соплеменниками»*. Иными словами, община его просто возненавидела. И после того как в 1808 году от пожара, а возможно и поджога, дом Бланка сгорел, семья переехала в Житомир.

Много лет спустя, в сентябре 1846 года, Моше Бланк написал письмо императору Николаю I, из которого видно, что уже «40 лет назад» он «отрекся от евреев», но из-за «чрезмерно набожной жены», скончавшейся в 1834-м, принял христианство и получил имя Дмитрий лишь 1 января 1835 года.

Но поводом для письма стало иное: сохраняя неприязнь к своим соплеменникам, Дмитрий (Моше) Бланк предлагал – в целях ассимиляции евреев – запретить им ношение национальной одежды, а главное, обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию.

Любопытно, что в октябре того года о письме было доложено Николаю I и он полностью согласился с предложениями «крещеного еврея Бланка», в результате чего в 1850-м евреям запретили ношение национальной одежды, а в 1854-м ввели соответствующий текст молитвы. Исследователь Михаил Штейн, собравший и тщательно проанализировавший наиболее полные данные о родословной Бланк, справедливо заметил, что по неприязни к своему народу Моше Ицковича *«можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем – одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В. А. Грингмутом»*. О том, что Бланк решил порвать с еврейской общиной задолго до своего крещения свидетельствовало и другое. Оба его сына, Абель и Израиль, как и отец, тоже умели читать по-русски, и когда в 1816 году в Житомире открылось уездное (поветовое) училище, они были зачислены туда и успешно его окончили. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. И все-таки принадлежность к иудейскому вероисповеданию обрекала их на прозябание в границах черты оседлости. И лишь событие, случившееся весной 1820 года, круто изменило судьбы молодых людей...

В апреле в Житомир прибыл в служебную командировку «высокий чин» – правитель дел так называемого Еврейского комитета, сенатор и поэт Д. О. Баранов. Каким-то образом Бланку удалось встретиться с ним, и он попросил сенатора оказать содействие его сыновьям при поступлении в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Баранов евреям отнюдь не симпатизировал, но довольно редкое на то время обращение двух «заблудших душ» в христианство, по его мнению, было делом благим, и он согласился. Братья сразу же отправились в столицу и подали прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Михаила. *«Поселясь ныне на жительство в С. – Петербурге, – писали они, – и имея всегдашнее обращение с христианами, греко-российскую религию исповедующими, мы желаем ныне принять оную»*.

Ходатайство удовлетворили, и уже 25 мая 1820 года священник церкви преподобного Сампсония Странноприимца в Санкт-Петербурге Федор Барсов обоих братьев «крещением просветил». Абель стал Дмитрием Дмитриевичем, а Израиль – Александром Дмитриевичем. Младший сын Моше Бланка новое имя получил в честь своего приемника (крестного

отца) графа Александра Ивановича Апраксина, а отчество – в честь восприемника Абеля, сенатора Дмитрия Осиповича Баранова. А 31 июля того же года, по указанию министра просвещения, князя Александра Николаевича Голицына, братьев определили «воспитанниками Медико-хирургической академии», которую они и окончили в 1824-м, удостоившись ученого звания лекарей 2-го отделения и презента в виде карманного набора хирургических инструментов. Дмитрий Бланк остался в столице полицейским врачом, а Александр в августе 1824 года начал службу в городе Поречье Смоленской губернии в должности уездного врача. Правда, уже в октябре 1825-го он вернулся в Петербург и был зачислен, как и его брат, врачом в штат полиции города. В 1828 году его произвели в штаб-лекари. Пора было подумать и о женитьбе... Крестный отец, граф Александр Апраксин, был в то время чиновником особых поручений при Министерстве финансов. Так что Александр Дмитриевич, несмотря на происхождение, вполне мог рассчитывать на приличную партию. Видимо, у другого своего благодетеля – сенатора Дмитрия Баранова, увлекавшегося поэзией и шахматами, которого посещал Александр Пушкин и у которого собирался чуть ли не весь «просвещенный Петербург», младший Бланк и познакомился с братьями Грошопфами и был принят в их доме. Глава этой весьма солидной семьи Иван Федорович (Иоганн Готлиб) Грошопф был из прибалтийских немцев, состоял консультантом Государственной юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел и дослужился до чина губернского секретаря. Его супруга Анна Карловна, в девичестве Эстедт, была шведкой, лютеранкой. Детей в семье было восемь: трое сыновей – Иоганн, служивший в русской армии, Карл, вице-директор в департаменте внешней торговли Министерства финансов, Густав, заведовавший рижской таможенной, и пять дочерей – Александра, Анна, Екатерина (в замужестве фон Эссен), Каролина (в замужестве Биурберг) и младшая Амалия. Познакомившись с этой семьей, штаб-лекарь сделал предложение Анне Ивановне.

Дела у Александра Дмитриевича поначалу складывались неплохо. Как полицейский врач он получал 1 тыс. рублей в год. За «расторопность и усердие» не раз удостоивался благодарностей. Но в июне 1831-го, во время холерных беспорядков в столице, взбунтовавшейся толпой был зверски убит его брат Дмитрий, дежуривший в центральной холерной больнице. Эта смерть настолько потрясла Александра Бланка, что он уволился из полиции и более года не работал. Лишь в апреле 1833-го он вновь поступил на службу – ординатором в городскую больницу святой Марии Магдалины для бедных из заречных районов Петербурга. Между прочим, именно здесь у него в 1838 году лечился Тарас Шевченко. Одновременно (с мая 1833-го по апрель 1837 года) Бланк работал в Морском ведомстве. В 1837-м, после сдачи экзаменов, он был признан инспектором врачебной управы, в 1838-м – медико-хирургом. А в 1877-м ему присвоили чин действительного статского советника, равный по табели о рангах генеральскому званию и дававший право на потомственное дворянство. Расширилась и частная практика Александра Дмитриевича. Среди пациентов были представители высшей знати. Это позволило ему переехать в приличную квартиру во флигеле одного из роскошных особняков на Английской набережной, который принадлежал лейб-медику императора и президенту Медико-хирургической академии баронету Якову Васильевичу Виллие. Тут в 1835 году и родилась Мария Бланк. Крестным отцом Машеньки стал их сосед – в прошлом адъютант великого князя Михаила Павловича, а с 1833 года – шталмейстер Императорского двора Иван Дмитриевич Чертков.

В 1840-м Анна Ивановна тяжело заболела, умерла и была похоронена в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище. Тогда заботу о детях целиком взяла на себя ее сестра Екатерина фон Эссен, овдовевшая в том же году. Александр Дмитриевич, видимо, и прежде симпатизировал ей. Может поэтому родившуюся в 1833 году дочь он назвал Екатериной. После смерти Анны Ивановны они сближаются еще больше, и в апреле 1841 года Бланк решает вступить с Екатериной Ивановной в законный брак. Однако подобные браки – с крестной матерью дочерей и родной сестрой покойной супруги – закон не разрешал. И Екатерина фон Эссен становится его гражданской женой. В том же апреле они все покидают столицу и переезжают в Пермь, где Александр Дмитриевич получил должность инспектора Пермской врачебной управы и врача Пермской гимназии. Благодаря последнему обстоятельству Бланк познакомился с учителем латыни Иваном Дмитриевичем Веретенниковым, ставшим в 1850 году мужем его старшей дочери Анны и преподавателем математики Андреем Александровичем Залежским, взявшим в жены другую дочь – Екатерину.

В историю российской медицины Александр Бланк вошел как один из пионеров бальнеологии – лечения минеральными водами. Выйдя на пенсию в конце 1847 года с должности доктора Златоустовской оружейной фабрики, он уехал в Казанскую губернию. Там в 1848-м в Лаишевском уезде было куплено имение Кокушкино с 462 десятинами (503,6 га) земли, водяной мельницей и 39 крепостными крестьянами. 4 августа 1859 года

Сенат утвердил Александра Дмитриевича Бланка и его детей в потомственном дворянстве, и они были занесены в книгу Казанского дворянского депутатского собрания. Вот так Мария Александровна Бланк оказалась в Казани, а затем в Пензе, где и познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым... Их свадьбу 25 августа 1863 года, как до этого и свадьбы других сестер Бланк, сыграли в Кокушкине. 22 сентября молодожены уехали в Нижний Новгород, где Илья Николаевич получил назначение на должность старшего учителя математики и физики мужской гимназии. 14 августа 1864-го родилась дочь Анна. Спустя полтора года - 31 марта 1866-го - сын Александр... Но вскоре - горестная утрата: появившаяся на свет в 1868-м дочь Ольга, не прожив и года, заболела и 18 июля в том же Кокушкине умерла...

Илья Николаевич Ульянов. Фотография после 1882 г.

6 сентября 1869 года Илья Николаевич был назначен инспектором народных училищ

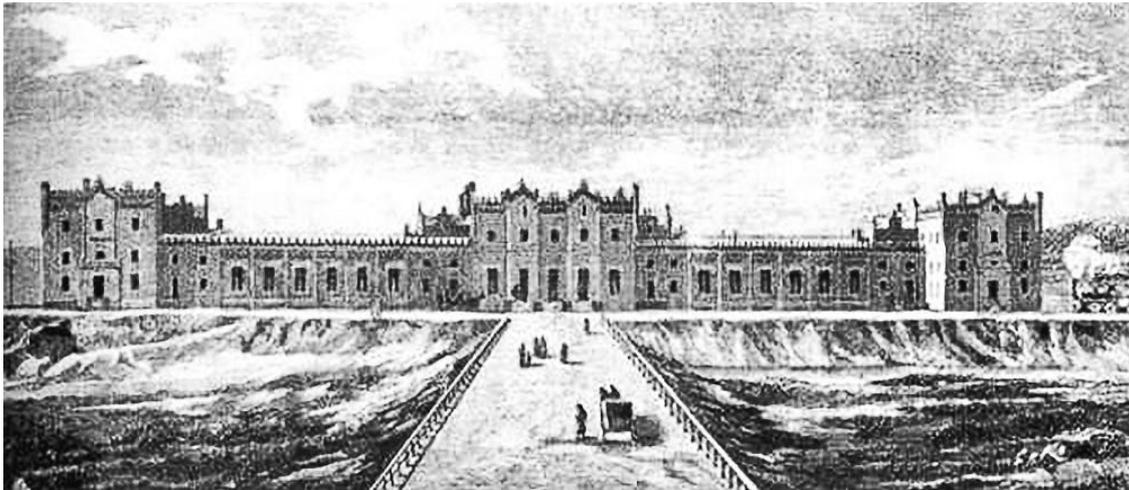
Симбирской губернии. Семья переезжает в Симбирск (ныне Ульяновск), который в то время был тихим провинциальным городком, насчитывавшим чуть более 40 тыс. жителей, из которых 57,5 % значились мещанами, 17 % - военными, 11 % - крестьянами, 8,8 % - дворянами, 3,2 % - купцами и почетными гражданами, а 1,8 % - людьми духовного звания, лицами прочих сословий и иностранцами. Соответственно, город делился на три части: дворянскую, торговую и мещанскую. В дворянской были керосиновые фонари и дощатые тротуары, а в мещанской держали по дворам всякую скотину, и живность эта, вопреки запретам, разгуливала по улицам. Здесь у Ульяновых 10 (22) апреля 1870 года родился сын Владимир. 16 апреля священник Василий Умов и дьячок Владимир Знаменский крестили новорожденного. Крестным стал управляющий удельной конторой в Симбирске действительный статский советник Арсений Федорович Белокрысенко, а крестной - мать сослуживца Ильи Николаевича, коллежская ассессорша Наталия Ивановна Ауновская.

Граф Бобринский и железная дорога

Бобринский А. А. родился в Санкт-Петербурге 19 января 1800 года. Родителями его отца Алексея Григорьевича считаются Григорий Григорьевич Орлов и Екатерина II. Фамилия получена от подаренного царственной матерью для обеспечения сына села Бобрки в Тульской губернии. Мать Алексея Алексеевича - Анна Владимировна, урожденная баронесса Унгерн-Штернберг. После обязательной военной службы, продлившейся более 10 лет, он вышел в отставку ротмистром. После нескольких лет забот сельского хозяина в деревне он возвращается в Петербург, чтобы служить в министерстве финансов. Ум, деятельность и знания графа обратили на него внимание министра графа Канкрин, который поручил ему выполнение многих финансовых вопросов. В 1821 году он женился на фрейлине императрицы Софии Александровне Самойловой. От нее по наследству получил обширное Смелянское имение в Черкасском уезде. Организовав и построив там один рафинадный и шесть сахарных заводов, Бобринский постоянно их совершенствует. Около 70 предприятий, построенных в Киевской губернии по примеру Алексея Алексеевича, создали для исправления своих машин и аппаратов образцовые механические мастерские в Смеле, Городище, Шполе и других местах. На всех своих предприятиях Бобринский использовал только национальные кадры - воспитанников Петербургского технологического института. Туда он направлял на учебу наиболее способных крестьян, взяв с них слово вернуться на его заводы. Прошу заметить, что он отправляет их как свободных людей и, уважая их, уверен в их порядочности, берет с них слово.

Привлекали внимание графа и другие отрасли сельского хозяйства. В своих имениях он один из первых ввел самоуправление крестьян. Когда Бобринский почил 4 октября 1868 года в Смеле, то 2000 крестьян провожали его в последний путь, и, вместо лошадей, по очереди везли карету с гробом до железнодорожной станции, носящую имя графа - Бобринская. Памятник графу А. А. Бобринскому, созданный И. Н. Шретером, был открыт 6 февраля 1872 года. А так как он был учредителем, компаньоном и директором первой в России Царскосельской железной дороги, то его изобразили опирающимся правой ногой на рельс и поставили возле вокзала.

Экономика города развивалась быстрыми темпами, благодаря А. А. Бобринскому открылось железнодорожное сообщение. Еще Николай I в 1830-х годах ответил Новороссийскому губернатору М. С. Воронцову: *«Полагаю, что устройство железной дороги будет и лучше и полезнее всего: надо определить, откуда ее начать»*. Приведенную резолюцию императора принято считать первым предложением проведения железной дороги в нашей стране, и это значительно раньше признания в Западной Европе полезности стальных магистралей. Интересно, что при обсуждении между императором и губернатором, какие дороги лучше шоссе или железные, высказал свое мнение министр финансов граф Канкрин: *«Железные дороги усиливают склонность к ненужному передвижению с места на место и без того свойственную нашему веку, выманивая при этом излишние со стороны публики издержки»*.

Вокзал Киево-балтийской железной дороги. Худ. А. Нисченков, 1870 г.

Честь строительства железной дороги по Украине, в частности в Киеве, выпадает на Александра II, который 21 мая 1866 года утвердил сооружение Киево-Балтской железной дороги. Его представили «Товариществу Де-Вриер и К0» простым подрядным способом. Это нововведение было столь необходимо заводчикам и промышленникам Юго-Западного края, что они ходатайствовали об ускорении строительства. Все увенчалось успехом, и вскоре началось движение поездов из Киева.

Памятник А. А. Бобринскому на Бибиловском бульваре. Открытка 1910-х гг.

Героический кавказец в Киеве

Сейчас некоторые утверждают, что в империях, царской или советской, хорошо относились к малым народностям. А если разобраться, то по-настоящему их не замечали, как идущий по траве человек не обращает внимания на букашек. Всегда государственные чины считали, что легче управлять однородным населением. Поэтому при некоторых царях и генералиссимусах время от времени происходили переселения, ассимиляция и такая «чисто житейская вещь», как обрусение. Для примера возьмем данные о судьбах малых народностей Кавказа.

Сражением, произошедшим у Красной Поляны 21 мая 1864 года и победой царизма закончилась многолетняя русско-кавказская война. После чего началось полноценное осуществление плана Ермолова и Лазарева, главным принципом которых был девиз: «Нет людей – нет проблем». Они стирали села с лица земли и безжалостно вырезали население. Взгляните на количество этнических групп в районе Сочи до и после геноцида:

Шапсуги – было 300 000, осталось 4 983;

Абдзахы – было 260 000, осталось 14 660;

Натухаевцы – было 240 000, осталось 147;

Бжедуги – было 60 000, осталось 15 263;

Темиргоевцы – было 80 000, осталось 3 140;

Жанеевцы – было 1 200, осталось 0;

Махашевцы – было 8 000, осталось 1 204;

Гатукаевцы – было 20 000, осталось 606;

Садзы – было 63 000, осталось 0;

Убыхи – было 15 000, осталось 0.

Таким образом, распространенный имперский девиз зазвучал по-другому: «Уничтожай и властвуй!»

О пребывании борца за свободу народов Кавказа Шамиля в нашем городе известно так мало, что позволю себе остановиться на этом более подробно. В начале декабря 1868 году Шамиль с семейством прибыл в Киев. С ним был сын Гази-Магомед, со своей второй женой Хабибат, на которой женился еще в Калуге.

Попечительство над Шамилем было поручено военному коменданту города генерал-лейтенанту Новицкому. Милютин направил ему секретную инструкцию «О порядке надзора за Шамилем», которую утвердил Александр II. Первый пункт ее гласил: «*Правительство,веряя киевскому коменданту надзор за Шамилем, возлагает на него также обязанность ограждать его от всего, что может отягощать его положение, и в уважительных просьбах быть за него ходатаем*». За имамом сохранялся «*присмотр постоянный, но для него не стеснительный*», повышенное содержание (15 тыс. руб. в год), а также предусматривались дополнительные деньги на другие нужды. Казалось, деньги немалые, но семья была еще больше – дети, невестки, жены, внуки. Поэтому жили скромно, без роскоши, снимали усадьбу офицерши Масаловой. А инструкция имела больше совещательный характер, чем запретный, скорее, руководство по тактичному обращению с новым гражданином Российской империи. Шамилю отвели часть дома на Крепостном переулке. Незамедлительно после приезда жилище уважаемого горца обступила киевская публика, охочая до зрелищ. Самые пронирливые напрашивались на прием, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Украинские патриоты после своих визитов оставляли, как бы невзначай, рукописные списки поэмы Т. Шевченко «Кавказ». Ссылные мусульмане приходили к имаму совершить свой пятничный намаз. Шамиль прогуливался по городу в национальной одежде, всегда в сопровождении сына. Власть высказали пожелание, чтобы деликатно подвели имама к перемене веры. Поэтому ему рассказывали о христианстве, водили по храмам. С ним посетили Софийский собор, спускались в Лаврские пещеры. Для него это было чуждо и не вызвало ни малейшего интереса, все мысли были заняты желаемым паломничеством в Мекку и Медину. А Днепровские кручи ему нравились. Каждый день он выходил на отроги гор и с юношеской легкостью прирожденного горца спускался стремительно вниз, к самой реке. Там долго стоял и смотрел на лед, ожидая скорейшего ледохода. Столь желаемое дальнейшее путешествие было возможно только из Одессы, а до нее можно было добраться исключительно водным путем. А тут лед!

Он из Киева писал кавказскому наместнику Михаилу Николаевичу, там были такие строки: «*В настоящее время являюсь слабым и дряхлым, боюсь, чтобы без исполнения святого моего долга не пришлось мне расстаться с земной жизнью и поэтому обращаюсь к Вашему Императорскому Высочеству с самой искренней просьбой, испросить у Государа Императора разрешения отправиться мне с семейством в Мекку и вместе с тем пристроить моих взрослых дочерей, оставив в России дорогих сынов моих Гази-Магомеда и Магомед-Шапи. По исполнению святой моей обязанности, если Бог продлит мои дни, я долгом сочту возвратиться в Россию*».

Узнав об этом, Александр II разрешил выезд Шамиля, но пришлось пару месяцев потратить на оформление дипломатических формальностей и получение заграничного паспорта сроком на один год. Разрешение отправиться в паломничество получили все родственники Шамиля, кроме старших сыновей. Магомед-Шапи не отпустили со службы, а Гази-Магомед проводил отца до посадки на пароход из Одессы. Из Киева отплыли 12 мая 1869 года, и вскоре достигли порогов. Там несколько километров по суше, потом снова по воде до Одесского порта. Шамиль не задерживался в приморском городе и 18 мая имам провожал глазами уменьшающую фигуру сына на причале. Гази-Магомед вернулся в Киев к своей молодой жене и маленькой дочурке.

Имам Шамиль с сыновьями. Фото XIX в.

После годового путешествия по исламским странам Востока, где его встречали с триумфом, Шамиль обосновался в Медине. Там он определил младшего сына в медресе, а дочь выдал замуж. Но не принесла Аравия счастье семейству Шамиля - начали одна за другой умирать дочери, и имам сам тяжело заболел. Летом 1870 года он написал в Киев письмо своим сыновьям с просьбой приехать повидать его перед смертью. Братья обратились к Александру II с просьбой позволить навестить отца, но, учитывая, что Магомед-Шапи находился на военной службе, император разрешил выехать в Аравию, которая находилась в составе постоянно воюющей с Россией Османской империи, только киевлянину. Дипломатические и бюрократические проволочки привели к тому, что Гази-Магомед потерял драгоценное время и смог отправиться в путь лишь через полгода, оставив в Киеве жену и дочь. Те страны, через которые он проезжал, спеша к отцу, находились во враждебных отношениях с Россией. Они стремились вовлечь наследника имама в сферу своих интересов, но Гази-Магомед вел себя крайне сдержанно, и мечтал только увидеть отца живым. Но не судилось. 4 февраля 1871 года героя Кавказа не стало. Шамиля похоронили на кладбище аль-Бакия неподалеку от могилы дочери Пророка Фатимы, за мавзолеем Аббасидов. Гази-Магомед совершил все необходимые обряды над могилами отца и сестер. Отпуск подходил к концу, вдовы

отца просили его остаться, но нравственная обязанность сдержать слово заставила его вернуться в Киев. Там его уже ждал Магомед-Шапи. Снова братья обратились к императору с просьбой разрешить уехать навсегда – для поддержки осиротевшего семейства Шамиля. Александр II разрешил Гази-Магомеду дать бессрочный отпуск «для опеки над вдовами Шамиля и малолетним сыном». Ему выдали пенсию имама, и он получил на дорожные расходы 7 тыс. руб. В конце ноября 1871 года киевский наиб отправился в Мекку. Дальнейшее не касается моего города, поэтому сообщу, что умер он в 1902 году и похоронен рядом с отцом, а его младший брат Магомед-Камиль дослужился до турецкого маршала и в 1951 году скончался.

Семейство имама Шамиля. Литография, В. Т. Тимм, 1860 г.

Издатель газеты «Кіевлянинъ» Виталий Шульгин

Один из основных источников об истории нашего – города газета «Кіевлянинъ». Ее создатель, первый редактор-издатель, профессор Виталий Яковлевич Шульгин родился в Калуге, 15 апреля 1822 года. Родители его принадлежали к среднему чиновничьему классу, социальное положение которых заставляло постоянно менять место жительства, перебрасывая их из Калужской в Черниговскую губернию. Именно там, в Нежине, произошел несчастный случай. По неосторожности няньки мальчик получил искривление позвоночника, сделавшего его горбатым. Подобный физический недостаток часто служит толчком к развитию душевных качеств и умственного развития, при этом лишая индивидуума многих физических наслаждений. Виталий Шульгин сумел приобрести, развить и сохранить в себе ценное и полезное до такой степени, что окружающие при общении с ним забывали о внешнем недостатке телосложения. Все находили невыразимую привлекательность в его лице, особенно в проницательных, искрившихся живым умом глазах, необыкновенно доброжелательной улыбке и словах, по необходимости переходивших от выражения мягкого, безобидного юмора в жесткий, едкий сарказм. Когда его отца перевели в Киев, Виталий стал посещать 1-ю гимназию. Уже тогда сложилось индивидуальное пристрастие, – выпускать с товарищами рукописный журнал. В гимназиях умели поощрять и поддерживать литературные наклонности воспитанников. По воспоминаниям, журнал *«был характера серьезного, содержания преимущественно историко-литературного и имел немало влияния на воспитанников, так и на возбуждение в них любви к умственным занятиям»*. В 1838 году Шульгин был уже в университете Св. Владимира. О Шульгине вспоминали: *«Это был истинный студент-отшельник, не знавший ничего кроме аудиторий и лекций. Усидчивость, страсть к занятиям, серьезность, отсутствие всякой игривости, резко отличали его»*. В то время требования к студентам ограничивались лишь внешней, формальной стороной, обязывали их носить форму, аккуратно посещать лекции и не пропускать церковные службы в воскресные и праздничные дни. В личную жизнь студента не вмешивались, предоставляя возможность развлекаться, спорить до утра в товарищеских кружках, писать стихи, делать всё, что угодно, но упаси Боже, без политики. Соблюдая все эти условия, можно было, не утруждая тонкостями науки благородные головы, пройти благополучно все курсы и получить аттестат. Но получить знания было затруднительно из-за отсутствия учебников и пособий. Тем более что в факультетские курсы для студентов было введено много побочных дисциплин, и они считались обязательными. Шульгин по слабости здоровья был освобожден только от фехтования и танцев. Особенно у него проявилась склонность к историческим наукам, хотя преподавание их, в первую очередь античности, в университете было довольно вялым. Окончив университетский курс, В. Шульгин начал свою деятельность в качестве преподавателя 2-й гимназии и в Институте благородных девиц. В 1849 году Шульгин представляет в качестве диссертации талантливое исследование «О состоянии женщин в России до Петра Великого».

Виталий Яковлевич Шульгин

Достигнув осуществления своих заветных мечтаний, получив почетный пост профессора, Виталий Яковлевич, со свойственными ему серьезностью и трудолюбием принялся за выполнение новых обязанностей. Один из его слушателей, впоследствии тоже профессор, А. В. Романович-Славатинский, вспоминал: *«В. Я. Шульгин в течение 13 лет, с 1849–1862 г., преподавал всеобщую историю, переходя от древней к новой. С особенной любовью и увлечением он занимался последней; кто помнит его чтения по истории древнего Востока, тот может засвидетельствовать, что он был истинным мастером и истории древней. Он обладал редким талантом лектора – уделом немногих избранных, для которых профессорская деятельность как бы предназначена природой. Шульгин, можно сказать, был таким прирожденным профессором. В своих лекциях по*

всеобщей истории он умел в изящной форме, в отчеканенной, рельефной фразе, художественно воссоздавать исторических деятелей и драматизм исторических событий, сокровенный смысл которых он умел разъяснять с точки зрения современной исторической науки, на уровне которой он всегда стоял сам и держал своих слушателей». Лекции и преподавательские обязанности занимали много времени, но не мешали появлению научных трудов: «Историческое обозрение учебных заведений в Юго-Западной России с конца XVIII века до открытия университета в Киеве», «История университета Св. Владимира за первое 25-летие его существования», «Юго-Западный край в последнее 25-летие (1838-1863)». Перечень этих сочинений характеризует нравственный облик и научный потенциал Шульгина. Во всех произведениях профессор обращает внимание не на этническую, внешнюю, военную историю родного края, а на социальные условия его развития. Это хорошо прослеживается в трех курсах древней, средней и всеобщей истории, которые Шульгин выпустил в 1856-1862 годах. Благодаря им его избрали на должность экстраординарного профессора, он занимал самостоятельную кафедру, но не был доктором, чему препятствовало состояние здоровья и семейные обстоятельства. Отдавая полностью учебе, а потом преподавательской работе, молодой человек не покидал своих родителей. К этому времени женился старший брат. Супруга его, а вскоре появившиеся дети образовали большую семью. Но какой-то злой рок обрушился на них. За короткое время профессор потерял всех близких - мать, отца, брата и его жену... Оставшись одиноким, беспомощным, с малолетними, больными племянниками, Шульгин 25 апреля 1863 года покинул университет.

Несмотря на свое физическое увечье, Виталий Яковлевич женился. Благодатная семейная обстановка позволила ему снова вернуться к прерванным лекциям. В Юго-Западном крае особо ощущалась острая необходимость в местном печатном органе. В Киеве, который являлся административным центром, была уже газета «Киевский Телеграф». Она не могла удовлетворить запросы обывателей, так как обладая скромными материальными ресурсами, становилась на сторону той или иной купившей ее политической группировки, стремившейся овладеть умами и возродить свое влияние. В первую очередь польской католической, потерпевших поражение в восстании 1863 года. В то время под понятием «русский» понималась не национальность, а вероисповедание. Под это определение попадали православные - украинцы, россияне, белорусы. Теперь понятно выражение, с которым обратился Шульгин в объявлении об издании газеты «Киевлянинъ» в июне 1864 года: *«Этот край русский, русский, русский!»*

В то время католический процент населения Юго-Западного края был довольно высок, и царская администрация ожидала нового бунта. Поляки, справедливо считавшие воссоздание независимой Отчины святой обязанностью, отличались сплоченностью и самопожертвованием, а всё Левобережье они считали своим краем. Поэтому первоочередной задачей новой газеты было прояснить истинное положение Юго-Западного края в прошлом и настоящем; дать идеологическую опору вытекающим из этого местным потребностям. Первое время газета, прежде всего, старалась исследовать и осветить недавнее прошлое, учесть достижения и ошибки прежней политики по отношению к Юго-Западному краю. «Киевлянину» и Шульгину принадлежит несомненная заслуга неуклонного отстаивания интересов украинского населения. «Городовое положение», примененное к Киеву, создало почву для обсуждения вопросов и дел городского хозяйства. «Киевлянинъ» всегда был на стороне интеллигентной части Киевской думы, выступая против спекуляции и чрезмерной эксплуатации здоровых производительных сил. Газета первая предложила мелкий сельский кредит, притом не только краткосрочный, который, в конце концов, привел к созданию среднего класса, уничтоженного действиями большевиков.

Виталий Яковлевич принимал участие во всех сферах общественной деятельности - он среди гласных Городской думы, член совета городского взаимного кредита, член совета коллегии Павла Галагана, участник местных благотворительных обществ. Но всегда уклонялся от мест и должностей, где не мог активно участвовать или получать за это жалование. Вот эта активная общественная позиция перешла и к его сыну Василию Витальевичу, который родился 13 января 1878 года и стал легендарной личностью XX столетия. О нем я тоже скажу, но позже. Основатель «Киевлянина» Виталий Яковлевич умер на своем посту, успев выпустить последний в 1878 году номер, но не успев просмотреть, по обыкновению, корректурный оттиск.

Случай в Анатомическом театре

Хочу рассказать вам один интересный случай, действительно случившийся в Киевском анатомическом театре. Сначала пару слов о месте действия. В середине XIX века в Киеве был построен анатомический театр для медицинского факультета Киевского университета. Он строился по проекту архитектора А. В. Беретти в стиле русского классицизма, примечателен своей архитектурой, сводчатыми подвалами. Анатомический театр считался одним из лучших в России, а вскоре прославился и в Европе своими уникальными коллекциями, собранными профессорами А. П. Вальтером («Развитие различных зародышей и собрание черепов») и В. А. Бецем («Анатомические и гистологические препараты мозга»). Рассказывать об открытии В. А. Бецема, похороненного в Выдубицком монастыре, касающемся «гигантских клеток колоссальных пирамид в коре головного мозга» я не буду, т. к. это несколько отвлечет нас от сути самого рассказа.

А теперь обращаюсь к газете «Киевлянин» № 146 за 1876 год. А рассказывается там о следующем происшествии. *«Выдал как-то один отставной солдат, служащий в театре анатомии, свою дочь замуж. Но где сыграть свадьбу? Неужели в анатомическом театре, этой обители смерти? Больше нигде: по обычаю следует в доме невесты, да у жениха, кажется, и дома не было. После венчания привезли молодых в маленькую комнатку при анатомическом театре, где молодая жила с отцом. Собрались знакомые. Незаметно и полночь подкралась. Вдруг разгулявшимся гостям захотелось танцевать. Мигом пригласили из соседнего кабака двух скрипачей и трубоча. Только где плясать? Комнатка так мала, что повернуться в ней трудно.*

– Сюда, сюда, пожалуйста! – недолго думая, кричит отец молодых и ведет всех в залу.

Зажгли несколько висевших над столами ламп, темная зала вспыхнула желтоватым светом, заигравшим тысячью радужных переливов на оконных стеклах, покрытых морозными узорами холодной ночи. Взвизгнули скрипки, грянула свою замогильную, глухую ноту труба отставного солдата-музыканта – и свадебный бал помчался бесшабашным вихрем. Стучат каблучки танцующих трепака гостей, а длинные темные тени их прыгают по стенам и морозным стеклам больших окон залы. Ликует анатомия!

Вот долетают звуки веселого пиршества и до сонных ушей соседних театру обитателей. Что это? Где музыка? Выглянули в окошечко или вышли на улицу: кругом черная мгла. Глядь! Хорошо известные всем окна залы, где студенты людей режут, горят светом и оттуда доносится... визг, писк, шум и гам – в полном смысле сатанинская музыка. Ночь же вокруг еще гуще и чернее. Странно! Онемели от ужаса обитатели. На улице составила толпа.

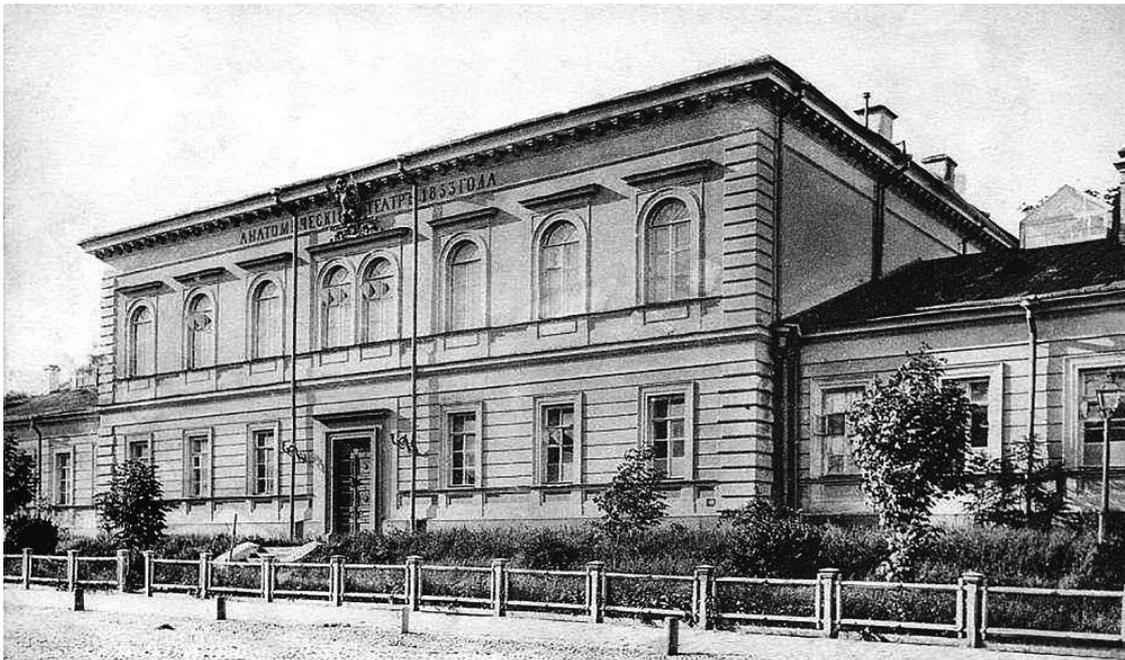
– Мертвецы повставали и пляшут! – слышится в толпе.

– Нет, черти! – возражает другой голос.

– Вон и хвост виден! – добавляет третий.

И все в испуге жмутся друг к другу. К счастью, проезжал мимо театра один из преподавателей. Толпа и музыка привлекли его внимание. Он немедленно отправился в театр и, к изумлению танцующих, предстал пред их пьяные очи.

Долго потом подсмеивались студенты-медики над отцом злополучной невесты и над проживающими у него молодыми, брачное пиршество которых так комически разрушилось в блаженную минуту веселья».

Анатомический театр Киевского университета. Фотография 1906 г.

Анатомический театр спокойно существовал до 1918 года. Когда Россию захлестнула гражданская война и Киев

занимали то красные, то белые, то петлюровцы, то немцы, то белополяки, это помещение тогда использовали как морг. И в романе «Белая гвардия» Булгаков, рассказывая о поисках Николкой и Ириной Най убитого героя Най-Турса, пишет именно об этом анатомическом театре.

В 1928 году здание реконструировали, а в его помещениях разместили библиотеку Медицинского института. Теперь здесь расположен национальный музей истории медицины - ул. Богдана Хмельницкого, 37. И я предлагаю вам пройти по залам этого музея и даже заглянуть в сводчатые подвалы и ледник и не сомневаюсь, что эта экскурсия не оставит вас равнодушными.

Польское восстание 1863 года: «За вашу и нашу свободу!» или «Киев – русский, русский, русский!»

Эти два актуальных и до сегодняшнего дня определения, при всей их на первый взгляд созвучности, имеют четкий антагонизм, которому уже более 150 лет. Как это получилось, попробуем разобраться. Пять лет назад в некоторых газетах промелькнуло сообщение, что парламент Литвы объявил 2013 год «антирусским». Это недостоверная информация. Но прошедшее более 150 лет тому восстание, важнейшее для Литвы, Белоруссии, а особенно для Польши, малоизвестно в Украине и сегодня. Хотя первый в мире музей, посвященный этому событию, появился именно в Киеве!

Когда изучаешь жизнь поляков в моей стране, то убеждаешься во множественных замалчиваниях российских дореволюционных, советских, и даже украинских историков. К сожалению, кроме традиционного, столетиями выработанного отношения к истории края, существовала традиция предвзятого рассмотрения данного вопроса, в зависимости от национальности или социального положения исследователя, не говоря уже о его политических привязанностях.

С начала формирования национальностей поляки стали одним из основных народов, проживающих в Украине. Занимая по численности второе место после украинцев! На протяжении XV-XVII веков воинственная польская шляхта принимала активное участие в колонизации украинского пограничья и преуспела в этом. Она количественно возросла за счет уроженцев Украины, Белоруссии и Литвы. В сформированном «шляхетском братстве» не имели значения этнические корни и религиозные пристрастия. Главное у них было – защита Отечества! Подобное происходило три года тому назад на Юго-Востоке Украины при формировании добровольческих батальонов.

Когда в результате войны украинского народа 1648–1854 годов поляков потеснили с Левобережья, им удалось сохранить свой контроль над Правобережной Украиной. Этот регион они рассматривали как неотъемлемую часть Польши, несмотря на присоединение его к Российской империи в 1795 году. Но наивно утверждать, что Юго-Западный край полностью подчинился Петербургу. В городах, в том числе и в Киеве, звучала польская речь, в местечках – еврейская, а по всей остальной, преобладающей территории – от села до хутора – украинская. Единственным местом, где эти языки слышались одновременно, были ярмарки. Русский язык можно было услышать, да и то редко, в губернских присутствиях. Лишь по указу Николая I было строжайше запрещено применение в делопроизводстве польского языка.

Если у Александра I были польские друзья, такие как князь Чарторийский, оказывающие на него сильное влияние, то его родной брат Николай I их терпеть не мог. А после Польского восстания 1830 г. он их возненавидел. Когда его сын Александр влюбился в юную польку, император просто впал в бешенство. Российские властные структуры всеми способами старались унижить весь польский народ. И если крестьяне были и так бесправными, а магнаты разъехались по разным странам Европы и стали недосягаемыми, то все ограничения и притеснения полностью обрушились на шляхту, всегда гордившуюся своим прошлым, предками и Отчиной. К тому же – а это вызывало особую ненависть самодержавия – они были католиками, то есть подчинялись Риму, а не Петербургу. В унисон с императором, сановниками, чиновниками, все свот презрение и негодование свалили на поляков работники культуры. На популярный вопрос В. Ленина «С кем вы, мастера культуры?!» ответ и тогда напрашивался: «С властью!» Отличился Н. Полевой, у которого в переводе Шекспира принц датский Гамлет возвращался из похода против... поляков! В оригинале были славяне. Вершиной мировоззренческой ксенофобии стала опера «Жизнь за царя», известная широкой публике как «Иван Сусанин». Абсолютно выдуманный персонаж заводит в лес не людей, а каких-то разбойников. Сказка легко объясняется как «заказная биль», когда смотришь на дату написания – 1834 год, то есть сразу после восстания.

Сусанин и польский отряд. Гравюра сер. XIX в.

Господствующего влияния поляки на Украине добились не только из-за своей многочисленности. Евреев было не меньше, значительно преобладало сельское коренное украинское население. В середине XIX века поляков было всего полмиллиона, а в процентном отношении их на территории империи уменьшилось с 10 % в 1795-м до 6,4 % в 1909 году. Влиятельное положение в Юго-Западном крае (Киевская, Волынская, Подольская губернии) было обусловлено богатством и господством их элиты. В 1850 году около 5 тыс. польских землевладельцев владели 90 % земель и 1,2 млн крепостных этого региона. Правобережье, где сосредотачивалось 60 % всего дворянства Украины, в основном польского, являлось твердыней старых феодальных порядков. Даже ликвидация крепостного права в 1861 году не смогла поколебать положение таких сказочно богатых польских магнатов, как семейства Потоцких, Чарторийских, Браницких, Заславских, каждое из которых владело угодьями в сотни тысяч акров. Обладая громадными капиталами, они после Реформы легко перешли к использованию наемной рабочей силы и применению механизации в сельском хозяйстве. Но для большинства польской, понемногу обрусевшей, малоземельной шляхты переход к товарному земледелию был довольно сложным. Поэтому отмена крепостного права негативно сказалась на их материальном состоянии, к тому же русифицированные официальные чиновники и православное духовенство стали сознательно наускивать освобожденных, но без земли, украинских и белорусских крестьян, а других и не было, против иноверцев.

Самозабвенное стремление поляков иметь свое независимое национальное государство, нежелание подчиняться царской администрации и обострение социальной обстановки создало революционную ситуацию. К тому же многие шляхтичи распродавали свои небольшие маетки и фольварки в надежде получить должность чиновника в городе или управляющего у богатого вельможи. Но мест было мало, поэтому появилась масса малообеспеченных и невостребованных дворян. В этих регионах и в Царстве Польском собралось большое количество независимых молодых людей, жаждавших справедливости и национальной свободы. Прошли массовые патриотические манифестации поляков, в ходе которых образовалось два лагеря: «красные», отстаивавшие интересы простого народа и обедневшей шляхты, и «белые» – руководимые зажиточной буржуазией и землевладельцами. «Красные» выступали за полную независимость Польши, радикальные социальные изменения, за единство польского и общероссийского революционного движения. «Белые» удовлетворялись автономией Польши в границах 1772 года, то есть с землями, входившими в Речь Посполиту до ее раздела. Не отказывались они также от намерений эксплуатировать коренное население.

В июне 1862 года «красные» для подготовки выступления создали Центральный национальный комитет (ЦНК), который по ходу восстания стал называться Народной управой. Определяющую роль в нем играли Я. Домбровский, З. Падлевский и Б. Шварце. Непосредственно поводом стало проведение имперским правительством в октябре 1862 года рекрутского набора в Царстве Польском, что отнимало у организации молодые силы. На призыв ЦНК в ночь 23 января повстанцы напали на российские гарнизоны.

Так началось Январское восстание 1863 года, которое переросло в кровопролитную войну, продолжавшуюся больше года. Объявив народу свою революционную программу, ЦНК обратился к православным украинским и белорусским крестьянам с призывом их поддержать. Отношения между польскими панями и украинскими земледельцами были всегда напряженными. После царского указа об отмене крепостничества прошло немного времени, поэтому руководители восстания 31 марта выступили с обращением «Золотая грамота к сельскому народу», где объявили всех крестьян свободными и уравненными в правах со всеми слоями населения; передали в пожизненную собственность землю, которая ими обрабатывалась; всем участникам восстания пообещали большие наделы земли... Но мало кто из крестьян пошел за восставшими – надолго в памяти отложились те притеснения,

которые пришлось повсеместно испытать от польских помещиков. Да и «Золотая грамота» до них не дошла. Важную роль сыграли и религиозные разногласия.

В первое время восставшие добились частичного успеха и потеснили российские войска. На территории Житомирщины и Киевщины в ночь на 9 мая 1863 года начались активные военные действия под руководством польской нелегальной организации «Провинциальный комитет на Руси», созданной в августе 1862 года, возглавляемой Эдмундом Ружицким.

Ярослав Домбровский. Открытка 1910-х гг.

Родился он в с. Агатовцы, возле Бердичева, в дворянской семье. Став офицером, в 1854 году закончил академию Генштаба, вышел в отставку в чине подполковника. Несколько месяцев был членом созданного «Временного правительства на Руси». Его отряд, выйдя из Житомира, прошел Любар, Полонное... 17 мая произошел большой бой под Мирополем со значительными потерями, поэтому Ружицкий далее в течение 10 дней вел своих повстанцев к южной границе империи. Последнее сражение произошло в районе с. Салихи, откуда с боями отряд ушел на Галичину.

На севере Киевщины повстанцы объединились под руководством «казака Саввы», который стал командиром всех повстанческих отрядов Киевской губернии. Под таким романтическим псевдонимом скрывался наш земляк, инженер-поручик царской армии, 28-летний Владислав Рудницкий. Герой обороны Севастополя, выпускник академии Генерального штаба, служил в Киевской инженерной команде. В течение почти месяца его объединенный отряд имел боевые стычки с царскими подразделениями под Беличами и Бородянкой. 13 мая в бою под Верховольем Рудницкий был пленен, заключен в тюрьму г. Радомышля, но пробыл за решеткой недолго, через месяц бежал из заключения... Через Галичину попал в Париж, где встретился с Ружицким и Домбровским. Последний более известен в Житомире, где он родился в 1836 году Ярославу Домбровскому даже поставили величественный памятник. Нет, не за участие в восстании, где он был руководителем. Этой чести он удостоился за то, что в 1871 году командовал войсками Парижской коммуны.

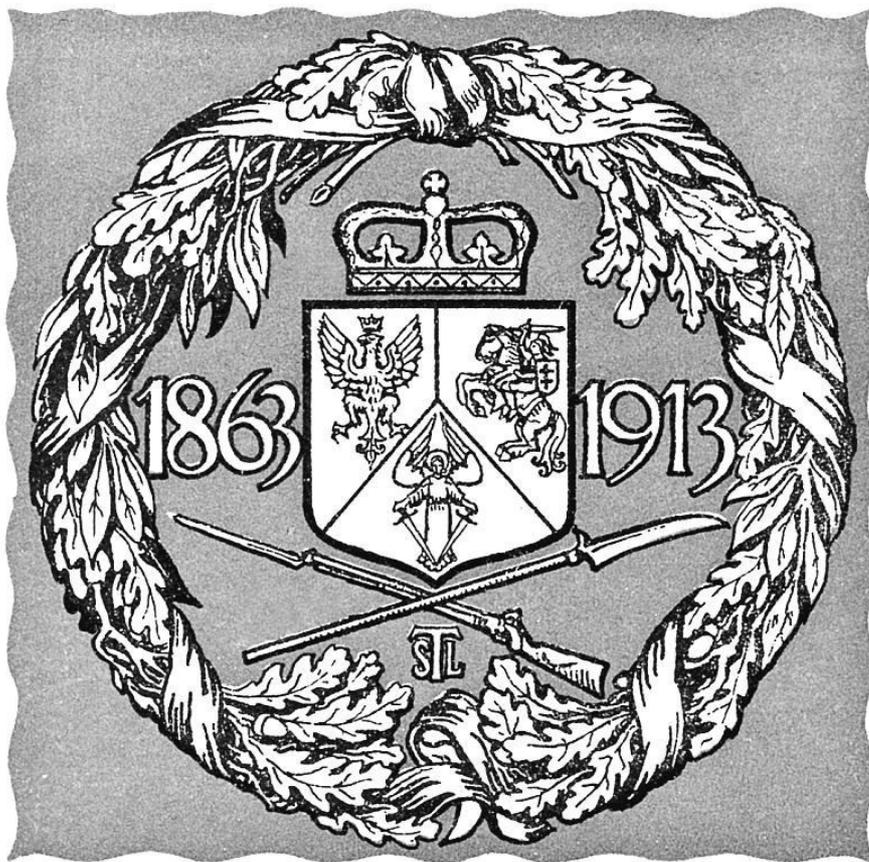
Все забыли о существовании университетского берейтора Ольшанского, организовавшего при своем манеже кавалерийскую школу. Свой отряд, около полусотни студентов Киевского университета, он вывел на борьбу против царизма. Студенты отчаянно сражались с преобладающими регулярными войсками. В районе Бородянки отряд был разбит, Ольшанский пленен и повешен.

Далее восстание развивалось уже вдали от Киева, на территории Царства Польского. Украинские крестьяне не поддержали восставших, но, тем не менее, сотни представителей революционных разночинцев пополнили боевые отряды. Отметим «Комитет российских офицеров в Польше», который возглавил украинец, подпоручик А. А.

Потебня, брат известного филолога. Этот комитет в ноябре 1862 года вошел в российскую террористическую организацию «Земля и воля». Андрей Афанасьевич незадолго до этого совершил покушение на царского наместника в Польше и перешел на нелегальное положение. Потебня ездил за инструкциями в Лондон к А. Герцену и Н. Огареву, которые дали ему рекомендации активно поддерживать выступления поляков. Лозунг, выдвинутый украинцем из Роменщины «За нашу и вашу свободу» стал девизом российских демократов и всех свободолюбивых поляков. К сожалению, таких было немного, восставшие отступали, А. А. Потебня погиб, царское правительство залило непокорный край кровью.

Среди руководства, как всегда, не было должного единства. Власть переходила то к «белым» – диктатура генерала Лянговича, то к «красным» – генерал Трауггутт. Последний диктатор попытался решительными действиями усилить накал восстания, но одного упорства разрозненных отрядов, мужественно сражавшихся с превосходящими силами трех держав – России, Пруссии и Австрии, между которыми была поделена Польша, было недостаточно. В мае 1864 года большинство отрядов прекратили свое существование, остались локальные очаги сопротивления, продержавшиеся еще год. Так как мятежная территория находилась среди стран, разделивших Польшу, участникам некуда было скрыться. Оставшихся в живых отправили на каторгу в Сибирь, а проявивших особую активность в украинских и белорусских губерниях – казнили. В Киеве есть место, про которое мало кто знает. Это бывшая военно-политическая тюрьма «Косой капонир». В этом «Киевском Шлиссельбурге» восстановлена камера 1863 года, когда в ней ожидали казни офицеры-поляки А. Зелинский, В.-Т.Раковский, П. Крижановский, Р. Ольшанский, А. Дружбацкий. Один из них нарисовал распятие на стене, у которого они молились за свою независимую «Ойчизну». В их честь существует памятная доска, где написаны имена патриотов. Десять лет назад к ней прибавили подпись по-польски. Теперь это очень интересный музей «Київська фортеця». Но кого это привлекает?! Население историей не интересуется, а вершиной его культурно-музейного посещения по-прежнему, как и в XVIII веке, остаются «восковые персоны»! Духовность народа растет несоразмерно с благосостоянием! Последствия Польского восстания 1863 года были весьма тяжелыми для всех жаждущих национальной свободы. В начале 1860-х годов среди польской и украинской шляхты выделилась группа интеллигенции, которой стало стыдно за угнетения их семьями простых крестьян. Эту группу во главе с этническими поляками Владимиром Антоновичем, Тадеем Рылским и Павлом Житецким стали называть «хлопоманами», чем они страшно гордились. Они подчеркнуто разговаривали на украинском языке, носили вышитые сорочки и придерживались народных обычаев в быту, пели и издавали украинские песни. Стали создавать воскресные школы, где обучение проводилось на украинском языке.

Не только царская администрация, но даже российская интеллигенция, испугавшись национально-освободительного движения, шарахались от этих непонятных песен и подозрительно относились даже к горячо почитаемому Кобзарю. Чтобы в зародыше задавить украинскую культуру, запреты обрушились на воскресные школы, просветительские «громады», единственный украинский журнал «Основа». Военный министр Д. Милютин предупредил Александра II о намерениях «хлопоманов» создать независимое государство – Украину. Император удивленно поднял на него глаза – он впервые услышал это слово. Но на всякий случай приказал министру внутренних дел П. Валуеву издать в июне 1863 года циркуляр о запрещении издания книг «на малороссийском наречии» кроме этнографического направления.

Памятная открытка, посвященная польскому восстанию 1863 г.

Прошло более 150 лет после этого кровавого восстания, которое никто не вспоминает. А жаль! История – это не альковные тайны царедворцев. Это наука для тех, кто предпочитает думать, анализировать, не позволять повторяться ошибкам и заблуждениям прошлого, перерастающих в трагедию и безысходность сегодня и в будущем. Если вспомнить крылатую фразу В. И. Ленина о том, кого разбудили декабристы и Александр Герцен, то можно сделать вывод, что Польское восстание 1863 года разбудило две мощные, противостоящие друг другу силы в Украине: национальное освободительное движение «За нашу и вашу свободу!» и самодержавные силы, не позволяющие пребывать хозяевами на украинской земле своему народу и неправославным вероисповеданиям, нагло заявившие: «*Киев – русский, русский, русский!*»

Важнейший вопрос для украинской государственности

Обязательно следует остановиться на Эмском указе. Так традиционно называют выводы Особого совещания, подписанные императором Александром II 18 (30) мая 1876 года в германском городе Бад Эмс (нем. Bad Ems). Указ был направлен на ограничение использования и преподавания украинского языка (по официальной терминологии того времени – «малорусского наречия») в Российской империи. Совещание учредил Александр II в 1875 году по предложению начальника III отделения генерал-адъютанта А. Л. Потапова. Последний получил письмо от помощника попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовича, в котором украинских просветителей обвинили в желании создать «вольную Украину в форме республики, с гетманом во главе».

27 августа 1875 года начальник III отделения генерал-адъютант А. Л. Потапов подписал и разослал в МВД, МНП и Синод следующее письмо: *«Государь император ввиду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания учебников и молитвенников на малорусском языке, Высочайше повелеть соизволил учредить под председательством министра внутренних дел Совещание из министра народного просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III-го отделения собственной его императорского величества Канцелярии и председателя Киевской Археологической комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса».*

Для Совещания были подготовлены две экспертных записки – от Главного управления по делам печати и от самого Юзефовича, инициировавшего указанное выше письмо Потапова. Тайный советник Юзефович подчеркивал украинофильскую активность Драгоманова и Чубинского. По мнению Миллера, особое впечатление на Совещание произвел указанный в записке факт перевода «Тараса Бульбы» на украинский язык, где слова «русская земля, русский устранились и заменены словами Украина, украинская земля, украинец, а, в конце концов, пророчески провозглашен даже свой будущий украинский Царь». Этот перевод был конфискован у некоего Лободовского, писаря Райковской волости, бесплатно раздававшего эту и другие книги крестьянам. Примечательно было и то, что рекомендовал Лободовского на должность голова местного съезда мировых судей П. А. Косач, женатый на сестре Драгоманова.

Специально для украинского читателя привожу этот список:

1817 – запровадження польської мови в усіх народних школах Західної України.

1832 – реорганізація освіти на Правобережній Україні на загальноімперських засадах із переведенням на російську мову навчання.

1847 – розгром Кирило-Мефодієвського товариства й посилення жорстокого переслідування української мови та культури, заборона найкращих творів Шевченка, Куліша, Костомарова та інших.

1859 – міністерством віросповідань та наук Австро-Угорщини в Східній Галичині та Буковині здійснено спробу замінити українську кириличну азбуку латинською.

1862 – закриття безоплатних недільних українських шкіл для дорослих в підросійській Україні.

1863 – Валуєвський циркуляр про заборону давати цензурний дозвіл на друкування україномовної духовної і популярної освітньої літератури: «ніякої окремої малоросійської мови не було і бути не може».

1864 – прийняття Статуту про початкову школу, за яким навчання має проводитись лише російською мовою.

1869 – запровадження польської мови в якості офіційної мови освіти й

адміністрації Східної Галичини.

1870 – роз'яснення міністра освіти Росії Д. Толстого про те, що «кінцевою метою освіти всіх інородців незаперечно повинно бути обрусіння».

1876 – Емський указ Олександра II про заборону друкування та ввозу з-за кордону будь-якої україномовної літератури, а також про заборону українських сценічних вистав і друкування українських текстів під нотами, тобто народних пісень. Повний текст Емського указу за журналом «Особого Совещания» вперше оприлюднено у книжці Савченко Ф. «Заборона українства 1876 р.».

1881 – заборона викладання у народних школах та виголошення церковних проповідей українською мовою.

1884 – заборона Олександром III українських театральних вистав у всіх малоросійських губерніях.

1888 – указ Олександра III про заборону вживання української мови в офіційних установах і хрещення українськими іменами.

1892 – заборона перекладати книжки з російської мови на українську.

1895 – заборона Головного управління в справах друку видавати українські книжки для дітей.

1908 – чотирма роками після визнання Російською академією наук української мови мовою(!) Сенат оголошує україномовну культурну й освітню діяльність шкідливою для імперії.

1910 – закриття за наказом уряду Столипіна всіх українських культурних товариств, видавництв, заборона читання лекцій українською мовою, заборона створення будь-яких неросійських клубів.

1911 – постанова VII дворянського з'їзду в Москві про виключно російськомовну освіту й неприпустимість вживання інших мов у школах Росії.

1914 – заборона відзначати 100-літній ювілей Тараса Шевченка; указ Миколи II про скасування української преси.

1914, 1916 – кампанії русифікації на Західній Україні; заборона українського слова, освіти, церкви.

А тепер более подробно. Указ, подписанный Александром II 18 мая 1876 года во время отдыха в городке Эмс, по замыслу его вдохновителей должен был окончательно вытеснить с политической сцены украинский фактор, портивший «единонеделимый» образ империи. Эмский указ возник не на пустом месте. Он стал завершением более чем двухсотлетней борьбы Москвы против Украины, причем политическое давление сопровождалось церковным. Вспомним здесь лишь некоторые эпизоды. 1627 год – приказ сжечь книгу Кирилла Транквилиона Старовецкого «Учительное Евангелие». 1720 год – указ Петра I: «Вновь книг никаких, кроме церковных прежних изданий, не печатать, да и оныя церковныя старыя книги для совершенна согласія с великороссійскими такими же церковными книгами справливать прежде печати, дабы никакой розни и особливаго наречія во оных не было...». 1769 год – Синод запрещает Киево-Печерской Лавре печатать украинские буквари. Уже в начале XIX века начальные школы были русскими, украинские же существовали, как воскресные школы на средства родителей, в них детей обучали дяки. Количество этих начальных школ все время уменьшалось. Но украинский вопрос не терял от этого своего значения. И в июле 1863 года министр внутренних дел Валуев издал циркуляр, в котором безапелляционно заявлялось, что «никакого малороссійского языка не было, нет и быть не может; что наречие, употребляемое простонародьем, не что иное,

как испорченный польским влиянием русский язык, который понятнее для малороссиян, чем сочиняемый для них некоторыми малороссиянами и поляками так называемый украинский язык; что те, кто старается доказывать противное, являются в глазах большинства малороссов сепаратистами, замыслы которых враждебны России и гибельны для Малороссии».

Формальным основанием для валуевского циркуляра послужило Польское восстание, в котором будто бы активное участие приняли «украинские сепаратисты». На самом деле обстоятельства были следующие. Накануне в ряде реакционных российских и еврейских изданий была развязана кампания против украинских народных воскресных школ «как гнездовья сепаратизма». В частности, первым изданием, обвинившим украинцев в сепаратизме, стала еврейская газета «Сион». К этому добавилось дело с переводом Евангелия на украинский язык. Императорская Академия наук поддержала перевод, но для печатания нужно было получить благословение Священного Синода. Последний отдал украинский перевод Евангелия на другую цензуру. Комиссия в составе епископа калужского, начальника жандармерии и киевского генерал-губернатора признали Евангелие в украинской версии «опасным и вредным».

Вследствие валуевского циркуляра запрет был наложен на печатание на украинском языке духовных книг, научных и научно-популярных произведений. Воспрещено было употребление украинского языка в начальных школах, закрыты воскресные школы, а ряд национальных деятелей и учителей подверглись административным ссылкам в отдаленные губернии империи. Даже протест тогдашнего министра просвещения Головина не повлиял на Валуева. Вскоре Синод РПЦ запретил священникам проповедовать «на наречиях». Валуевский циркуляр допускал лишь издание художественной литературы на украинском языке. Этот «пробел» как раз и исполнил через 13 лет Эмский указ. Он вошел в обращение в первой половине июня, когда Главное управление по вопросам печати издало соответствующее распоряжение.

Эмским указом запрещалось:

1. Ввозить на территорию Российской империи из-за границы книги, написанные на «малорусском наречии», без специального разрешения.
2. Издавать оригинальные произведения и делать переводы с иностранных языков. Исключение делалось для «исторических документов и памятников», «произведений изящной словесности» с рядом оговорок (так, запрещалась украинская орфография кулишовка и допускалась лишь «общерусская орфография» – ярыжка), причем при условии предварительной цензуры.
3. Проводить различные сценические представления и чтения (запрет снят в 1881 году), печатание нот с украинскими текстами.
4. Печатать любые книги на «малорусском наречии».
5. Устраивать концерты с украинскими песнями.
6. Преподавать на украинском языке в начальных школах («первоначальные училища»).
7. Издавать газету «Киевский телеграф». Большинство посылок на Эмский указ опускают последнее «высочайшее повеление», касающееся упомянутой газеты.

К принятию Эмского указа приложил руку тайный советник, полтавчанин Михаил Юзефович, составивший донос под названием «О так называемом украинофильском движении». В этом «произведении» Юзефович убеждает адресата, что «политические идеи малороссийской исключительности являются выдумкой австрийско-польской интриги». Видных украинских деятелей Драгоманова и Чубинского поливает грязью. Достается «Киевскому телеграфу» и издательству, выпускающему по грошовым ценам «тенденциозные издания». Но самым интересным оказался вывод Юзефовича. Оказывается, собирательство

этнографического материала, организованное отделением Российского географического общества, *«оживляет буйные инстинкты в народе. Разбойничьи стаи, вооруженные, в масках, которые появляются в крае, сулят начало гайдаматчины»*. Поэтому, считает Юзефович, необходимы не паллиативные, а радикальные меры, которые бы искоренили причины и не дали злу возможности разрастаться. Эмский указ имеет еще и другое название, неофициальное – «Закон Юзефовича». Недаром украинский Герострат, проживая в Киеве, строчил доносы, благодаря которым вошел в историю. Несмотря на желание царского правительства скрыть этот указ, он очень быстро всплыл на поверхность, причем вначале за пределами Российской империи, в первую очередь в Галичине, входившей в то время в состав Австро-Венгерской империи. Стараниями украинских эмигрантов о содержании указа узнала европейская общественность. Например, Михаил Драгоманов напечатал в Женеве в 1878 году брошюру «Украинская литература, запрещенная русским правительством». Он готовил ее специально для Международного литературного конгресса в Париже, в котором принял участие в том же году.

В применении Эмского указа цензурная практика пошла гораздо дальше. К примеру, не разрешалось издание никаких украинских газет и журналов, хотя об этом, кроме как о «Киевском телеграфе», не упоминалось. Вслед за Эмским указом, просуществовавшим три десятилетия, последовал ряд других законодательных актов и инструкций. В 1881 году были приняты изменения к этому указу, которые должны были, на первый взгляд, смягчить положения пятилетней давности. Так, позволено было печатать украинские словари, но русским правописанием, а также разрешены сценические представления и концерты на украинском языке, но с рядом ограничений: украинские пьесы подвергались строжайшей цензуре, а спектакли допускались не иначе, как с русскими в тот же вечер. Исключалось также существование полностью украинских трупп. На практике это означало, что порой артисты должны были сыграть в один вечер от 8 до 10 действий, причем русскую пьесу при возможном пустом зале. Кроме того, к представлению запрещались пьесы, в которых действовала интеллигенция. Только этнографическо-крестьянские. В 1892 году цензурный комитет рекомендовал подвергнуть украинские книги особенно строгой цензуре, *«сокращать число»* этих произведений *«в целях чисто государственных»*, *«при малейшем к тому поводе»*. В 1895 году были запрещены книги и сборники для детского чтения, *«хотя бы по существу содержания они представлялись благонамеренными»*. Запрещались также произведения, в которых цензор усмотрел неологизмы, *«нарушающие чистоту народной речи»* введением новых культурных понятий. Не разрешались к печатанию сборники, альманахи, ибо они напоминали журналы, а те были запрещены. Украинская речь подвергалась гонениям в устном употреблении. Разговаривать на этом языке значило создать себе репутацию сепаратиста, испортить карьеру и прочее.

Местной администрации приказывалось усилить надзор за тем, чтобы в начальных школах не преподавали на украинском языке, изъять из школьных библиотек украинские книги. На основании Эмского указа был закрыт Юго-Западный отдел Российского географического общества в Киеве, прекращено издание газеты «Киевский Телеграф», уволен ряд профессоров-украинцев из Киевского и Петербургского университетов (М. Драгоманов, Ф. Вовк, М. Зибер, С. Подолинский и др.).

Кроме того, указом предписывалось потребовать от попечителей Харьковского, Киевского и Одесского учебных округов поименный список преподавателей с отметкой о благонадежности каждого по отношению к *«украинофильским тенденциям»*, при этом отмеченных неблагонадежными или сомнительными требовалось перевести на работу в *«великорусские губернии»*. Предписывалось также использовать в качестве преподавателей в учебных заведениях этих округов преимущественно *«великороссов»*.

Эмские «высочайшие повеления» нанесли огромный вред украинскому обществу. Накануне указа главный очаг украинства – «Київська громада» – насчитывала

около 100 членов, после принятия его количество сократилось до 14 человек. Украинский язык был окончательно вытеснен из высших сфер гражданской жизни. Им не пользовались в науке, не осуществлялось обучение – ни в высших и средних учебных заведениях, ни даже в начальной школе. Этот язык начали рассматривать как язык непросвещенных крестьян. И когда в 1903 году возник вопрос об украинских начальных школах, то некоторые родители стали протестовать против этого. Царское правительство и российские политики всех мастей наблюдали, некоторые не без злорадства, за подавлением украинской национальной жизни, за тем, как замолкали, не находя применения для своей деятельности, украинские писатели, ученые, общественные деятели. Запреты на украинский язык постепенно создавали русскую пустыню с отдельными национальными оазисами. Эмский указ, как и надеялась имперская власть, сильно затормозил развитие украинской культуры и национально-освободительного движения, хотя полностью задавить их не смог. Дополнением 1881 года расширились возможности для издания художественной литературы – при этом, однако, сохранялся запрет на литературу учебную и научную. В период действия Эмского указа были напечатаны многие произведения Тараса Шевченко, Ивана Нечуя-Левицкого, Панаса Мирного, Леси Украинки и других украинских писателей. Годы запрета делали каждое украинское слово более весомым.

Некоторые цензурные послабления начались в 1905 году. По поручению Кабинета министров в этом же году императорская Академия наук подготовила записку-реферат «Об отмене стеснений малорусского печатного слова». Академики пришли к следующему выводу: *«...необходимо ныне же отменить Высочайшие повеления 18 мая 1876 года и 8 октября 1881 года, а также удостоившееся Высочайшего одобрения распоряжение Министра внутренних дел 1863 года, послужившее для тех повелений основанием»*. Вместе с тем все вышеизложенное привело Академию наук к убеждению, что *«малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке»*. 18 февраля 1905 года общее собрание Академии наук одобрило записку комиссии в составе академиков А. Шахматова, Ф. Корша, А. Фаминцина, Фортунатова, А. Лаппо-Данилевского и С. Ольденбурга, что послужило поводом для отмены запретов на издание книг на украинском языке. Царское правительство никогда не признавало существование запретов на украинский язык, но когда пришло время больших общественных перемен 1905–1906 годов, оно, по меткому выражению Михайла Грушевского, *«бросило свои злодейские отмычки в воду – но опустило их на мель, чтобы при первом случае поднять их и заняться своим обычным ремеслом»*. Так и было на самом деле.

За период с 1906-го по 1914 год правительство не разрешило открыть ни одной украинской школы, местное население, как и прежде, побаивалось разговаривать на улице на родном языке. Новая антиукраинская кампания усиливалась. Александр Довженко вспоминает в «Автобиографии»: *«Заборонено було в нашому середовищі розмовляти українською мовою. З нас готували вчителів-обрусителів краю. В Київській, Подільській і Волинській губерніях до нашої платні (учителей – В.К.) згодом додавалася якась надбавка, здається, 18 крб. на місяць, за обрусіння краю»*. В июле 1914 года закрыта единственная ежедневная украиноязычная газета «Рада», а сразу же после начала войны и оккупации Галичины русскими войсками идеолог русского шовинизма П. Струве призвал широко и глубоко русифицировать Галицию. Вскоре этот призыв начала осуществлять солдафонскими методами российская военная администрация. На Буковине, в Галичине и на Перемишине было запрещено употребление украинского языка, местные учреждения и периодические издания, кроме москвофильских, закрыли. И после падения царского правительства отношение к украинству коренным образом не изменилось. Весной 1917 года Временное правительство приняло закон, согласно которому употребление украинского языка ограничивалось частными заведениями. Публицист В. Левинский в 1917 году писал: *«Словно черная тень, неотступно следует за российским кнутом великорусская школа, книга, газета, театр, исполняя здесь „культурную миссию“ господствующей московской нации... Меж великорусскими кнуто- и культуртрегерами и запряженными в их колесницу „малороссами“, с одной стороны, и украинцами, с*

другой, идет борьба за душу спящего еще сном праведных великана-народа, за душу украинской этнографической массы». Вскоре началось новое возрождение. Таких возрождений в XX веке было несколько, и все они не были длительными. Но, так называемый, «украинский вопрос» стереть не удалось, а украинский фактор превратился в конце века в украинскую государственность.

Первый украинофил Тадей Рыльский

Тадей Рыльский (1841 года, с. Ставище – с. Романовка, теперь Попельнянского р-на Житомирской обл.) – этнограф, фольклорист, экономист, культурный деятель, один из активных участников национального возрождения 50-60-х годов XIX столетия.

Судьбу имел необыкновенную. Родился в семье польского шляхтича Розеслава Рыльского, в которой царил атмосфера сочувствия и уважения к украинскому народу. Недаром украинизированный шляхтич Тадей с юности столько сил отдал на его защиту и прославление. Получил за это от «пихатих панів» презрительную кличку «хлопоман», которой он вместе с таким же этническим поляком Владимиром Антоновичем очень гордились! Позже сын Максим Рыльский так напишет об этом: *«Мой отец Тадей Рыльский [...] в студенческие годы, вместе со старшим своим другом Владимиром Антоновичем, выдающимся нашим историком и археологом, твердо продолжил служить словом и делом тому народу, который вскормил и добром напитал его сердце – народу украинскому, и выполнил это...»* Все три сына Тадея Рыльского воспитаны в таком же духе самоотверженного служения Украине.

Тадей Розеславович Рыльский

После окончания 2-й Киевской гимназии учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. Тогда же присоединился к кружку радикально настроенных украинофилов (В. Антонович, М. Лысенко, М. Старицкий, П. Чубинский, П. Житецкий и др.). Таким образом, он стал одним из основателей Киевской Старой общины, которая ставила перед собой задачу досконально изучать жизнь украинского народа, его историю, язык, культуру, собирать фольклор, чтобы найти способ и путь пробуждения национального сознания.

Под псевдонимом Максим Черный Рыльский публиковал заметки в журнале «Основа». Возмущение польской шляхты вызвала его статья «С правого берега Днепра» («Основа», 1861, ч. 2), которая имела экономический, украиноведческий характер, откровенно защищала права украинцев на своей земле. Вместе с братом Юзефом часто путешествовал по деревням, изучал жизнь и быт крепостных, общался с ними, собирал фольклор. За

распространение антиправительственных настроений братья Рыльские в ноябре 1860 года подверглись следствию, по приговору суда их ждала ссылка в Казань. Хотя отмена крепостного права и спасла от наказания, но не избавила от дальнейших постоянных жандармских преследований.

Тадей поселился в родовом имении в с. Романовка, где прожил до самой смерти. Здесь вел хозяйство, помогал крестьянам. Основал и содержал украинскую школу для детей и взрослых, в которой сам преподавал (функционировала на протяжении 20 лет). По свидетельству О. Левицкого, *«не только местные крестьяне, но и мелкая шляхта и даже бедный класс евреев – все неизменно находили в Т. Г-ча братское сочувствие, полезный совет и посильную помощь»*.

В 1881 году женился на простой крестьянке Мелании Шевелюре, которая родила ему трех сыновей. Младшего назвал в честь украинского героя Максима Зализняка.

Проживая в Романовке, не порывал с Киевом, поддерживал связи с общественниками, принимал участие в их собраниях, культурно-общественных мероприятиях. Стал членом Юго-Западного отдела Российского географического общества, участником III Археологического съезда.

Н. В. Лысенко. Открытка 1910-е гг.

Т. Рыльский проявил себя хорошим знатоком народной жизни, экономики аграрной Украины: статьи «Дом заработный и современный экономический порядок» (1875), «О

Херсонских заработках» (1898, 1904), «Деревенские приключения» (1905), «Студии над основами расписания богатства» (1892). Его труды печатались в польском издании «Glosie», «Киевской старине».

П. П. Чубинский. Неизвестный худ. , нач. XX в.

Основательным исследованием в области украиноведческих студий, резуль татом

многолетних этнографических наблюдений Т. Рыльского является его труд «К изучению украинского народного мировоззрения» (1890). А фольклорные записи, особенно легенды, предания о Колиивщине (не сохранились) стали основой трудов по истории Украины, которую конфисковала полиция еще в 1860 году

В этот описываемый период большее влияние на современную жизнь оказывали люди, а не происходившие события! Поэтому остановимся на личностях, игравших вполне определенную роль, но почему-то подзабытых нашими современниками.

Просветитель народа Сергей Федорович Грушевский

Сергей Федорович Грушевский принадлежал к числу тех педагогов, которые последовательно прошли все ступеньки школьного учительства и стали видными деятелями на ниве народного просвещения, посвятив ему всю свою жизнь.

Родился 7 октября 1830 года в Чигирине, в семье дьякона Федора Васильевича Грушевского и его жены Марии Ботвиновской, дочери священнослужителя. Детство провел в с. Лесники Киевского уезда, куда переехал отец, став священником Преображенской церкви. Рассчитывать Сергей мог лишь на собственные силы, и получить достойное образование ему удалось только благодаря личным способностям и энергии.

Окончив в Киеве духовное училище, а в 1859 году Духовную академию и получив степень магистра, Грушевский получил назначение профессором Полтавской духовной семинарии. Пробыл в ней около года и перешел в Киевскую семинарию, где преподавал литургику и Святое Писание, одновременно учительствуя в начальных школах. Осенью 1865 года Сергей Федорович принял предложенное ему место учителя русского языка и словесности в Русско-греко-униатской гимназии в г. Холме (теперь Польша).

Здесь у Сергея Федоровича и Глафиры Захаровны Грушевских 17 сентября 1866 года родился сын Михаил – будущий первый Президент Украины. Его крестной матерью была жена начальника Холмской учебной дирекции, профессора Киевской духовной академии Феофана Гавриловича Лебединцева – Юлия Александровна. Вскоре, в декабре 1868 года, Грушевские заканчивают свое пребывание в Холме, и с августа 1869-го Сергей Федорович уже работает на юге, куда ему порекомендовали переехать врачи, – преподает в Кутаисской гимназии. Потом восемь лет прослужил в Ставрополе, с августа 1878 года – во Владикавказе. Инспектор народных училищ Ставропольского края, директор народных училищ Терской области и чин действительного статского советника – вот его послужной список. А еще в активе – образцовый учебник церковно-славянского языка для школ, получивший распространение почти по всей империи. Его издание ощутило материальное состояние семьи. Находясь далеко от родного края, Грушевские поддерживали и сохраняли любовь ко всему украинскому. Раз в три года Сергей Федорович получал более длительный отпуск по службе, и семья проводила его неизменно на Киевщине, откуда родом была и Глафира Захаровна. Как писал позже Михаил Сергеевич, у него под влиянием отца и этих редких поездок пробудилось и окрепло украинское национальное чувство. В тифлисской гимназии Михаил прочитал всё, что мог достать по истории, этнографии и литературе Украины, начал вести на родном языке дневник. 18-летний гимназист отыскал адрес И. С. Нечуя-Левицкого и послал ему свои первые литературные произведения. Получив похвальный отзыв писателя, Михаил Грушевский на следующий год опубликовал украинские рассказы «Бехаль-Джура» и «Бідна дівчина». Потом была учеба в Киевском университете Св. Владимира, защита диссертации и с 1894 года – профессорская кафедра во Львове.

Сергей Федорович Грушевский

Сергей Федорович все это время продолжал службу во Владикавказе, где и умер 27 января 1901 года. В духовном завещании он поручил своим наследникам учредить на оставленное состояние начальное народное училище во Владикавказе или Киеве. Для этого им следовало использовать половину капитала в процентных бумагах, когда он возрастет до 200 тыс. рублей.

По расчетам, такой момент должен был наступить в 1905 году, но Грушевские заранее решили, что училище будет в Киеве. 26 декабря 1911 года состоялось освящение здания городских училищ имени С. Ф. Грушевского на Петропавловской площади. В торжестве приняли участие начальник Юго-Западного края генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов, киевский губернатор А. Ф. Гирс, попечитель П. А. Зилов, городской голова И. Н. Дьяков и другие. Они осмотрели актовый зал, украшенный украинскими рушниками, 17 классных комнат, библиотеку, столовую, кухню, кабинет врача, квартиру заведующего, хозяйственные помещения. Всё имело достойный и приличествующий назначению учебного заведения вид. К этому дню на первом этаже уже разместился детский сад, на втором и третьем - три смешанных приходских училища на 456 учащихся. Содержание учебного заведения было обеспечено процентами с 50 тыс. руб., завещанных Грушевским в качестве неприкосновенного капитала. К сожалению, власть предержавшие вскоре забыли слова признательности, высказанные ими же на церемонии

открытия в адрес человека, подарившего городу новое учебное заведение. В начале января 1914 года из Петербурга пришло известие, что «*министерство народного просвещения не признало возможным, чтобы Курневское городское начальное училище, которому городским управлением присвоено имя профессора Грушевского, впредь носило это имя*». Формальная зацепка – город своевременно не согласовал с центральной властью вопрос увековечения памяти фундатора. В действительности же это была реакция на украинофильскую деятельность сыновей С. Ф. Грушевского – Михаила и Александра. Выполняя указание, директор народных училищ округа распорядился убрать имя Сергея Федоровича Грушевского с вывески на здании. Тогда Михаил Сергеевич поставил в известность думу, что прекращает выдачу процентов из неприкосновенного капитала на содержание училища. Это было очень серьезно, ведь речь шла фактически о дальнейшем существовании учебного заведения. И, в конце концов, в ответ на ходатайство городской думы, министерство вынуждено было в июле 1915 года отменить свой запрет.

Сергей Федорович и Глафира Захарьевна Грушевские с детьми. Фотография 1876 г.

В 1917 году для училища им. С. Ф. Грушевского нанимался дом № 15-6 по Вышгородской улице. Тяжело было работать в тесном помещении, но все же 101 мальчик и 106 девочек получали начальное образование под руководством восьми учителей. Тогда же, весной, начали преподавание на украинском языке. На заседании думы 7-9 марта 1917 года было определено: «*Вести в городском училище имени Грушевского преподавание на украинском языке, осуществление возложить на ревизора-эксперта при городской училищной комиссии Т. Г. Лубенца*». Во исполнение решения в училище передали украинскую библиотеку из 135 книг и 100 учебников украинского языка, а также портреты украинских деятелей, жанровые картины и другие подобные материалы. Однако с преподавательским составом было хуже: язык знали только заведующая училищем Анастасия Неселовская и двое преподавателей.

Со временем здание училища имени С. Ф. Грушевского (теперь это улица Фрунзе, № 164) оказалось в окружении новой прилегающей застройки. Сейчас оно выглядит не так, как раньше, но все равно привлекает внимание своими формами. До 1988 года здесь была средняя школа № 14, а ныне – учебный компьютерный центр Минского района города.

В дореволюционном Киеве население характеризовалось по религиозным признакам: православные, католики, иудеи... Но в начале XX века стали выделять и этнографические отличия. На 1917 год киевские жители распределились так: русских – 50 %, евреев – 18,6 %, украинцев – 16,4 %, поляков – 9 %. Менее всего украинцы имели влияние на политическую и культурную жизнь города. Это вызвано тем, что хозяев и людей свободной профессии среди украинцев было только 15 % (среди евреев – 41 %), а в основном это были рабочие, служащие и прислуга. Вот почему в истории моего города так мало украинских мотивов. В этом одна из причин неудач украинской революции 1917-1921 годов.

В 1890-е годы киевские учебные заведения подготовили новое поколение украинских деятелей. Многие из них учились в Киевской духовной семинарии. Это С. Ефремов, В. Дурдуковский, А. Лотоцкий, В. Доманицкий и другие. 1-ю гимназию оканчивали не только широко известные М. Булгаков и К. Паустовский, но и Я. Ивашкевич, а также историограф В. Липинский, литератор П. Стебницкий, поэт М. Драй-Хмара, историк Л. Добровольский.

К сожалению, влиять на Киев культурно и политически к началу 1-й Мировой войны национально-сознательным украинцам не удалось, что, повторюсь, сказалось на результатах украинской революции, но определенные результаты национально-просветительской деятельности были весьма ощутимы.

Нельзя отрицать большую и многогранную деятельность М. С. Грушевского. Он, создатель киевского Украинского

научного общества, начал печатать тут «Літературно-науковий вісник»... Михаил Сергеевич привлек в Киев многих представителей интеллигенции. Построенный для него большой 6-этажный дом «від півниці до поддашся» был заселен цветом нации - «ширими» украинцами: О. Олесь, Ю. Сирый (Тищенко), братья Кричевские...

Открытка 1908 г. с надписью на обороте: «Жертуйте на памятник Т. Шевченку в Киеве»

А когда с 1905 года, согласно Манифесту, легализовали национальные партии, стала выходить газета «Рада», тираж которой вырос до 5 тыс. экземпляров. Украинофобы постоянно препятствовали установке памятника Тарасу Шевченко, хотя большое число почитателей великого Кобзаря собирали деньги на него. У меня много разных открыток с надписью на обороте: «Жертуйте на пам'ятник Т. Шевченкові у Києві!». Это предложение поддерживалось Городской думой. Против выступали многочисленные монархические организации. Они слали в столицу предупреждения и протесты против украинских общественных объединений. Поэтому памятник Шевченко появился лишь в 1918 году, да и то ненадолго. Зато удалось выполнить проект «Исторического пути», правда, в единственной постановке. Так в 1911 году появилась многофигурная композиция святых: княгиня Ольга, Андрей Первозванный, Кирилл и Мефодий. Их во временном материале - портландцементе - выполнили талантливые скульпторы И. Кавалеридзе, Ф. Балавенский, П. Сниткин. Вначале было предложено представить «Исторический путь» на Бибикивском бульваре в такой последовательности: Ольга, Олег, Владимир Святой, Ярослав, Владимир Мономах, «Доисторическому Киеву» (что это означало, неизвестно) и, напоследок, Нестору-летописцу. Этот план так и не был осуществлен. А ведь в Киеве уже тогда существовала хорошая художественная школа Мурашко, ученики которой прекрасно справились бы с поставленной задачей. К сожалению, не получилось привлечь хороших скульпторов, поэтому Императорское русское военно-историческое общество заказало скульптору-аматору офицеру П. Самонову памятник И. Искре и В. Кочубею. Он простоял недолго, в отличие от постаменты, на котором стоит пушка, почему-то направленная в сторону Арсенала. То ли она «арсенальцев», то ли Гайдамацкого коша Слободской Украины.

Памятник Искре и Кочубею. Фотография ок. 1914 г.

Киев после Польского восстания 1863 года

Крымская война, начало нового царствования, освобождение крепостных и другие реформы были началом новой эпохи в истории Российской империи, которые не могли не отразиться на состоянии Киева.

Как и после восстания 1830 года, правительство ограничилось действиями: карательными, административными и законодательными. К первым относится изгнание, ссылка, конфискация, секвестры имущества. К другим – всеобъемлющая ликвидация землевладения поляков и замена их «русскими», по определению того времени – «обрусение края». Польские помещики были обложены 10 % сбором, с которого на 50 % увеличилось содержание чиновников русского происхождения. Секвестрованные имения продавались исключительно православному дворянству, а покупателям предоставлялись и давались ссуды из особого фонда в 5 млн руб., переданные в Петербургское общество взаимного кредита. Но и тогда чиновники старались не упустить возможности незаконного обогащения, поэтому захватывали имения, передавая их в аренду полякам или евреям. Это практиковали весьма уважаемые особы, в частности Трепов, которые служили в столицах и в своих владениях бывали редко. Надбавку содержания в 50 % получали чиновники, которые родились за границами Юго-Западного края. Поэтому «эта милость» распространялась на прибалтийских немцев и не касалась коренных украинцев. Некоторые «чадолюбивые» мамы, чтобы избежать этого, рожать выезжали за Днепр, например в Никольскую Слободку или в Бровары, чтобы их сыны не теряли этого «права».

В Юго-Западном крае и его центре Киеве при участии царя была организована Временная комиссия для проведения земельной реформы. Возглавил ее генерал-губернатор Анненков, а заместителем был Г. П. Галаган. Не так решительно, но проводилась судебная реформа. Вначале в 1868 году был основан военно-окружной суд. Открытый процесс, судебные дискуссии, гражданские защитники – всё это вызывало громадный интерес общественности, стремящейся попасть на судебное заседание, особенно привлекало это студентов-юристов. А речи адвокатов, которые повторялись и переиздавались, сделали их во всеобщими любимцами.

В 1872 году признано назначение правительством первых мировых судей, которые были противоположностью старым, полицейским судам, с их волокитой, взяточничеством и телесными наказаниями. Общие судебные организации пока еще не распространились на Юго-Западный край. В центре судебные палаты, гражданская и криминальная, были объединены, и первый президент этой судебной палаты С. С. Гончаров решительно взялся за борьбу со злоупотреблениями. Сергей Сергеевич в 1875 году приехал в Киев *incognito* и начал наведываться в палату как проситель, наблюдая, как служащие обращаются с посетителями. Возмущенный увиденным, высокий чин провел решительную чистку, и многие растались со своими синекурами, остались лишь честные и старательные. Но Гончаров и далее продолжал следить за их действиями (интересный факт – Сергей Сергеевич являлся племянником Натальи Гончаровой – супруги А. С. Пушкина). Новые судебные учреждения – Округной Суд и Судебная Палата открыты в Киеве только в 1887 году, да и то со значительными ограничениями касательно присяжных заседателей.

С большим опозданием распространились на Киев и другие важные реформы – городское и земское самоуправление. Еще в 1846 году в Петербурге было заведено новое «городовое положение», значительно отличающееся от закона 1785 года. Оно через 14 лет распространилось на Москву, еще через год – на Одессу, но Киев этого никак не мог дожидаться. Лишь после длительных хлопот домовладельцев в 1870 году Киев был ошастливлен «городовым положением» – киевляне теперь не зависели от губернатора. В газетах взахлеб описывались преимущества всех сторон городской жизни. Профессор Н. К. Ренненкампф делал для большой аудитории доклад о значении этой реформы. Выборы гласных вызвали борьбу сторонников старой думы с последним ее головой Ф. И. Войтенко и интеллигенции с профессорами университета В. Я. Шульгиным, Н. Х. Бунге. Случилась редкая в

истории победа интеллигенции: по первому разряду были избраны преимущественно профессора, по второму – купцы, а по третьему – лекари, учителя, служащие. Избрание городского головы возбудило потасовки: одни выставили общественного деятеля, который много сделал по крестьянскому вопросу, а в то время занимался вопросами просвещения; другие – богача Демидова, поселившегося в Киеве, и от него ожидали «великих и богатых милостей». Но, несмотря на победу, богач так и не проявил умения властвовать. Поэтому долго в городе правили представители умственного труда: Н. К. Ренненкампф (1874–1879), Г. И. Эйсман (1879–1884), И. А. Толли (1884–1887), С. М. Сольский (1887–1901), В. Н. Проценко (1901–1905), И. Н. Дьяков (1906–1914).

Два Крещатика

Давайте-ка заглянем в «Краткое описание Киева» 1820 года. Его автор Максим Берлинский сообщает: *«Крещатик, или Крещатицкое урочище, находящееся в глубоком яру, в конце Государева сада, близ самого Днепра, у дороги, нисходящей от Печерского к Киево-Подолу, получило название оттого, что в источнике оногo крещены сыновья Св. Владимира».*

Стало быть, два столетия назад Крещатиком называли местность у колонны Магдебургского права, до революции называемой Нижний памятник Св. Владимиру. А главной, центральной улицей города являлась в те времена улица Московская.

Московская улица - одна из старейших на Печерске - возникла еще в начале XVIII века как дорога к Днепровской переправе благодаря многочисленным путешественникам. Это был торговый путь на Москву, поэтому улицу стали называть Московской. Там появлялись каретные мастерские, постоянные дворы и корчмы. Вскоре на улице, выгодно расположенной в транспортном и торговом отношении, открылись лучшие галантерейные и мануфактурные магазины, швейные и часовые мастерские, продовольственные лавки, был построен купеческий гостинный двор. Так она стала центральной. Владельцами здешних усадеб стали представители среднего класса - предприниматели, чиновный люд, отставные офицеры, мещане. Например, коллежский секретарь Злобин, губернский секретарь Александрович, надворный советник Зубковский, княгиня Голицына, генерал-лейтенант Балке, а также отставной подполковник Федор Рылеев - отец декабриста.

В 1805 году на углу Московской улицы и современного Кловского спуска открылся один из лучших в городе отелей - «Зеленая гостиница». Номер из двух больших комнат стоил два рубля серебром в сутки, что было приемлемо для обеспеченного люда.

В гостинице останавливались состоятельные путешественники. Среди них - автор романа «Очи черные» Евгений Гребинка, Александр Грибоедов, Никита Муравьев... Именно в «Зеленой гостинице» поселил двух героинь своей повести «Близнецы» Тарас Шевченко, не раз бывавший на Московской улице.

Нельзя забывать, что Киев в то время был пограничным городом. Граница с Речью Посполитой проходила сразу за Васильковым, но эта соседство не тревожило российских императоров, которые два столетия постоянно воевали с Османской империей. Поэтому, начиная с 1830-х годов, на Печерске началось сооружение новой крепости. В частности, на Московской улице стали возводить казармы, военные мастерские, иные объекты оборонного назначения.

Тогда же приступили к отселению жителей улицы в другой район города - Новое строение. Генерал-губернатор Дмитрий Бибииков, разъезжая в коляске, лично определял очередность сноса того или иного печерского дома. К каждому «приговоренному» к сносу зданию он приказывал прибить табличку с суровой надписью: «сломать в таком-то году».

Проложить главную улицу Киева в Крещатой долине предложил Андрей Меленский, первый городской архитектор (исполнил обязанности с 1799-го по 1829 год). Зодчий находил преимущества такого расположения центральной улицы в том, что она свяжет Старый город, Подол и Печерск. Однако неизвестно, как долго его идея ждала бы своего воплощения, не случись грандиозный пожар, вспыхнувший на Подоле в 1811 году. Оставшиеся без жилья погорельцы массово переселялись в Крещатую долину. Процесс ее застройки ускорился с закатом Московской улицы. Открылся первый магазин - символично, именно книжный. Он принадлежал Степану Литову. Уже в 1850-е улица фактически становится центральной улицей города. В следующем десятилетии началась эра перестройки Крещатика - прежние неказистые домики один за другим уступали место каменным презентабельным строениям. При этом, понятно, менялись и владельцы. В 1860-х улицу замостили.

Управление Киевом перешло на Крещатик, когда по проекту А. Шилле в 1878 году построили здание Городской думы, фасад которого украшал, не без изящества, шпиль с фигурой небесного покровителя Киева - Архистратига Михаила. Здание городского самоуправления достраивали и перестраивали, в нем после 1919 года, под новым названием облисполком, располагались коммунистические и административные организации. Архангела на шпилье сменила красная звезда. Оставленные для работы в оккупированном Киеве диверсионные группы 1 ноября 1941 года подорвали здание думы, за что фашисты расстреляли 300 заложников. Судя по фотографиям, остов здания хорошо сохранился. Во время послевоенного восстановления Крещатика его разобрали. Словно хотели стереть даже напоминание о бывлом городском самоуправлении. Название - Думская площадь, которая сменила Крещатикскую, сохранялась до советского периода. На площади постоянно что-то появлялось в виде скульптур, а чаще памятников. Еще в 1913 году перед фасадом Городской думы открыли монумент премьер министру П. А. Столыпину. Во время торжественной массовой манифестации «День праздника революции» 16 марта 1917 года фигура Столыпина была снята, даже символически повешена. Я прошу читателя особо обратить внимание на дату, потому что существует ошибочное мнение, что памятники разрушали только большевики.

После переноса с Подола Городской думы в 1876 году улица стала и административным центром города - все важнейшие решения отныне принимались на Крещатике.

Вышедший восемь лет спустя путеводитель Сементовского так описывал его тогдашнее состояние: *«Центр города - Крещатицкая улица, это самая оживленная и богатая улица города, сплошь обстроена большими каменными домами, в числе которых многие четырехэтажные роскошные здания в новом стиле. Здесь находятся все лучшие гостиницы, магазины, разные кредитные и торговые учреждения».*

Вместе с тем расположение улицы в долине имело не только преимущества, отмеченные архитектором А. Меленским, но и ряд существенных недостатков. Поскольку Крещатик *«расположен в продольной, узкой и длинной долине, окруженной значительными возвышенностями, вентиляция по этой причине весьма ограничена».* Кроме того, *«не только поверхностные воды с всякими нечистотами, но и почвенные стекаются с более и более заселяющихся возвышенностей на Крещатик».*

«Если не будет сделана правильная канализация Крещатика и прилежащих улиц, - подытожил автор путеводителя Н. Сементовский, - Крещатик сделается одною из самых нездоровых местностей». Эти проблемы возникли из-за ручья, протекавшего посередине улицы. Горожане не без иронии называли его «река Крещатицкая».

Думская площадь. Фотография нач. XX в.

Поэтому ручей замкнули в подземную трубу, отводившую воду в яр, расположенный в районе Бессарабки.

С 1879 года на Крещатике началось движение общественного транспорта. Регулярные рейсы осуществляли омнибусы. Они представляли собой кареты на 20 пассажиров, запряженные лошадьми. Более вместительные вагоны - трамвайные - появились на главной улице в 1892 году. Вдоль проезжей части проложили колею, по которой поехали вначале конные трамваи, потом - паровые, а затем - электрические.

Крещатицкая улица. Фотография нач. XX в.

С 1900 года главную улицу Киева освещали электрические фонари. Здесь появились самые красивые в городе здания, модные магазины, знаменитая кондитерская «Жорж», гостиницы «Националь», «Гранд-отель», «Европейская», «Кане», «Магазин платьев» Якова Каплера, банки, страховые компании, представительства иностранных компаний, лучшие в городе фотоателье, кинотеатры, городской почтамт, городская биржа и другие общественные центры.

Путеводитель 1912 года так описывал Крещатик периода его расцвета: *«Это - широкая, хотя и изломанная несколько улица, вместившая более полсотни трех- и четырехэтажных каменных домов, сплошь покрытых самыми разнообразными вывесками... Это - шумный торговый центр, излюбленное место для осенних и зимних променадов киевлян»*. Мой любимый писатель Виктор Некрасов неоднократно высказывался, что довоенный Крещатик - ничуть не хуже Невского проспекта и парижских бульваров. Для меня главное, что 7 сентября 1916 года на Крещатике (в доме, стоящем на том месте, где сейчас городская администрация) родился мой отец, Киркевич Геннадий Александрович. Когда пишутся эти строки, он ждет решение Киевсовета о присвоении ему звания «Почетный Киевлянин». Он этого более чем кто-либо заслуживает!

Киевские «головы»...

В путеводителе по Киеву В. Бублика 1890 года есть раздел «Адреса должностных лиц г. Киева». Первым пунктом значится Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор, граф Алексей Павлович Игнатъев. За ним идут митрополит Киевский и Галицкий Платон, Киевский губернатор Лев Павлович Томара, далее следуют прокурор, полицмейстер с помощниками. Городской голова в этом списке числится всего лишь десятым. При этом, в отличие от губернаторов, его имя и отчество даются коротко – С. М. Сольский.

Основная власть была сосредоточена в руках губернатора – человека, назначаемого лично царем. Выборный же городской голова основные вопросы государственного плана согласовывал с губернатором и не мог ничего сделать без одобрения царского ставленника. Путеводитель четко отразил административную вертикаль Киева середины и конца XIX века.

Первые три десятка лет существования должности киевского городского головы ее можно было назвать выборной с большой долей условности. Должность появилась в 1834 году, когда Киев указом Николая I окончательно лишился Магдебургского права и перешел на имперскую модель самоуправления. Вместо магистрата во главе с войтом появились два органа власти: законодательный – городская дума и исполнительный – городская управа. Начальником обоих структур был городской голова, избираемый думой. Дума же формировалась по сословному принципу – от купцов, духовенства, мещан. На выбор представителей сословий большое влияние оказывал губернатор. Символично, что первый избранный голова, Иван Ходунов, был отклонен губернатором Василием Левашовым, и голосование пришлось проводить повторно.

Признаки подлинной демократии можно заметить лишь в 1870 году. Александр II, как царь-реформатор, ввел Городовое положение. Согласно ему, выборы в городскую думу стали гораздо более похожи на современные. Но право выбирать «гласных» (так тогда называли депутатов) имели по-прежнему не все горожане. К «баллотировке шарам» (в урны бросали не бюллетени, а белые и черные шары, означающие за и против) допускался любой российский подданный старше 25 лет, *«если он владеет в городских пределах на праве собственности недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому, или же, прожив в городе в течение двух лет сряду, перед производством выборов, хотя бы и с временными отлучками, уплачивает в пользу города установленный сбор»*. Приоритет торговцам и владельцам недвижимости отдавался неслучайно – именно они формировали значительную долю городского бюджета. В путеводителе Бублика приводятся данные, что из 1 млн руб. доходной части бюджета *«главную статью дохода – более 200 тыс. руб. – составляет налог на право торговли пищевыми и другими продуктами первой необходимости на городских базарах, а также налог на домовладельцев в 160 тыс. руб.»*. Поскольку городской голова избирался из числа гласных думы, совмещение власти и бизнеса было логично: почти весь XIX век Киевом руководили купцы и промышленники. Правда, Городовое положение запрещало им *«входить в подряды и поставки по предметам городского хозяйства»*.

Как и в СССР, путь к карьере могла преградить «пятая графа», так в Городовом положении существовала 88-я статья, где было четко указано: *«Лица иудейского вероисповедания не могут быть избираемы в городские головы, ни исправлять их должность»*. А доля нехристиан среди членов управы и гласных думы не должна была превышать трети.

Зависимость городского головы от губернатора была закреплена в Городовом положении напрямую: *«Копии со всех определений городской думы безотлагательно представляются городским головою губернатору, который, если не усмотрит в оных нарушения законов, передает их для напечатания в губернских ведомостях»*. Вполне логично запрещались киевскому голове и прямые контакты с центральной властью: *«Представление городским общественным управлением высшему правительству сведений, заключений и ходатайств по предметам, касающимся местных польз и нужд города, делается через губернатора»*. Также понятно и то, что об отлучке из города голова обязан был извещать царского назначенца, а если отлучка превышала два месяца, то и вовсе испрашивать на это губернаторское разрешение.

Первым городским головой Киева в 1835 году стал Парфентий Дегтярев. Он происходил из известного в России калужского купеческого рода, осевшего в Киеве в начале XIX века. Впрочем, Дегтярев прослужил лишь половину из положенного ему четырехлетнего срока: в 1837-м он скоропостижно скончался. Современным киевлянам более известен его сын Михаил, владелец доходных домов и магазинов, один из инициаторов строительства в городе конки и парового трамвая. Именно в его честь названа улица Дегтяревская.

Павел Елисеев, сменивший Дегтярева на главном киевском посту, тоже был купцом из Калуги. Его основным достижением в бизнесе стало налаживание торговли металлом с Сибирью. Правление оказалось недолгим – всего два года, после чего он вернулся обратно в коммерцию. Но ни высокий пост, ни былые успехи, ни потомственное почетное гражданство Киева не помогли Елисееву сохранить свою бизнес-империю. Некролог в газете «Киевлянин» за 27 марта 1875 года содержал такие строки: *«Дело, прочно основанное на началах, конечно, соответствующих времени, пало; но замечательно то, что оно пало без шума, без ареста имущества; оно догорело, как свеча. В последнее время покойный служил в должности нотариуса по выборам и умер чуть ли не в крайней бедности»*.

В 1838 году городским головой был избран Ходунов – тот самый, которому губернатор в свое время помешал стать первым киевским градоначальником. Судьба щедро компенсировала ему эту неприятность: купец из Ярославской губернии заступал на пост киевского головы трижды (с перерывами) и закончил жизнь в этой должности. Полтора десятка лет его правления были важными с точки зрения развития города. К тому же ходуновские кадении почти совпали со временем правления двух известных царских назначенцев – военного губернатора Дмитрия Бибикова и губернатора Ивана Фундуклея. Последний стал героем хрестоматийной истории, когда Николай I поручил проверить, кто из губернаторов не берет взятки. Фундуклей оказался одним из всего двоих честных правителей – царь объяснил это большим состоянием чиновника. Губернатор щедро делился с городом своими богатствами. Не страдал скупостью и Ходунов: еще до избрания городским головой он стал одним из соучредителей Общества для помощи бедным. Позже оно станет известным под названием Сулимовка – от имени семьи Сулим, даровавшей под приют здание на ул. Лютеранской, 16. Университет святого Владимира, Институт благородных девиц, Ботанический сад, Цепной мост, водопровод и мощные улицы в центре города – всё это эпоха Ходунова и Фундуклея. Параллельно с госслужбой Ходунов занимался бизнесом – у него был свечной завод и мыловаренное производство.

Хочу отметить, что гласные киевской думы далеко не всегда рвались в мэры города: не раз бывали случаи, когда избранный по своей воле отказывался от высокого поста. К примеру, «трижды мэром» Ходунов избирался на

должность пять раз. В 1847 году после такого отказа головой был избран Николай Балабуха. Интересно, что за три года до этого Балабуха сам отказался от мэрской должности, причем именно в пользу Ходунова.

Балабуха, в отличие от большинства своих предшественников и последователей, был киевлянином: до наших дней дожило строение, известное как усадьба Балабух. Здание на ул. Сагайдачного, 27-а, стоит под углом к улице, напоминая о старой планировке Подола до пожара 1811 года. Прославился Балабуха не столько как политик, сколько как предприниматель. Балабухи развивали весьма экзотический по нынешним меркам бизнес: варили варенье с сиропом и сухое варенье – сваренные с сахаром и высушенные дольки фруктов. Впрочем, полтора века назад никого это не удивляло: в Российской империи Киев считался центром производства цукатов, а «киевское сухое варенье», как уже отмечалось в предыдущей книге, было любимым лакомством Екатерины II. Сладкий бизнес Балабуха унаследовал от отца и передал в наследство сыновьям. Фирменные магазины варенья работали на Крещатике и на Подоле, при фабрике. Уже после смерти купца его торговля открылась и в самом престижном месте империи – на Невском проспекте Санкт-Петербурга.

Еще один домик на Подоле, нарушающий строгую планировку улиц, киевлянам известен как «дом Мазепы». На самом деле дом на ул. Спасской, 16-б, принадлежал еще одному киевскому городскому голове – Григорию Покровскому, руководившему городом с 1857 по 1860 год. Политик и чиновник со стажем, уроженец Киева, он долгое время был гласным Киевской думы, а также служил старостой церкви Николы Набережного на Подоле.

Первым городским головой Киева, избранным по новому Городовому положению 1870 года, стал Павел Демидов. Он руководил городом с 1871-го по 1874-й с одним перерывом. Представитель известной династии уральских промышленников, Демидов был приверженцем странствий: родившись в Петербурге и скончавшись во Флоренции, он успел пожить в Вене, Париже, Каменце-Подольском. Тем не менее, за его заслуги перед Киевом дума присвоила Демидову титул почетного гражданина города. Демидов начал с решения «квартирного вопроса». Часть городских служб он перевел в приобретенную им усадьбу. Одно из зданий этой усадьбы, на бул. Шевченко, 12, киевляне называют «домом Сан-Донато» – титул князя Сан-Донато промышленник заслужил от итальянского короля. А главное, Демидов инициировал строительство отдельного здания думы на Крещатике, которое потом даст название площади – Думская (теперь – Майдан Незалежности). До этого гласные квартировали в доме Назария Сухоты (Контрактовая пл., 12). В бывшую обитель депутатов переехала женская гимназия. Кроме нее к заслугам Демидова относят Александровскую больницу, реальное училище на Михайловской площади и еще несколько учебных заведений.

После Демидова Киевом правили головы с иностранными фамилиями – двое немцев и грек. Густав Эйсмэн был профессором Киевского университета им. Святого Владимира, преподавал там курсы права и истории законодательства, а его преемник Николай Ренненкампф – ректором этого же вуза. Грек Иван Толли сколотил капитал на спиртных напитках: был управляющим конторой Киевского питейного откупа, основал пивзавод на ул. Жилианской. Все трое не были чужды благотворительности: Ренненкампф заботился об учащих и студентах, а Толли состоял почетным членом Общества для помощи бедным – той самой Сулимовки. К заслугам Эйсмана можно отнести основание Киевского общества взаимного кредита, которое, как осветили бы сейчас, способствовало улучшению бизнес-климата в городе.

Павел Павлович Демидов

Самым уважаемым и любимым среди всех киевских голов был Стефан Сольский. В отличие от купцов-предшественников он не был богачом. Родившись на Волыни в семье священника, пошел по стопам отца - окончил Киевскую духовную академию и стал доктором богословия. Скромность начальника города современные киевляне могут оценить, отправившись по его адресу из путеводителя Бублика - скромный подольский дом на ул. Борисоглебской, 6 совсем не похож на особняки нынешних крупных чиновников. Зато для Киева эпоху Сольского скромной не назовёшь: напротив, это был период экономического и культурного развития города. Сольского избирали головой три раза подряд: он правил с 1887 года по 1900 год и, скорее всего, был бы избран и в четвертый раз, если бы не смерть от грудной жабы. Конка и электрический трамвай, Владимирский собор и Политехнический институт, памятник Богдану Хмельницкому и еврейская хоральная синагога - всё это эпоха Сольского. Едва ли не самой важной заслугой городского головы стало создание канализации. О санитарном состоянии города в год прихода Сольского к власти читаем в путеводителе Бублика: *«Киев не может похвастаться санитарным благоустройством. Канализация в городе отсутствует, а санитарный надзор организован неудовлетворительно. Процент смертности от инфекционных болезней довольно высок: в последние годы (1887 и 1888) он составляет 28 % общей смертности, то есть, выражаясь яснее, из общего числа умерших более четвертой части падает жертвой заразных болезней»*. Хоронили народного любимца чуть ли не всем городом. Сольский упокоился на Лукьяновском кладбище столицы, благоустройство которого тоже было одной из его заслуг. Фамильный склеп Сольских сохранился.

Иван Андреевич Толли

Василий Проценко, который был городским головой с 1900 по 1906 год, имел степень доктора медицины, занимался частной врачебной практикой.

А в последние счастливые годы империи перед Первой мировой войной Киевом руководил Ипполит Дьяков. Его период - с 1906 по 1916 год - был расцветом в промышленности и финансовой сфере. Летом 1913-го Киев фактически стал столицей России: здесь проходила грандиозная Первая всероссийская промышленная выставка и Первая всероссийская спортивная олимпиада. У Дьякова было необычное по тем временам хобби: он был заядлым любителем машин и руководил Киевским клубом автомобилистов. Интересно, что супругой Дьякова была Ольга Смородинова - внучка бывшего городского головы Эйсмана.

Степан Михайлович Сольский

Но вернемся в начало ушедшего века. Киевская дума тогда была всерьез озабочена качеством водопроводной воды, оползнями, вопросом сооружения общегородской канализации, боролась с постоянными наводнениями, занималась мощением улиц, освещением их и так далее, то есть решала необходимые и насущные задачи благоустройства, действуя по принципу: сильный центр – сильные окраины. Как этот принцип воплощался в жизнь? Устаревшие газовые фонари, которые некогда освещали лишь центральные улицы, заменялись более современными – электрическими. Старые фонари переносились на окраины. То же самое происходило с камнем кругляком, известным в наше время, как «булыжник». Он переезжал на периферию, а центр мостили «образцово обтесанным камнем». Головной болью Киева всегда было качество питьевой воды. Водопроводное общество все время требовало от Думы разрешить повысить тарифы на воду, настаивая, что только это позволит выделить средства на улучшение водопроводного хозяйства. Киевская городская дума в свою очередь выступала категорически против, ибо справедливо считала, что *«обязанность доставлять чистую воду – днепровскую или артезианскую – в количестве, достаточном для удовлетворения всех без исключения потребностей города и его жителей в воде, лежит всецело на Водопроводном обществе. Однако дефекты старого контракта, давшие концессионеру возможность не выполнить своего обязательства – установки фильтров и остаться при этом юридически неуязвимым, заметно ослабляли занятую городом позицию»*. Все же, благодаря неустанной борьбе, город добился того, что в 1910 году Киев снабжался чистой артезианской водой, то есть из скважин. Затем дума пошла дальше, вступив с Водопроводным обществом в переговоры – о выкупе водопровода городом. Концессионеры заломили такую цену, что город переговоры на эту тему прекратил, но предложил водопроводчикам применять такую систему озонирования воды, которую те отказались принять. Киев пожаловался в Петербург на неуступчивость хозяев водопровода и их инертность в вопросе жизнеобеспечения киевлян безопасной водой. Это возымело временный успех. Не повышая тарифов, водовозы стали доставлять в места, где не были проложены трубы, уже очищенную воду. Это существенно помогло уменьшить количество заболеваний холерой и тифом малоимущих жителей городских окраин. Колодцы в городской черте были уже загрязнены находящимися повсеместно конюшнями, коровниками и свинарниками.

Василь Николаевич Проценко

О том, что городу постоянно угрожали эпидемии, свидетельствуют отчеты санитарного отдела думы. Из них можно узнать, что эпидемия холеры, «посетившая» Киев в 1907 году, унесла жизни 389 киевлян. В том же году было зарегистрировано 1501 заболевание возвратным тифом и 1215 случаев брюшного тифа. Большое число заболеваний дали скарлатина (653) и дифтерит (487). Было выяснено, что главную роль в распространении холеры сыграла именно днепроvская вода, насыщенная холерными вибрионами. Весьма вероятно, что заражение днепроvской воды произошло из-за нерационального устройства полей орошения, допускавшего возможность попадания нечистот в Днепр, откуда зараженная вода при помощи водопровода разнеслась по всему городу. В 1895 году в Киеве появилась канализация. Дума по предложению проф. Е. И. Афанасьева переоснастила водопровод и вместо днепроvской воды в квартиры стала поступать артезианская. На 1913 год здесь работало 36 скважин. Это спасло наш город, и в нем не произошло сильных вспышек холеры, которые в это же время фиксировались в Петербурге и Одессе. Интересно, что в наше время, кажется, более половины широко разрекламированных бюветов, выстроенных для киевлян и за их счет, уже не действуют.

Ипполит Николаевич Дьяков

Нужно отметить, что несколько десятков лет вода в кранах киевских квартир поступает из Деснянского водопровода. Она безопасна для здоровья, но уж больно хлором отдает. Но тут ничего не поделаешь. Болезнетворные бактерии никто не отменял...

Киевская городская дума энергично продолжала работать. Заседание ее, в связи с новым составом гласных, проводилось не на Подоле, а в новом здании Городской думы 1876 году, о котором нужно сказать пару слов. Здание было построено в 1876 году по проекту архитектора А. Шилле из кирпича и имело два этажа. Вершину здания венчал шпиль, на котором располагалась фигура Архистратига Михаила (скульптор Е. Куликовская). Площадь получила название Думской. В 1900 году надстроили третий этаж (архитектор А. Кривошеев). В дальнейшем в здании располагались областной и городской партийные комитеты КП(б)У. Здание было значительно повреждено при пожаре 1 ноября 1941 года и во время послевоенной реконструкции Крещатика его снесли.

Вернемся к деятельности Городской думы. За 44 года существования было сделано многое: перепись населения, оценка и налогообложение усадеб, замощение улиц, газовое освещение главных улиц и керосиновое освещение, замена его с 1890 года на электрическое, строительство водопровода. Для города важными стали перемены в

транспорте, и не только в водном и железнодорожном. Вместо конки и паротяги появился первый в России и второй в Европе трамвай, который проложили по очень крутой Александровской улице. Со временем линии продолжили, и получилось 20 линий общей протяженностью 150 верст. Одними из первых в мире появились маршруты, соединяющие город с предместьями – Пуца-Водица, Святошин, Дарница, находившимися в Черниговской губернии.

Дума активно защищала склоны киевских холмов от оползней, занималась благоустройством садов и скверов, которые в жизни любого большого города играют весьма серьезную для здоровья населения роль. *«Город, стесненный большими домами, фабриками и заводами задыхается вследствие отсутствия свежего воздуха, – констатировала Дума в 1907 году. – Сады и скверы являются в этом отношении на помощь населению, составляя резервуары свежего воздуха. Вот почему дума внимательно относится к вопросам об увеличении числа скверов. И хотя она „по одежке протягивала ножки“, но всё же в садовом деле кое-что сделала; устроен сквер на Думской площади; прежде это было заброшенное место, чуть ли не свалка, которую почему-то терпели в центре, т. е. у самой думы. В настоящее время в устройстве сквера площадь совершенно преобразилась и теперь является одной из красивейших площадей города. Разбиты скверы на Сенной площади, возле Лукьяновской гимназии, теперь преступлено к устройству сквера возле публичной библиотеки; расширена площадь Золотоворотского сквера; удлинен Бибиковский бульвар; упорядочен сквер на Кузнечной улице. Кроме того, приступили к упорядочению Владимирской горы, поврежденной сползлами»...*

О последнем нужно сказать особо. В 1906 году в Киеве произошел оползень части Владимирской горки, причем движущиеся массы земли увлекли с собой ресторан и в большей или меньшей степени разрушили усадьбы на Александровской улице. В следующем году оползень коснулся соседней с ней Андреевской горки, причем была частично повреждена территория Михайловского электрического подъема (фуникулера), усадьбы на Боричевом току. *«Дума нашла, что временные меры не достигают цели, и поручила специалистам рациональный способ борьбы со сползлами. Было выяснено, что сползлы гор были вызваны действием подпочвенных вод на песчано-глинистые отложения в контакте с бурой глиной вод, причем разжиженные песчано-глинистые породы по смоченной скользкой поверхности сползали в Днепр».* Для спасения прославленных Киевских холмов были построены водосборные галереи (штольни), которые можно видеть и сегодня. Штольни конструктивно оправдали себя. Еще одним вопросом, который долгое время казался неразрешимым, были частые наводнения. Из года в год Подол подвергался этим бедствиям. Заливались улицы, дома, жители подвалов теряли последнее имущество. Цены на квартиры в этом районе из-за постоянных наводнений были невысокими и, конечно же, устраивали малоимущих. Городское управление обычно приходило на помощь населению *post factum*: оно отводило Контрактный дом потерпевшим, ассигновало известную сумму на «лодочный караван» и часто освобождало некоторые дома в районе затопляемой местности от оценочного сбора. Строительство дамбы было крайне дорогостоящим мероприятием, поэтому власти решили осуществить так называемую подсыпку Крещатицкой набережной. Так, некоторые улицы, обычно утопающие в грязи, после подсыпки приобрели благоустроенный вид. Домовладельцы спланировали и свои усадьбы. Стоимость работ по подсыпке составила 45 тысяч рублей. Проектные расчеты показали, что, применив такую технологию, из десяти наводнений только два могли серьезно угрожать этому району. Долгие годы подсыпка прекрасно работала.

«Усовершенствование типа мостовых в центре и расширение площади мостовых на окраинах» было дано избирателями как наказ перед выборами 16 апреля 1906 года. Необходимость усовершенствовать тип мостовых в центре уже в то далекое от нас время была осознана всеми. *«Вопросы эстетики, удобства передвижения, санитарии и гигиены – все они имеют тесную связь с мостовыми, – констатировалось в отчете Думы. – Акушеры вполне основательно замечают, что значительный процент женских заболеваний объясняется передвижением по скверным мостовым. Кроме того, шумные скверные мостовые вредно отзываются и на нервных больных... Вполне идеальной мостовой явилась бы бесшумная: из прессованного асфальта и торцов, – размышляли гласные думы. – Но от применения этого типа мостовых пришлось отказаться вследствие чрезвычайной дороговизны и особых топографических условий города. Дума приняла тип мостовой, примененный в Германии: из каменных кубиков, уложенных на бетонном основании. Швы этой мостовой заливаются асфальтовой смолой, что предохраняет от проникновения влаги и делает мостовую менее шумной и более упругой».* Для решения вопроса был выпущен заем на 1 миллион нарицательных рублей. От реализации займа город получил 820 тысяч 117 рублей и 38 копеек. В течение всего двух строительных сезонов были вымощены Крещатик, Александровская улица, Николаевская, Фундуклеевская, часть Большой Владимирской и Большой Васильковской, Прорезная... В центре стало удобнее передвигаться, он приобрел еще более аккуратный вид.

Прорезная улица. Фотография 1910-х гг.

Попутно замечу, что методом экспериментов удалось так наладить процесс, что некоторые мостовые сохранились по сей день почти в идеальном состоянии! А ведь им уже более ста лет, и они пережили разруху и войны...

Все это показывает возможности местной власти и самоуправляемой общины, если берутся за дело честно и эффективно. Интересно сравнивать, как решали общегородские вопросы отцы города начала прошлого века и власть предрежащие дней сегодняшних. Интересно, но малоутешительно. Так, для того чтобы поставить памятник царю Александру II у входа в Царский сад был проведен открытый, общедоступный для любого гражданина Всемирный конкурс! Деньги на памятник не изымались насильно из городской и земской казны, а жертвовались населением по так называемым, подписным листам.

Александр II, которого называли Освободителем, как никому из самодержцев повсеместно ставили памятники по всей Российской империи. Безусловно, крупный губернский город, к тому же административный центр Юго-Западного края не мог без этого обойтись, и сооружение должно было быть не менее величественное, чем в Москве. Заказ выполнял итальянский скульптор Этторе Ксименес. Царская площадь (ныне Европейская) была выделена для строительства монумента, заложенного в 50-летие освобождения крестьян от крепостного права. Предполагая, что на открытие придут венценосные особы, памятник был готов через полгода. На церемонии 30 августа 1911 года были Николай II, Александра Федоровна, их дети, П. А. Столыпин. Торжество снимал кинооператор В. П. Добжанский.

Памятник представлял собой три соединенных постаментов из светлого мрамора. На центральном, более высоком постаменте, стояла величественная фигура Александра II в парадной форме с орденами и эполетами, в накинутой на плечи мантии. Опираясь на невысокое кресло, царь в правой руке держал лист манифеста. У основания постаментов располагалась скульптурная группа: жители Юго-Западного края – крестьяне, ребенок, священник – окружали аллегорическую фигуру России, восседающую на троне. Выше помещался двуглавый орел и надпись: «Царю-Освободителю благодарный Юго-Западный край. 1911». У основания боковых, более низких постаментов, помещались скульптурные композиции с фигурами Правосудия и Милосердия. На соединяющем все три постаментов широком фронтоне – аллегорического содержания барельефы. Все фигуры и барельефы отлили из бронзы. К памятнику вела каменная лестница, а чуть позже от улицы его отгородила ажурная чугунная решетка. Впечатляющий своими размерами и обилием фигур памятник не простоял и десяти лет. После революции все фигуры и бронзовые детали переплавили на заводе «Арсенал».

Александр II был убежденным самодержцем, но он был также сознательным и планомерным реформатором, единственный в своем роде среди российских царей. Ясно, что именно ему и суждено было быть убитым. К 1881 году на него совершили шесть покушений. Не чуждый предрассудкам, однажды он услышал от гадалки, что переживет семь покушений – ему оставалось еще одно. Продуманные и осторожные, несмотря на свою важность, реформы царя не удовлетворяли молодых радикалов. Многие студенты участвовали в движении «хождение в народ», закончившееся провалом. Это напоминало распространяемых, правда уже в XX веке. «хиппи» на Западе, с похожими идеалами и верой в заоблачные духовные ценности...

Преобладающие массы российского населения в XIX веке не понимали этих городских, пашущих землю. А образованные россияне, выразились о них словами А. К. Толстого, тоже отчасти Романова: *«Революционеры и нигилисты – это те, у кого ногти не чисты»*. Тем не менее, среди незначительной, но фанатично настроенной молодежи, в результате многочисленных полицейских преследований возникла небольшая революционная группа «Народная воля». Она подготовила и осуществила ряд покушений.

И, наконец, одно из них удалось. 1 марта 1881 года, когда царь возвращался домой после военного развода в Михайловском манеже, в его сани бросили бомбу. Сани оказались бронированными, и царь остался невредим, но лошади, пешеходы и солдаты лейб-гвардии были убиты или ранены. Вместо того чтобы немедленно позаботиться о собственной безопасности, император вышел из покореженных саней и дал указание помочь раненым, всячески ободряя их. Тут к Александру II почти вплотную подошел еще один народоволец и бросил бомбу между собой и ним. Взрывчатка была закамуфлирована под пасхальный кулич. Террорист погиб, а смертельно раненый царь упал. Истекающего кровью, его отнесли в Зимний дворец. «Там умереть хочу», – еле слышно произнес царь, и через три часа скончался.

А как же с гадалкой, предсказавшей, что он переживет семь покушений? Неужели она ошиблась? Нет, считали суеверные современники. Седьмое покушение он действительно пережил; орудие убийцы было первой бомбой и восьмым покушением.

На письменном столе государя лежал проект еще одной реформы. По некоторым свидетельствам, законопроект касался учреждения выборного собрания – не конституции или парламента в европейском понимании, но института, который мог бы быть началом в этом направлении. Убийство положило конец всем подобным политическим начинаниям, преемник престола Александр Александрович не был склонен к либеральным преобразованиям в обществе и отдавал всю свою мощную энергию экономическому и военному развитию государства.

Правление Александра III наименее известно широким слоям населения. Два-три примитивных анекдота о его богатырской силе, тяге к спиртному и еще подобные глупости. Впервые после петровских реформ император завел себе окладистую бороду – как зримое проявление национальной патриархальности.

Царствование этого императора подняло престиж России в мире, а в самой стране обстановка стала благодатной и спокойной для широких слоев населения. При нем особое распространение получил девиз: «Православие, самодержавие, народность». Существующему западному парламентаризму на то время решили противопоставить новый курс «народного самодержавия», как более совершенную форму государственного управления, абсолютно подходящую для мышления и менталитета широких масс населения России. При этом планировалось ускоренное развитие национального производства при условии активного государственного вмешательства при сохранении правительственного контроля в промышленности и в финансовых сферах. Царь срочно принял меры для развития экономики, открылся Дворянский банк, строились фабрики и заводы, увеличилась разработка полезных ископаемых. По личному распоряжению Александра III запретили ночные работы женщин и подростков. При значительном уменьшении налогов с крестьян были увеличены налоги с богатых. С. Ю. Витте писал по этому поводу: *«У нас в России это мог сделать один император, столь твердый, столь мудрый, каким был император Александр III»*. Росло благосостояние населения – за время его правления вклады в сберегательных кассах увеличились в 33 раза.

Открытие памятника Александру II. Открытка 1911 г.

Но самым большим достижением императора было то, что за все 13 лет его правления страна не была втянута ни в одну из войн, поэтому его называли «Миротворец». Скорее всего потому, что сам Александр III в молодости участвовал в сражениях за освобождение Болгарии от турецкого господства и почувствовал на себе все ужасы войны. Император часто любил повторять: «Жизнь одного русского солдата для меня дороже Сербии вместе с Болгарией». Он никогда бы не вступил в 1-ю мировую войну из-за престижа Сербии, как сделал его сын.

Нужно сказать, что на успехах государственной политики сказались и счастливая супружеская жизнь. Мне очень симпатична Мария Федоровна – образец жены, матери и бабушки. Для Александра III были близки исторические традиции и непререкаемый авторитет самодержавной власти. Этим принципам он следовал постоянно и добивался их воплощения в жизнь. Он предпочитал жесткую, непреклонную линию традиционной российской державности. Для этого царь обладал всем необходимым. Прежде всего, был абсолютно искренним человеком. Любая фальшь, ложь, неестественность, пустые разговоры и лесть претили ему. Рабочий день заканчивал не ранее двух-трех часов ночи. Был прост, скромен и непритязателен в быту, светской болтовни и приемов терпеть не мог. Отличался бережливостью, никогда не отказывал в просьбах, но всегда давал просителю ровно столько, сколько требовалось, не более. Охраняя государственную казну, он ограничил содержание великих князей за счет государства. О своеобразном остроумии императора ходит немало легенд. Вот одна из них. Некий крестьянин долгое время ходил в уездное присутствие по своему делу, но там его вопрос не решался. Однажды, напившись, мужик ввалился абсолютно пьяным, грязно обругал своих мучителей и плюнул на портрет государя, что подпадало под статью об «оскорблении Императорского Величества». Крестьянина судили и приговорили к каторге. Когда дело попало на стол Александра III, тот изучил и начертал: *«Помиловать дурака. Передайте ему, что я тоже на него плюю».*

Император любил поговаривать, что у России нет союзников, кроме ее армии и флота. Но при относительном развитии экономики и престижа империи, с общественной точки зрения, правление Александра III никак нельзя оценить положительно. Он на 13 лет остановил политическое развитие общества своего государства, оставив его в руках неопытного и неподготовленного к царствованию сына. Почему на смену осторожно-прогрессивному Александру II пришел реакционный сын-наследник? Но ведь он и не был предназначен для этого. Старший сын Николай был одаренным, красивым юношей, с более мягким характером, чем у дядежки громадины Саши. Но брат-наследник умер в Ницце, и наследником стал богатырь Александр, которому от брата досталась еще и невеста – дочь датского короля, сильная и незаурядная личность. Как уже отмечалось, наследник все делал вопреки воле отца. К тому же его воспитывали консервативные учителя. Первым наставником и главным политическим советником Александра III был Константин Победоносцев, «легендарное пугало» империи. Ему казалось, что для предотвращения в державном строе гнили следует заморозить Россию. Но это отодвигало, а не решало политические проблемы, которые никакими экономическими реформами не решишь. Тень Победоносцева со временем легла и на Николая II, что сыграло роковую роль. Национальные меньшинства империи подверглись русификации, и это естественно привело к возникновению военно-патриотических движений в Грузии, Финляндии, Литве, Латвии, а особенно в Польше и в Украине. Среди евреев, до этого занимающихся исключительно торговлей, возникли различные политические партии и развилось сионистское движение.

Существует весьма поучительная история об Александре III и его министре финансов С. Ю. Витте, которого царь очень ценил, несмотря на то, что министр женился на разведенной еврейке. Император обратился к Витте по вопросу, который собственно находился в ведении министерства внутренних дел. Александр III заявил, что принял решение окончательно покончить с революционной деятельностью евреев в России любой ценой. Сергей Юльевич ответил, что как русский самодержец, он имеет полное право прибегнуть к самым крутым мерам против евреев, царь даже может собрать их всех – семь миллионов, проживающих в его государстве, на берегу Черного моря, и утопить. Увидев, что государь при последних словах помрачнел, ободренный Витте не без хитрости продолжал,

что крутые полицейские меры не дадут ожидаемого результата, а что касается другого выхода из сложившейся ситуации, то Александр III, как христианин, на это не пойдет. Оба решения отразятся на государственном бюджете Российской империи, которой перестанут помогать большинство европейских банков, так как они находятся в руках еврейских семей.

Семья Александра III. Фотография второй пол. XIX в.

На Юго-Западе Российской империи началось еврейское национальное движение, возродилась светская литература и стала развиваться в эмиграции, например, в Палестине и других странах (Бялик, Черниковский, Ахад-Гаам, Абрамович, Перец, Шолом-Алейхем). То же можно сказать и о еврейской историографии на различных языках... Большинство деятелей Всемирной сионистской организации, Керен-Гайсод и Керен-Кайевет, вышли из черты оседлости России. Мошкин и его российские сотрудники создали Всемирный еврейский конгресс для защиты прав евреев в голусе... Если евреи, рассеянные по всему миру, выработали за последние полвека национальное самосознание, сблизились для общенародных задач борьбы и прогресса, то почему это не могут совершить украинцы, которых по численности во много раз больше?! Более всего мешает духовная разобщенность, историческая неграмотность и необъяснимая заикленность на проблеме языка общения!!!

Александр III дружил с генерал-адъютантом М. И. Драгомировым, который с 1878 года был командующим войсками Киевского военного округа, а с 1897-го стал и генерал-губернатором. Даже ходили слухи, что Михаил Иванович - крестный отец сына императора Николая. Поговаривали, что они могли пить сутками водку и при этом не пьянели. Об этом их пристрастии рассказывают много анекдотов. Особо распространенный приводит А. А. Игнатъев в своей популярной книге «50 лет в строю». Находящийся постоянно во хмелю, бравый генерал «Драгомиров запомнил день 30 августа, - именины царя, - спохватился лишь 3 сентября и, чтобы выйти из положения, сочинил такой текст: „Третий день пьем здоровье Вашего Величества. Драгомиров“. На что Александр III, сам, как известно, любивший выпить, ответил: „Пора и кончить. Александр“».

О незаурядной личности Михаила Ивановича осталось много различных воспоминаний. А. В. Богданович в книге «Три последних самодержца» пишет: «Драгомиров подошел к караулу, стоявшему у его дома в Киеве, приказал им сойти с мест, затем дал несколько других команд, которые были исполнены солдатами, не понимающими, что от них требуют. Драгомиров тут же позвал командира и, высказав ему, что солдаты не знают своих обязанностей и с места караула не имеют права сходить. Узнав об этом, стали учить солдат, чтобы они не слушали команд Драгомирова. И когда он захотел, чтобы стоящий у него почетный караул ушел, его не послушали. Он, узнав, что так им приказали, стал бегать по комнате, схватившись за голову, с криком: „Переучили!“»

А. Куприн знал Драгомирова еще со времен своей службы в 46-м Днепровском полку в Проскурове, куда генерал приезжал с инспекторскими проверками. Драгомиров после смотра удалял из строя всех офицеров, включая

унтеров, шел вдоль фронта, подходил то к одному, то к другому солдату, клал ему на плечо руку и спрашивал, глядя в глаза: «Брат, кто тебя обидел?»

Драгомиров нередко высказывал, с каким равнодушием принимал всякие сочиненные о нем небылицы. *«Обстрелялся, обтерпелся и совершенно освоился, – говорил он. – Какой бы вздор не осмысливали про меня, я отношусь к нему совершенно спокойно, ну, хоть бы, положим, так же, как к тому, если бы мне сообщил кто-либо, что вчера в Берлине целый день лил проливной дождь».*

Уже позднее, когда жандармами в Киеве стал командовать полковник Новицкий, все время доносивший о «художествах» генерала в столицу, между ним и Драгомировым начались трения, перешедшие в открытую вражду. Особенно жандарма бесило то, что когда Михаил Иванович узнавал об аресте украинцев за политику, то приказывал их отпустить. Не имея возможности как-то повлиять или приструнить своего начальника, Новицкий все время кляузничал на него. Однажды на каком-то торжестве он подошел к Драгомирову и протянул бокал, чтобы чокнуться. Генерал, хитро прищурившись, поднес свою рюмку к Новицкому, и резко ее отвел со словами: *«Вот чокнешься и побежишь тут же давать телеграмму в Петербург, что Драгомиров пьянствует».* Или еще: каждое утро, как жандармский полковник, Новицкий являлся к генерал-губернатору для доклада. Как и положено, при всем параде, с наградами он и на этот раз пришел к Драгомирову. Но того в просторном кабинете не было. Вскоре тихо открывается боковая дверь и оттуда в тапочках на босу ногу, в ночной рубашке и колпаке, понунив голову, появился генерал-губернатор. Подошел к стоящему в растерянности полковнику, повернулся и, забрасывая рубашку за голову, дал Новицкому пучок розог и сказал: «Жаловался царю, что ж, виновен, секи!» Полковник бросил розги на пол, в ужасе выбежал из кабинета, но писать докладные министру и императору не прекратил. Эти и другие истории с генералом, весьма забавляли его царственного друга.

В относительно короткое царствование Александра III в Киеве построили несколько церквей, что стало отражением политики строительства, в первую очередь, православных храмов, проводимой по всей стране. Сам царь считал себя знатоком христианской старины, хотел, чтобы церкви по всей империи строились по давним образцам, и щедро жертвовал на строительство. За время его царствования их появилось около 5 тыс., и если разделить на время его правления, то придется по одной церкви на каждый день. Все они, неважно где – в Варшаве или Ташкенте, были близки по стилю. В Киеве характерной для этого этапа стала Александро-Невская церковь. Она, иногда называемая Дворцовой, была построена по проекту В. Николаева в 1889 году и разделила участь многих киевских храмов. После счастливого избавления от гибели членов царской семьи Романовых на станции Борки в 1888 году, на углу нынешних улиц Мельникова и Герцена поставили часовню (архитектор В. Николаев). Она также была разрушена.

М. И. Драгомиров. Худ. И. Е. Репин, 1889 г.

В Киеве работало уже целое сообщество архитекторов и гражданских инженеров, получивших подготовку в столичных вузах (Академии Художеств и Институте гражданских инженеров). Ретроспективная правильность империи, бывшее, как должное, становится стилем жизни. На улицах города, следуя принципу эклектики, можно было встретить всё. Архитектурная продукция - ее теперь можно было называть и по количеству и по скорости производства - вполне живописна, но монотонно однообразна. Воинствующий историзм не спорил с классической размеренностью кварталов Нового строения, аккуратно в них вписываясь, он задавал городу другое, вертикальное измерение. Природная пластичность ландшафта, сочетая дома в самых неожиданных ракурсах с обилием зеленых насаждений, воспроизводила киевскую барочность, заставляя архитекторов даже на плоских участках придавать зданиям особо вычурные и помпезные завершения. Мой любимый Г. Лукомский пишет: «... здесь и псевдорусские постройки; нет сухих, столь типичных для Петербурга построек, но зато есть какой-то особый, свой, выработавшийся благодаря местному желтому кирпичу (допускавший отделку зданий без штукатурки) однотипный характер домов, якобы ренессансного стиля, с мелкими, как бы штампованными гирляндочками и веночками, часто посеребренными, и прочими в достаточной мере аляповатыми арматурами. Выполненные часто даже в разных стилях, эти дома (80-90 гг.) все так удивительно похожи друг на друга, особенно в верхних частях богато насаженными куполами и шатрами».

Киевским памятником царствования Александра III стал Богдан Хмельницкий. Решение об установке памятника приняли в кон. 1850-х годов, а Александр II в 1870 году разрешил начать в империи подписку для сбора денег на его сооружение. По поручению Киевского комитета, который возглавил известный «патриот» Б. Юзефович, его было предложено выполнить выдающемуся скульптору М. О. Микешину. Первый вариант представлял скалу с конной фигурой Богдана Хмельницкого. Под копытами всадника в скрученных позах - польский пан, католик-иезуит, еврей-арендатор. На переднем плане должны были стоять «великоросс, малоросс, белорус», а возле них слепой кобзарь с бандурой в руках. Александр II утвердил этот проект в 1869 году, но вскоре одумался, указав на неприличие изображения повергнутых поляков и еврея под копытами Богданова коня: «*Названные национальности, хотя и пограны, но еще существуют*». Отливка была произведена на петербургском заводе Берда в 1879 году и обошлась в 30 тыс. руб. Значительную часть выделили из казны по императорскому повелению. Скульптуру привезли в Киев, где она простояла до открытия во дворе Присутственных мест. Только по

инициативе Александра III в 1886 году было завершено сооружение памятника. О присутствии царя на открытии нигде сведений не наблюдалось. Но пару лет назад я купил фотографию торжественного открытия памятника и увидел его с Марией Федоровной, уходящих с площади. Получается, что они были на торжественном праздновании 900-летия Крещения Руси 15 июля 1888 года.

К этой высокочтимой дате и приурочили открытие памятника Богдану Хмельницкому. Все улицы и площади были запружены народом и войсками. Ждали генерал-губернатора А. Р. Дрентельна для принятия парада. Вдруг неожиданно перед фронтом войск появился блаженный Паисий (в миру Прокопий Яроцкий) с горшком каши в руках. Полиция засуетилась, но не дерзнула удалить его насильно, так как юродивого знал весь Киев и жители относились к нему благосклонно. Вдруг старец бросил горшок на землю и осколки с кашей разлетелись в разные стороны, а сам Паисий скрылся в толпе.

Между тем начальник края медлил с отъездом, словно его что-то тяготило. *«Что бы, кажется, не дал сейчас за то, чтобы не ехать на торжество»*, - говорил он своей жене. С этими словами вскочил на лошадь и помчался со свитой на парад. Когда Дрентельн достиг места, где был разбит горшок, начальнику стало плохо, и он скончался.

Открытие памятника Богдану Хмельницкому. Фотография 11. 07. 1888 г.

На другой день Городская дума приняла решение отметить его памятником, который поставили 14 июля 1889 года. На нем надпись: *«Место кончины Александра Романовича Дрентельна, упавшего с лошади от апоплексического удара во время объезда войск на параде по случаю празднования 900-летия Крещения Руси 15 июля 1888 года»*.

Владимирский собор и преобразивший его Адриан Прахов

В конце XIX века в Киеве наблюдается быстрый прирост населения (до 300 тыс.) и создается «каменный город» – один из крупнейших железнодорожных узловых центров. В нем возникает ряд банков, а в сфере духовной жизни город занимает одно из первых мест, особенно с появлением Владимирского собора. Тогда, в 1860-х годах, на смену классицизму пришло время исторических стилей (историзма) – в одном из них, псевдо-византийском, и был запроектирован Владимирский собор.

Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) высказал пожелание о большом храме еще императору Николаю I. Тот одобрил предложение и разрешил начать по России повсеместный сбор пожертвований на возведение храма. Митрополит Филарет 4 ноября 1852 года разослал воззвание ко всем иерархам православной церкви и к высшим администраторам. Там были проникновенные строки, что *«в богоспасаемом граде Киеве, святой колыбели Православной веры и хранилище отечественной святыни, нет доселе храма Божьего, во имя Святого равноапостольного князя Владимира, приличного священнейшей и любезнейшей всякому русскому сердцу памяти его. В настоящее время, по Высочайшей благочестивейшего Государя Императора воле, предполагено в сем граде построить древним византийским зодчеством теплый соборный храм, во имя просветителя России Святой Верою, на добротные пожертвования верных сынов Православной церкви...»*.

Обелиск А. Р. Дрентельну. Фотография 1890 г.

Государь, как всегда собственноручно, во время своего очередного пребывания в Киеве, выбрал для собора большую незастроенную площадь между Бульваром и Кадетской (теперь Б. Хмельницкого) улицей. Однако закладка собора неоднократно откладывалась, – началась Крымская война, затем последовала кончина Николая I и смерть митрополита Филарета.

Наконец, 15 июля 1862 года, в день празднования памяти святого равноапостольного князя Владимира,

состоялась торжественная закладка храма митрополитом Киевским и Галицким Арсением.

Заложением собора завершился подготовительный период возведения, длившийся без малого 10 лет. В 1863 году вспыхнувшее очередное восстание затормозило строительство, но после его подавления значительно усилилась политика русификации Юго-Западного края, направляемая из Петербурга. Поэтому значение православного собора в честь Крестителя Руси, в крае с сильными польскими, католическими симпатиями, усилилось.

За основу построения собора взято объемно-планировочное решение храмов, сооружаемых в Византии и в Киевской Руси. В плане собор трехнефный, с восьмью несущими столпами-пилонами, на которые опираются пять куполов, раскрытых во внутреннее пространство. Над притвором выполнены еще два купола-звонницы (в храмах Византии такие звонницы обычно не встречались). Ширина собора – около 30 м, длина – 55 м, возле центрального купола вместе с крестом – 49 м. Над притвором и боковыми нефами устроены большие хоры. В нижней части храма – один престол во имя равноапостольного князя Владимира в среднем нефе, а в боковых – жертвенник в правом и ризница в левом. Так и остался бы собор памятником псевдовизантийской архитектуры, если бы не внутреннее убранство храма, выполненное лучшими мастерами.

А. В. Прахов подарил городу все великолепие Владимирского собора, помог раскрыть блистательность мозаик Софии и сокровенность воплощения фресок Кирилловского. Там где он появлялся, закипала жизнь и даже невозможное становилось вполне реальным.

Адриан Викторович родился 16 марта 1846 года в уездном городе Мстиславле. В нем столетиями происходили какие-то важные события, город переходил от литовцев к москвитам, от шведов к украинцам, от французов к русским, от белорусов... Он истари славился особым промыслом, известным как кубрачество, то есть хождение по России с просительными книжками для сбора подаяния на церкви. В отличие от земляков, которые считали: «грощ в ящик, пятак за сапог», Адриан Викторович всю свою жизнь отдал возобновлению старых и строительству новых храмов, на которые собирал деньги, где только мог. И не только не брал ни копейки, а по возможности, отдавал безвозмездно свои заработанные.

Владимирский собор. Фотография нач. XX в.

А. В. Прахов был человеком исключительной энергии и инициативы, неистощимой художественной фантазии и страстной любви к искусству. Отказавшись из-за серьезной болезни глаз от детской мечты стать художником, Адриан Викторович посвятил всего себя изучению прекрасного. Известность пришла не сразу, что, в общем-то, и немудрено для того времени и пространства, но посетив его, осталась навсегда. В 19 лет он записал в своем дневнике: «Моя задача есть сравнительное изучение истории искусств для построения теории искусств», – и для осуществления этой цели отдал всю свою волю и энергию. В 1867 году он закончил Петербургский университет. Потом продолжал обучение в лучших школах Мюнхена – на то время столицы искусств мира. Постоянное изучение отечественных памятников прошлого и знание зарубежного искусства, поездки по известным хранилищам древнего искусства – Новгорода, Владимира, Углича, Ростова, Ярославля – в достаточной мере подготовили Прахова к большой плодотворной работе в Киеве. И несмотря на то, что имя Прахова, к большому сожалению, мы не найдем на карте Киева, он его прославил своими организаторскими способностями и трудами. И лучшие храмы города от древних Софии и Кирилла до столетнего Владимирского собора являются самой яркой и зримой памятью о нем.

Выдающийся ученый-историк, искусствовед от Бога, прекрасный организатор, он свой непревзойденный и

утонченный вкус посвятил служению искусству и людям. Как никто, мог привлечь лучшие художественные силы для работы в храмах, которые ему поручали создавать и возрождать. Проникновенный Прахов смог разгадать и способствовать развитию многих талантов и, особенно, гению Врубеля. Он предложил художнику роспись Кирилловской церкви, дал ему возможность развивать свои способности в Италии и привлек его к работам во Владимирском соборе.

Поселившись у нас, Прахов тщательно исследует строения эпохи Киевской Руси и добивается потрясающих результатов. Художественная общественность с интересом следит за его открытиями, о которых он сообщает выставками своих копий древней живописи, сопровождаемыми каталогами и описаниями. По своей натуре являясь энергичным и непоседливым человеком, он увлекал своим примером всех, ценящих прекрасное. И если археологи находят ценности, сохраненные землей, то ученый-искусствовед находил жемчужины искусства, сняв слой штукатурки или новой живописи. Так, под руководством профессора были проведены работы в Михайловском соборе, а потом, как вспоминает А. Прахов: *«Работа моя по открытию фресок Кирилловской церкви подходила к концу. С большим трудом мне удалось отстоять у духовенства, хозяев церкви, право на сохранение в полной неприкосновенности, без реставрации и дорисовок, фресок, находящихся в правом приделе главного алтаря, с изображением главнейших событий из жизни и деятельности святого Кирилла, епископа Александрийского»*. И для того, чтобы не закрыть их от взглядов, *«...предложил строительной конторе восстановить церковь в ее первоначальном виде и соорудить мраморный иконостас в византийском стиле»*. Что и было сделано. Мраморный иконостас, как впоследствии и во Владимирском соборе, был разработан Адрианом Викторовичем. Они нас восхищают изящностью рисунка и двумя столпниками, стоящими на двоянных колоннах, связанных между собой так называемым «гордиевым узлом». В 1884 году А. Праховым были открыты ценнейшие мозаики: «Пантократор», «Мозаичный орнамент», «Головы апостолов Петра и Павла» и «Архангел», нижняя часть которого осыпалась. По давней традиции здесь в церкви должны быть четыре архангела с лабарями, обращенные на четыре стороны света и олицетворяющие времена года. Сохранившийся был в сине-голубых тонах, то есть «Зима». Настоятель Софийского собора предложил профессору дописать недостающих трех архангелов. Но Прахов перепоручил заказ М. Врубелю, что и было им блестяще выполнено.

М. Нестеров пишет жене: *«... поехали к Прахову. Тот меня встретил с поцелуями и очень радушно. Семья его очень странная, все похоже на помешанных, хотя этого на самом деле и нет (семью в подробностях стоит описать отдельно). У Прахова много народу, по случаю получения нового заказа Котарбинским пили шампанское»*. Жена А. В. Прахова Эмилия Львовна, талантливая пианистка, большой художественной чуткости человек, также могла вызвать звучание «струн души и сердца» у любого, кто был неравнодушен к искусству. По сей день у всех любимая история – безумная любовь к профессорше Михаила Врубеля. Как вечная память об этом безответном чувстве – ее лицо в образе Богоматери на иконостасе Кирилловской церкви. И если на «Лельку» не хотели молиться современники, то сегодня это гордость Киева – гениальное перевоплощение земного, реального в возвышенное, духовное.

А как необычайно привлекательны были дочери – Ольга – музыкант, и Елена – талантливый мастер художественной вышивки. Сын Николай – вначале студент университета, затем художник-декоратор, а также автор ценных воспоминаний. Как-то получилось, что всю семью мы и сегодня видим на стенах киевских церквей. Сам Адриан Викторович – один из апостолов «Сошествия Святого духа», изображенный М. Врубелем в Кирилловской церкви; дети воплощены В. Васнецовым и М. Нестеровым во Владимирском соборе. Но самая главная заслуга А. Прахова в том, что в 1883 году ему было поручено общее художественное руководство всей внутренней отделкой Владимирского собора и сочинение проектов для мраморных, бронзовых и некоторых орнаментальных работ. Стоял вопрос: кого из художников пригласить для выполнения росписей? После долгих лет творческой научно-исследовательской работы в древних храмах и руководства работ по их обновлению и сохранению старой живописи, Прахов смотрел на порученную миссию, как *«на синтез всех археологических изысканий в области русского религиозного искусства»*. Поэтому хотелось пригласить не заурядных «богомазов», а лучших мастеров кисти. А это были Илья Репин, Василий Суриков, Василий Поленов и Виктор Васнецов. Но из мэтров согласился работать только В. М. Васнецов, горячо поддержавший профессора. Об этом одном из лучших соборов в мире, о его росписях, написано достаточно много.

Прожил Адриан Викторович полных шесть десятков и умер в Ялте. Но стоят храмы, которые он построил, сохранил и подарил людям. И все стремятся попасть во Владимирский собор, из-за которого благодаря Прахову, хоть и на десятилетие, Киев стал «столицей искусств»!

Мистические видения на Киевских горах Михаила Врубеля

Ни об одном из обитателей Киева нет столько информации, как о Врубеле. Жизнь одного из самых мистических художников, М. А. Врубеля, тесно связана с нашим городом. Здесь произошли судьбоносные события его жизни, здесь художник начал разрабатывать любимую тему демона, которая открывалась зрителю как нечто таинственное, недосказанное. Киев по праву можно считать колыбелью живописного стиля Михаила Александровича.

Он приехал в Киев студентом третьего курса Академии, имея в творческом багаже 3–4 акварели и десяток рисунков, а покидал его сформировавшимся мастером, который всю жизнь признавался в любви к древнему городу: *«Как хорош, однако ж, Киев! Жаль, что я здесь не живу! Я люблю Киев!»* Пять лет пребывания в Киеве сам Врубель считал *«лучшим периодом своей жизни»*. Эскизы неосуществленной росписи Владимирского собора, портрет-картину «Девочка на фоне персидского ковра», рисунки и акварели художника сейчас можно увидеть в Киевском музее русского искусства.

В Киев Врубель приехал весной 1884 года по приглашению профессора-искусствоведа Адриана Прахова для участия в реставрации древних росписей Кирилловской церкви. Профессор Николай Мурашко, ответственный за весь комплекс работ, вспоминал о первой встрече с Врубелем: *«Михаил Александрович всех к себе очень располагал и внушил уважение к себе всей маленькой артели. При моей попытке с ним поторговаться насчет платы – он, дескать, такой молодой еще» – Врубель возразил: «Я молод годами, но зрел мастерством»...*

Считается, что акварели на темы сюжетов М. Лермонтова были написаны в доме № 1 по Андреевскому спуску – М. Врубель снимал там комнату с видом на Днепр. Сын А. Прахова, Николай, писал, что толчком к развитию темы «Демона» была киевская премьера одноименной оперы Антона Рубинштейна: *«Очень сильно реагировал на постановку спектакля, пение и игру Тартакова Врубель, которого наша мать Эмилия пригласила после спектакля к нам... Увидев на столе клочок бумаги и маленькую коробочку с акварельными красками фабрики „Фабера“, стал с увлечением писать»*. Эта манера рисовать и писать где попало и на чем попало, очень часто не завершая гениально начатые рисунки и раздаривать их, была типичной для эмоционального Врубеля. Он поражал многих своими увлечениями, бездумной тратой случившихся вдруг денег при систематическом безденежье.

В Киеве Врубель как художник и педагог зарабатывал довольно значительные суммы, однако свои финансовые дела проводил неаккуратно. В своих мемуарах Н. А. Прахов писал, что в денежных делах Врубель был достаточно щепетил, и если художнику случилось у кого-нибудь занять небольшую сумму, то возвращал долг при первой же возможности. К деньгам Врубель относился без какого-либо пиетета. Зарабатывал их с трудом, а тратил так, *«точно они на него сыпались с неба»*. Свои работы Врубель ценил недорого. Однажды Врубель пришел в дом Праховых и радостно сообщил Эмилии Праховой: *«Ведь вот, Эмилия Львовна, бывают же на свете такие хорошие люди! Я понес в ссудную кассу Розмитальского свою акварель, спросил за нее два рубля, а он сам дал мне целых пять!»* В ссудную кассу Розмитальского и Дохновича, которая располагалась на углу Крещатика и Фундуклеевской, Врубель заходил частенько. Целью его визитов, помимо желания получить ссуду в залог своих работ, было желание изучить различные экзотические предметы, которые сдавали в ломбард его клиенты. В этом ломбарде принимали вещи под 3 % в месяц (2 % за кредит и 1 % за хранение залога), срок залога не должен был превышать полгода, иначе залог переходил к собственникам ломбарда и подлежал реализации. Именно с 1886 года появляются характерные врубелевские синие, лиловые, золотые, темно-вишневые, дымно-розовые, млечно-голубые тона.

Врубель. Автопортрет, 1885 г.

Николай Адрианович Прахов вспоминал: *«Блеск металла и особенно переливы цветов*

драгоценных камней всегда привлекали внимание Врубеля. Металл он мог наблюдать где угодно, а драгоценные камни – в ссудной кассе Розмитальского и Дохновича, куда часто приносил в заклад что-нибудь из своих вещей. (...) Вот в этой ссудной кассе Врубель мог не только рассматривать через стекло витрины различные драгоценные камни, заложенные ювелирами, но брать их кучкой в пригоршню и пересыпать из одной ладони в другую, любясь неожиданными красочными сочетаниями (...) Это доставляло ему огромное удовольствие – пленяла ни с чем не сравнимая чистота и яркость тонов. Материальная ценность камней не играла здесь никакой роли. С таким же интересом Врубель пересыпал из одной ладони в другую искусственные камни, которыми моя сестра обшивала кокошник для маскарадного костюма».

Один из первых исследователей творчества Врубеля А. П. Иванов в своей монографии достаточно точно угадал объект врубелевского реквизита: *«Детали врубелевских композиций по краскам и очертаниям носят странное сходство то с кристаллами разноцветных камней, то с многогранными зернами таинственно рдеющих гемм, то с причудливо круглящимися образованиями самородных камней».*

Однажды Врубель, как ему казалось, придумал беспрюирышный вариант – начал писать портрет Марии – старшей дочери Георгия Дохновича – совладельца ломбарда. Врубель предполагал, что он станет покупателем этой картины.

Вот отрывок из письма художника сестре Анне: *«Аня, дорогая, спасибо тебе: я действительно находился в довольно критическом положении. Дело в том, что я, наконец, нашёл причину моей неуспешности за последнее время – это совершенное оставление втуне работы с натуры, а между тем это единственная дисциплина и средство прокормления; на творчество рассчитывать нельзя. Я теперь пишу очень красивый этюд с девочки на фоне бархатного ковра – вот твои двадцать рублей и помогут мне его закончить спокойно; вероятно, удастся его продать руб. за 200–300, и тогда опять за Терещенскую картину и за Демона. Был на днях в Киеве Третьяков, собственник знаменитой галереи в Москве. Он очень хвалил образа, особенно Богоматерь. А отчего ты мне ни словечка? Твой Миша».* Однако Дохновичу идея и портрет Врубеля пришлось не по душе, и он отказался его приобретать. Врубель три раза пытался продать картину через аукцион, и наконец И. Н. Терещенко уплатил за нее 300 рублей, после чего она попала в его собрание. Ныне эта работа – гордость Киевского музея русского искусства.

Кстати, именно Терещенко изображен на «Портрете мужчины в старинном костюме», который в народе именуют «Иваном Грозным». Эта работа появилась благодаря А. Прахову: приобретенный им кусок старинной украинской парчи заинтересовал живописца. Он воссоздал колоритный орнамент, а потом, подклеив полоску бумаги, дорисовал лицо И. Терещенко.

В доме Прахова Врубель познакомился с его женой Эмилией, матерью троих детей, которая была старше 28-летнего Врубеля на четыре года. Творческие люди любили собираться на посиделки за чаем в профессорском доме, часто пародируя того или иного мэтра живописи. Любили, лежа на полу, изображать крепко спящего, произносящего «Цов-цов-цов», под смех присутствующих сообщая: «Это Во-сне-цов»! Душой компании неизменно была очаровательная супруга Адриана Викторовича – Эмилия Львовна. Она была значительно моложе своего мужа, образованна, умна, с хорошим вкусом и манерами. При этом вспыльчива, с безуминкой. Современники не очень ее жаловали. Так, Николай Мурашко, работающий в Кирилловской церкви, был неприятно удивлен, обнаружив на врубелевских эскизах черты *«этой крикухи»*. Молодой художник огорчился: *«Вы не то увидели!»*

Моя добрая приятельница, к большому сожалению, рано ушедшая из жизни художница, Саша Прахова, правнучка Праховой, вспоминает: *«Эмилия Львовна была дамой с придурью. В нашей семье знали, что нельзя во время семейной трапезы огорчать бабулю – ведь она могла, не моргнув глазом, вылить чай за шиворот кому-то из сидящих или разбить чашку о пол. Она была довольно властным человеком – эдакая домашняя Салтычиха. Эмилия Львовна испортила жизнь своей дочери Елене. В нее был влюблен тогда малоизвестный художник Михаил Нестеров и даже якобы сделал ей предложение. Но Эмилия Львовна воспротивилась, сказав, что Леля достойна лучшей партии. В итоге Елена так и не вышла замуж. Кстати, Варвара-великомученица в правом иконостасе Владимирского собора написана Нестеровым с Елены Праховой. Узнав об этом, жена тогдашнего киевского генерал-губернатора вспыхнула: „Что же мне – ходить молиться на Лельку Прахову?!“»* И маленький Иисус на руках у Богоматери в Кирилловской церкви тоже имеет «праховские» корни: его Врубель писал со второй дочери Эмилией Львовны – Ольги. Прабабушке льстила любовь Врубеля, но романа с физической изменой мужу у них

никогда не было. Да и не испытывала она ответного чувства к Врубелю, который, по ее словам, «вел себя странно и просто по-детски». Однажды пришел в гости к Праховым с лицом, измазанным зеленой краской. «Что вы с собой сделали?» - удивилась Эмилия Львовна. «Так красиво же!» - ответил Врубель.

Эмилия Львовна Прахова. Худ. М. А. Врубель, 1885 г.

Равнодушие Э. Праховой доводило Врубеля до отчаяния. Художник К. Коровин встретился с Врубелем в поместье Трифоновских: «Что это у вас на груди белые большие полосы, как шрамы?» - «Да, это шрамы. Я резал себя ножом. Поймете ли вы, - сказал Врубель, - я любил женщину, она меня не любила - даже любила, но многое мешало ее пониманию меня. Я страдал в невозможности объяснить ей это мешающее. Я страдал, но когда резал себя, страдания уменьшались».

К осени 1884 года М. Врубель завершил монументальные работы - настенные композиции Кирилловской церкви. Художник создал две композиции: «Надгробный плач» - в нише притвора, «Сошествие Святого Духа на апостолов» - на хорах; головы Моисея и Христа - над входом в крещальню; двух ангелов с лабарями (профессиональными сборщиками пожертвований для церкви) - в молитвенной на хорах; архангела Гавриила - на предалтарном столбе; сцену «Въезд в Иерусалим» - в центральном нефе; четыре иконы на цинковых досках для мраморного иконостаса - «Святой Афанасий», «Богоматерь с младенцем», «Христос», «Святой Кирилл».

В работе «Сошествие Святого духа» Врубель написал портреты своих киевских знакомых - священника церкви Петра Орловского, археолога Гошкевича, профессора Прахова, а в виде одного из ангелов он изобразил себя. По канону, каждый апостол должен занимать определенное место. Четвертым справа должен быть апостол Лука, который тоже был художником. У всех открыты глаза, кроме него - как будто он уже осознал и принял произошедшее с Христом. В этой же работе использован большой спектр цветов, из-за чего одеяния святых кажутся разного цвета при освещении днем, ночью, вечером.

Навязчивые проявления чувств Врубеля к Эмилии начали раздражать ее мужа, и Прахов предложил Врубелю отправиться в Италию - для ознакомления с творчеством старых мастеров. Там художник пишет иконы - Кирилла Александрийского, в честь которого и названа Кирилловская церковь, Христа и Богородицы, в которой угадывается сходство с госпожой Праховой.

Сохранились наброски, и на первом из них лицо полностью Э. Праховой. В следующем наброске видно уже каноническое воплощение Девы Марии. Правда, глаза у нее еще больше, и в них уже божественное выражение.

К концу апреля 1885 года четыре образа, написанные на цинковых пластинах, были перевезены в Киев и установлены в алтаре Кирилловской церкви. Каждая икона писалась лишь по две недели.

Перед его отъездом Эмилия сказала: *«Вы слишком много думаете о себе. Это вам мешает жить и огорчает тех, кого вы думаете, что любите, а на самом деле заслоняете всё собой в разных театральных позах. А любовь должна быть деятельной и самоотверженной!»*

Богоматерь с младенцем. Фрагмент. Худ. М. А., Врубель 1885 г.

Образ Э. Праховой был воплощен в лике Богоматери. В связи с этим в адрес Врубеля нередко звучали возмущенные реплики – как можно молиться живой женщине, которая тут, рядом? М. В. Нестеров, который сам использовал черты старшей дочери Праховой Елены в образе Святой Варвары, вообще ничего не упоминает о сходстве, хотя от работы Врубеля он был в восторге. (Кстати, Елена стала моделью также для знаменитой врубелевской «Царевны Лебеди»). Вот что Михаил Васильевич пишет в письме родным в 1891 году: *«В воскресенье был я в Кирилловском монастыре (XII века). Его реставрировал года три-четыре тому Прахов. Там между другими художниками есть работы Врубеля (четыре образа в иконостасе). Писал он их в Венеции под впечатлением старинных мастеров и приложил к этому свой удивительный талант, и вышло нечто, от чего могут глаза разгореться. Особенно хороша местная икона Богоматери, не говоря уже про то, что она необыкновенно оригинально взята, симпатична, но главное – это чудная, строгая гармония линий и красок».*

По возвращении в Киев в 1886 году Врубель узнал, что Прахов пригласил работать над росписями Владимирского собора Васнецова, Нестерова, Котарбинского и Сведомского, а не его. Это было сделано обосновано, так как разработки Врубеля диссонировали с работами других мастеров, и это бы нарушило художественную цельность всего собора. Михаилу Александровичу предложили расписать лестницу на хоры, но это его оскорбило. Несмотря ни на что, он продолжил писать многочисленные эскизы росписей собора. Кроме того, создал «Моление о чаше» для церкви в имении Тарновских под Киевом. Врубелю все-таки удалось поработать во Владимирском соборе, но лишь над несколькими орнаментами. Эскизы к росписям Владимирского собора стали высшим достижением мастера в киевский период его творчества. Среди них – четыре варианта «Надгробного плача», а также «Вознесение». *«Я хочу, чтобы все тело его лучилось, чтобы все оно сверкало, как один огромный бриллиант жизни!»* – так говорил художник о своем замысле образа Христа в «Воскресении».

В Киеве у художника стали проявляться первые признаки душевной болезни: агрессивность сменяется меланхолией, и так по нескольку раз в сутки. Как-то он сказал друзьям, что срочно уезжает на похороны своего отца, а через два дня после его отъезда «покойник» наведлся в гости к сыну. Осенью 1889 года художник переехал в Москву, где познакомился со знаменитым купцом и меценатом Саввой Мамонтовым, который буквально завалил его заказами. В 1895 году в частном оперном театре Мамонтова он встретил талантливую оперную певицу Надежду Забелу, ставшую через год его супругой. А в 1901 году у супругов Врубель родился сын Савва.

В мае 1903 года Врубели с сыном отправились в Киевскую губернию, в имение В. В. фон Мекка, одного из богатых поклонников Врубеля, который приобрел «Демона». Они доехали до Киева и остановились в гостинице. Неожиданно заболел ребенок. Через два дня его не стало. Все заботы о похоронах взял на себя Врубель, он вышел из апатичной неподвижности, старался быть бодрым и поддерживать жену. Похоронив на киевском кладбище сына, Врубели все-таки поехали в имение фон Мекка. Пробыли там недолго: уже через несколько дней у художника снова начались приступы душевной болезни.

В марте 1905 года обострилось маниакальное состояние, и его положили в психиатрическую больницу. Во время этой госпитализации Врубель утверждал, что жил во все века, видел, как в Киеве в конце первого тысячелетия закладывали Десятинную церковь. Сам художник однажды сказал жене: *«Я, наверное, с Кирилловского начал, в нем же и закончу»* (в Кирилловском монастыре в Киеве размещалась лечебница для душевнобольных). Михаил Александрович с женой посещали разных медицинских светил, но здоровье только ухудшалось, падало зрение и, в конце концов, наступила полная слепота. Но даже в таком состоянии художник пытался работать, используя короткие моменты просветлений. 14 апреля 1910 года в Санкт-Петербурге 54-летнего Михаила Врубеля не стало.

Мой любимый Александр Блок посвятил Врубелю стихотворение:

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагических
страстей повествовать еще не жившим.
И вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувств,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

Позже вдова написала в дневнике: *«...сегодня тепло совсем, весна уже чувствуется на кладбище. Священник из Новодевичьего монастыря сказал: „Художник Михаил Александрович Врубель, я верю, что Бог простит тебе все грехи, так как ты был работником“. Потом говорил Блок. Его речь длинная, красивая, похожая, может быть, на картины Врубеля. Он сказал, что покойного лично не знал, что рассказы о нем точно сказки, что он слышал, будто Врубель 40 раз переписывал Демона, и один раз лицо вышло неопикуемой красоты. Что Врубель – гений, который видел то, чего никто не видит...»*

Живопись Вильгельма Котарбинского

Художник В. А. Котарбинский имел высокий профессиональный уровень, с 1905 года академик, окончил Петербургскую академию живописи. Один из немногих отечественных художников – выпускник Академии Св. Луки в Риме. Он был тихим, скромным человеком, который не нуждался в наградах и почестях, а в личной жизни он так и остался, как и в своем творчестве, – одиночкой. Его мифологические сюжеты и персонажи с глазами, переполненными трагизмом и болью, очень нравились зрителям «серебряного века». Но для «гегемона XX» они оказались лишними, ибо не выкрикивали «Слава!» и не помогали мечтать о «светлом будущем». Он так и остался певцом скорбей и трагических мечтателей. Даже в росписях Владимирского собора и в оформлении шикарных жилых домов, ни на йоту не изменил своей творческой сути.

Вильгельм Александрович родился в г. Неборуве, – сейчас Польша. В 1871 году окончил Варшавскую художественную школу. Когда ему исполнилось 19 лет, вдруг решил стать художником и вступить в брак с кузиной. Отец категорически был против этих намерений. Брак с двоюродной сестрой запрещала католическая вера, художником быть считалось неблагородным делом. Поэтому юноша бросает отчий дом и едет в Рим. Мытарства, с которыми пришлось там встретиться, не помешали ему стать, несмотря на возраст, первым призером Академии Св. Луки, получить серебряную медаль и звание «Первого Римского рисовальщика». Но как раз в Италии проявилась житейская неприспособленность мастера, которому всё, кроме творческого воодушевления, было лишним. И если бы не помощь братьев Сведомских, то он умер бы от голода. Они на носилках гробовщика перенесли умирающего поляка к себе в мастерскую, выходили его и после этого постоянно проявляли заботу. Забрали Котарбинского и привезли его в Киев, где он стал навсегда киевским мастером. Иногда ездил в Санкт-Петербург, где в 1900 году в Академии искусств прошла его персональная выставка, на которой экспонировалось около 150 сепий и ряд больших холстов.

Известный Третьяков облюбовал для своей галереи «Лепту вдовицы», но попросил художника изменить свою подпись латинским шрифтом на кириллицу, от чего тот категорически отказался: *«Я всегда так подписываюсь, и не буду ради денег перерабатывать произведение. Вы приобретаете картину, а не подпись!»* Жена мецената, сожалея, что эта работа не попала в их собрание, приобрела ее для себя. Картина после ее смерти, согласно завещанию, все-таки очутилась в Третьяковской галерее.

Жизнь художника в Киеве была довольно однообразной. Его любимая кузина стала вдовой, и они, в конце концов, поженились. Котарбинский приехал с женой в Киев, чтобы показать ей свой любимый город и собор, познакомить с друзьями. После осмотра города в собор она явилась в густой, черной вуали, уже под вечер, когда все разошлись. С товарищами знакомиться наотрез отказалась. Его собратья по кисти, братья Сведомские, уверяли, что у «знаменитой кузины» такая «рожа», что лошади на улицах пугаются. Супруги в скором времени разъехались. После неудачных попыток создания семьи, своего жилища и мастерской, Котарбинский надолго поселился в отеле «Прага». Сейчас – один из корпусов отеля «Театральный». При этом он имел возможность купить себе дом и быть довольно зажиточным, ибо его картины постоянно пользовались спросом. Попадались и довольно серьезные заказы. Это, во-первых, росписи во Владимирском соборе. Вместе с Павлом Сведомским они написали там 18 картин и 84 отдельные фигуры. Он стал одним из основателей Общества Киевских художников.

В. А. Котарбинский. Литография, 1910-е гг.

Также Вильгельм Александрович выполнил росписи в домах Терещенко и Ханенко, где они гармонично объединены с шедеврами европейской живописи, висевшими на стенах. Художника беспокоило исключительно качество красок. В комнате отеля стояли

мольберты с начатыми и законченными картинами. Под длинной дубовой скамьей собрались заметенные туда хозяином окурки, обрывки бумаги, пустые коробки из-под папирос и спичек. Во второй, маленькой, которая использовалась как спальня, была всегда неубранная кровать и всюду рассыпанный табак. Она имела такой вид, что во время гражданской войны, когда комендатуру Красной армии разместили в отеле, захламленную комнату не тронули. А старика-художника жалели, не отселяли, и даже не трогали. Но он боялся выстрелов на улицах. Поэтому забрал «свое барахло» и в 1919 году перебрался жить на квартиру к Праховым (Трехсвятительская, 20).

Умирал тяжело, от склероза и паратифа. Последний вздох испустил 4 ноября 1921 года. Но осталось богатое художественное наследие хорошего мастера, которое доносит людям его внутренний мир мистических явлений и загадок. Как здесь не вспомнить стихи Иосифа Бродского о художнике, после которого остались только «Иуды и Магдалины».

Мистическая история с привкусом ванили

Обыватель, в том числе и киевский, ищет во всех историях всевозможную мистику, приметы, ворожбу и всяческую ерунду! Ко мне нередко подходят экзальтированные личности, в большинстве перерзевшие, и требуют у меня книги, но обязательно с мистикой и загадочностью... А я реалист, хоть и суеверный! Верю только в торжество разума и логики. Вот эта история, хотя и не связана с Киевом, доказывает, что всему можно найти научное объяснение.

В 1978 году в отделение Pontiac корпорации General Motors пришло письмо, гласившее: *«Я понимаю, что могу показаться идиотом, но всё, что я хочу рассказать, – святая правда. В нашей семье все очень любят мороженое. Каждый вечер после ужина мы решаем, какой сорт будем есть на десерт, и я еду за ним в магазин. Проблемы начались после того, как я приобрел новый „понтак“. Каждый раз, когда я покупаю ванильное мороженое и собираюсь вернуться с ним домой, машина напрочь отказывается заводиться! Если мороженое клубничное, шоколадное или любого другого сорта – никаких проблем. Звучит глупо, но, может быть, в „понтаке“ есть нечто, что реагирует на ванильное мороженое?»*

Дом Ханенко. Фотография 1910-х гг. из коллекции автора

Разумеется, в службе поддержки клиентов к письму отнеслись скептически, и все же – «клиент всегда прав!» – послали инженера на проверку. Есть у них на «загнаивающемся Западе» такое!

Владелец автомобиля оказался вежливым, образованным человеком, и на сумасшедшего похож не был. Поехали в магазин, купили ванильное мороженое. Все точно – машина не заводится! Так продолжалось несколько дней подряд. Шоколадное – заводится. Клубничное – заводится. Ванильное – нет. Инженер был человеком здравомыслящим и отказался верить в то, что у автомобиля может быть аллергия. Он отменял все детали поездки – время, какой бензином, на какой колонке заправляли машину, даже температуру и облачность. В конце концов, выяснилось, что дело не в самой ванили, а в расположении товаров в торговом зале магазина. Ванильное мороженое – как самое ходовое – размещалось в холодильнике самообслуживания у самого входа, а все остальные сорта – в глубине зала, и продавались через кассира. Купить ванильное можно было намного быстрее, чем любое другое.

Задача перешла в разряд технических: почему машина не заводится, если хозяин возвращается к ней быстро? И ответ был найден: двигатель не успевал остыть, и в карбюраторе оставались пробки, вызванные интенсивным испарением бензина. Что, в свою очередь, повлекло необходимость совершенствования карбюратора, но это – уже совсем другая история. Так и популярность творчества Вильгельма Котарбинского объясняется той мечущейся предреволюционной эпохой, когда людям хотелось чего-то необычного и странного. Неспроста тогда писал Федор Сологуб: *«Ветер тучи носит. Носит тучи пыли. Сердце сказки просит. И не хочет были!»* Работы художника хорошо смотрелись в журналах и на открытках, но трудно было их представить на стенах жилища!

Лукьяновский замок, где родился президент, объединил судьбы брата Ленина и Фанни Каплан

Об этом мрачном доме в Киеве, с которым связаны жизни стольких знаменитостей, не то чтобы забыли – наоборот, о нем часто, даже излишне, вспоминают. Но что знаете Вы, дорогой Читатель, о прошлом Лукьяновского следственного изолятора МВД Украины, которому не так давно исполнилось 150 лет? Всем, кто побывал там не по своей воле, не до его прошлого. А кто может сказать, что в тюрьму попадают по своему желанию? Ну, разве что надзиратели или, как их теперь называют, контролеры.

Это тюремное сооружение, окруженное старыми валами, новыми жилыми домами, прикрытое деревьями, стоит в самом центре столицы. Вот открыть бы в Лукьяновской тюрьме музей, но куда деть его обитателей и обслуживающий персонал? Нет другого здания, в котором перебивало столько значительных, знаменитых лиц, и которые, несмотря на их столь разительные политические взгляды, находились в одних и тех же камерах, ходили на допросы, свидания, прогулки по одним и тем же коридорам. Я не буду останавливаться на нынешнем состоянии Лукьяновского следственного изолятора. Я – историк, поведу рассказ о прошлом, но на этот раз не об архитектуре и быте, а о прежних обитателях тюрьмы.

Ранее, когда заключенных были единицы, их заключали в крепостях или замках. Особо виновных казнили без промедления. Места массовых заключений в Киевской губернии появились одновременно с восстанием 1863 года, с проведением групповых арестов и казней для содержания многочисленных врагов режима.

Губернские присутствия стали строить везде. В Киеве оборонные сооружения были небольшого размера, поэтому возникла необходимость в новом тюремном замке. Для новостройки выбрали пустынное место у поселка Лукьяновка. Первое главное сооружение появилось в 1863 году по проекту архитектора М. Иконникова. Архитектурного целого не получилось, памятник зодчества второй половины XIX века достраивался и перестраивался, что происходит и сегодня.

Так появилась Лукьяновская тюрьма, место, где все – независимо от политической платформы и симпатий – объединялись в очереди за тюремной похлебкой. Когда в злополучные 1930-е годы у киевских старожилов спрашивали, где тот или та, они многозначительно потирали руки, иногда приговаривая, хотя и так было понятно: «Ладушки». Так, с черным юмором, называли ЛАД – Лукьяновский арестный дом. В последние годы возле «Ладушек» – видать, в назидание, – поставили величественное по архитектуре и великолепное по интерьеру здание налоговой полиции.

Первыми лицами, которые по политическим причинам гурьбой попадали в камеры тюрьмы, стали народники, участники Чигиринского заговора 1877 года. Тогда большая группа революционно настроенной молодежи подготовила восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии. У них не получалось напрямую сказать крестьянам о своих целях. Поэтому 24-летний сын священника Яков Стефанович, имея опыт политической работы, решил пойти на обман крестьян, используя их процарские настроения. Он выдал себя за эмиссара императора Дмитра Найдю и призвал сообща бить помещиков и забирать их имущество. В этом ему помогали 20-летний дворянин Иван Бохановский, в прошлом член революционной организации «Киевская коммуна», и 22-летний Лев Дейч, сын еврея-купца. Они создали нелегальную крестьянскую организацию «Тайная дружина». За месяц до выступления планы заговорщиков были раскрыты, всех членов дружины, а их было около тысячи, арестовали. Так Бохановский, Дейч, Стефанович стали заключенными Лукьяновского замка. У народников существовала специальная группа для освобождения своих товарищей. Особенно отличился в этом сын военного Михаил Фроленко. Он разработал верный план, который неоднократно применял. По нему и сбежала из Лукьяновской тюрьмы указанная тройка. Сам Фроленко впоследствии участвовал (дважды) в покушениях на Александра II, за что был осужден в 1881 году, но казнь заменили пожизненным заключением, из которого его освободили по Манифесту 1905 года. Бохановский, Стефанович, а особенно Дейч и далее продолжали заниматься революционной работой. В романе Ф. Достоевского «Бесы», который не любили в СССР, читаем: *«Мы проникнем в самый народ. Одно или два поколения разверзата неслыханного, подленького. Когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот что надо!»* А в черновиках к «Бесам» можно прочитать удивительное пророчество Достоевского: *«Год такого порядка или ближе – и все элементы к огромному русскому бунту готовы. Три губернии вспыхнут разом. Все начнут истреблять друг друга. Капиталы и состояния лопнут. И потом, с обезумевшим после бунта населением, разом ввести социальную республику, коммунизм и социализм».*

Особое событие в описываемой тюрьме произошло 24 мая 1881, когда в камере родился будущий академик, мало того, президент Академии наук УССР А. А. Богомолец. Даже объем книги не позволяет указать все звания этого великого ученого. Его мать – Софья Николаевна Богомолец, в девичестве Присека, была по происхождению дворянкой с Полтавщины. Она, став женой видного народовольца врача Александра Богомольца, по распространенной среди молодежи моде вступила на путь революционной борьбы. Даже не окончив в Петербурге женские курсы врачей, по зову души и мужа «пошла в народ». После долгих скитаний, скрываясь от полиции в подполье, Софья Богомолец в Киеве стала членом революционной организации «Южнорусский рабочий союз», а после ареста основателей, которые тоже отбыли срок в Лукьяновской тюрьме, приняла руководство. Ей тогда исполнилось 24 года. Вскоре арест и суровый приговор: 10 лет каторги. Но на место отбывания наказания везти Софью было нельзя – осужденная была с заметным животом. Через четыре месяца заключения она родила мальчика, который впоследствии 16 лет руководил наукой Украины. Когда малыш окреп, его маму с подельницей Елизаветой Ковальской отправили в Сибирь. Молодые женщины и из Иркутской тюрьмы попытались убежать. Это не удалось, и им добавили еще по 8 лет срока. Софье Богомолец достаточно было и первых полученных десяти лет: она умерла от туберкулеза на Нижней Каре (Забайкалье) 23 января 1892 года.

Долгие годы (1878–1903) судьба революционеров в Киеве зависела от начальника Киевского губернского жандармского управления полковника В. Д. Новицкого. В своих мемуарах «Записки жандарма» он почти не вспоминает Лукьяновскую тюрьму, ставшую его позором. Конец XIX века, пожалуй, был самым тяжелым периодом для жандармерии: все студенты, да что там говорить, вся интеллигенция баловались революцией! Да, да, именно, баловались! Иначе эти потуги объяснить нельзя. Как дети, которые добрались до спичек... и устроили пожар, сжегший империю! Вначале пытались разбередить революционными идеями крестьян, а потом, поняв всю бесперспективность этих устремлений, взялись за рабочий класс. Но когда вспыхнула революция 1905 года с ее трагедиями, баррикадами, расстрелами, погромами, они ужаснулись, но было поздно: зверь разрушения и насилия был уже разбужен!

А тогда быть революционером считалось модным и престижным. Жандармский полковник Новицкий, забирая всех присутствующих на собраниях, резонно считал, что не причастных просто не было. И ничего, что из взятых 100 человек 90 выпускалось на свободу – главное, чтобы жандармов боялись, а тюрьмы пусть будут переполнены. В постоянно достраиваемой Лукьяновской тюрьме мест было достаточно, но надзирателей не хватало, поэтому заключенные шатались по камерам, которые не запирались. В это время в Лукьяновской тюрьме произошла встреча двух ведущих лидеров Октябрьского переворота – А. В. Луначарского и М. С. Урицкого. Последний зарекомендовал себя так, что вершил дела тюрьмы он, а не ее начальник. Луначарский до этого отсидел в знаменитой Таганке, поэтому мечтал немного отоспаться, а тут – постоянные политические споры. Пришлось даже жаловаться тюремному надзирателю, чтобы его приговорили к одиночному заключению, и он не должен был жить в постоянном гаме общей камеры! Но что требовать от интеллигентного Анатолия Васильевича: чтобы знать в совершенстве шесть языков, их надо было где-то учить. А тюрьма стала университетом для большевиков.

Уголовники сидели отдельно, но и они пользовались теми послаблениями, которых добивались политические, а те иногда по численности, а чаще и по влиянию, в тюрьме преобладали.

При Новицком решили для показательного суда в Киеве собрать всех нелегальных распространителей газеты «Искра», из которой потом «разгорелось пламя». Вот тут и произошла история, прославившая тюрьму на весь мир. 31 августа 1902 года был организован побег 10-и искровцев. Так как среди них были знаменитые большевики Николай Бауман, Макс Литвинов, Иосиф Пятницкий, то об этом достаточно написано. Им с воли передали кошку (крючок), а в цветах – веревочную лестницу. К акции искровцы готовились не скрываясь. Вели себя вызывающе, гоняли в футбол жестяной, играли в «слона», становясь во что-то наподобие пирамиды. И вот в назначенный день закинули лестницу, построили «слона» и оказались за тюремной стеной. На грохот в тюрьме надзиратели не обратили внимания, а часового один из заключенных держал в своих крепких руках.

О Пятницком и Баумане написано немало, но о М. М. Литвинове (Макс Волоха) материалы скудны. А жаль, очень уж колоритная фигура, как в революционной борьбе, так и в международной политике. Его, члена КПСС с 1898 года, невероятно боялись. Сначала жандармы, а потом дипломаты. Он любил стаскивать их лбами: первых – физически, а вторых – фигурально. Максим Максимович в тяжелейших 1941–1946 годах – заместитель наркома иностранных дел и одновременно посол СССР в США. Многие считают, что

вступление этой державы в антигитлеровскую коалицию – его непосредственная заслуга.

В арестном доме после позорного для администрации побега дисциплина усилилась. Иногда происходили издевательства над заключенными. Так, 26 обитателей Киевской губернской тюрьмы 31 марта 1902 года направили генерал-губернатору письмо. В нем сообщалось об издевательствах над ними полицейских. *«Арестованного приводят под стражей на ночь в участок, заводят в секретную комнату, накладывают на жертву железный обруч и резиновой плетью предают пыткам давно исчезнувшей цивилизации. Человек готов отдать и подтвердить все, и невинного страдальца не устрашает будущая каторга или тюрьма – лишь бы избавиться от пыток. Весь материал, необходимый для протокола, получался от пыток, избиваний, выбиванием зубов. Из заключенных в Киевской тюрьме, числом около 2000, не найдется более 200-300 человек, отбывающих наказание по действительной вине своей. Что касается других, то они жертвы кулачных наказаний»*, – писали оттуда Л. Мурашко, И. Котвицкий.

А. В. Луначарский. Открытка нач. XX в.

Большую известность приобрел труд возглавляющего киевскую адвокатуру А. С. Гольденвейзера «Преступление – как наказание и наказание – как преступление», написанное в 1908 году под впечатлением романа «Воскресенье» Л. Н. Толстого. Сын Александра Соломоновича перевел этот роман на английский язык. Лев Николаевич в письме к нему заметил: «... не могу не сказать, что этюд Вашего отца с большой силой и яркостью освещает дорогие мне мысли о неразумности и безнравственности того странного учреждения, которое называется судом».

Советские историки попали в несколько щекотливую ситуацию. На тех домах, в которых хоть несколько дней провели родственники В. И. Ульянова-Ленина, были памятные доски, причем весьма внушительные. Но на действующую тюрьму их нельзя было повесить. Анна Ильинична провела там январь-июнь 1904 года, а ее брат Дмитрий Ульянов – с января 1904-го почти год. Но мемориальная камера близкого родственника Ленина находится в музее «Косой капонир», а там он был всего пару дней! Это вполне в духе того освещения истории! В киевском музее В. И. Ленина, где я несколько лет работал внештатным экскурсоводом, даже намек не было на то, что дед вождя пролетариата Александр Бланк родом из Украины – из местечка Староконстантинов.

Для террористов особо заманчивой фигурой был В. А. Сухомлинов – генерал-адъютант, командующий Киевским военным округом (1904–1908), Киевский, Волынский и Подольский губернатор (с 1905 года), военный министр (1909–1915). Для покушения они выбрали самую «боевую подругу» – Фейгу Ройд. Читателям она хорошо известна по фильмам, книгам, даже живописным картинам как... Фаня Каплан. Когда она отправилась на предложенную акцию в конце 1906 года, то утверждала, что ей 18 лет, а попав в Лукьяновскую тюрьму, уменьшила свой возраст на два года (так она фигурирует в справочниках). Дочь меламеда с Волыни на то время была анархисткой, но ей удачи это не прибавило: покушение не состоялось. Фейга уронила взрывное устройство, даже не дойдя до места акции. Бомба откатилась, незадачливая террористка пострадала мало. Поэтому в тюремной больнице ей вытащили осколки, а потом перевели из койки в камеру. В «Ладушках» Фаня переориентировалась в эсеры. С возрастом Каплан теряла зрение, здоровье, но не убийственный запал. С 30 августа 1918 года стала одиозной фигурой из-за своих выстрелов в Ленина. Так как Владимир Ильич никогда не бывал на Украине, то о реальности покушения на него Фани Каплан, почти ничего не видящей, рассуждать не буду.

Дмирий Ильич Ульянов

По разным причинам, но в основном из-за отстаивания своих взглядов и убеждений, в знаменитом тюремном замке побывали изобретатель Николай Кибальчич, философ Николай Бердяев, историки Евгений Тарле и Михаил Грушевский, литераторы Владимир Винниченко и Сергей Ефремов. Короткое время в камере был Борис Донской, убивший командующего германскими войсками фельдмаршала Эйхгорна. Террориста повесили 10 августа 1918 года на Лукьяновской площади при большом стечении народа. Два часа его тело с табличкой «Убийца фельдмаршала Эйхгорна» висело на телеграфном столбе. Его соучастница, тайный агент ВЧК Ирина Каховская, внучатая племянница известного декабриста, находилась в тюрьме и лишь по шуму толпы могла догадываться о случившемся.

Уместно вспомнить самые страшные годы репрессий 1930-х годов, когда через вереницу страданий, издевательств и необоснованных обвинений прошел цвет украинской интеллигенции: М. Зеров, М. Вороний, Г. Косынка, Д. Фальковский и многие другие.

Можно изучать историю Лукьяновской тюрьмы по названиям киевских улиц советского периода: Мельникова (один из первых марксистов Ювеналий Мельников сидел в апреле 1896 года за организацию так называемого Лукьяновского рабочего клуба); Жадановского (подпоручик Борис Жадановский – руководитель восстания саперов); Шлихтера (один из создателей КПСС Александр Шлихтер – вице-президент АН УССР (1931-1938); Дегтяренко (Петр Дегтяренко – впоследствии руководитель ГубЧК); Чудновского (Григорий Чудновский – киевский комиссар); Тимофеевой (Галина Тимофеева – член большевистского подполья).

Фанни Каплан

А если вдуматься, то в названиях киевских улиц имеется какой-то скрытый смысл. И если

вы хотите, чтобы вашим именем назвали улицу в нашем городе, нужно, как минимум, отсидеть пару лет в Лукьяновской тюрьме...

Культурная жизнь Киева

Развитие общественной жизни и промышленности требовало улучшения системы образования. Поэтому появляется значительное количество школьных учреждений – казенных и частных, нижних, средних, высших, мужских и женских. Когда была основана Городская дума, в Киеве работало только четыре церковные школы, а весь бюджет на образование не превышал и 6 тыс. руб., что поразило организаторов однодневной переписи 1874 года. Они увидели почти полностью неграмотных работников и ремесленников. Через 4 года было уже 10 школ, а бюджет вырос в 5 раз. И подобный рост продолжался, а в 1914 году городских школ стало 73. Были организованы даже школы для слепых и глухих. Количество средних школ (гимназий) для мальчиков тоже увеличилось с двух, расположенных в собственных домах возле университета, до восьми: 3-я на Подоле, 4-я напротив костела, 5-я на Печерске, 6-я на Лукьяновке, 7-я в Бульварной части, 8-я возле Театра Соловцова. Но и их было мало, поэтому появилось пять частных. Некоторые из них, особенно, гимназия В. П. Науменко, стали популярнее казенных. Были еще и реальные школы, первая из которых появилась в 1877 году по предложению Думы, считавшей, что кроме общего гуманитарного образования нужно получить профессию. В то время шла полемика о системе образования, так что киевское реальное училище стало первым в России. Позднее, в 1896 году появились и коммерческие школы, удовлетворяющие требованиям промышленно-торговых кругов. Одна из них размещалась в собственном здании стоимостью более 200 тыс. руб. А как не сказать о Коллегии Павла Галагана, которую он основал в память своего (ему было 16 лет) умершего сына. Фондатор отдал для школы два больших каменных дома на Фундуклеевской улице и значительные участки земли на Черниговщине и Полтавщине, дававшие значительные прибыли. В Коллегии могли учиться как православные, так и униаты. Учебный курс не отличался от гимназического, но с некоторыми изменениями, подбираемыми индивидуально руководством Коллегии. Туда приглашали лучший преподавательский состав, поэтому среди директоров можно назвать популярного в то время поэта Иннокентия Анненского. Руководил ею совет, в который входили четыре профессора (от каждого факультета университета), директор Коллегии, два воспитателя, два представителя Городской думы. Галаган планировал присоединить к ней еще проколлегию (младшие классы гимназии) и университетские курсы, но не успел осуществить задуманное.

Еще большее развитие получило женское образование. До описываемого периода в Киеве был только Институт благородных девиц и несколько частных пансионов: Фромиот Залеской, де-Ленс и более демократичный – г-жи Рогге. Считалось, что женщинам образование не нужно, и получить его можно было исключительно за границей, но туда пускали только замужних дам. Поэтому практиковались фиктивные браки. Тогда уже возникла необходимость в школах для дочек разных чинов. Этому способствовал бывший губернатор И. И. Фундуклей, отдавший под это два своих дома и ежегодное вспомоществование. 7 января 1860 года была открыта женская гимназия, получившая название Фундуклеевской, а Иван Иванович стал пожизненным почетным попечителем. Большинство киевлян встретило ее появление одобрительно, но часть дворян выражала недовольство приемом туда девиц всех сословий. Выступил против и ректор духовной академии епископ Антоний (Амфитеатров). Но действующий куратор кн. Васильчиков отдал в гимназию свою дочь и приказал, чтобы для нее не было никаких послаблений. Он часто навещал ее, а у себя дома устраивал праздники и вечеринки для подруг дочки. С первых дней до своей кончины директором был профессор Линниченко. Количество учащихся с 40 увеличилось в 10 раз через пять лет (среди выпускниц Фундуклеевской гимназии отметим Анну Ахматову). На Подоле в 1870 году была организована 7-классная гимназия. Средства на неё выделило купечество и городской голова Демидов.

Были женские гимназии, открытые по распоряжению министра просвещения Толстого. В то время во главе учреждения стояли директор мужской гимназии (в данном случае Слепушкин) и главная надзирательница. Так появилась «министерская» гимназия, впоследствии получившая название Ольгинской. Немецкая община также организовала гимназию Св. Екатерины по образцу «министерской». Таким образом, в Киеве появилось четыре казенные гимназии. Но рост самосознания у женщин был очень высок, и скоро появилось еще несколько частных. Такую гимназию, причем первую в России, основала жена университетского профессора В. М. Ващенко-Захарова. Она пользовалась популярностью и имела лишь 200 школьниц, так как плата была немалой. После смерти основательницы управление перешло к О. Т. Дучинской. Всеобщим уважением пользовалась гимназия, основанная А. В. Жекулиной, при которой были высшие женские курсы. Рост учебных заведений в Киеве, их прогрессивная направленность вывели город в один из передовых в империи. Кроме отдельных школ были и школы смешанного типа. Мальчики и девочки сидели за партами коммерческих, а иногда и реальных училищ. Их

обучение проводилось по-новому: не было ни отметок, ни экзаменов, программу предпочитали наглядную, учащиеся рисовали, собирали коллекции, часто организовывали путешествия. Кое-что из этого использовалось и в казенных школах. Особенно геологические, ботанические, исторические экскурсии. Их описал Н. В. Шарлемань в своих пособиях и рекомендациях. С учащимися совершали и дальние путешествия на выставки (в Нижний Новгород в 1896 году, в Париж в 1900 году). Директор 5-й гимназии В. И. Петр, чех, установил правило – ежегодно совершать поездки за рубеж. Я не упомянул здесь профессиональные школы (ремесленные, художественные, музыкальные), а также 4 военные и 11 духовных.

До описываемого времени было две высшие школы: университет и духовная академия. В конце XIX века основаны Киевский политехнический и коммерческий институты и женские высшие коммерческие и медицинские курсы. Да и Киевская духовная академия стала солидным научным центром с завидным составом профессоров, которые прославились серьезными исследованиями: С. Т. Голубев, П. А. Лашкарев, И. И. Малышевский, Н. И. Петров, Ф. А. Терновский... Более шести десятилетий тут выходили «Труды Киевской духовной академии», было основано «Церковно-археологическое общество», создан богатый музей. Студентов было около полутысячи, но с годами их становилось меньше, – у общества падал интерес к религии.

Теперь об одном из знаменитых зданий в Киеве, прославленных не только в художественном, но и в политическом смысле. Это цирк «Гиппо-палас» или конный цирк имени Петра Сильвестровича Крутикова – здание постоянного нахождения конного цирка с 1903-го по 1941-й годы в Киеве. Цирк располагался на Николаевской улице (сегодня – улица архитектора Городецкого) на месте, где находится современный кинотеатр «Украина». Это было первое двухэтажное и одно из самых больших цирковых помещений Европы. Построен за деньги, вырученные Крутиковым от продажи собственного имения, полученного от отца в наследство. Кирпичное двухэтажное здание, оснащенное по последнему слову техники, было построено в стиле модерн, с невиданными для цирка тех лет в Киеве удобствами: паркетный пол в фойе, гардеробная, как в театре, паровое отопление, просторный трехъярусный зал, огромный стеклянный купол над манежем, электрическое освещение, приспособления для трансформации арены. Фасад здания украшал большой и сложный витраж, выполненный с большим мастерством и вкусом. Зал вмещал 2000 зрителей, и для каждого из них предназначалось кресло (а не деревянные лавки, как в прежних цирках). Самые роскошные места располагались в четырехместных ложах. А их было 40!

Теперь о самом Петре Сильвестровиче Крутикове. Это был самородок. Цирковому мастерству он нигде не учился, да и не было тогда специализированных школ. Мастерство передавалось в семье из поколения в поколение. Сын генерала, Крутиков закончил престижную Коллегию Павла Галагана и поступил в университет на юридический факультет. Обширные связи отца и его финансы обеспечили выпускнику должность чиновника по особым поручениям при канцелярии Киевского, Волынского и Подольского генерал-губернатора, где он и познакомился с Драгомировым. Став губернаторским зятем, Крутиков перевелся в Киевскую судебную палату, где его, вне всякого сомнения, ожидала блестящая карьера. И вдруг неожиданно для всех молодой человек оставил службу. Он пренебрег юридической карьерой и полностью посвятил себя лошадям – дрессировал просто для своего удовольствия. На Большой Васильковской у него был манеж, где он дрессировал лошадей, отданных ему на выучку. Тут же при конюшне была квартира Крутикова, и в нее по-своему забредали лошади, ходили по комнате, обнюхивали вещи, на письменном столе их привлекала бумага, которую они сжевывали, принимая за сахар. Могли высунуть морду на улицу, внимательно наблюдая за прохожими. Открыв собственный цирк, Крутиков стал еще и предпринимателем.

Цирк Крутикова или «Гиппо-Палас». Фотография нач. XX в.

Самыми знаменитыми номерами программы считались выступления самого дрессировщика. Петру Крутикову не было равных в таланте и мастерстве, некоторые из его номеров не удалось воспроизвести по сей день. Кроме Крутикова, выступавшего с группой дрессированных лошадей, с которыми он объездил Россию и Европу, на арене цирка выступали самые знаменитые цирковые труппы и артисты начала XX века, проводились турниры по классической борьбе, вызывавшие тогда большой интерес у публики. Здесь шли спектакли-пантомимы, поставленные известным киевским балетмейстером Фомой Нижинским, отцом легендарного танцовщика и хореографа Вацлава Нижинского, блиставшего на сценах Парижа и Нью-Йорка.

Прекрасная акустика зала и интерьер здания способствовали тому, что вскоре в помещении цирка начали проводить концерты. На арене выступали симфонические

оркестры и даже пели знаменитые оперные певцы (Ф. Шаляпин, Л. Собинов, М. Литвиненко-Вольгемут, М. Батистини, Титта Руффо). Здесь выступали писатели (А. Куприн, В. Маяковский), проводил лекции В. Мейерхольд.

Цирк вписал страницу и в политическую историю Украины. В 1918 году именно в цирке Крутикова – самом вместительном и удобном зале Киева – был избран гетманом Павел Скоропадский.

Расцвет украинофильства

Из всех работ, обобщающих этот исторический период, мне нравится анализ Игоря Гирича. Воспользуюсь им. Как ни странно признавать, но Киев между описанными восстаниями был скорее польским, чем русским городом. Русская культура была представлена официальными элементами, одиночными государственными людьми, направленными сюда прихотями судьбы. Они чувствовали здесь себя уверенней, чем Иван Долгоруков. А в конце XIX века чиновники стали вообще хозяевами. Но нельзя забывать, что «русификацию» края проводили отнюдь не «русские люди», а представители многих народов и культур Востока и Запада, они и составляли аристократический высший свет. Только вероисповедание было у них одно – православие.

В XIX веке, чтобы стать значимым в обществе, нужно было принять православие. Вот так дед Ленина иудей Александр Бланк получил дворянство... Почти вся верхушка империи была пришлой, даже Романовы.

Но вернемся в Киев. Влияние польской общины на культурную жизнь и образование было доминирующим. Долго велась полемика, на каком языке вести преподавание в 1-й гимназии. А при открытии университета более половины преподавателей были этническими поляками из Кременецкого лицея. Лишь М. Максимович считался «русским», а был скрытым украинофилом. Уже тогда было затруднительно найти коренного «великоросса», жаждущего покинуть Москву ради Киева. Облик аристократических кварталов Киева, особенно Липок и Старого города, был типично польским. Молодые Н. Старицкий и Н. Лысенко, приехав впервые в Киев с бывшей Гетманщины, были неприятно поражены, когда в кофейне прислуга обращалась к ним по-польски: «Co państwo zyczy?» С открытием нескольких гимназий и университета Киев становится крупным центром просвещения, науки и культуры. Но в силу сложившихся обстоятельств воспользовались этим польские шляхтичи Правобережной Украины. Поэтому в университете превалировали антирусские настроения, а украинский вопрос первоначально поляки всерьез не воспринимали. Официальный Петербург, не имея в то время основания для легального выселения поляков из Киева, прибег к иному «русскость» земель на правом берегу Днепра. Для достижения этой цели генерал-губернатор основывает Временную комиссию для рассмотрения древних актов и архивов. Это и положило начало институционному становлению украинской исторической науки, чего совсем не ожидали имперские правительственные круги. Да и не были к этому готовы!

Ученые, входившие в состав Временной комиссии, в 1843 году начали систематическое и методическое изучение истории края. Этот центр украиноведения состоял из людей без родовых имений или накоплений, наименитых шляхтичей (дворян), выходцев из сельского парафиального духовенства, казаков, иногда крестьян и мещан. Старая громада, ее культурологическое направление деятельности, фактически стала первой политической партией. Она разработала в Киеве украинскую идеологию, которой с начала 1860-х три десятилетия руководила небольшая группа интеллигентов. Их было всего несколько сотен, но они дали толчок созданию подобных обществ. Тогда, после восстания, польский элемент в Киеве резко сократился, а с развитием капитализма в городе увеличилось число русских среди буржуазии и рабочих специалистов.

«Киевская мысль» 7.10.1907: «Декану историко-филологического факультета Высших женских курсов подана от группы слушательниц-украинок петиция, в которой выражено желание иметь лектором по кафедре истории украинской литературы профессора Грушевского. Под петицией имеется до 500 подписей».

Газета «Громадська думка» 16.10.1906: *«Не раз доводилось чути, що наш Київ називали чорносотенним городом. Але ми не маємо право нарікати, бо в цьому є немало правди. Але ця правда повинна нас українців вражати і образжати...»*

Перед нами стоїть завдання – очистити наше місто шляхом культури од чорносотенщини».

Образование и культура развивались в русофильском направлении, что привело к быстрой ассимиляции. В то время украинцам не удавалось создать свои учебные заведения, газеты и всячески продвигать свою национальную идею. Другое дело славянские и другие этнические движения в Европе, где местная элита активно преобладала в городах, а дальше продвигалась на периферию. В то время, когда чехи культурно вытеснили немцев из Праги, хорваты доминировали в Загребе, а Краков так и не стал австрийским городом, Киев, казалось, наоборот, получал все больше и больше русских черт. Тут даже не было постоянного театра, а именно он стал главным публичным фактором национального возрождения. Та же картина и со школьным образованием, хотя официально разрешенного преподавания украинского языка не было. Украинские лекции В. Антоновича были нелегальными, а журналистика в Киеве – исключительно имперская, изредка украиноязычная. Из десяти киевских газет только одна более-менее выразительно отстаивала интересы украинцев. Административные гонения хлопоманов-украинцев были угрозой для каждого члена Старой громады. Достаточно было общаться на родном языке, чтобы получить клеймо украинофила и потерять работу. Даже в семьях в присутствии посторонних старались говорить по-русски. Это удивило А. Кошица во время пребывания в семье Н. Лысенко. Чтобы «порозмовляти рідною мовою», нужно было идти на Безаковскую улицу в «книгарню» «Киевской старины», где молодой холостой приказчик Сидоренко, не опасаясь что-то потерять, вел беседу исключительно по-украински. Не удивительно, что большинство известнейших киевских деятелей национального движения были русскоязычными и писали свои произведения по-русски. Тут учитывались возможности и потребности читателя. М. Драгоманов, этнический болгарин, только в эмиграции стал писать по-украински, а поляк В. Антонович лекции читал не на том языке, на котором хотел. То же можно сказать и о Н. Кропивницком, Ф. Вовке, Б. Кистяковском и многих других. Федор Вовк подписывал свои произведения – Волков. Но вскоре более молодые литераторы стали писать и говорить исключительно на украинском языке. При таких ненормальных условиях существования культурные достижения украинцев Киева все-таки пересилили интеллектуальные достижения других городов Украины.

Кроме научных трудов киевской Археографической комиссии среди наибольших таких удач стоит назвать первый печатный орган старогромадцев – газету «Киевский телеграф», а потом и газету «Зоря» и неофициальную часть «Киевских губернских ведомостей» под редакцией А. Лазаревского и А. Андриевского, семь томов «Трудов Юго-Западного отделения Российского географического общества» с работами П. Чубинского. Важнейшим печатным органом украинофилов стала, безусловно, «Киевская старина». Особую роль сыграла она на первом этапе своего существования под редакцией Ф. Лебединцева, когда уровень ее научной полемики определялся В. Антоновичем, когда превалировала ориентация будущей Украины на Запад, европейский способ мышления. К сожалению, затем акцент сместился в сторону «шароварщины» во время редактирования журнала Е. Кивлицким и В. Науменко под идейным управлением А. Лазаревского. Важное научное значение имеют работы киевского духовенства, тут они значительно обошли светских авторов. Предтечей будущего автокефального движения были историки церкви, которые, по меткому определению М. Максимовича, смотрели на историю с Андреевской горы – протоиерей Софийского собора и редактор «Киевских еперхальных новостей» П. Лебединцев. Много серьезных разработок историко-политического направления в «Трудах Киевской духовной академии», где отметим Н. Петрова, Ф. Тарновского, С. Голубева.

Украинец национальное образование мог получить лишь в Коллегии Павла Галагана. Это институция, где преподавание велось на русском языке, директором был известный поэт И. Анненский, за 50 лет деятельности воспитавшая более десятка учеников, впоследствии академиков. В историко-филологической отрасли безраздельно господствовала школа В. Антоновича, который подготовил целую плеяду серьезных ученых, преподававших в учебных заведениях Киева. Они стали

гуманитарной основой для развития патриотических идей. Так и 2-я гимназия вскоре получила репутацию украинской, – в ней преподавали М. Чалый, О. Туманов, О. Тулуб; в 4-й гимназии учителем истории стал Орест Левицкий, а в 3-й – Василий Ляскоронский. В реальном училище долгое время передавал свои знания о Киевской Руси Л. Добровольский. Иван Каманин на протяжении долгих лет возглавлял Киевский архив древних актов.

С годами явственнее ощущалось украинское присутствие, вступавшее в противовес с учеными, стоящими на пророссийских позициях. В обществе Нестора-летописца происходила полемика между Т. Флоринским, Ф. Фортинским, Ю. Кулаковским и фактически примкнувшим к ним историком В. Иконниковым и группой, возглавляемой М. Антоновичем, А. Андриевским, О. Котляревским, М. Истоминим... В Киевской духовной академии на пророссийских позициях стоял Ф. Титов, оппонентом которого выступил Н. Петров. Аналогичная позиция сложилась в Археографической комиссии, в журнале «Киевская старина». Киевский городской музей, благодаря подвижнической и целеустремленной работе известного музейщика Н. Биляшевского стал неофициальным музеем и духовным центром города.

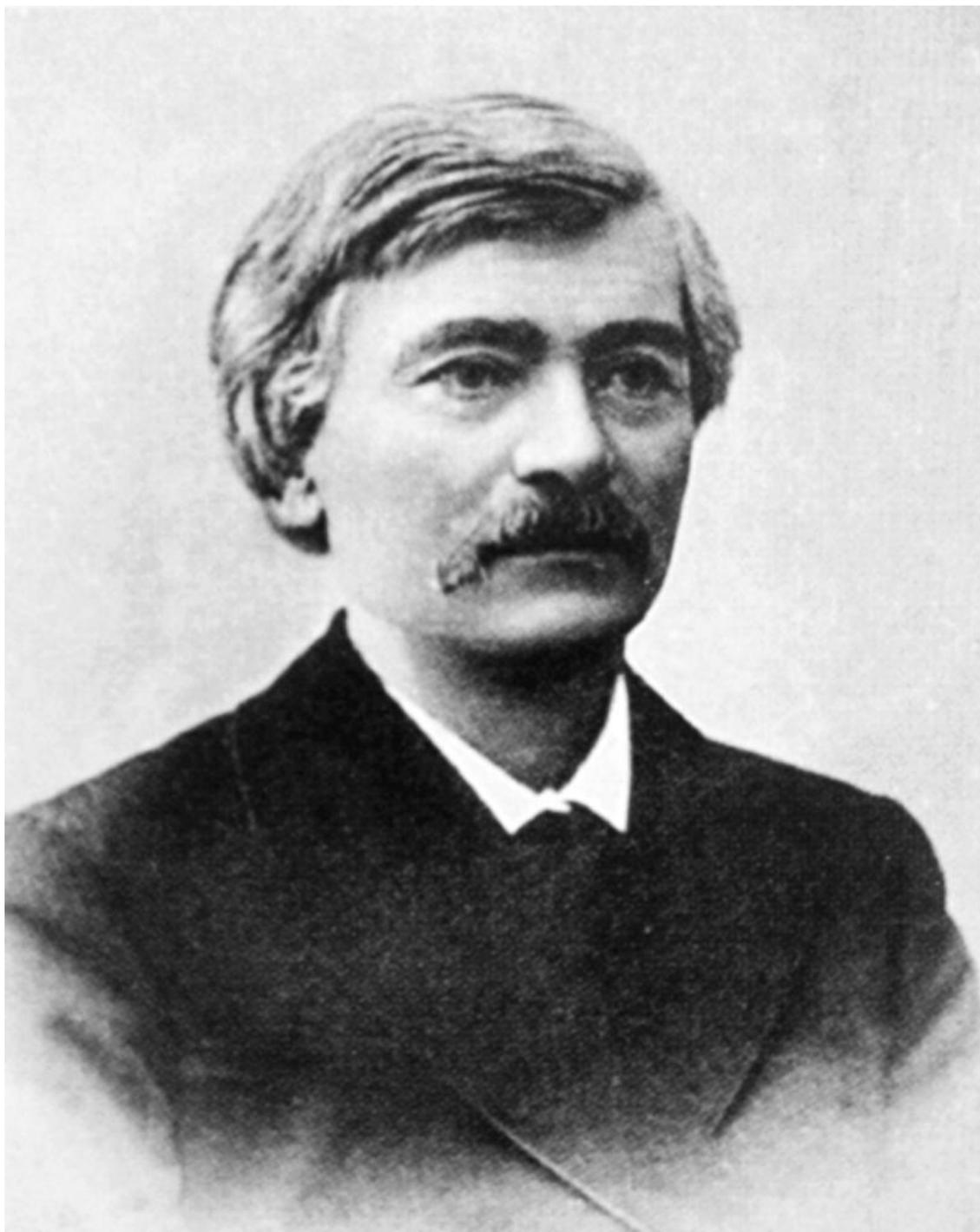
О. Саксаганский вспоминает: *«Марко Лукич Кропивницкий брал участие в благотворительном вечере и читал поэму Козлова „Чернец“. Когда он произнес строки: „И за Украину молиться чернец пошкандибав“, присутствующий генерал-губернатор Дрентельн злорадно процедил: „Напрасно, Москва ее давно уже съела“».*

Мнение о значении Киева в прошлом начинало преобладать и у московских историков (А. Пресняков, А. Шахматов), и у популярных философов – властителей дум русской интеллигенции. Георгий Федотов с грустью признавал, что в российскую элиту начинает проникать мысль об украинском Киеве. В своей нашумевшей статье о трех российских столицах (Москва, Петербург и Киев) он писал о необходимости переноса духовной столицы империи в исконный религиозный центр – Киев. Для достижения этой цели призвал русских осваивать украинскую культуру, воспринимать ее достижения как свои собственные, чтобы не потерять ту территорию, где возникла Русь. Он был уверен, что единство России невозможно без Киева. Киевлянин Николай Бердяев в своей знаменитой книге «О русской идее» развивает аналогичные мысли. Он считал, что благодаря православию ряд периодов отечественной истории начинался с киевского этапа, ставшего наивысшей эрой, так как жизнь большинства святых пришлась на Киевскую Русь. В XIX веке на смену идеологии «Второго Иерусалима», фактически противостоявшей московской идее «Третьего Рима», пришел концепт – «Киев – столица украинской нации», вступивший в полемику с имперским понятием «Киевской Руси, первой государственности русской Руси, предшественницей Руси Московской и Петербургской».

Владимир Бонифатьевич Антонович

Поляк по национальности, Антонович родился в дворянской, правда, безземельной семье в местечке Махновка, Бердичевского уезда 18 января 1834 года. Учился в Одесской 2-й гимназии, где жил в пансионе Джидая. Затем – медицинский факультет Киевского университета. По окончании служил врачом в Киевской губернии. Большая любовь к истории и нумизматике привела его на филолого-исторический факультет того же учебного заведения. Он окончил его в 1860 году и под влиянием своих учителей М. А. Максимовича и Н. Д. Иванишева посвятил себя научно-издательской работе в киевском Центральном архиве и Археографической комиссии. Эта работа на всю жизнь была тесно связана с его исторической научно-литературной деятельностью. До конца своей жизни Антонович оставался профессором своего университета и много для него сделал. Он издал девять томов архива Юго-Западной Руси, содержащего в себе акты, касающиеся истории Украины. На основании им самим обнаруженных и научно осмысленных материалов написал целый ряд исследований, значение которых трудно переоценить. Его труды всегда отличались наличием фактического материала, самостоятельностью общего научного построения и всегда присущим Антоновичу стремлением к понятию основных духовных особенностей в развитии украинского народа. Владимир Бонифатьевич, опираясь на фундаментальные знания по истории, выдвинул свою теорию развития трех соседних народов. По его убеждению, руководящими идеями прогресса являлись: у русских – абсолютизм, способствующий развитию их централизаторской государственности, у поляков – аристократизм, обостривший межсословную борьбу и в конечном итоге приведший к упадку и гибели государства, у украинцев – широкий демократизм, как наиболее полное выражение общеславянского начала общинности и равноправия. Если посмотреть на эту концепцию, то обнаружим в ней корни причин происходящих событий, будоражащих последние несколько лет России и Украину. Его работы не потеряли актуальность и по сей день, они необходимы каждому, кому не безразлично будущее нашей страны, тем, кто желает повести ее по пути развития и прогресса. Теорию Антоновича о бесклассовости и небуржуазности, идущем из глубины веков демократизме украинского народа развил впоследствии его ученик М. Грушевский.

Антоновича можно назвать отцом научной украинской археологии. Своими исследованиями он охватил почти все уголки нашей родины. На основании раскопок для регулярно происходящих археологических съездов он составил ряд рефератов и исследований о разнообразных предметах всех исторических эпох. Особым предметом научно-исторического интереса был для Антоновича Киев и его окрестности. Археологический и нумизматический кабинеты Киевского университета трудами Владимира Бонифатьевича стали лучшими как по подбору, так и по разработке. Им же составлены археологические карты Киевской и Волынской губерний. Ученый справедливо считал, что только при помощи археологии можно реально воспроизвести страницы жизни прошлых времен.

Владимир Бонифатьевич Антонович

Его уважали в кругу коллег, чтит ученый мир и любили ученики, а их было много, очень много. Поэтому смело можно говорить о школе Антоновича в исторической науке. Антонович принадлежал к тем прогрессивным слоям польской интеллигенции, проживавшей столетиями на украинской земле, которые считали ее своей родиной. Недаром они получили от спесивых «панов» кличку «хлопоманы», которой Антонович вместе со своим приятелем Тадеем Рыльским очень гордились и считали, что польский и украинский народы, в течение столетий находясь под одним владычеством, имеют много общего и в судьбе, и в генезисе. В своих работах по истории религии Антонович особенно подчеркивал значение независимой национальной церкви для самоопределения Украины.

Умер 8 марта 1908 года.

В. Б. Антонович – один из величайших сынов Украины. Именно к нему относятся слова Бисмарка: *«Нация – это единицы выдающихся личностей перед большим количеством нулей, благодаря которым нули и превращаются в многозначное число».*

Великая княгиня Александра Петровна - единственная монахиня из Романовых

Своей благотворительной деятельностью особо отличилась великая княгиня Александра Петровна. Она единственная из дома Романовых добровольно приняла монашество. Александра Петровна, принцесса Александра-Фридерика-Вильгельмина Ольденбургская, перешла в православие и вступила в брак с в. к. Николаем Николаевичем. У них родилось два сына - Николай и Петр.

В молодости, вскоре после женитьбы, во время прогулки в экипаже великая княгиня пострадала в результате несчастного случая: лошади понесли, она выпала на землю и сильно травмировала позвоночник. Долгое время не приходила в себя вследствие шокового состояния. 9 лет провела в постели, затем годы по заграничным больницам и курортам. Но основным путем к исцелению княгиня получила у подножья святой горы Афон. Александра Петровна в 1879 году оставила Петербург ради Киева. Поселившись в доме на Липках, она, прикованная к постели, мечтала об учреждении обители. Получив облегчение в «болести», приступила к созданию живого монашества, деятельной обители, где бы лечили физически и душевно страждущих. Так организовался общежительный монастырь с его многочисленными лечебными и благотворительными учреждениями, с сестрами, активно исполнявшими обязанности санитарок и сиделок. В Лукьяновке, на живописном, с множеством вековых деревьев на откосе Вознесенской горы, над древним Подолом вскоре выросли строения Покровского монастыря. Все до малейшей детали делалось по указаниям Александры Петровны, под ее контролем. Начали строительство собора, построили больницу, монашеские кельи с помещением для навещающих родственников, поликлинику для дневного и амбулаторного лечения. Она считалась самой большой в Юго-Западном крае, ежедневно принимала до 500 больных вне зависимости от религиозного или социального статуса. Тут же на территории монастыря находилось училище для девочек-сирот, приют для слепых, приют для неизлечимо больных, анатомический покой для нужд больницы, прачечная, столовая и кухня для сестер и больницы. Для всех больных и убогих была открыта странноприемница. Подробно перечисляю, потому что почти все строения, заложенные или построенные при участии великой княгини, сохранились до наших дней и нещадно, на износ, использовались советской властью. Там, где была тишина и порядок, разносилась площадная брань, не смолкавшая десятилетия, а где лечили души, - прерывали беременность, организовав городской абортарий.

Видя такое рвение Александры Петровны, и ощущая определенные результаты, по повелению Александра III и решению Священного синода к Покровскому общежительному монастырю был присоединен знаменитый Межигорский монастырь. Мы уже останавливались на его славном прошлом, но к 1894 году, времени его присоединения, он был в заброшенном состоянии. Превратив монастырь в женский, надеялись, что царственная подвижница сможет поднять его из руин и запустения. И действительно древняя обитель смогла возродиться и стала вновь популярной среди паломников.

Великая княгиня Александра Петровна

Переселившись 1 июля 1889 года в созданный ею Покровский монастырь, получивший в народе название «Княгинин монастырь», Александра Петровна писала мужу о желании принять монашество. Супруг дал согласие, не возражал и племянник – Александр III. Облекшись в иноческие одежды, великая княгиня приняла пострижение с именем Анастасия. С тех пор жизнь ее протекала согласно иноческому обету, который был предельно строго разработан. Она вместе со всеми насельницами проходила послушание, собственноручно записывая имена богомольцев в монастырский синодик на поминовение за упокой и здравие, врачю людей духовно и телесно. Все здесь создавалось крайне быстро и энергично. Она часто говорила: «...Я боюсь не смерти, опасаясь не успеть сделать все то, что я должна еще сделать на земле». Такое подвижничество инокини Анастасии продолжалось до 1892 года, когда у нее обнаружили рак. Ее доверие к своим врачам было столь велико, что операцию ей проводили в больничном корпусе монастыря.

В конце мая княгиня начала поправляться на монастырской даче в Феофании. Потом она почти год провела за границей. После приезда в память о своей благополучно проведенной операции начала обустривать хирургическую клинику, куда через два месяца стали поступать больные. Главным врачом был назначен Н. Н. Соломка, хирург из военного госпиталя. Ему и его коллегам старалась ассистировать настоятельница, по несколько часов выстаивая на ногах.

Многие считали своим долгом посетить «Княгинин монастырь». Особенно много появилось жаждущих прийти в эту обитель на послушание. Поэтому в первый год число насельниц достигло около 400, хотя по штату не должно было превышать 150 инокинь. Храм был всегда наполнен верующими. Матушка постоянно находилась на службе и, несмотря на слабость после болезни и природную полноту, выстаивала от начала до конца. Все богомольцы находили возможность побеседовать с почитаемой монахиней, получить ее благословение, а если было необходимо, то и утешение.

17 марта 1893 года Покровский монастырь посетил Св. Иоанн Кронштадский и вместе с настоятельницей обошел все корпуса, посетил клинику, проведал больных, благословил их на выздоровление. На следующий день провел утреннюю службу и Божественную литургию. Особенно важным для Покровской обители стал 1896 год. Это и визит Николая II, и закладка нового храма по проекту сына настоятельницы – Петра Николаевича. Нужно отметить, что во всех деяниях великой княгини рядом были ее сыновья.

Осветить последние дни земной жизни инокини Анастасии поможет нам послушница Покровского монастыря: *«9 апреля. Светлое Христово Воскресенье. Матушке немного легче, мы воспрянули духом и надеемся на милость Божию, что Господь воздвигнет ее от одра болезни. В трапезе с нами разговлялись принц Александр Петрович и Великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, Великая княгиня Милица Николаевна, чем мы немало были удивлены.*

13 апреля, в 1 час 35 минут тихо почил в Бозе матушка наша, Александра Петровна, в инокинях Анастасия. Зашло во гроб наше светлое солнышко, которое ярко грело нас 11 лет. Лишились мы навсегда любимой, дорогой матери и остались сиротами. Другой такой матери не будет нам, кроме Царицы Небесной.

В 4 часа утра, после литии, матушку, одетую в иноческие одежды, в простом сосновом гробе вынесли из келии в больничную церковь Преподобного Агапита Печерского, где была совершена Божественная литургия и панихида по усопшей. Мы все, сестры, просто захлебывались от слез. В 2 часа пополудни был вынос тела из больничной церкви в Покровскую. На выносе присутствовали высокопреосвященный Иоанникий, митрополит Киевский и Галицкий, с множеством духовенства; принц Александр Петрович, Великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с супругой Великой княгиней Мелицей Николаевной. Шли за матушкиным убогим гробом. Да, поистине убогий гроб: голые доски, смирение и нищета иноческие. Я сподобилась нести крышку от гроба, а гроб несли монахини. В 8 ч. вечера была панихида, которую совершил преосвященный Сильвестр, епископ Каневский.

15 апреля, Суббота. Сегодня похоронили матушку. Против алтаря Покровской церкви ее смиренная могила с простым белым крестом, в углублении которой перед небольшой иконой Покрова Пресвятой Богородицы горит неугасимая лампадка. Могила обложена зеленым дерном и сплошь усажена живыми цветами». На кресте вскоре появилась надпись: «Ее Императорское высочество Августейшая строительница Благоверная Государыня Великая Княгиня Александра Петровна, во инокинях Анастасия, скончалась 13 апреля 1900 года на 62 году».

Предместья Киева, составившие славу городу

Издавна принято считать, что город со стороны своих окраин сжат нежелательными для застройки территориями. В XIX веке сдерживающими расширение Киева мотивами были частные владения многих сельских хозяев, неважно каких сословий. Они владели землей, и это определяло городскую политику на расширение. Землевладельцы, понимая выгоду, продавали большие участки городу или частным лицам. При этом получали деньги и славу: местность долго носила их имя. И сегодня будущее города, как и 100-150 лет назад, за киевскими предместьями, то есть местностями, непосредственно примыкающими к черте города, до поры до времени не входящими в его состав. Они в прошлом и формировали город, разбавляя его этнографический состав украинцами, жившими в хуторах и поселениях вокруг Киева. Познакомимся с некоторыми из этих местностей.

Храмы Покровского монастыря. Слева - Никольский, справа - Покровский. Фотография 1910-х гг.

Расширяя границы городских владений, особенную настойчивость Дума проявила в решении вопроса о судьбе Верхней и Нижней Соломенки, Протасового Яра и Батьевой горы. Представьте себе, что еще в последней четверти XIX столетия, из-за инертности городских деятелей того периода, жители перечисленных выше предместий добились того, что занятая ими земля не была присоединена к Киеву и с 1908 года перешла под юрисдикцию Хотивской волости. Лишь после этого Городская дума возбудила ходатайство о присоединении названных земель к Киеву. Но жители отчужденных территорий возбудили со своей стороны ходатайство об образовании нового городского поселения под названием Александрия! Это прошение вызвало сочувствие у местных властей даже в министерстве внутренних дел, но не могло быть удовлетворено ввиду того, что «город Александрия» не имел собственных земель. Общество землевладельцев Соломенки, постоянно препираясь с думскими чиновниками и гласными, не прекращало борьбу за право выделиться в самостоятельный город и получить в дополнение к 100 десятинам имеющейся территории еще 400 десятин так называемой беспереоброчной земли. Городская дума, получив сведения о том, что министерство внутренних дел согласилось на образование города Александрии, избрала особую депутацию под председательством городского головы и уполномочила ее *«лично поддерживать ходатайство города везде, где будет нужно, и даже перед Высочайшей властью»*. Комиссией о пользах и нуждах был составлен доклад по вопросу о присоединении к Киеву Соломенки и других предместий. Доклад попал в руки председателя Совета министров Петра Столыпина, который, изучив все перипетии этого непростого дела, встретился с министром внутренних дел и приказал направить в город чиновника по особым поручениям. Дума вздохнула с некоторым облегчением. Под боком у Киева так и не появился город-спутник с романтическим именем Александрия. Там возник новый городской район, здравствующий и поныне - Соломенка. Часть киевских земель была спасена, кроме того, существенно снизилась опасность, как указывалось в отчете Думы, *«возникновения в соседстве г. Киева неблагоустроенного и бедного средствами городского поселения, которое, в силу своей бедности, жило бы за счет г. Киева и в то же время угрожало бы ему постоянной опасностью в санитарном отношении»*.

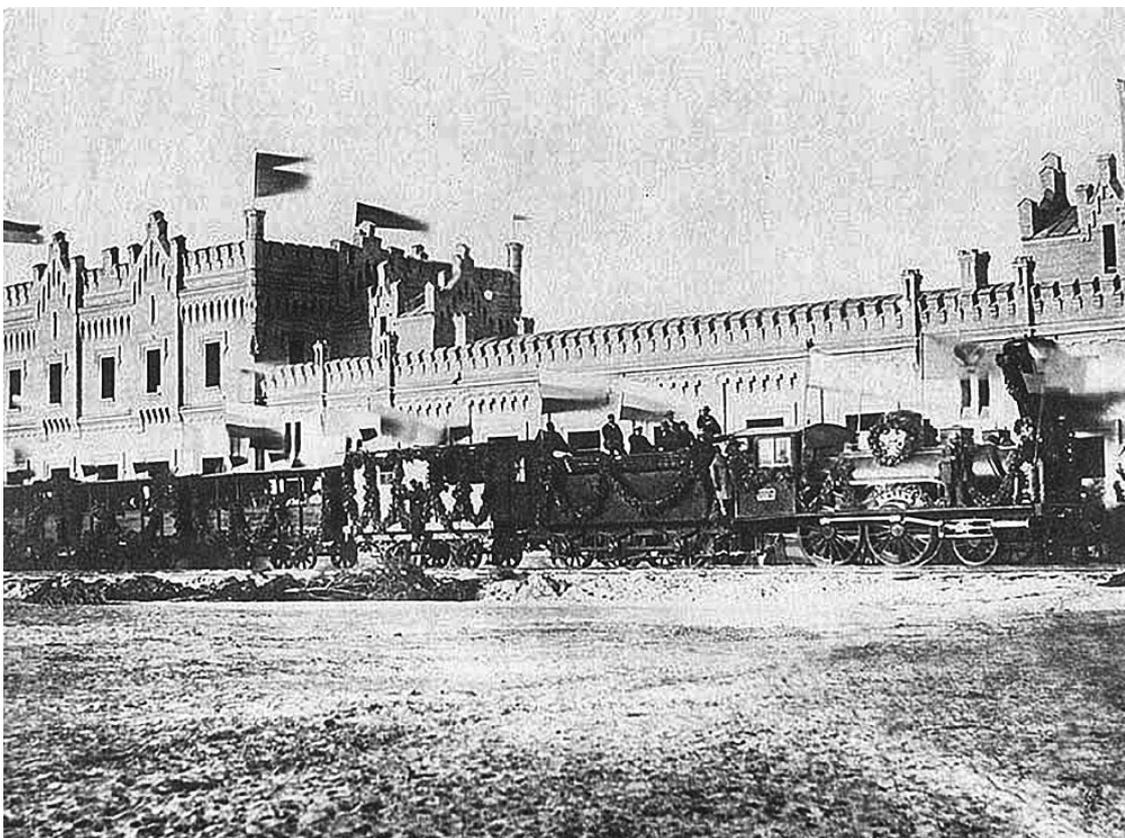
Матушка Анастасия (в. к. Александра Петровна). Фотография 1890 г.

Любопытно, но в начале прошлого века для обозначения предместий Киева, ныне входящих в состав района, а именно: Нижней Соломенки, Верхней Соломенки, Кучмина и Протасова Яров, Батьевой горы используется общее название «Соломенка». Эта местность с населением в 35 тыс. человек, примыкающая к железнодорожному вокзалу и «положительно запертая железнодорожной насыпью» по указу из Петербурга вошла в черту города: «Во 2 день июня 1910 года Государь Император на положение совета высочайше соизволил». Территория этого района, в прошлом получившего название Зализнычного, постоянно менялась. Присоединялись новые села, поселки, возникали и исчезали дома, улицы, одни территории времени и пространства насаивались на пределы других. Менялось этнографически и социально население. В границах нынешнего Соломенского района можно увидеть, как минимум, 18 исторических жилых местностей. Они существуют и определяют историю города независимо от того, нанесены на карты или нет.

Местность, располагающаяся в районе площади Вокзальной и улиц Вокзальной и Коминтерна считается Вокзальной. Название происходит от Киевского железнодорожного вокзала, впервые открытого 18 февраля 1870 года. История его следующая. 24 марта 1866 года был подписан контракт с бельгийскими промышленниками на

строительство Курско-Киевской железной дороги. Концессия на нее, как после зачатия была рождена (утверждена) через девять месяцев. Концессионеры привезли из-за рубежа рейки, крепления, стрелки, паровозы, вагоны, станки, инструменты, чугун, железо, телеграфное оборудование... Движение поездов по Курско-Киевской дороге открыли 17 декабря 1868 года. На примыкающих к вокзалу улицах размещались здания различных служб, которые обеспечивали нормальное функционирование железнодорожного узла. Само же строительство железной дороги и создание киевских железнодорожных мастерских привело к быстрому росту населения. В то время вокзал был большим, в стиле английской готики. Его открытие было для всего города чрезвычайным событием. В частности, главную улицу, ведущую от вокзала, нарекли Безаковской в честь киевского генерал-губернатора Александра Безака (1801-1868), приложившего много сил к строительству железной дороги. В конце Безаковской на изящном постаменте водрузили дивную статую тогдашнему министру путей сообщения Алексею Бобринскому. Он изображен, как древний сенатор в римской тоге. На территории вокзала располагается, в том числе и промышленная зона Южнорусского машиностроительного завода.

Соломенка расположена по правую сторону реки Лыбедь: между железной дорогой, улицей Кудряшова и Воздухофлотским проспектом. Возникла в середине XIX века как пригород Киева и входила в состав Белгородской волости. В 1858 году эта местность была передана городу императорской казной под пастбища. Селились здесь в основном отставные солдаты. Название селу дали хаты, покрытые соломой. В то время в нем насчитывалось 200-300 человек. В связи с прокладкой железной дороги Курск-Киев часть земель отдали землевладельцам, через чьи усадьбы пролегла колея. С 60-х годов XIX века Соломенка - рабочий поселок железнодорожников. Он делился на Нижнюю Соломенку (вокруг нынешней площади Кривоноса) и Верхнюю Соломенку (в районе улиц Кавказской и Кубанской). В 20-30-е годы XX века местность называлась «Сичневкой» на «долгую» память о январском восстании 1918 года, которым уже никто и не помнит.

Первый поезд Киево-Балтской железной дороги на Киевском вокзале

Кучмин (Кучмой) Яр располагается в районе улиц Механизаторов, Кавказской, Кудряшова. Название происходит от фамилии первого поселенца (в 1830 году) Григория Кучмы.

С середины XIX века в Яру возникли улица и переулок Кучмин Яр - теперь улицы Краснодонская, Кудряшова и переулок Краснодонский. Большая часть старой застройки снесена в 60-70-е годы XX века.

Батыева Гора расположена на склоне холма над рекой Лыбедь и железной дорогой между Протасовым и Кучминным Яром. Сама же Батыева гора находится между улицами Соломенской и Волгоградской. На карте Киева 1837 года имеется название «Батыева Гора». Местность «Батиевы Могилы» зафиксирована на картах Киева 1861 и 1874 годов. Название происходит от кургана-могилы некоего авторитетного у древних киевлян Бати. Одновременно считается, что во время монголо-татарского нашествия 1240 года на горе находился шатер хана Батия. И действительно, с этой возвышенности хорошо было бы наблюдать за осадой Киева. На рубеже XIX-XX веков здесь возник поселок, причем значительная часть старой застройки сохранилась и поныне.

Протасов Яр расположен на правом берегу реки Лыбедь, между Байковой и Батыевой горами, в районе одноименных улиц и спуска. Название происходит от владельцев этой местности Протасовых. Во второй половине XIX и в начале XX веков здесь добывали глину для расположенного здесь кирпичного завода.

Значительно позже овраг с целью расширения Байкового кладбища засыпали.

Богданов (Богдановский) Яр расположен вдоль улиц Стадионной и Богдановской. Известен с XIX века. Название «как богом данной» поселенцам местности происходит, скорее всего, от имени (а может и фамилии) владельца Богдана (Богданова, Богдановского).

Кадетский Гай (Роща) известен с конца XVIII века как Шулявский Гай. Название Кадетский Гай появилось после строительства в 1857 году на землях Митрополичьего хутора новых помещений Владимирского кадетского корпуса. Располагался между Шулявкой, Соломенкой, Чоколовкой, захватывая часть современного Воздухофлотского проспекта и Первомайского жилого массива: район нынешних улиц Уманской, Козицкой, Фучика и прилегающих. Почти всю рощу вырубали во время Гражданской войны, а затем застроили. Остатки лесопарка можно наблюдать между улицей Уманской и железнодорожной колеей. А в Кадетском Гаю и поныне протекает одноименный ручеек как правый Лыбедский приток.

Александровская Слободка расположена между Соломенкой, Чоколовкой, Совками, Байковой Горой, Протасовым Яром. Название происходит от поселения людей, временно освобожденных от повинностей и податей («слобода»), место под которое было выделено из «государевых земель» по указу Александра II. В эту местность со всего Киева свозился мусор - в район нынешней улицы Надъярной. Поскольку слободка возникла во второй половине XIX века рядом с костопальными (по пережигу костей на удобрения) заводами, то до 1-й четверти XX века была еще известна под названием Костопальня. Первая застройка проходила вдоль улицы Преображенской (нынешняя Клименко) и не сохранилась.

Казенные Дачи расположены в районе проспекта Победы, улиц Гарматной, Янгеля и Выборгской. Название дано с 1854 года, когда эту территорию разбили на 28 дачных участков и передали в аренду. В 1860-1880-е годы участки застроили. Наиболее известной стала дача «Сан-Суи», от которой произошло новое название всей местности. С началом строительства завода Гретера и Криванеко, а 80-е годы XIX века территория Казенных Дач постепенно застраивается цехами и служебными помещениями этого одного из крупнейших на то время предприятий, основанного этническими чехами. В черте города с 1914 года.

Караваевы Дачи расположены между Шулявкой и Отрадным, улицами Янгеля, Смоленской, Гарматной, проспектом Отрадным и железной дорогой. Названы по фамилии Владимира Караваева, которому с 1869 года тут принадлежал значительный участок земли. Владимир Афанасьевич Караваев (1811-1892) - профессор хирургии медицинского факультета при Киевском университете и «первый в России» хирург-окулист, основатель и организатор первой в России Клиники глазных болезней. Обладал большим (в том числе для частной практики) приоритетом в применении новых хирургических методов в области пластических операций на лице и в ампутации. 18 февраля 1847 года сделал в Киеве вторую во всей России после Пирогова операцию с применением наркоза. Жил на улице Шулявской, которая в 1891 году в честь 50-летия руководства образованной им же при университете кафедры хирургии и заслуг перед городом была переименована на Караваевскую (с 1920 - Льва Толстого). Избирался почетным гражданином Киева. После смерти профессора-хирурга территория местности Караваевы Дачи была в 1902-1908 годах разделена на участки и распродана под частные усадьбы. Современная местность Караваевы Дачи объединяет в себе, по сути, самую давнишнюю местность Караваевы Дачи с местностями Новокараваевы Дачи и Казенные Дачи. Ныне на Караваевых Дачах есть улица профессора Караваева, но иногда можно встретить сведения, что вначале, в 1962 году, она была названа в честь иного Владимира Афанасьевича - ученого-зоолога, жившего в 1864-1939 годах и приходившегося первому Владимиру Афанасьевичу внуком. Теперь улица официально названа именем деда.

Грушки расположены вдоль проспекта Победы между улицами Гарматной и Василенко. Возникли как хутор во второй половине XIX века. В 1871-1902 годах принадлежали К. Грушке, отсюда и название хутора. С 1921 года в составе Киева.

Отрадный расположен в районе проспектов Отрадный, космонавта Комарова, бульвара Ивана Лепсе, улиц Героев Севастополя, Василенко. Название происходит от одноименного хутора, возникшего в 1914 году после выкупа этих земель у местных крестьян киевским коллежским регистратором Константином Яниховским. Хутор получил свое «отрадное» название потому, что в этом месте временно дислоцировался кубанский казачий полк со станции Отрадная. Утешения, облегчения и отраду приносили эти места столетие тому назад. Может быть, поэтому и мне спокойно здесь живется. Особая аура Отрадного благоприятно сказывается и на моем творчестве. В 1923 году хутор включили в городскую черту.

Пост-Волынский расположен между аэропортом «Киев» (бывший «Жуляны») и Отрадным, рядом с улицами Пост-Волынская, Волынская и Поставая. Название происходит от железнодорожной станции «Пост-Волынский» (теперь «Киев-Волынский»). Узловая станция на соединении путей из Волыни и Подолья и прилегающее к ней поселение возникли во второй половине XIX века за тогдашними пределами города. В романе «Белая Гвардия» М. А. Булгакова ряд весьма важных событий декабря 1918 года происходили именно на этой станции.

Забайковье располагается между улицами Байковой, Кировоградской, Волжской, переулками Волжским, Ясиновским. Название происходит от Байкового кладбища, за которым находится поселок. Местность известна с конца XIX века как владение Киево-Зверинецкой церкви, которое в то время было сдано в аренду жителям города под сады и огороды. Забайковье застроено на рубеже XIX-XX веков, а в 1909 году выкуплено у церкви киевской городской властью. На местности сохранилось немало сооружений начала XX века.

В 1860-е годы население киевских предместий начало быстро увеличиваться. Этому способствовало строительство в долине реки Лыбедь железной дороги. Вначале жителями Соломенки стали киевляне, у которых отобрали землю под прокладку железнодорожного полотна. Затем здесь поселились ремонтники нескольких открывшихся вагонных и паровозных мастерских.

Так возникла Железнодорожная колония - один из первых в Российской империи рабочих поселков, отличавшийся удачной планировкой комплексной застройки жилых и бытовых объектов.

Например, в колонии построили, помимо производственных зданий, приют для детей-сирот имени императора Александра III. Поэтому в 1910 году там был поставлен бюст-памятник, к которому любила приезжать вдова-императрица Мария Федоровна. Одним из воспитанников заведения оказался А. Г. Петрицкий. Анатолий Галактионович, один из лучших украинских художников, родился 31 января 1895 года в Киеве в семье железнодорожника. Сын делопроизводителя на Юго-Западной железной дороге, он рано осиротел и воспитывался в приюте. Учился в Киевском художественном училище (1912-1918) у В. Кричевского и, параллельно, в студии А. Мурашко (в «доме Гинзбурга»). В 1922-1924 годах учился в Москве во ВХУТЕМАСе (ВХУТЕМАС в то время - центр

российского конструктивизма) у А. Д. Древина и Н. А. Удальцовой. Время учебы и первое десятилетие творчества Петрицкого пришлось на конец послереволюционной эпохи свободы творчества, когда судьба художника определялась мерой его таланта, масштабом личности и его эстетическими предпочтениями. Творчество Александра Галактионовича в эти годы многогранно: работает как станковист (живопись и графика), сценограф, художник-иллюстратор и плакатист. Работы этого периода выполнены в стиле советского авангарда той поры. В портретах, например, идя от анализа формы модели, художник создает картинное пространство стилизованных трансформаций этой формы, получая лаконичный и выразительный образ. Таким методом создана большая часть известной серии портретов современников художника (общественные деятели, писатели, художники и актеры), многие из которых позже были репрессированы; портреты репрессированных и людей из их окружения не сохранились.

С начала 30-х годов приоритетом в творчестве Петрицкого становится театр, который он знал, любил и где работал еще до революции: *«Как художник театра (с 1914) испытал влияние стилизаторских тенденций и конструктивизма. Преодолев эти тенденции Петрицкий с первой половины 1930-х гг. создавал преимущественно красочные костюмы и объемно-пространственные декорации в живописно-декоративной манере, основываясь на глубоком изучении украинского народного искусства и быта»*. Для художника, оказавшегося автором немалого числа портретов «врагов народа», «преодолеть» в себе авангардиста было жизненно важным в буквальном смысле. Иначе... Невозможным в творчестве художника стал и портретный жанр. К началу 1930-х годов он уже обладал немалым и успешным опытом работы в театре. Этот опыт, одаренность художника и лояльное отношение к власти (в 1943 году А. Петрицкий вступает в ВКП(б) позволили А. Г. Петрицкому сделать карьеру сценографа: как художник театра Александр Галактионович работал в лучших театрах Москвы, Киева, Харькова, а его заслуги отмечены высшими государственными наградами. Умер Анатолий Галактионович 6 марта 1964 года. Похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

Популярный во все времена и во многих странах актер, поэт и певец Александр Вертинский также связан с Железнодорожной колонией на Соломенке. *«Наша последняя киевская квартира находилась в Железнодорожной колонии, за вокзалом, – пишет он в своих воспоминаниях. – Надо было перейти железнодорожные пути, и вы оказывались в маленьком городке с одноэтажными домиками, окруженными цветущими палисадниками... Дядя мой заводил вагонным цехом. Ему по должности полагалась казенная квартирка из пяти комнат, с ванной и кухней, с верандой, выходящей в небольшой садик. В саду были несколько старых деревьев, выкрашенная в зеленый цвет беседка, а вдоль невысокого забора стояли серебристые украинские тополя»*.

В Главных железнодорожных мастерских в 1878 году главным инженером службы подвижного состава Юго-Западной железной дороги назначили Александра Бородин, который впервые провел электрическое освещение. На базе вверенных ему железнодорожных мастерских он создал первую в мире стационарную лабораторию по испытанию паровозов. Кроме того, по проекту главного инженера был построен паровоз серии «П» с четырехцилиндровой машиной тандем-компаунд. Бородин сконструировал один из самых быстрых паровозов своего времени: на участке Киев-Козятин его детище с 12 прицепными вагонами развило скорость до 93 верст в час (около 100 км/ч)!

Железная дорога разделила Соломенку на Нижнюю (вдоль реки Лыбедь и железнодорожного полотна, ныне – промзона) и Верхнюю (по обе стороны современной улицы Митрополита Василия Липковского, до апреля 2012 года – Урицкого).

В 1874 году на обеих Соломенках проживало 3910 человек, насчитывалось 379 домов, из них 76 – землянок и мазанок, и лишь один дом был каменным. Из 212 дворов только 36 имели колодцы.

В январе 1901-го Сенат в Петербурге постановил отделить Верхнюю Соломенку от Киева, и слободка превратилась в самостоятельный населенный пункт. Лишь в 1910 году вся Соломенка полностью вошла в городскую черту.

«Довоенная Соломенка еще сохраняла колорит старой слободки, – отмечает в мемуарах литературовед Анатолий Кончаковский, многолетний обитатель этой местности. – Расположенная за железнодорожной станцией Киев-Пассажирский, она разместила на своей обширной территории дома и усадьбы труженников железнодорожного транспорта, а также, как правило, незатейливой архитектуры здания производственных цехов и мастерских, обслуживающих дорогу».

Вплоть до 1960-х годов на Соломенке сохранялась почти вся застройка конца XIX века. Начавшаяся масштабная реконструкция кардинально изменила вид местности – на месте прежних усадеб с цветущими палисадниками выросли 9-18 этажные здания. Но кое-где, впрочем, еще удастся обнаружить следы старой исчезающей Соломенки.

Продолжим рассказ о пригородах. Для обывателя того времени, безвыездно проживавшего в Киеве, был мало заметен постепенный, но неуклонный рост города. Зато он ярко бросался в глаза киевлянину, возвратившемуся после нескольких лет отсутствия. Для него город в некоторых своих частях становился неизнаваемым. В Киеве появлялись новые улицы, вместо длинных заборов выросли каменные громады... Малосостоятельный элемент населения, устремившийся на окраины, также увеличил размеры домостроительства. Оно и неудивительно. В силу различных обстоятельств за десять лет – с 1900 по 1910 год – население увеличилось в два раза, сразу на 200 тысяч человек, для которых требовалось построить, по сути, целый город! И он был создан за относительно короткий промежуток времени. Возведение многоэтажных доходных домов было вызвано не только погоней за высотностью, но и желанием архитекторов и заказчиков украсить город образцами стильного зодчества, и велось под наблюдением первоклассных строителей и инженеров. Таким образом, некоторые улицы Киева тогда не уступали по красоте кварталам лучших городов Западной Европы: Вены, Парижа, Берлина... Всего за четыре года – с 1906-го по 1910 год – в Киеве было возведено 1021 здание весьма привлекательной архитектуры. Для большого города требовалось расширение торговой сети. Так, многие магазины начали открываться на второстепенных улицах, что, в свою очередь, оживило на них повседневную жизнь. Появились новые банки, банкирские конторы, агентства, представительства. Словом, развитие города шло во всех направлениях. При приросте населения, естественно, приходилось осваивать новые территории. Не только в центральных районах быстро застраивались существовавшие ранее пустыри, населенные пункты за городской чертой – небольшие поселки и селения – слились с Киевом, стали не предместьями, а частью города со всеми присущими ему благами цивилизации и... «временными трудностями».

А. Н. Вертинский. Фотография 1910-х гг. из коллекции автора

Описанный выше трудный опыт городских властей научил их, как впредь не допускать подобных ошибок. Могло ведь случиться и так, что независимость от Киева получила бы... Предместная слободка, которая единственная на левом берегу Днепра не входила в Черниговскую губернию, в отличие от Дарницы, входившей в Остерский уезд, где по мере увеличения количества народонаселения (прежде всего - рабочего люда, приходившего в Киев на заработки), возводились на захваченных островных землях времянки и землянки. Конечно, город мог разогнать «захватчиков», ликвидировав незаконно возведенные постройки, но он поступил разумнее. За короткое время поселение на Трухановом острове было узаконено, параллельно создали поселковую управу, Дума выделила средства на проведение освещения, упорядочение дорог, планировку улиц, предоставила возможность кредита «лицам, желающим поселиться здесь навсегда». За короткое время на острове вырос образцовый поселок. Здесь даже построили традиционной на то время архитектуры церковь Св. Николая. В ней венчались Николай Гумилев и Анна Ахматова. Открыли ремесленное училище, наладив при этом постоянное пароходное сообщение с Киевом. На первом этапе жители поселка арендовали у города земли за очень невысокую плату - всего копейка за сажень. Срок аренды заканчивался лишь в 1943 году. По иронии судьбы именно в это время поселок на Трухановом острове сгорел. Сейчас, насколько мне известно, родственники проживавших на острове пытаются что-то выгадать

для себя у нынешних властей, но гласность сто лет тому назад несравнима с нынешней «молчаливой» согласностью. Когда-то о проблемах Соломенки, Труханового острова писали почти все киевские газеты, гласные Думы публиковали свои размышления в той же прессе, шли горячие споры... Все это работало на пользу обществу. Сейчас же нет и самого понятия «гласный». А ведь слово «гласный» является однокоренным со словом «гласность».

Бывал ли Карл Маркс в Киеве?!

Маркс – одна из странных исторических фигур. Вся его жизнь состояла из непримиримых противоречий. А господствующим мотивом жизни было патологическое ожесточение. Сын еврея-выкреста (настоящее имя Мозес Мордехай Леви) из Трира, крестившего всех своих детей. Карлу любая религия была не по душе. Он также выступал против своих наставников в университетах, был противником любых правительств и даже социалистических лидеров, которые хотели руководить единолично. Яростно критиковал капитализм, но почти всю жизнь существовал на доходы от эксплуатации рабочих на фабриках Энгельса. Прожил большую часть в бедности, непомерной гордости, в крушениях своих надежд, в разочарованиях и ненависти. Маркс, как и все новообращенные, не жаловал евреев. Так, он однажды отозвался о Лассале как о «мелком еврее». Кроме того, в 1843 году Маркс написал статью «К еврейскому вопросу», из-за которой до сих пор ортодоксы сионизма говорят об антисемитизме этого философа. Но на самом деле напал Маркс вовсе не на национальность, а на идеологию еврейского ростовщичества: «*Какая мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской Бог? Деньги. Деньги – это ревнивый Бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого Бога*». Эта цитата по душе всем юдофобам, цитировал ее даже Гитлер. Но в Европе того времени евреи могли заниматься лишь торгашеством и ростовщичеством. А именно торгашество, вне зависимости от национальности, ненавидел Маркс, помня, что еще апостол Павел писал: «*Любовь к деньгам есть корень всего зла*». Дикая оргия притязаний на власть и ее подлые захваты впечатляют меня как историка-аналитика, заставляют задуматься, что же в отличие от лживой марксистско-ленинской трактовки «*история – это борьба классов*» или другие, скорее, духовные силы движут обществом?

Еще меня волнует вопрос: Маркс был ли марксистом? Трагедия в том, что с самого начала в России была воспринята только мессианская сторона марксизма. Интеллектуальный марксизм, привезенный из Европы и существовавший там как одна из научных теорий, подлежащая критике, или как относительная гипотеза, не претендующая на всеобщность, на кондовой российской почве дала такой мутантный урожай, что содрогнулся весь мир. После столкновения с российской ментальностью, марксизм вышел совсем не похожий на себя. Тогда, да и сейчас, значительное большинство населения отчуждено от культуры и образования. Вот почему марксизм в упрощенной и рудиментарной форме превратили в догматизм, начетничество, в нечто вроде религиозного откровения. Главный акцент большевики делали не на объяснении, а на упрощении. Как догму! Народ получал марксизм из третьих, четвертых, не всегда чистых, рук. Его обкорнали, упростили, а кое-где и упразднили за ненужностью. Меньше всего нужен был большевикам подлинный смысл наследия Маркса. Ленин писал, что ни один марксист еще не постиг Маркса. И тем легче было уложить марксизм в прокрустово ложе строго очерченных идейно-политических рамок, выход за которые расценивался не только как покушение на устои учения, но и на основы государства. Со всеми вытекающими последствиями... Герберт Уэллс: «*...Маркс для марксистов – лишь знамя и символ веры, и мы сейчас имеем дело не с Марксом, а с марксистами. Мало кто из них прочитал весь „Капитал“ ... Левый коммунизм можно назвать позвоночным столбом сегодняшней России: к сожалению, это неподвижный позвоночник, сгибающийся с огромным трудом и только в ответ на почтительную лесть*». Остроумно сказал юморист А. Аверченко: «*Карл Маркс – человек, живущий своим капиталом*».

Большевизм стал удобен для преступников и провокаторов, громкие лозунги его, создавая сильный шум, позволяли темным личностям устраивать свои разрушительные дела и свою личную жизнь за счет неграмотных, отупевших от лозунгов масс. «*Идеология*, – писал Маркс Францу Мерингу, – *это процесс, который совершает так называемый мыслитель, но с ложным сознанием*». Сегодня обвинять Маркса и марксизм в преступлениях большевиков все равно, что судить Иисуса Христа за зверства инквизиции. В их руках «научный социализм» Маркса выродился в ненаучное, догматическое псевдоучение. В начале своей философской деятельности Маркс был противником коммунизма, как философской и политической системы. В день своего вступления в должность редактора «Рейнише цайтунг» писал в передовой, что он не только против коммунистов, но даже против того, чтобы видеть в революции решение всех проблем. Однако вскоре, под влиянием Мозеса Гесса, Маркс и Энгельс стали сами исповедовать коммунизм. Парадоксально, но сам Гесс, совративший их в коммунизм, стал духовным отцом... сионизма. Маркс, прокламируя «каждому по потребностям», имел в виду, что потребности эти будут невелики и разумны, ну, допустим, как у него самого. Не мог он предположить, что мы сорвемся с цепи добровольного ограничения потребностей и кинемся по пути удовлетворения алчности все возрастающих желаний. Не мог он вообразить, что как только

страна вырвется на просторы свободных капиталистических отношений, то станет столь жадной и ненасытной. Что шикарных машин на Украине будет больше, чем в процветающей Европе! В Святом письме сказано: «Сверх того, что достаточно, есть зло».

Большевики, сделав из Маркса икону, даже не удосуживались внимательно прочитать его произведения. Многие, даже хрестоматийные положения, попросту игнорировались, даже искажались в угоду моменту и отдельным личностям. А у «основоположника» можно прочитать: *«В демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь человеческое бытие, между тем как в других формах государственного строя человек есть определяемое законом бытие. Таков основной отличительный признак демократии...»* Или такое: *«Народ видит наказание, но не видит преступления. И именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание»... Или: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него... Он не ограничится тем, что для членов одного класса устранит все то, что дает им возможности подняться на более высокую степень правовой сферы, а представит этом классу реальную возможность пользоваться своими правами. Но если государство является для этого недостаточно гуманным, богатым и великодушным, то, по крайней мере, безусловный долг законодателя – не превращать в преступление то, что имеет характер проступка, и, то лишь в силу обстоятельств. С величайшей гуманностью должен он исправлять всё это, как социальную неурядицу, и было бы величайшей несправедливостью карать за эти проступки как за антисоциальные преступления... Наказание не должно внушать большего отвращения, чем проступок, позор преступления не должен превращаться в позор для закона».*

Теперь кое-что из жизни марксистов. На фабрике Энгельса в Манчестере рабочие в тяжелейших условиях работали по 13 часов в день. Заработанных денег им с трудом хватало на пропитание. Всех штрафовали по любому поводу и постоянно снижали и без того нищенские расценки. На полученные деньги Энгельс содержал семью Маркса, который нигде не работал, призывая отнять у эксплуататоров их фабрики. Просто перед собой нужно ставить реальные цели, для воплощения нереальных существуют подчиненные.

(Например, единственное дело, которое Владимир Ульянов провел в суде, было дело о крестьянских лошадях, вытоптавших землю его хутора. Крестьяне выплатили Ульянову штраф. Мать сдавала хутор в аренду, а деньги пересылала «вождю пролетариата» за границу, где он писал о необходимости отнять землю у помещиков и арендаторов).

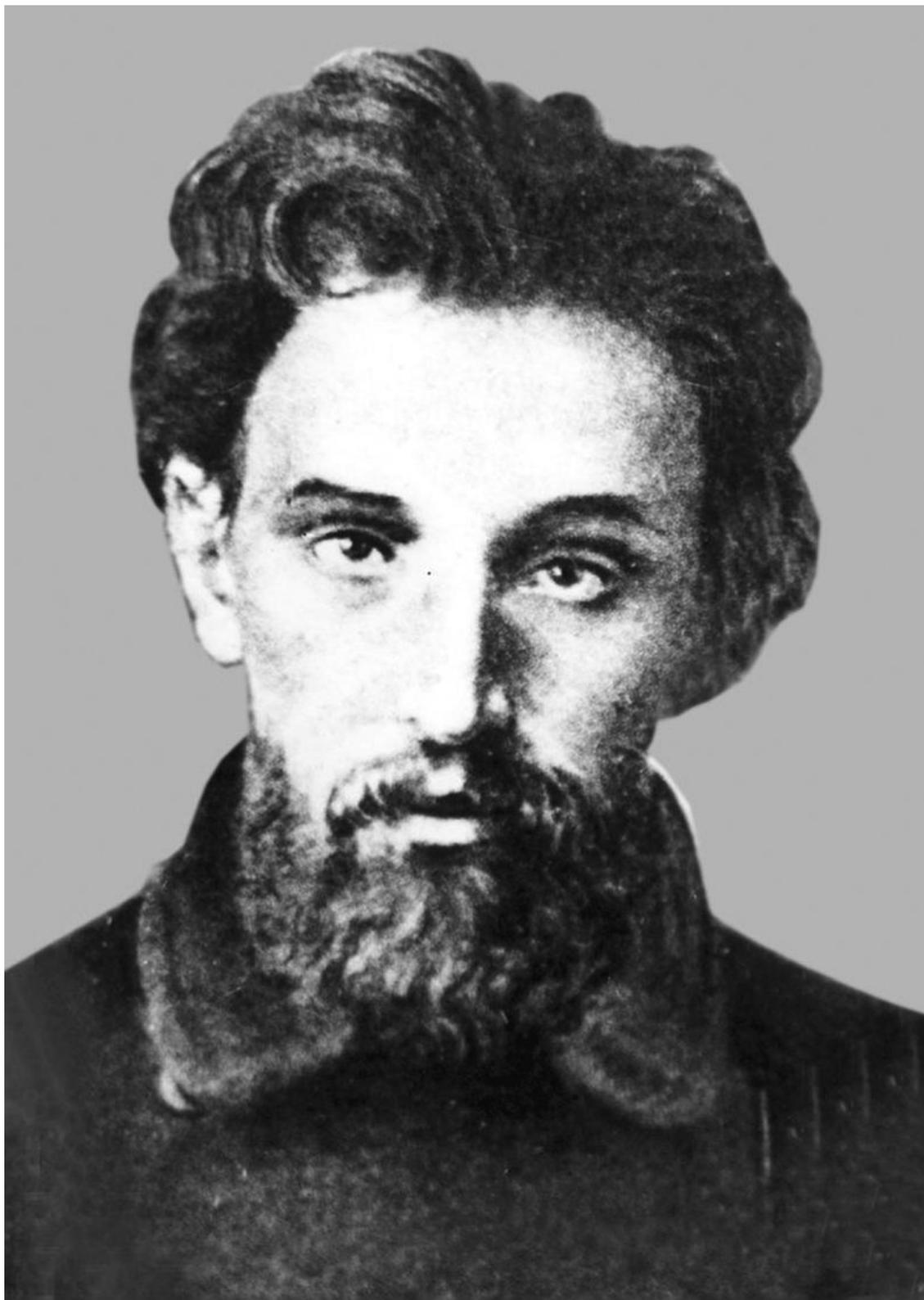
Тут уместно вспомнить киевских марксистов, теперь уже «не модных». Я всегда вступал в противоречия с «официозом» – говорил и читал произведения «националистов» Сергея Ефремова и Дмитрия Донцова, являясь коммунистом. И пришло время при «декоммунизации» напомнить о первых марксистах: Ювеналии Мельникове, Тучапском, Эйдельмане и тех, кто готовил первый съезд РСДРП. А его планировали провести в Киеве.

Рассказывая о начале XX века в Киеве, следует упомянуть и о марксистских кружках и начале партийного строительства КПСС. Как экскурсовод я проводил весьма фундаментально разработанную экскурсию «По страницам истории киевской партийной организации». Конечно, это была часть «Истории КПСС», которую я изучал и сдавал в университете им. Т. Шевченко. Так что я в теме! Но большевики в Киеве были слабы и малочисленны, к большому сожалению Ленина, а еще больше – Троцкого. Древний город был более мелкобуржуазным, чем рабочим. Партии росли как грибы в 1917 году, перед выборами в Учредительное Собрание. Кстати, слова «партия» и «секта» – почти синонимы. «Партия» (фр. parti, нем. partei, англ. party) означает «часть» или группа. «Секта» (secta) – слово латинское и значит «школа», «учение». В то же время слово «secta» является однокоренным с «sector», то есть «отделяющий» и «отсекающий». Обособляющийся в «школе», в «учении» (научном, религиозном, революционном), человек неизбежно отсекает себя от целостного мира. И как следствие – приводит к отсечению человека или группы людей, «части» от «целого». Не понимая этого, личность или группа людей подменяют понятие «целостного» своей «частью» и начинают утверждать, что их «часть» и есть «целое». Поэтому всякая «школа» или «партия» всегда находятся в опасной близости к сектантству. Недаром ленинская партийная школа в Лонжюмо готовила в большей части сектантов.

Как сложно писать при разных режимах... 30 лет назад я не смог бы писать и печататься без освещения «руководящей роли партии» и, не дай Бог, попытался бы подчеркнуть

еврейскую или украинскую принадлежность своих персонажей. Сейчас, наоборот, если не буду выпячивать украинские национальные привилегии, получаю: «А чому пишете російською? – Бо пишу для розумних людей!» И действительно! Какое имеет значение – на каком языке! Главное мысли, идеи, которые я озвучиваю! У меня во всех книгах: Украина превыше всего! Но моя Украина создавалась людьми различных национальностей, вероисповеданий, разных социальных слоев населения, которые взаимно обогащали ее, создавая Великую Страну с Высокой духовностью! Вот тут и получается, что эта страница нашей с Вами истории, «официально утвержденными глашатаями нашей национальной истории» будет вырвана из «книги текущих событий прошлого». Украина – это не остров Пасхи, население которого не испытывало влияния соседей, – вследствие полного их отсутствия! Поэтому моя страна развивалась в общеевропейском процессе, испытывая все аспекты российского воздействия: от самых прекрасных положительных до омерзительно отрицательных! Тут не обойдешься детской книжкой «Что такое хорошо – что такое плохо». Поэтому в этом томе я хочу дать материал, которые 40 лет назад был «немодным», так как большинство революционеров было евреями или украинцами. А сейчас ничего не изменилось: всё, что связано с коммунистами, вызывает отвращение у «широкой публики»... Необходимо отметить, что эти революционеры, о которых пойдет разговор ниже, не были членами не только компартии, но и других политических образований. И не подлежат «декоммунизации»! Они – «докомпартийные»! И, как увидите, – довольно симпатичные. Люди идеи, а не обогащения! А кому не по душе эти пару страниц в книге – пусть их вырвут или склеят. Подобное уже не раз было в СССР. Нужно ли это повторять? Итак, Киев в партийной предыстории...

«Страшно далеки они от народа...» – так В. Ленин писал о декабристах. На первый взгляд – мудрые слова, а если подумать и проанализировать, то вождь и учитель «сморозил глупость»! Почему аристократы и помещики должны быть с народом? Правильно сказал о них шеф жандармов Бенкендорф: «Кричали: за народ! За народ! Но ни одному крепостному не дали волю!» Те, кто в последней четверти XIX века называли себя «народниками» и «народной волей», ходили в народ, в глубинку – часто были нещадно биты, после чего их сдавали жандармам, – тоже не приблизились к народу... Недаром А. К. Толстой словами Козьмы Пруткова вещал: *«Революционеры и нигилисты – это те, у кого ногти нечисты»*. Первыми в профессиональные объединения в дореволюционном Киеве организовались представители интеллектуальных направлений – врачи, юристы, инженеры. Но наиболее социально незащищенными оказались простые рабочие, среди которых понемногу начали распространяться левые взгляды. Одним из первых отечественных марксистов считается Ювеналий Мельников (1868-1900). Сын мелкого чиновника, в 1888 году еще будучи рабочим железнодорожных мастерских в Харькове, начал организовывать революционные кружки. А когда в 1892 году переехал в Киев – продолжил излагать левые взгляды, которые касались только экономики. Основной проблемой для пропагандистов было проникнуть в рабочую среду – они ложились в больницы для чернорабочих, снимали у них квартиры. В 1893 году, по инициативе тогда 25-летнего Ю. Мельникова, в его доме по ул. Большой Дорогожицкой, 15 (одно время носила имя Мельникова) была организована школа-мастерская для подготовки экономически и политически грамотных рабочих – «Лукьяновский клуб». Здесь слушателей не только знакомили с работами К. Маркса и других экономистов, но и обучали слесарному и токарному делу, то есть давали специальное техническое образование, предоставляя «путевку в жизнь».

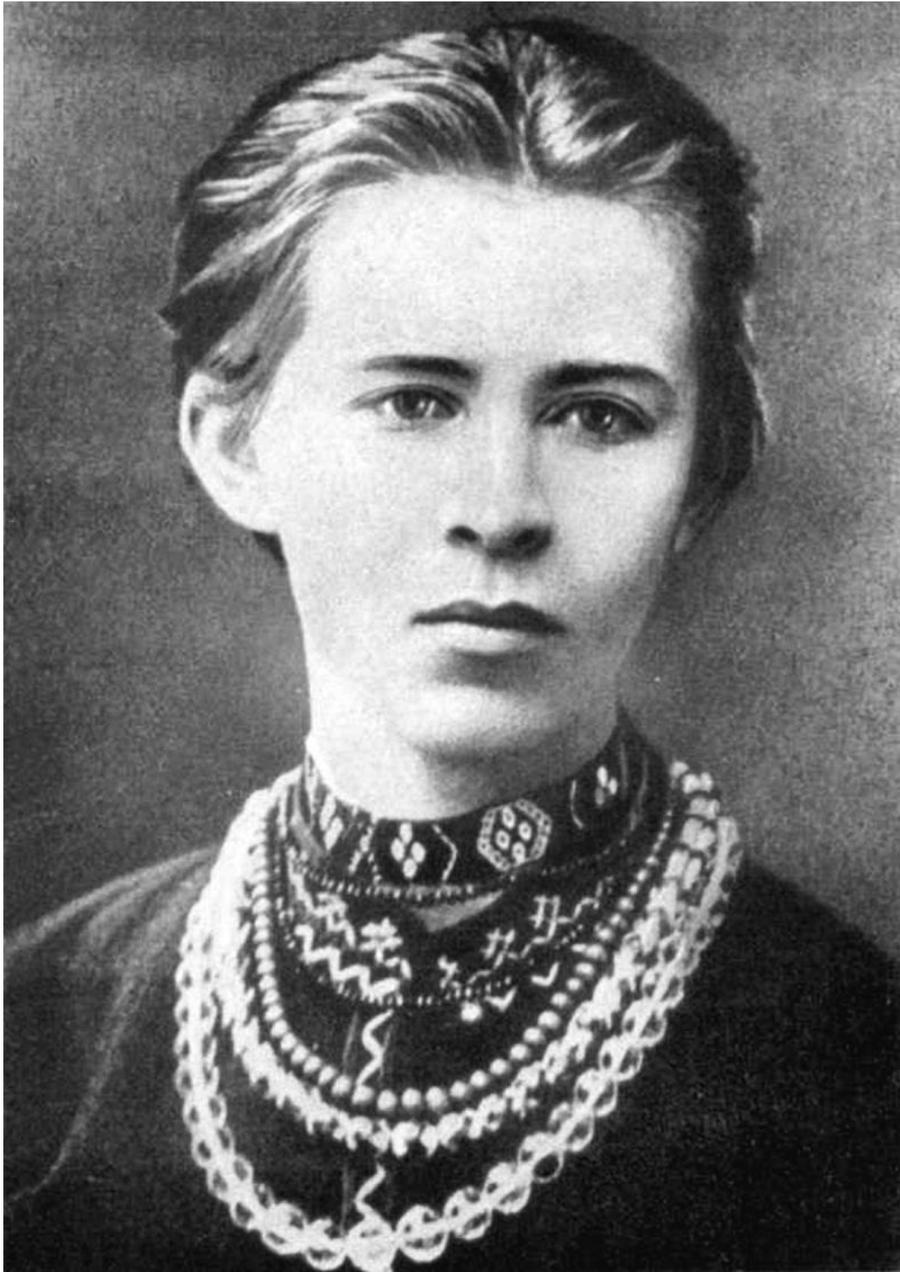
Ю. Д. Мельников. Фотография ок. 1900 г.

Постепенно дом Ю. Мельникова превратился в своеобразную штаб-квартиру: здесь учили вести диспуты, чтобы защитить свои гражданские права, организовывать группу из сослуживцев и писать языком трудящихся, уметь объединять их. Предвестником

профсоюза явилась организованная социал-демократическая группа «Рабочий комитет», просуществовавшая около года, что противоречило взглядам эксплуататорских кругов, да и всей идеологии самодержавия. За все эти «прегрешения» в апреле 1896 года Мельников попал в Лукьяновскую тюрьму, а в 1900 году скончался в сибирской ссылке. Впрочем, его старания не пропали даром. Существующая власть понимала, что образование рабочих нельзя пускать на самотек, лучше их энергию направить на культурное и духовное развитие. И в 1902 году возвели здание Лукьяновского народного дома: там каждый день читали лекции, учили здоровому образу жизни, здесь же работала бесплатная библиотека, чайная-столовая, вечерние классы для взрослых, бюро для оказания юридической помощи и ночлежка-гостиница для приезжающих крестьян. А на сцене устраивали спектакли, в которых участвовали такие известные украинские актеры, как И. Марьяненко, Л. Гаккебуш и Лесь Курбас. Здание, как вы знаете, сохранилось, там располагался клуб трамвайщиков, и надеялись, что вскоре откроется Малый оперный театр. Эту идею много лет вынашивала великая певица Евгения Мирошниченко, но так и не дождалась его открытия... Сейчас об этом хлопочет ее подруга Нинель Мартынюк...

Как опасно помогать людям!

Юноша Ювеналий Мельников обучал грамоте и мастерству рабочих и умер молодым на каторге. Сергей Мержинский, один из первых марксистов в Белоруссии – прожил чуть более трех десятилетий! И никто бы его сейчас и не вспомнил, если бы не одна романтическая история. Родился С. К. Мержинский в 1870 году в Минске. Входил в руководящее ядро Минской социал-демократической организации, созданной в 1894. Во время учебы в Киевском университете (с 1895) вел революционную пропаганду среди студентов, боролся против народников, «экономистов». Член киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899-м вернулся в Минск, работал в отделе контроля Либаво-Роменской железной дороги. Однажды Павел Тучапский, о котором ниже, порекомендовал своему больному туберкулезом другу Сергею подлечиться в Ялте и вскользь заметил, что там он сможет увидеть Ларису Петровну Косач, талантливую поэтессу и умнейшую женщину, с которой вряд ли будет скучно в маленьком курортном городке. С июня 1897 года Леся Украинка пребывала в новой части города, в Чукурларе, на даче Лещинского. Разумеется, Мержинский воспользовался советом соратника и навестил Лесю в Ялте в июле того же года. Она ему сразу понравилась. Но на поэтессу молодой мужчина произвел не лучшее впечатление: *«Мой новый знакомый Мержинский, – сетовала Леся, – всё плачет, что море ему не видно, москиты его съедают и купание не то»*. Леся иронизировала, но она имела право так говорить. Она страдала из-за болезни! Иногда, почти теряя сознание на ялтинских улочках, она ложилась прямо на землю, чтобы передохнуть немного и идти дальше. Она знала, что такое физическая боль, и умела терпеть ее, а комары и холодное море казались на фоне всего остального и вовсе незначительной мелочью. Чем дальше продолжалось знакомство, тем теплее и искреннее относилась поэтесса к новому другу. Ему первому она прочла пьесу «Голубая роза». Со стороны стеснительной Леси это было знаком особого расположения и доверия. Он подарил поэтессе цветную репродукцию «Мадонны» Рафаэля, с которой она никогда не разлучалась. С Сергеем Леся поднималась на Ай-Петри, где увидела необычайный цветок – горный эдельвейс. Ее поэтическая душа назвала цветок «ломикамнем». Именно в Ялте и расцвели их любовные чувства. Она – на год моложе Сергея, хрупкая, худенькая, застенчивая, похожая на юную девушку. Женщина, воплощающая в себе силу и мудрость, талант и широкую душу, сумевшая найти в себе мужество бороться с болезнью и прожить очень короткую жизнь так ярко и полноценно. Им судьба отмерила очень короткий срок. Вскоре Мержинский вернулся в Минск, а Леся осталась в Крыму еще на год. Уехав из Ялты так и не выздоровев, Сергей Мержинский активно участвовал в проведении I съезда РСДРП, который прошел в Минске в начале марта 1898 года.

Леся Украинка. Фотография 1886 г.

Наступила осень. Ялта опустела. Больной женщине становилось всё хуже: болели не только кости - появились нервные приступы и сыпь по телу. И вдруг, совершенно неожиданно, Леся получила небольшое, но очень эмоциональное письмо от Мержинского. Он предложил поставить ее пьесу в минском театре, и поэтесса с радостью приняла предложение. Однако это был лишь предлог, чтобы продолжить отношения, и Леся потом долго сокрушалась, почему же ее знакомый в других письмах совершенно не вспоминал о пьесе, затрагивая в переписке совершенно иные темы. Ломая все стереотипы поведения светской дамы, она обивала пороги в Киеве, добываясь для Мержинского должности в Крыму, потому что климат полуострова был благоприятный для его выздоровления. Это вызывало у чиновников непонимание, ведь Сергей даже не был ее женихом. Писала статьи для петербургского журнала «Жизнь», а полученные деньги тратила на лечение любимого. Мержинский же в своем отношении к влюбленной женщине был немного сдержаннее. Называл их отношения «дружескими, сердечными», но не более, что соответствовало истине, но от помощи «подруги» никогда не отказывался. Может быть, не хотел связывать ее жизнь с собой, смертельно больным. Тем не менее, у Леси с Сергеем было столь много общего во взглядах на жизнь! В 1901 году, когда Сергею стало совсем плохо, Леся выехала в зимний Минск ухаживать за умирающим. Родственники ее категорически отговаривали. У Мержинского была острая форма туберкулеза, а Леся только-только стала чувствовать себя лучше. Родные боялись, что «палочка Коха» снова прицепится к писательнице. Это вскоре и произошло! Но разве любящую женщину что-то остановит?! Два с половиной месяца, забыв о своей боли, она заботилась о Сергее. И это было время необычайного трагического напряжения! Всеми способами Леся старалась поддержать больного. В это время она пишет одну из сильнейших своих драм - «Одержимая». Недаром критики считают, что именно тогда родился на Украине новый драматург. В

своих письмах Леся пыталась сохранить бодрость. Другим писала, чтобы их успокоить, что она поправляется, у нее всё хорошо, но в строках проскальзывала мысль о неминуемой смерти любимого друга! А в последние дни жизни он продиктовал подруге текст прощального письма к другой женщине. И скончался на руках Леси Украинки. Смерть любимого стала страшным ударом для писательницы. Надев черную одежду, Лариса Петровна уже до конца своих дней ее не снимала. Много стихов она посвятила Сергею Константиновичу.

Леся Украинка и Сергей Мержинский. Фотография кон. XIX в.

О Мержинском мало кто помнит, но случайно до нас дошли следующие высказывания: «Типичный русский интеллигент (он не окончил университет и всю жизнь перебивался платными уроками, как множество русских интеллигентов), с тонким грустным лицом, он особо дружил с молодежью и производил чарующее впечатление. С подкупающей внешностью: прекрасный, тонкий, обрамленный черной бородой профиль, с бледным матовым, что часто пылало нездоровым румянцем, лицом, с черной волнистой шевелюрой». Среди лирических произведений прославленной поэтессы, имеется особое, датированное «7/XI 1900»: «Твої листи завжди пахнуть зов'ялими трояндами, ти, мій бідний, зів'ялий квіте! Легкі, тонкі пахощі, мов спогад про якусь любов, минулу мрію. І ніщо так не вражає тепер мого серця, як сії пахощі, тонко, легко, але невідмінно, невідборонно нагадують вони мені про те, що моє серце віщує і чому я вірити не хочу, не можу. Мій друже, любий мій друже, створений для мене, як можна, щоб я жила сама, тепер, коли я знаю інше життя?...Я бачила тебе і раніше, але не так прозоро, а тепер я пішла до тебе всю душою, як сплакана дитина іде в обійми того, хто її жалує. Се нічого, що ти не обіймав мене ніколи, се нічого, що між нами не було і спогаду про поцілунки, о, я піду до тебе з найцілніших обіймів, від найсолодших поцілунків! Тільки з тобою я не сама, тільки з тобою я не на чужині. Тільки ти вмієш рятувати мене від самої себе. Все, що мене томить, все, що мене мучить, я знаю, ти здіймеш своєю тонкою тремтячою рукою, – вона тремтить, як струна, – все, що тьмарить мені душу, ти проженеш променем твоїх блискучих очей, – ох, у тривких до життя людей таких очей не буває! Се очі з іншої країни...» Лучше об этих прекрасных чувствах трагически рано ушедших молодых людей не скажешь!

После такого трогательного, лирического рассказа, нужно рассказать о том, кто познакомил Лесю и Сергея.

Павел Тучапский

Павел Лукич Тучапский (1869, с. Беседка Таращанского уезда Киевской губернии – 1922, Киев) – деятель рабочего движения, вначале последователь Михаила Драгоманова, затем соучредитель Российской социал-демократической рабочей партии (один из девяти делегатов I съезда РСДРП 1898 года от киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»), с 1904 года – деятель и идеолог Украинской социал-демократической спилки, в которой выступал против автономии Украины («К вопросу об автономии Украины» в «Вестник Жизни», 1906).

Родился в семье священника. Среднее образование получил в Киеве в Коллегии Павла Галагана. Учился в Киевском университете: один год на медицинском факультете, далее – на историко-филологическом. В 1893 году, закончив последний, продолжил обучение на юридическом факультете университета, однако из-за ареста и ссылки не закончил его.

В 1896 году входил в группу «Рабочее дело», в 1897 году участвовал в организации киевского отдела «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 году был арестован и заключен в тюрьму. В 1900 году выслан на 4 года в Вологодскую губернию. Отбывал ссылку в Тотьме, Яренске, Грязовце. В 1901 году переведен в Вологду. Работал статистиком в губернском земстве. Участвовал в работе группы политссыльных-искровцев, в доставке и распространении социалистической литературы, сотрудничал в социал-демократических изданиях. После II съезда РСДРП примыкал к большевикам, но впоследствии стал меньшевиком.

В 1907–1921 годах жил и работал в Одессе. Преподавал историю, русский и украинский языки в средних школах. В 1907 году вошел в состав одесской «Просвиты». В мае 1914 году был избран членом-корреспондентом Одесского общества истории и древностей. В 1917-м редактировал одесскую меньшевистскую газету «Южный рабочий», был среди подсудимых по делу издателей этой газеты. Выступал с публичными лекциями, организованными ЦК Новороссийского студенчества, в частности, на тему «Монархизм и демократическая республика». В 1918 году читал в Народном университете общий курс русской истории и истории революционного движения в России. Весной 1919-го работал в предметной комиссии, которая разрабатывала в социалистическом духе новые программы для средних школ Одессы. Также работал в Одесском губернском кооперативном союзе. Издавал под псевдонимами брошюры, посвященные Александру Герцену и национальному вопросу, обоснование программы РСДРП, хрестоматию по истории революционного движения в России в 1860-1870-х годов, переводы с немецкого языка работ Франца Меринга «Очерки по истории немецкой социал-демократии» и «Новая наука о государстве». В 1920 году читал доклады в Одесском библиографическом обществе, в частности, на тему «Национальные взгляды Драгоманова». Тексты выступлений были напечатаны только после смерти П. Тучапского в журнале «Україна». Как член «Комиссии по изучению революционных архивов в Губюротделе» внес определенный вклад в дело упорядочения одесских архивов. С 1921 года работал в Киеве на должности библиотекаря ВУАН. Умер 4 июля 1922 года в Киеве.

Основное творческое наследие составляют около 120 работ. Многие его газетные статьи публиковались под псевдонимами. Некоторые работы посвящены Михаилу Драгоманову – Тучапский был одним из первых исследователей его политических взглядов, в том числе национального вопроса. По его мнению, Драгоманов был социалистом-народником, не материалистом, а идеалистом, утопистом и сторонником идей Прудона об анархии. Главной идеей для Драгоманова была всемирная правда, «настоящие интересы народных масс». Труды Тучапского о Драгоманове, построенные на широкой базе источников, заложили основы образа мыслителя в последующей историографии. В статье, посвященной анализу одной из работ о взаимоотношениях Ивана III с евреями, он сделал вклад в развитие иудаики.

«Самый человеческий»

В СССР десятилетиями нам внушали сказки о «самом человеческом человеке». Но в жизни многих политиков – уже в начале их деятельности происходят события, которые предрекают и проявляют их суть. Эту страницу биографии Владимира Ленина (Ульянова) старались не упоминать и всячески, замять, в том числе и убийствами! Об этом я узнал в 1968 году на Подоле. Там в библиотеке клуба «Пищевик» активно работал молодежный «Клуб общественного мнения им. Петра Запорожца». Он был организован Юрием Смирным, Леонидом Финбергом, Евгением Вардой. От них я тогда впервые и услышал эту историю.

В ноябре 1895 года в Петербурге была создана марксистская организация, получившая название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который поддерживал конспиративные связи с более чем 70 заводами и фабриками. Руководящий центр выполнял роль общегородского комитета (В. И. Ульянов, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, Ю. О. Мартов, П. К. Запорожец). «Союз борьбы» руководил стачечной борьбой в Петербурге, выпустил более 70 общественно-политических листовок.

В начале декабря 1895 года организация подготовила первый номер нелегальной социал-демократической газеты «Рабочее дело» со статьями В. Ульянова. Так как у юриста Владимира был неразборчивый почерк, их для удобства набора переписал Петр Запорожец.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года полиция по доносу провокатора арестовала 57 членов «Союза борьбы»: В. И. Ульянова, А. А. Ванеева (у которого был захвачен готовый номер газеты), П. К. Запорожца, Г. М. Кржижановского, Ю. О. Мартова и других. После следствия, которое продолжалось более года, и суда их отправили в места отбывания наказания. Свириная царская власть разрешила им перед разлукой сфотографироваться. Этот снимок в свое время присутствовал во всех школьных пособиях и учебниках. На нем прилично одетые члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Слева направо (стоят): А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, слева направо (сидят): В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов. Санкт-Петербург, февраль 1897 года. О Ю. Мартове, который был организатором «Союза» и придумал его название, несмотря на то, что в правлении не было ни одного рабочего, сказано и написано немало. Я не буду о нем здесь говорить, так как он и географически не связан с темой книги.

Теперь суть вопроса. Это судьба П. К. Запорожца.

Петр Кузьмич Запорожец (1873, Белая Церковь – 1905, Винница) – родился в многодетной семье, все члены которой связали свою жизнь с борьбой за социальную и национальную справедливость.

Петр в 1886–1891 годах учился в Киевском реальном училище в одном классе с В. А. Всеволожским, вместе с которым начал изучать марксистскую литературу. С 1891 года был студентом Петербургского технологического института, где вступил в марксистский кружок и участвовал в организации Петербургского «Союза». Вел социал-демократическую пропаганду среди рабочих в районах Нарвской и Московской застав. В 1895 году неоднократно приезжал в Киев с организационными задачами. Что пишет энциклопедия: *«В декабре 1895 года революционер был арестован и осужден на пять лет ссылки. Находясь в тюрьме, психически заболел. В 1897 году находился в киевской Кирилловской психиатрической больнице. Впоследствии – скончался в больнице в Виннице».*

Петра за его веселый характер и украинские задорные песни очень любили в Петербурге. После ареста он исполнял их друзьям-единомышленникам в камере... Состоялся суд, и Запорожцу дали самый большой срок заключения в одиночной камере тюрьмы. Он не выдержал этого и повредился в уме! Далее безрезультатное лечение в психиатрической лечебнице и смерть в винницкой больнице. Как это случилось?! Я уже писал, что у Ульянова-Ленина был плохой почерк, поэтому студент-технолог переписывал все его документы, воззвания и статьи. Жандармы решили, что Запорожец – руководитель организации, поэтому ему определили самое жестокое наказание. А старший его товарищ, 25-летний Володя Ульянов, – не стал их разубеждать, принял жертву украинца и со спокойной совестью отправился в Шушенское, где собирал грибы, охотился, венчался (!) с Наденькой Крупской...

Петра Кузьмича старались не вспоминать, но живы были его братья и сестры, все профессиональные революционеры и борцы за Советскую власть. Но разве это могло остановить всё более «прославляемого вождя»? Братьев расстреляли как «врагов народа», а сестер отправили в лагерь! Оттуда вышла живой лишь Мария Кузьминична Запорожец, от которой узнали о трагической судьбе этой украинской семьи.

Вернемся в Киев, где в конце XIX столетия начали формироваться социал-демократические силы, организовавшие первый съезд РСДРП и приведшие через четыре года к возникновению большевизма. На Украине проявились первые признаки оппортунистического течения – «экономизма». Это название одного из течений, сторонники его считали пропаганду социализма в России преждевременной, выдвигали в качестве главной задачи помощь рабочим в организации борьбы за улучшение их экономического положения, выступали против создания нелегальной партии. Призывали к объединению с либералами в борьбе за политические свободы. Хотя, если разобраться, то большинство киевлян или отошли от своей антицаристской деятельности или «скатились» в меньшевизм.

Члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Слева направо (стоят): А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, слева направо (сидят): В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов. Санкт-Петербург, 1897 год.

В декабре 1895 года В. И. Ленин, находясь в тюрьме, составил проект программы социал-демократической партии и настаивал на созыве съезда. Но продолжавшиеся массовые аресты в Петербурге, Москве и других городах не позволили развернуть подготовку партийного съезда. Вскоре идея созыва съезда была подхвачена киевскими социал-демократами – опытными нелегалами, сохранившими свою организацию от репрессий полиции. У них была «Рабочая газета», нелегально издававшаяся в Киеве в 1897 году. Вышло 2 номера: № 1-22 августа и № 2-20 декабря, для конспирации помечен ноябрем. Редакторы Б. Л. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. А. Вигдорчик и другие. Социал-демократы, группировавшиеся вокруг «Рабочей газеты», вели работу по созыву I съезда РСДРП, который признал ее официальным органом партии. Из-за ареста членов ЦК, избранного съездом, и разгрома типографии 10 марта 1898 года издание киевской газеты прекратилось. Третий номер, подготовленный к сдаче в набор, был захвачен полицией.

Борис Львович Эйдельман

Родился в 1867 году в селе Стрижавка в семье мелкого торговца. В 1890-м поступил, как и многие противники режима, в Киевский университет, с 1893 года включился в революционную деятельность, принимал участие в создании социал-демократической группы, группы «Рабочее дело», «Рабочей газеты», киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал участие в I съезде РСДРП в Минске, где они вместе с Н. Вигдорчиком представляли «Рабочую газету». Там же был избран в состав Центрального Комитета РСДРП, но вскоре арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в 1900 году выслан в Сибирь. После возвращения из ссылки принимал участие в революции 1905-1907 годов, после чего отошел от революционной деятельности, в 1910 году окончил медицинский факультет Киевского университета. После октябрьского переворота работал в Наркомтруде, с 1919 года преподавал в Школе имени ВЦИК, с 1925 года - персональный пенсионер. Является автором ряда публикаций по истории революционного движения в России.

Духовная отдушина слабовольного царя

Во время правления последнего царя в моем городе происходило много событий, о чем необходимо поведать. Попытка же охарактеризовать Николая II – дело нелегкое и тягостное. Страшная смерть его, вместе со всей семьей, включая несовершеннолетних детей, вызывает сожаление. И это, несмотря на то, что он, самодержец, своей некомпетентностью и слабостью характера довел Российскую империю до гибели, которая повлекла за собой гражданскую войну и ту чудовищную ситуацию, в которой страна пребывала еще десятилетия после его поспешного отречения. Полное расхождение во взглядах и шатания в реформах демонстрировали отсутствие направляющей идеи и неспособность государственных чинов к действию.

Соответственно и архитектурная застройка Киева переместилась в декорирование, в бесхитростную стилизацию, заключающуюся в простом копировании предыдущего, с небольшими изменениями. Отсюда и острые, доходящие до высмеивания, обсуждения стиля строительства. В пик работ среди гражданских инженеров появляются особые профессионалы – «архитекторы-художники», умеющие грамотно оперировать чистыми стилями, умело и качественно декорировать, то есть «портные», шившие красивое «платье», которое строители обязаны были «одеть» на строение. Это не только В. Городецкий, а и В. Шуко, В. Николаев, особенно А. Шусев, хотя в нашем городе он воздвиг непрестительно мало.

Николай II присутствовал на открытии Городского музея древностей и искусств, которому присвоили имя царя. Архитектор-художник В. Городецкий посоветовал украсить центральную лестницу коврами, пальмовыми ветками и драпировками в сочетании желтого, черного и белого цветов. Витражи на фасаде были поставлены не такие, как предполагал Городецкий – он за день до открытия собственноручно их разбил. За ночь поставили другие, четко выполнив замысел зодчего, сказавшего: *«Ничего больше в этом месте делать не следовало бы, дабы не измелчить впечатление».*

Целостность, новое единство города в последние годы империи могли поддерживать лишь искусственно. Вслед за александровским «неорюсом» появились неоклассицизм и неомпир. Рефлексивными вариациями имперского стиля были, в частности, неоренессанс Городской библиотеки и Русского банка для внешней торговли; модернизированный ампир Педагогического музея и Высших женских курсов; неоклассицизм Алексеевского кадетского корпуса. Теперь определение конкретных оснований для выбора стиля сделало абсурдным само существование исторического стиля в архитектуре, предугадывая его уход, замену, исчезновение.

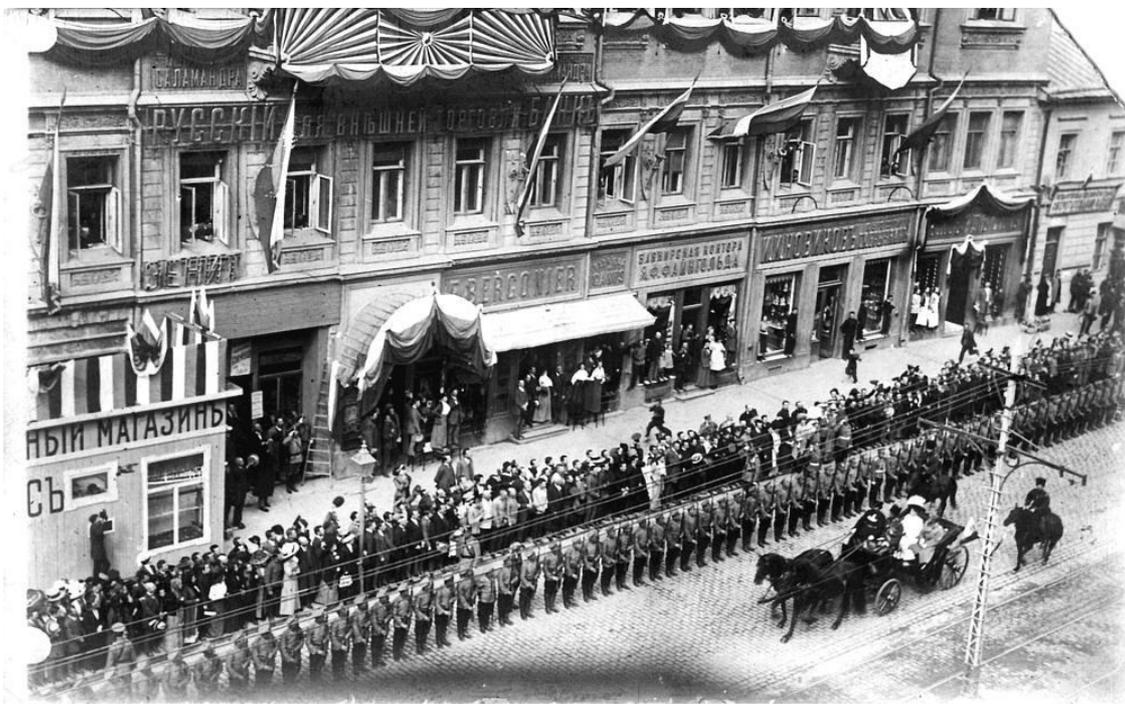
Город устремился в пригороды, дачи, рабочие окраины. Формировалась его транспортная инфраструктура и экономика. В центре Киев восстановил присущую ему внутреннюю живописную структуру и неповторимость – от разноэтажности простой застройки до самых вычурных исполнений прихоти заказчиков. Вот тут и засверкали жемчужины неостилей: готика, ренессанс, мавританский, классицизм, модерн, неорюс, народно-украинский. Присущую Киеву террасообразность размещения застройки воплотили на Всероссийской выставке 1897 года – ее террасы с павильонами были связаны дорогой-серпантином, оборудованной трамваем. Особенно удачна была 2-я Выставка 1913 года Лукомский писал о ней: *«Ожидывая взглядом с верхних точек киевскую выставку, лежащую в долине и окруженную возвышающимися уступами, невольно вспоминаешь террасообразное повышение построек Генуи, Лиссабона, Неаполя поражаешься, как они отличны от наших городов».*

Первый визит в Киев Николая II как монарха ознаменовался освящением собора Святого Владимира. Для подробного описания этих торжеств стоит опереться на сообщения Российской телеграфной агентства: *«Торжество началось всеобщим бдением, совершенным митрополитом накануне, в присутствии обер-прокурора Св. Синода. Красивую картину на другой день представляла площадь вокруг собора. Яркое солнце залило золотые купола собора. Вокруг собора выстроились войска, имея впереди юнкеров и кадет. В ограде собора стали воспитанницы сиротского дома и сулимовской школы; на паперти собора стояли конвойные казаки в красных черкесах. Вскоре стали съезжаться высокопоставленные лица. До Высочайшего приезда у входа сгруппировались: гофмейстерша светлейшая княгиня Голицына, фрейлина Васильчикова, министры военный и внутренних дел, помощник министра двора, генерал-адъютанты: граф Николай Павлович Игнатьев, Драгомиров, Чертков, начальник края Алексей Павлович Игнатьев и военное начальство. Ровно в десять часов утра восторженные крики „Ура!“ возвестили приближение Их Величеств. За Их Величествами ехали великий князь Владимир Александрович с супругой, великий князь Михаил Николаевич, свита Государя. Музыка играла сначала встречу, затем гимн. При торжественном колокольном звоне Их Величества вошли в собор, причем на паперти были встречены митрополитом с крестом и святой водой. Приложившись к кресту, Их Величества вошли в центральный алтарь и стали по правую сторону. Митрополит, наместник Лавры, выдубицкий архимандрит, ректор семинарии и кафедральный протоиерей с прочим духовенством начали освящение престола, в основание которого затем были вложены частицы святых мощей. Их Величества осмотрели мраморный престол замечательной работы. В это время, по пути тянувшегося вокруг собора помоста, покрытого красным сукном, с одной стороны стали знаменщики со знаменами и штандартами участвующих в параде частей, с другой – хоругвеносцы с хоругвями, псаломщики с зажженными свечами и священники с крестами. Между ними были прибывшие из московского Казанского собора и из Троицко-Сергиевской лавры. Кафедральный протоиерей помазал стены священным миром. Вскоре после этого из собора тронулся крестный ход; впереди шли певчие, за ним псаломщик с фонарем и диакон с древним запрестольным крестом из Киево-Печерской лавры; далее шли 18 священников со святыми иконами, восемь архимандритов и семь архиереев с горящими свечами. Митрополит нес святые мощи. За духовенством шли Их Величества и Их Высочества со свитой, держа в руках горящие свечи. Перед митрополитом иподиаконы несли знаки митрополичьего сана. Как только показался крестный ход из собора, грянул салют из пушек и музыка заиграла „Коль Славен“. Крестный ход обошел вокруг собора, после чего все духовенство сгруппировалось против главного входа, имея впереди архиереев. Их Величества вошли в собор и встали на правую сторону против алтаря на ковре, вышитом киевскими дамами, где были поставлены два золотых кресла с малиновой бархатной обивкой и золотыми инициалами Их Величеств. Вокруг сгруппировались все министры и свита. Началась торжественная литургия с возгласением многолетия Царственному дому, сопровождаемая салютом из пушек. Затем была пропета „Вечная память“ императорам Николаю I, Александру II, Александру III, которую все присутствующие слушали, стоя на коленях. В 12 с четвертью служба закончилась, и все вышли из собора. Митрополит благословил Их Величества, когда они сели в коляску, и под восторженные крики и торжественную музыку Николай II с супругой отбыли во дворец».*

На следующий день император с супругой закладывали Николаевский собор в Покровском монастыре и присутствовали при открытии памятника Николаю I.

Не стоит отрицать продолжающееся и при Николае II стремительное экономическое развитие России. Были укреплены государственные финансы, введен, как обеспечение денежной ассигнции, золотой рубль, реализована

казенная винная монополия, закончилось строительство Транссибирской магистрали... Начала успешно действовать система технического и профессионального образования. Промышленность и сельское хозяйство получали громадные инвестиции, была основана 241 иностранная компания. Происходила демократизация общества, нужно отметить, не без участия Марии Федоровны, привыкшей на родине к более либеральным порядкам. Проведен ряд облегчающих законов для крестьян, по-прежнему остававшихся самым бесправным классом. Рост благосостояния и демократизация общества влияли на расцвет науки и культуры России, который и по сей день называют Серебряным веком. В это же время стремительно росли социальные противоречия. Появились партии, требующие свержения самодержавия. Бессмысленное «Кровавое воскресенье» 1905 года, когда к Зимнему дворцу пришли рабочие с целью вручить царю коллективную петицию о своих нуждах. Инициатором выступил амбициозный священник Георгий Гапон. Беспощадно, с применением огнестрельного оружия, рабочие колонны разогнали. Погибло 130 и было ранено 299 человек. Во время этих событий император находился в Царском Селе и страшно переживал, узнав о трагедии. Но проявив характерную для него нерешительность и слабость, переложив ответственность на других, выделив лишь собственные «50 тыс. руб. для оказания помощи членам семей убитых и раненых во время беспорядков 9-го сего января в С. - Петербурге». Тем не менее, после «Кровавого воскресенья» усилились забастовки, активизировалась как либеральная оппозиция, так и революционные организации, - и началась 1-я русская революция. Незамедительно начались террористические покушения, убит дядя царя, губернатор... Царю и его матери приходит лавина писем со всей империи о необходимости созыва народных представителей. В сентябре-октябре произошла всеобщая всероссийская стачка, охватившая и Киев, носившая политический характер. Росло количество тяжких и безнаказанных преступлений. Вспомним слова Ницше: *«Правитель понимает „я“, „ты“ и „он“ только так: „я хочу“, „тебе следует“ и „он должен“. Никакая добродетель правителя не дает ему права не считаться с законом. Искусство правителя заключается в том, чтобы каждому было выгодно быть добродетельным. Чтобы вести разумную политику, недостаточно знать людей, надо любить их. Плохо, если министры часто меняются, но еще хуже, если плохие министры остаются на местах. Говорить с политиком о выборах все равно, что беседовать с лошадьёю о скачках».*

Проезд императора Николая II по Крещатику. Фотография 1911 г. из коллекции автора

Председатель Совета Министров С. Ю. Витте убедил царя обнародовать политический манифест с обещаниями предоставить гражданские свободы населению страны. Это произошло 17 октября 1905 года. Но смута и беспорядки продолжались, доходя до баррикадных боев в Москве.

Только с приходом Столыпина прекратилась эта преступная вакханалия. Но вначале, 27 апреля, состоялось открытие Государственной думы, которая была воспринята большинством как «похороны самодержавия». Новый министр внутренних дел, до этого саратовский губернатор, П. Столыпин выступил в думе 8 июня 1906 года. Нельзя не привести эти слова, актуальные и сегодня: *«Власть не может считаться целью. Власть - это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластье, нельзя не считать опасным безволие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство - аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но и твердого исполнения своего долга и закона».*

Казалось, причем здесь Киев, но все события, происходившие в стране в этот переломный период, так или иначе сказывались и на нашем городе. Поэтому выступление Столыпина поддержали киевские монархисты, имевшие большое влияние. Нельзя не привести две телеграммы, отправленные Николаю II из Киева в 1906 году.

«27 июня. Петергоф.

Его Императорскому Величеству.

Монархические партии и группы Юго-Западного края, соединившиеся через представителей своих в Общем Собрании сего года 25 июля, в городе Киеве, возложили на меня, как председателя своего, ответственное поручение выразить Вашему Императорскому Величеству их патриотические пожелания, дабы повеленно было верному Престолу и России Правительству Вашему твердо стоять на своем посту, презирая позорные выходы излагавшихся, крамольных членов Государственной думы, в короткое время успевших подорвать народное доверие к этому высокому законодательному учреждению. Второе ходатайство русских людей вытекает из того многовековым опытом укрепившегося в населении западных окраин убеждения, что еврейская наглость может быть подавлена только силою. Если Правительством не будут безотлагательно приняты меры против задора, клеветы и лжи руководимой евреями печати и не будет обуздано еврейское зверство, выражающееся в ежедневных убийствах и грабежах среди бела дня, то в народе укрепитя сознание полной его беззащитности, и тогда край вспыхнет пламенем народного самоуправления, первые взрывы которого обрушатся на евреев, как на виновников народных страданий. Православные христиане здешнего края глубоко возмущены также малодушием некоторых правителей, воспрещающих в подведомственных им областях установленные церковью и освященные обычаем крестные ходы, принося, таким образом, христианское чувство в жертву еврейскому зазору. Меры эти, вместо примирения, доводят племенную вражду между христианами и евреями до крайней степени раздражения.

Государь, не уступок, не политических опытов над истрадавшейся родиной желает русский народ, а восстановления во всей его силе Царского Самодержавия, никаким законом не отмененного. Оно лишь одно, и никакая власть, в силах возратить стране мир и спасти от страданий и ужасов все подвластные Вашему Величеству народности, не исключая и мятежного племени иудеев.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Борис Юзефович».

Вскоре, 9 июля, была послана другая телеграмма:

«Петергоф.

Его Императорскому Величеству.

Восторженно приветствуя Ваше Императорское Величество в знаменательный день роспуска недостойных народного доверия членов Государственной думы, совет Киевской монархической партии от лица многочисленных, подведомственных ему организаций Юго-Западного края, повергает к стопам Вашим, возлюбленный Государь, чувства беспредельной верноподданнической благодарности и призывает Божие благословение на Царственный подвиг Ваш по восстановлению в России поколебленных в ней закона и порядка. Вместе с тем осмелимся выразить надежду, что Вашему Величеству благоугодно будет повелеть правительству Вашему пересмотреть предательски составленный министерством графа Витте избирательный закон и внести в него коренные изменения, долженствующие обеспечить в стране представительство из людей более правдивых, достойных и разумных.

Председатель совета Борис Юзефович».

Витте

Сергей Юрьевич Витте. Фотография 1905 г.

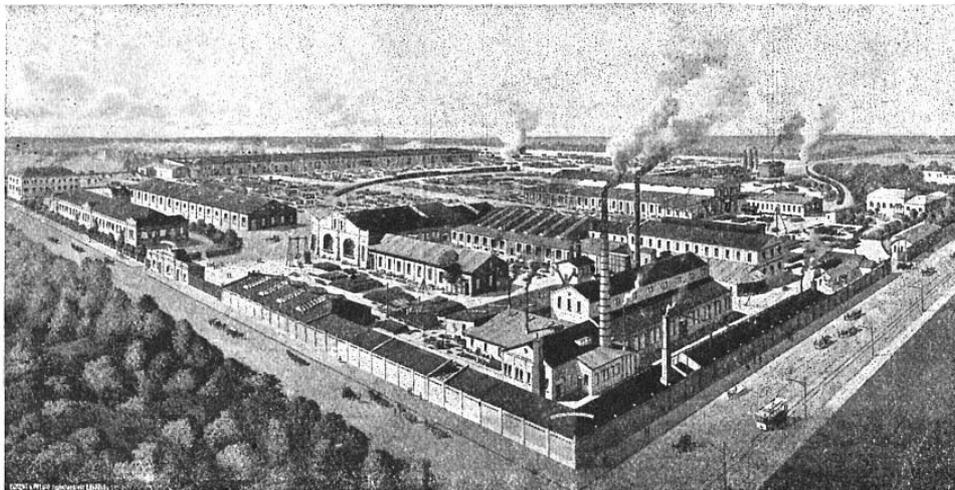
Летом 1906 года П. А. Столыпин занял пост премьер-министра, и оказался как бы в одиночестве. В августе 1906 года произошло первое покушение на Петра Аркадьевича, взорвали его дачу на Аптекарском острове в Петербурге. 36 человек убиты, многие тяжело ранены, в том числе маленькие дети премьер-министра. Среди убитых и генерал-майор Г. А. Мин, подавивший восстание в Москве. По приглашению императора, после взрыва Петр Аркадьевич переезжает в надежно охраняемый Зимний дворец.

Премьер-министр выступил в думе с новой речью, которая навсегда вошла в отечественную историю. Там он возмущенно говорил о нападках оппозиции, рассчитанных на то, чтобы вызвать у правительства «паралич воли и мысли», что, по словам Петра Аркадьевича, сводится к двум словам: «Руки вверх!». Но на это правительство «с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить двумя словами: не запугаете!.. Мы хотим верить Господу, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставит всех нас встать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение. Покуда это слово не будет сказано, покуда государство будет находиться в опасности, оно обязано будет принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада». Восемь месяцев, полученных Столыпиным после роспуска Думы, настроенной не на созидание, были использованы для подготовки законопроектов, которые должны были обновить государство и «подрезать» корни революции. И это ему удалось.

Для поднятия экономики России было необходимо дать землю крестьянам для создания крепкого индивидуального землевладения. Всеобщую аграрную реформу мог организовать и провести только Столыпин, на которого царь и возлагал большие надежды.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО КИЕВСКАГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО и КОТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
ГРЕТЕРЪ и КРИВАНЕКЪ г. КИЕВЪ.

ОСНОВАНЪ 1882 г.

АДРЕСЪ ПРАВЛЕНІЯ: БИБИКОВСКІЙ БУЛЬВАРЪ 42. ТЕЛЕФ. 70. } АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ:
ЗАВОДА: БРЕСТЪ ЛИТОВСКОЕ ШОССЕ 83. } КИЕВЪ ГЕКА.

Завод Гретера и Криванека. Открытка 1910-х гг.

Проект Столыпина об устройстве остро необходимых земств в губерниях Сибири и Западного края был провален в Государственном совете. Петр Аркадьевич подал императору прошение об отставке. Возмущенная интригами сановников Мария Федоровна всеми силами старалась защитить Столыпина.

Вдовствующую императрицу, обладающую большим чутьем и умением распознавать людей, постоянно не удовлетворяло окружение государя: *«Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях... у моего бедного сына так мало людей, которые всегда говорят, что думают»*. Поэтому она особо ценила Столыпина. Потеря этого человека была критична и для царя, и для империи. Можно сказать, что последующие трагические события в государстве, вплоть до распада СССР, бедствия и обнищание населения, не прекращающиеся и по сей день, произошли в результате гибели этого титана экономики, искреннего патриота и гениального политика. Хотя история не терпит сослагательного наклонения, но все-таки хочется верить, что не убили бы Столыпина, не было бы революции, гибели монархии, власти коммунистов, которые дали народу жестокое тоталитарное правление, а не «доброе» главу государства или губернатора, вера в которых жива у многих и по сей день

Вооруженное выступление саперов

Историки партии и прислуживающие ей исследователи очень любили поговорить об этом восстании и его руководителе Борисе Жадановском. О нем написано и несколько книг, фильм снять не успели. Я хочу это историческое событие показать со всех сторон.

Сначала «Википедия»: Борис Петрович Жадановский. Родился в Харькове в семье кадрового офицера. Учился в Полтавском кадетском корпусе (1903). Окончил Николаевское военно-инженерное училище в Санкт-Петербурге. С 1905 года служил подпоручиком 5-го понтонного батальона 3-й саперной бригады в Киеве. В июле 1905 года в Киеве установил связь с военной организацией РСДРП. 18 ноября 1905 года возглавил вооруженное выступление саперов в Киеве. Демонстрация была расстреляна царскими войсками. Раненый Жадановский спасся, затем скрывался на агрономической ферме Киевского политехнического института. Был арестован и ждал суда в Косом капонири. В сентябре 1906 года военно-окружной суд приговорил его к расстрелу, который был заменен бессрочной каторгой. По дороге туда предпринял неудачную попытку бежать. Каторгу отбывал в Шлиссельбургской крепости, затем был заключенным Смоленской, Орловской, Курской, а с конца 1913 года – Херсонской тюрем. Здесь он встречался и общался с большевиками, анархистами и эсерами. Освобожден после Февральской революции 1917 года, переехал в Крым для лечения туберкулеза. В ноябре вступил в ряды РСДРП(б), занимал должность заместителя председателя Ялтинского совета рабочих депутатов, был главным редактором ее печатного органа «Известия». В апреле следующего года, при наступлении в Крыму австро-немецких войск организовал из коммунистов, левых эсеров и анархистов «особый социалистический» отряд численностью в 150 человек. В боях под Симферополем отряд был разгромлен немцами, а Жадановский погиб.

Первая русская бжуазно-демократическая революция в Киеве проходила со значительно меньшим накалом, чем в Петербурге, Москве и Лодзи. Не было расстрела и шествия рабочих, как перед Зимним дворцом, баррикадных боев и разгона конной полицией бастующих поляков. Были беспорядки 18 октября 1905 года перед городской думой и последовавший за ними еврейский погром. После относительного спокойствия, продолжавшегося в Киеве около месяца, уже через месяц, 18 ноября, разгорелся бунт расквартированной в Киеве 3-й саперной бригады

Чтобы понять, как все происходило на самом деле, обратимся к сборнику «1905. Армия в первой революции» под редакцией Покровского. Он хотя бы пишет, опираясь на документы. Итак, буза началась в 3-ей роте 5-го понтонного батальона: «...волнения в роте начали остро выявляться вечером 16 ноября. Поводом для этого послужило отсутствие в роте кухни и обеденных столов, вопросы, почему приходилось ходить на обед и ужин в Никольские казармы, плохая одежда и чрезмерная строгость штабс-капитана Смирнова...» На следующий день рота не выходит на обед, на занятия и в караул. Командование старается погасить конфликт – в роту приходит командир батальона подполковник Глазко и начинает опрос жалоб. Однако дело осложняется тем, что в организации беспорядков участвуют и некоторые офицеры: «...пришел в роты поручик Пилькевич и просил оставить его наедине с солдатами, ...поручик Пилькевич, обращаясь к солдатам, ...тихо добавил: „За что взялись – дело серьезное, но раз взялись, то уж держитесь своего“. Эти слова одобрения, сказанные устами их начальника-офицера, вдохновляющим образом подействовали на солдат, и они твердо решили продолжать забастовку...»

Столыпин Петр Аркадиевич. Фотография 1900-х гг.

Утром 18 ноября, в 7 часов утра, в «Жандармских казармах», накануне сговорившиеся третьи роты 4-го и 5-го понтонных батальонов и военно-телеграфная рота 14-го саперного батальона разобрали ружья и патроны, двинулись к Никольским казармам, где к ним присоединились 1-я и 2-я роты 4-го понтонного батальона. Оттуда двинулись к Печерскому базару, где был расположен 125-й пехотный Курский полк. Тут их пытались остановить 1-я рота 7-го саперного батальона, но была смята толпой восставших. Здесь чуть не погиб командир бригады полковник Немилов: *«...в это время из толпы послышались крики: Долой офицеров! и на полковника Немилова бросилось несколько человек с приподнятыми штыками. Но из толпы повстанцев сейчас же послышались крики: Не надо крови! Пусть так уходит!»*. На Печерском базаре к восставшим присоединились музыкантская команда, несколько человек-пехотинцев 125-го Курского полка и их руководители из офицеров – подпоручики Жадановский, Зубков, Баранов, Черепанов, поручик Пилькевич и прапорщик Кочергин. Далее мятежники двинулись к редюиту № 1, где присоединили к себе 2-ю и 4-ю роты 14-го саперного батальона.

Возле башни № 2 чуть не произошло столкновение. С целью не допустить восставших в башню, командир 14-го саперного батальона подполковник Ершов выстроил 1-ю роту и начал уговаривать непокорных вернуться. Но его никто не слушал, рота была смята, восставшие ворвались в башню и присоединили к себе оставшиеся части 3-й бригады – 1-ю и 3-ю роты 14-го саперного батальона, 2-ю и 3-ю и военно-телеграфную роты 7-го саперного батальона. Разросшаяся до нескольких сотен человек толпа вооруженных мятежников продолжила двигаться по улицам Киева (в советской литературе это часто называли «вооруженной демонстрацией»).

Возле казарм 33-й артиллерийской бригады по поручению командующего округом командир 21-го армейского корпуса генерал Драке предпринимает еще одну попытку «увещевания». Посчитайте, сколько раз до применения стрельбы на поражение восставших пытались уговорить успокоиться – несмотря на это, до сих пор утверждают, что правительственные войска открыли огонь «внезапно».

Далее толпа солдат вышла на Галицкую площадь, к Еврейскому базару. К ним начали присоединяться рабочие окрестных заводов с красными флагами. Все они пытались прорваться на окраины города, к казармам Азовского полка и других воинских частей, чтобы и их присоединить к восстанию.

Здесь им преградила путь учебная команда 168-го пехотного Миргородского полка. Нужно заметить, что в учебной команде было максимум человек сто, а в толпе мятежников – человек 800-900. Однако: *«Заметив, что передние шеренги опускаются на колени, и вся команда взяла наизготовку для стрельбы, передние части повстанцев, смешанные с рабочими, начали разбегаться. Напрасно напрягал свой голос подпоручик Жадановский, крича им: „Стойте! Куда бежите?“ . И так, все грандиозное сражение продолжалось несколько минут. О потерях мятежников, о сопутствующих жертвах среди гражданских и о наказании бунтовщиков поговорим в другой раз. Сейчас же приведем данные о потерях подавившей мятеж учебной команды 168-го пехотного Миргородского полка, – далее пишет газета „Киевлянинъ“. – Один унтер-офицер команды погиб на месте, еще двое умерли от ран в госпитале на следующий день».*

Командование учебной командой взял на себя фон Стааль. По поводу его ухода в отставку в газете «Киевлянинъ» (22 марта 1912 г., № 82) была напечатана статья «Забывтый герой»: *«Ушел в отставку полковник фон-Стааль. Ушел он, как рядовой офицер, с производством в генерал-майоры, не оцененный властью, забытый русским обществом. Знаете ли вы, кто такой г. фон-Стааль? Это тот командир Миргородского пехотного полка, который в черный день саперного бунта в Киеве, 18 ноября 1905 года, в одну минуту подавил безобразный бунт и тем предотвратил ужасы пьяного разгрома Киева. Это тот рыцарь без страха и упрека, который в страшный час развала дал всем властям пример того, как должны вести себя люди долга и чести. Я лично пережил тогда моменты из числа тех, которые никогда не забываются. Обширный саперный бунт подробно описан в том печатном фолианте, который называется „обвинительным актом“ по соответствующему уголовному делу. Я хочу поделиться с читателями некоторыми своими личными воспоминаниями.*

Неясные слухи о готовящемся саперном бунте ходили по Киеву за несколько дней до 18 ноября. Начальник охранного отделения г. Еремин имел сведения об организуемом бунте и докладывал о нем. Но тогда царили халатность, растерянность и трусость... Никаких мер не было принято.

Бунт вспыхнул рано утром 18 ноября. Я довольно рано пришел в редакцию „Киевлянина“ и там узнал, что мятежники уже находятся на Киеве II, и что против них выслан Уральский казачий полк. Я был весь захвачен этим известием. Телефон работал без перерыва. Вскоре я узнал следующее. Бунт начался в так называемых „Жандармских казармах“ (на Московской улице), откуда мятежники отправились к казармам, что у Никольских ворот. Власти окончательно растерялись. Было принято две меры: с одной стороны, были вызваны войска для охраны дома, в котором жил тогдашний начальник края и командующий войсками, а с другой, – командующему саперной бригадой полковнику Немилову предписано было немедленно принять меры к прекращению беспорядков. Полковник Немилов решил усмирить бунт по тому самому способу, по которому вообще боролись в то время с революционными восстаниями и беспорядками, т. е. посредством речей. Полковник Немилов произнес несколько речей в разных пунктах (для чего он в экипаже обгонял шествие бунтовщиков). Ответ на его речи был один – брань и угрозы... Решив, что все средства воздействия исчерпаны, полк. Немилов явился к командующему войсками и доложил, что, несмотря на все принятые меры, прекратить беспорядки не удалось. Тогда ген. Сухомлинов приказал командир

Уральского казачьего полка прекратить бунт. Мятежники в это время были у Киева II, где они „снимали“ отряды, назначенные для охраны станции. Командир Уральского полка с четырьмя сотнями выступил против бунтовщиков и встретил их подле 4-й гимназии, на Большой Васильковской улице. Мы с нетерпением ждали результатов этой встречи... Вскоре стало известно, что командир Уральского полка, увлеченный духом времени, тоже заговорил... Вместо оружия, он пустил в ход средство, уже испытанное полковником Немиловым: произнес речь... Кончилось дело тем, что бунтовщики под звуки оркестра двинулись вперед. Казаки, по приказу их командира, почтительно расступились и дали дорогу саперам. Мятежники, руководимые переодетыми евреями и несколькими офицерами-предателями, пошли дальше. К командующему войсками полетел новый доклад: „Несмотря на все принятые меры, беспорядков прекратить не удалось“. Дело принимало весьма серьезный оборот. Генерал Сухомлинов двинул против мятежников пехоту и артиллерию. Подавление беспорядков возложено было на командира 21 корпуса ген. Драке. Последний в фаэтоне отправился к месту действия.

В это время я вместе с Д. Д. Н-по также направился к месту действия: уж очень любопытно было посмотреть солдатский бунт. Бунтовщики по Большой Васильковской улице прошли до Жилианской и затем свернули по Жилианской и направились к казармам 33-й артиллерийской бригады (на углу Тарасовской). Сюда мы и пошли из редакции. Когда мы спустились сверху по Тарасовской улице, вся Жилианская ул. была запружена солдатами, толпившимися здесь в беспорядке. Нам сообщили, что только что ген. Драке говорил речь на улице, а теперь говорил другую речь во дворе казарм... Через некоторое время бунтовщики под звуки музыки двинулись далее по Жилианской улице. За толпой бунтовщиков шел батальон пехоты, за ним – сотни казаков-уральцев. Замыкал шествие ген. Драке, ехавший шагом в фаэтоне. Сзади и по тротуарам плелись зрители, увлекаемые диковинным зрелищем... Мер никаких больше не принималось; все речи уже были сказаны, и дело, по-видимому, было предоставлено воле Божьей.

Так мы дошли до Галицкого базара. Здесь бунтовщики и остановились. Я видел, как один из вождей бунта взошел на штабель камня и обратился к бунтовщикам с кратким призывом-речью. Затем опять заиграла музыка, и мятежники двинулись вниз по бульвару в направлении к Кадетскому шоссе (где находятся казармы некоторых пехотных частей). Я дошел до того места, где пересекаются две линии трамвая и остановился, решив дальше за мятежническим шествием не идти. Помню, я встретил там своего родственника товарища прокурора В.А. В-ва и едва я успел поздороваться с ним и сказать несколько слов, как произошло что-то неожиданное, ошеломляющее и потрясающее: грянули ружейные залпы, за которыми последовали беспорядочные выстрелы... Пули летели над нами, неподалеку от нас стонали раненые... Я машинально лег на землю, а затем ползком передвинулся и лег за стоявшим у бульвара вагоном трамвая. Там уже лежал мой родственник, товарищ прокурора... Когда стрельба немного затихла, я перебежал через улицу и спрятался во дворе. Скоро все стихло. Я вышел на тротуар и посмотрел на площадь: она представляла собой вид поля битвы после сражения: везде лежали люди и лошади... Убито и ранено было около 110 человек. Бунта более не было: он был раздавлен.

Как же все это случилось? Очень просто: шла учебная команда Миргородского полка, с командиром полка полковником фон-Стаалем во главе. Команда маленькая – что-то около 80 человек. Против них двигалась нафанатизированная и опьяненная успехом тысячная толпа вооруженных бунтовщиков. Что было делать? Г. фон-Стааль поступил, как истинный воин: он речей не говорил и решил действовать по-суворовски: „глазомер, быстрота, натиск!“... Он даже не сделал призывов и предупреждений, ибо был бы окружен бунтовщиками и смят: он прямо, ни слова не говоря, приказал стрелять залпами... И в несколько мгновений бунт был раздавлен...

В тот страшный день в Киеве нашелся настоящий военный, человек с железным характером, инициативой, с мужеством, с геройской решимостью действовать и исполнять свой долг до конца, несмотря ни на что. И г. фон-Стааль спас Киев от великих бедствий. Не подлежит сомнению, что толпа бунтовщиков продолжала бы возрастать. К ней уже собирались присоединиться рабочие железнодорожных мастерских. Присоединились бы и рабочие завода Гретер и Криванек. Кончилось бы дело баррикадами и большим кровопролитием: ведь отступления для саперов-бунтовщиков не было. К вечеру голодные и разнузданные бунтовщики разбили бы винные лавки и гастрономические магазины... Начался бы затем пьяный погром, за которыми, вероятно, последовал бы контр-погром, направленный против евреев. И ничего этого не было благодаря одному полковнику фон-Стаалю.

Киев и все русское общество должно быть безмерно благодарно этому рыцарю долга.

Подвиг г. фон-Стааля был замолчан. Одни пылали ненавистью к нему, другие завидовали ему и шипели...

Вечером в день бунта я видел на улицах нескольких саперов. Подавленные, жалкие, без ружей (которые они бросили), они плелись на Печерск, к своим казармам. На углу Б. Васильковской и М. Благовещенской улиц я заговорил с двумя такими представителями разбитого революционного стада. Они меня робко спросили: „Теперь нас повесят?“

Еще позже – в тот же вечер – я, по поручению редактора, отправился к одному крупному генералу – узнать точно о ходе событий. Оказывается, что уже было составлено донесение в Петербург. О полковнике фон-Стаале в этом донесении не говорилось ни слова... Газетам все было сообщено в таком виде, что-де бунт подавлен батальоном Азовского пехотного полка. Каковы были истинные мотивы всего этого, не знаю.

- Зачем все это сделано? – спросил я большого военного начальника.

- Видите ли, мы спасаем Стааля; ведь он стрелял в солдат...

- Не в солдат, а в бунтовщиков! – заметил я.

- Все равно... Много убитых и раненых... Мы не знаем, как к этому отнесутся в Петербурге; быть может, полковник фон Стааль пойдет под суд!

- За что? За великую услугу, оказанную родине? – спросил я.

Мне ответили пожиманием плеч. И лишь через месяц командующим войсками была объявлена благодарность герою-командиру Миргородского полка.

С того времени и до сих пор полковник фон Стааль (он – офицер генерального штаба) оставался в должности командира полка. Ныне здоровье героя сильно пошатнулось, и он уволен в отставку. История не забудет славного имени доблестного командира Миргородского полка».

Николай Фердинандович фон Стааль родился 11 января 1865 года. В 1883-м окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (кстати, именно это учебное заведение в 1902 году закончил и поручик Жадановский, возглавлявший бунт саперов), затем – Николаевское инженерное училище, был выпущен в офицеры в 3-й понтонный батальон. Впоследствии окончил Академию генерального штаба по 1 разряду. Был начальником штаба 44 пехотной дивизии, начальником штаба 9 кавалерийской дивизии, с 28 августа 1905 г. командовал 168 пехотным Миргородским полком и 25 февраля 1912 года произведен в генерал-майоры, с увольнением от службы, с мундиром и пенсией. 27 июля 1912 года Николай Фердинандович умер от паралича спинного мозга.

Авангардист русской философии - Лев Шестов

«Предисловие всегда, по существу, есть послесловие», – так начиналась одна из книг киевлянина Льва Шестова. Его детство и становление творчества – одна из страниц старого Киева. Жил на Подоле богатый коммерсант Исаак Шварцман, владелец самого большого мануфактурного магазина, находившегося напротив Контрактового дома на Подоле. В этом торговом заведении был большой выбор сукна, трикотажа, шерсти, шелка, бархата и других тканей. Так, в семье ассимилированного еврея, более интеллигента, чем купца, 31 января 1866 года родился Лёва, выдающийся философ, известный под именем Лев Шестов. В его юности было событие, достойное приключенческого фильма. Его, 12-летнего, похитила группа анархистов, желающих получить выкуп с его отца Исаака Шварцмана. Может быть, после этого случая Шестов связался с народовольцами, в частности, с Михайловским, и был одним из первых толкователей Маркса в Киеве. Отдав в молодости дань революционным настроениям, но при этом не швырнув ни в кого бомбу и не посещая марксистские кружки, молодой Лев Шестов стал писать финансово-экономические, литературоведческие и, наконец, философские работы. Отрывался он от этих занятий либо для обстоятельного чтения – изучения Кьеркегора или Хайдеггера, либо для ведения коммерческих дел отцовского предприятия, разросшегося в один прекрасный день до акционерного общества. В 1888 году Лев Шестов поступил в Московский университет и учился сначала на физико-математическом, а затем на юридическом факультете. Его диссертация о новых рабочих законах в России оказалась, как бы сегодня сказали, «труднопроходимой», а Московский цензорский совет «похоронил» все надежды автора на ее публикацию: по мнению докладчика Совета, диссертация могла бы послужить сигналом к революции.

Лев Шестов. Рисунок Л. О. Пастернака

Мыслитель осуществил традиционный для отечественного философа путь от марксизма к собственному философскому учению, причем именно он, Шестов, был здесь первопроходцем. За ним следовали Бердяев, Булгаков, Струве... Молодой автор, прошедший через искушение литературой, не получивший систематического философского образования, снискавший славу талантливого литературного критика (первой по-настоящему значительной работой Шварцмана была книга «Шекспир и его критик Брандес», подписанная им псевдонимом Шестов), стал мыслителем, создавшим собственную парадоксальную систему, основанную, как тонко подметил один мемуарист, на *«попрании разума разумом»*. По предложению С. П. Дягилева, Лев Шестов некоторое время сотрудничает с журналом «Мир искусства» и публикует книгу «Достоевский и Ницше».

Далее жизнь философа проходила вне Киева, с которым он потерял связь, поэтому, кто хочет более познакомиться с его жизнью, пусть обратится к его биографам. Вне всякого сомнения, цитировать мысли Шестова в нынешнее время – занятие никчемное. Но я попробую. Его философская система – это суверенная область религиозной философии, менее всего характеризуемая словосочетанием «актуально и по сию пору». Тем не менее, устремляясь вслед за тенью новой, а скорее старой, псевдоистины, иной раз следует остановиться, оглянуться назад и прислушаться к мудрым словам киевского философа: *«Я хорошо понимаю, что отнимая у истины ее основную, считавшую до сих пор неотъемлемой прерогативу, ее право на высшую санкцию, на всеобщее признание – я*

дискредитирую ее в глазах людей... И все-таки я не могу иначе думать и говорить».

Вдовствующая императрица Мария Федоровна

Как не написать о Марии Федоровне, принцессе Дагмар, императрице Российской, матери Николая II. Меня, киевлянина, всегда интересовала именно она, предпочитавшая мой город всем иным в своей громадной империи. Она пробыла тут два года.

Пожалуй, трудно найти в отечественной, а может даже во всемирной истории, женщину, стоящую на вершине власти и стойко пережившей такие неслыханно тяжелые испытания. Ее тесть, царь Александр II, скончался в мучениях у нее на глазах в результате террористического акта. Мария Федоровна пережила смерть четырех сыновей и пятерых внуков: младенца Александра, Георгия, болевшего туберкулезом и умершего после падения с мотоцикла на 28 году жизни, Михаила, погибшего от рук большевиков. И, наконец, вопиющая по бессмысленной жестокости расправа над сыном Николаем, его женой и детьми. Здесь можно вспомнить об убитом террористами ее брате принце Вильгельме и брате мужа в. к. Сергее. Весь этот ужасающий перечень начался, когда 17-летнюю датскую принцессу Дагмар помолвили со старшим братом ее будущего мужа - Николаем. Вскоре наследник российского престола внезапно заболел туберкулезным менингитом и скончался в Ницце в присутствии своих родителей и невесты.

Родителями Марии Федоровны были датский король Кристиан IX и его супруга Луиза. Принцесса была небольшого роста, необычайно изящна и красива. По приглашению российской августейшей семьи Дагмар отправляется в Петербург. Ее провожали толпы народа. Среди них был сказочник Ганс Христиан Андерсен, который писал: *«Вчера на пристани наша дорогая принцесса, проходя мимо меня, остановилась и протянула мне руку. У меня навернулись слезы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней!»* Прием в России был ошеломляющий, салютовали 20 кораблей и прибрежные форты. Приняв православие с именем Мария Федоровна, она обвенчалась с великим князем Александром Александровичем. Юная принцесса начала изучать язык и историю той страны, где она проведет более полстолетия, и добилась в этом больших успехов. Сохранились тетради с ее уроками, где она еще почти детским почерком выводила: *«Долго ли Русская церковь находилась под властью митрополитов?»* - и сама отвечала: - *«Около 360 лет под властью одного Киевского митрополита (988-1352) и около 240 лет под властью двух митрополитов (1352-1588) - Московского и Киевского».*

Мария Федоровна пользовалась большим уважением любящего ее мужа. Врожденный ум и политическая интуиция жены помогали императору ориентироваться в окружении и принимать правильные решения. Императрица, обладая хорошим вкусом, участвовала в открытии художественных выставок, посещала концерты, всячески оказывала помощь различным гуманитарным начинаниям. Известна ее поддержка научных путешествий нашего земляка Миклухо-Маклая.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна

Мария Федоровна. Открытка 1910-х гг.

Больше всего внимания супруги уделяли Николаю – наследнику престола. Перед самой кончиной Александр III сказал своему сыну: *«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли его наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное, я принял его тринадцать лет тому назад от истекающего кровью отца... Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушай только самого себя и своей совести. В позиции внешней держись независимой позиции. Помни, у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней, прежде всего, покровительствуй Церкви. Она не раз спасала страну в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства»*. Сын из перечисленного многое так и не выполнил!

20 октября 1894 года Александр III скончался в присутствии своей супруги в Крыму, в Левадийском дворце. Мария Федоровна очень тяжело переживала утрату, но сила духа, всегда присущая этой маленькой женщине, и тут взяла верх. Нужно было готовиться к коронации сына, но для этого необходимо было обвенчать его с немецкой принцессой, которая уже приняла православие, и стала Александрой Федоровной.

Последний царь выделялся безупречным воспитанием и склонностью тушеваться, при этом всегда выдержан, с редким самообладанием. Внешне приветлив и внимателен, никто не

припоминал каких-либо резких, сердитых реакций с его стороны. Но, что хуже всего, Николай II плохо разбирался в людях. Вступая на престол, царь надеялся на свою мать, которая обладала интуицией и выбирала помощников сыну. Так не без ее участия был найден Петр Столыпин, но царственный сын не ценил реформатора, и, как карты, тасовал своих министров и советников, не различая людей талантливых, великих, ничтожных или просто авантюристов.

Прежде всего, император ошибся в своей собственной жене. Ей одной доверял не только свою жизнь, но и державу. А она еще хуже разбиралась в людях, чем ее муж. Некоторые историки обобщают несчастную судьбу Николая II следующим образом: он был пустым и безвольным человеком, игрушкой в руках суеверной и истеричной жены.

Нужно сказать, что при жизни своего супруга Мария Федоровна, вникая во все внутренние и внешние политические дела, ничего не решала, к тому же, этого ей не позволяли. Достаточно было опыта и воли ее супруга. Но после смерти Александра III вдовствующая императрица, так стали ее называть, взяла бразды правления государством в свои руки. Умная, властная, незаурядная женщина, обладающая глубокой политической интуицией и силой воли, много переняла у супруга. В первые годы правления император постоянно советовался со своей матерью. Для неуверенного в себе царя позволительно было прервать министра и спросить совета у матушки. По инерции к Марии Федоровне приходили отчеты из губерний, другие важные государственные бумаги. Так и получилось, что в России существовало как бы два двора: Марии Федоровны и меньший – Александры Федоровны. Зарубежные наблюдатели стали поговаривать о женской политике в государстве. Мать продолжала занимать главенствующее положение, на официальных приемах она шла под руку с сыном, тогда как Александра Федоровна была второй с кем-нибудь из великих князей, чаще с Михаилом Александровичем. Две разные императрицы, сразу невзлюбившие друг друга, датчанка и немка, два разных характера, два мировоззрения, боролись за влияние на одного человека, который, обладая мягким характером, не умел сам принять необходимое решение. Тривиальная ссора между свекровью и невесткой, сопутствующая во всех слоях общества многим чисто бытовым семейным скандалам, привела страну к катастрофе. Здесь кроется одна из тех неприятностей, которая погубила через два десятилетия Российскую империю, и принесла столько страданий всему населению.

Как Киевский Союз русского народа боролся против «шароварной моды»

Если детально вспомнить историю Киева, то на его жителей, живших, по мнению Михаила Булгакова, скучно и однообразно, залп Авроры произвел меньше впечатлений, чем появление представительниц прекрасного пола в шароварах. Нравственные устои киевских обывателей были полностью нарушены, единичное посягательство женщин на честь и достоинство мужчин, утвержденное в традиционных штанах, привели их в ужас, трепет и «скрежет зубовой». По влиянию на жизнь города с этим могло сравниться ну разве что татаро-монгольское нашествие или правление Черновецкого.

Если мужская мода находилась под влиянием Лондона и Вены, то женская полностью зависела от Парижа и только немного от Варшавы. Аристократки и дамы из буржуазных семей, в основном сахарозаводчиков, шили наряды либо за границей, находясь там в очередных развлекательных поездках, либо у иностранных портных на Крещатике. В их мастерских в рамках под стеклом висели дипломы об окончании «портновских» академий. Предприятия носили броские названия, в которых присутствовали европейские столицы – типа «Венский шик» или «Парижский модельер». Закройщицы меняли фамилии, согласно направлению своей деятельности. Какой-то Фима Шнаерзон из Казатина становился Филипп де Шатуар, некий Мыкола Покотыло из Мотовильовки – месье Паризеном. Основную массу костюмов в Киеве портные-кустари шили по модным журналам, издаваемым в Париже или Вене. Магазины дамских нарядов в Киеве были представлены Мадам Батайль (Меренговская, 10), Вероника (Алексеевская, 30), «Гранд Шик» (Фундуклеевская, 26), мадемуазель Дора (Николаевская, 12), мадемуазель Де-Дод (Мало-Подвальная, 1), Жердер (Александровская, 44), мадам Жозефина (Крещатик, 7), мадам Ольга (Театральная, 10), «Салон» (Пушкинская, 12), Цукерман (Крещатик, 50) и многими другими подобными. Эти магазины рассеялись без следа в «вихрях враждебных» революции и гражданской войны, вынырнув на короткое время НЕПа. Теперь на этих местах другие магазины и представительства, хотя по сути ничего не изменилось.

Почитаем рекламу: *«Дамский конфексион Р. Я. Голуба. Киев, Лютеранская № 1, Бельэтаж, против офицерско-экономического общества. Постоянно в большом выборе дамские верхние вещи: костюмы, пальто, манто, саки и прочее, изящно выполненные по последним моделям Парижа и Вены. Для приема заказов имеется большой ассортимент материалов лучших английских и русских фабрик. Также принимаются покрывки переделки меховых, котиковых и каракулевых вещей. Исполнение добросовестное, аккуратное и в срок. Для гг. приезжих заказы выполняются в 24 ч.». Или «Разрешенная правительством школа кроя и шитья дамских и детских нарядов А. С. Ромишевской. По самой лучшей и усовершенствованной парижской методе. Успех гарантирую. По окончании даю аттестаты». А как пройти мимо таких объявлений: «Дамский портной А. Г. Мурашов. Бывший главный кройщик Бешов-Давид и К* Париж и М. Мандль. Михайловская № 16, бельэтаж близ думы, кв.1. Прием заказов из собственного материала и из материала гг. заказчиц. Заказы исполняются под личным наблюдением». Но возможны были и другие школы, ну, например, харьковская: «Дамский портной Х. Г. Кац, бывший харьковский кройщик. Киев, Андреевский спуск № 2. Прием всевозможных заказов дамских верхних платьев из своего и гг. заказчиц материала. Допускается рассрочка платежа. Заказы исполняются по последним моделям Берлина и Парижа».*

В Париж женские шаровары пришли с арабского Востока, где необходимым элементом костюма были штаны, в первую очередь, шаровары. Они имели ромбовидную или трапециевидную форму вставки между ними, особенно широкие шаровары персидского типа, которые спадали многочисленными вертикальными складками. Длину имели до ступней, даже длиннее ноги, но это для особых модниц, которые дальше женской части восточного жилища никуда не выходили. Трудно представить их идущими по пыли, за водой или на базар. Говорят, шаровары привезла в Париж Мата Хари – танцовщица сомнительного индийского происхождения. Мало кто знает, что ее первые выступления в парижском музее восточных верований – Гиме, организовывал наш земляк – Виктор Голубев. Да, да, именно тот, который владел лучшим отелем в Киеве, – «Пале Рояль» и тот, который построил в Пархомовке у Белой Церкви громадный храм, украшенный мозаиками Н. К. Рериха. Привезенная киевлянином в Париж, Мата Хари танцевала в специальных, исключительно для танцовщиц, шароварах. Их шили из разнообразнейших тканей, в первую очередь ярких цветов. Для танцовщиц и парижских модниц ткани выбирались как можно прозрачнее. Но по законам распространения моды, – чем дальше она от Парижа, тем более уродливые формы принимает. Поэтому в Киеве ткань становилась еще прозрачнее, что приводило обывателей в неопишущий ужас.

А так как единственными ревнителями нравственных устоев были члены Киевского Союза Русского народа, то они и объявили войну этим нововведениям. Нужно сказать, что наш город считался оплотом монархическо-националистического движения. В большом количестве монастырей, храмов и странноприемников терялись незначительные заводы и мастерские, за исключением тех, которые изготавливали продукцию религиозного направления. Поэтому здесь 1 октября 1906 года открылся самый представительный 3-й Всероссийский съезд русских людей. Его готовила комиссия во главе с председателем Киевского Русского братства генералом Петром Григорьевичем Жуковым (старостой Владимирского собора). На съезде присутствовали 500 чел., представлявших 74 организации. Присутствовал учредитель киевского отделения – гласный Городской думы Филипп Норбертович Ясногурский. Занимаясь коммерцией, он смог приобрести значительные земельные владения на Лукьяновке. В 1909 году Лукьяновский отдел Союза Русского народа открыл детский приют в принадлежавшем Ясногурскому доме на Монастырской улице. В 1913 году в его помещениях располагались службы проведения I Российской Олимпиады. Ясногурский известен как публицист. В 1911 году напечатал свой дневник «На правах рукописи для собственного чтения». Художественного значения сей опус, как и другие «творения», в частности, «О чем говорят в Киеве лошади и собаки», не имеют.

Нет смысла пересказывать многие страницы сего «дневника», где все беды, современные и грядущие, Киева происходят от евреев, шаровар и... Шевченко. Да, да именно, Тараса Григорьевича, который, по мнению Яснобургского, виновен в появлении «малороссийского сепаратизма». Остановимся только на борьбе его с нововведениями женской моды. Он выступал публично и на страницах газет против смелых вырезов на груди – это «разврат и падение нравственности». Против шиньонов и париков – они мол-де «с добавлениями лошадиных грив и хвостов, а чаще войлока и волос, отрезанных у мертвых женщин. Предметы эти острого запаха и обильно паразитами и вредны». Возмущение его вызывали большие и оригинальные дамские шляпки, особенно с острыми шпильками, которые приносят «мужчинам страдания, сопряженные иногда с опасностью жизни. Были случаи, что этими шпильками выкалывались глаза и уродовались мужские физиономии. Был скандал, когда дама в модной шляпке повредила глаз одному студенту, который под впечатлением боли выскочил из трамвая. Словом многими несчастиями чревата эта пикантная женская мода телесных и головных уборов ради пустого переменчивого наслаждения, а вернее для увлечения мужчин». Приводим цитаты Яснобургского согласно оригиналу, который запятое употреблял только в особых, ему только понятных, случаях.

Но особое негодование вызвала у этого защитника интересов лукьяновских обывателей, а он баллотировался по этому территориальному избирательному участку, «гаремная мода» – так он охарактеризовал шаровары. Ясногурский на многих страницах описывает, «какие ужасы от такого поведения ожидаются в недалеком будущем», от «переделки прелестного женского образа в грубый мужской вид».

Прочитав Ясногурского, можно решить, что введение в Киеве этого вида одежды привело к последующим бедствиям, то бишь, революциям и войнам, голодоморам и эпидемиям, падениям курса рубля и гривны. Оторвемся на время от Ясногурского и перейдем к скупым, как с театра военных действий, газетным сообщениям о событиях в нашем городе.

Газета «Южная копейка»: «В г. Киеве с каждым днем количество историй с дамскими шароварами увеличивается. Крещатик был свидетелем ряда скандалов. Против магазина Альшванга (что на Крещатике, 22. – В. К.) появились в шароварах 3 дамы, отовсюду по их адресу послышались насмешки, поднялся крик. Толпа через несколько минут увеличилась до тысячи человек и окружила несчастных женщин. С большими усилиями им удалось пробиться в один из ближайших магазинов. Толпа остановилась перед входом в магазин и продолжала кричать. Неизвестно, как долго простояла бы здесь толпа, если бы ее внимания не привлекла новая дама. Она шла под руку с офицером и была не в шароварах, а в модной узкой юбке; несмотря на это их окружили. Пришлось и этим искать спасения в магазине, на этот раз Ильяша (магазин тканей, Крещатик, 29. – В. К.). Здесь дама переменила платье и вышла другим ходом, но ее узнали, и снова посыпались насмешки. Так продолжалось целый вечер. Наряд городских не смог ничего поделать, пока не были приняты более решительные меры. Задержаны несколько безобразников и констатирован целый ряд карманных краж». Спустя неделю в газете «Киевская Мысль»: «На Бибиковском (Шевченко. – В. К.) бульваре между Пироговской и Нестеровской улицами появились две дамы, привлечение внимания публики странностью своего наряда. При ближайшем рассмотрении это оказалось пресловутыми дамскими шароварами. Через несколько минут вокруг модниц собралась большая толпа, с любопытством рассматривающая их. Послышались неприятные для дам возгласы, и бедным мученицам моды ничего не оставалось, как укрыться в подъезде ближайшего дома».

Свидетельство Главного управления черной сотни. Открытка нач. XX в.

Газета «Последние новости»: «В воскресенье на Крещатике опять были две дамы в шароварах. Публика и пустила в ход всю свою несдержанность. Окружила их, начала свистеть, гикать, даже плевать. Одна из дам потеряла калошу. Еле успели они спрятаться в подъезде гостиницы. Одна из дам упала в обморок, другую хватили за шаровары. Юркий студент успел у одной из них стащить калошу. Пришлось отводить несчастных по домам с городовыми».

Однако нужно снять шляпу перед представительницами прекрасного пола, которые, вопреки этому противодействию, продолжали, и обратите внимание, при полном отсутствии кавалеров и законных супругов, защищать свои права носить всё, что им заблагорассудится. Они и расшатали устои самодержавия, так как во время внедрения «шароварной моды» в Киеве было значительно больше волнений толпы и приводов в полицейский участок, чем во время революционных событий 1905 года.

Но потом началась война, появились женские батальоны, а затем женщины в кожаных тужурках, с «пришпиленным наганом» в должности комиссара. А в годы коллективизации, когда страна бросила лозунг: «Девушки за трактор!», что, кроме штанов, могли надеть трудящиеся женщины, не отстающие ни в чем от мужчин, ни в одной из отраслей народного хозяйства? Вот и остается, тяжело вздыхая, вспомнить последние годы перед революционной эпохой великих преобразований и перестроек.

Еще раз вернемся к произведениям пресловутого лукьяновского купца, но только на этот раз поэтическим:

«Скорбная песнь Лукьяновских обывателей г. Киева по случаю шароварной моды». Приведу только первый куплет и припев этого мещанского шедевра:

Видел я в жизни женские модыНо шароварных не встречал,Теперь же в имя этой свободы,Как я болел, как я страдал.Припев: Нашим женам наслаждение,А нам, мужьям, разоренье.Дамы, вдовы и жены,Посадите наши панталоны!

Так в 1911 году встретили лукьяновские обыватели появление женщин в восточных штанах на улицах губернского города Киева. А нам, мужчинам, остается только преклонить колени пред их мужеством и отчаянной жертвенностью!

Теща! Голубчикъ Коля? взгляни на меня какъ ты находишь: къ лицу ли мнѣ новая мода?..

Зять. Уйди сатана изъ глазъ, да не смѣй въ шароварахъ показываться въ моемъ домѣ. Какой развратъ!..

Шароварница. Карикатура нач. XX в.

Последние события в Киевской думе, то есть Совете, заставляют вернуться к заключительным строкам Филиппа Норбертовича в книге «О чем говорят в Киеве лошади и собаки»: «Главным виновником неурядиц в Киеве надо разуместь, прежде всего, городское общественное управление при настоящем составе господ гласных, а с другой стороны бросить упрек Клубу киевских националистов. Он многократно с большой уверенностью твердил, что Киев город русский, русский и русский, задавался целью образовать думу национальную, издержал на агитацию много обывательских денег, но в результате не сумел состряпать не только национальной, но даже обыкновенной сколько-нибудь толковой думы». Ничего не изменилось за 100 лет. Так и хочется сказать словами «дедушки Крылова»: «А вы, друзья, как ни садитесь...»

Военный министр под судом

Может возникнуть вопрос. Почему я в очередной раз остановился на негативной личности. Отвечу из-за убеждения: нельзя писать только о хороших героях, которые при последующих режимах могут оказаться плохими. В сегодняшней Украине это происходит сплошь и рядом. Последнее особенно неприятно, если волей случая Ваша квартира оказалась возле памятника, который то ставят, то разрушают! Так вот этот ниже описанный персонаж мне лично, – очень неприятен, но его судьба показывает, что даже при монархии взяточники и кознакрады получали по заслугам! Биография царского министра – информация современнику к размышлению. К тому же он тесно связан своей деятельностью с Киевом. Итак: Сухомлинов Владимир Александрович (1848, Тельшый, Ковенская губ. – 1926, Берлин). Родился в семье Александра Павловича Сухомлинова (1796–1886) и Ольги Ивановны Лунской (ум. 1866) Младший брат Николай был оренбургским губернатором.

В 1861 году Сухомлинов поступил в Александровский кадетский корпус в Вильно. Летом 1863 года, в связи с реформой военного образования и начавшимся польским восстанием, корпус был расформирован. Владимир Сухомлинов был переведен в Петербург в 1-ю военную гимназию. После ее окончания был зачислен юнкером в Николаевское кавалерийское училище, из которого выпустился в 1867 году и несколько лет служил в уланском полку. Через семь лет окончил Академию Генерального штаба по первому разряду и был произведен в штабс-ротмистры и командовал эскадроном Кирасирского полка, где проявил себя способным офицером.

Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Первоначально занимался организацией гражданского управления в Тырново. С 15 сентября 1877 года состоял в распоряжении главнокомандующего действующей армией в. к. Николая Николаевича (Старшего). Сделал ряд рекогносцировок турецких укреплений под Плевной. За боевые отличия в войне награжден в 1878-м орденом Святого Георгия 4-й степени и золотым оружием. После заключения перемирия посетил Константинополь, где заразился черной оспой и 15 апреля 1878 года на санитарном пароходе «Буг» был эвакуирован в Россию, где по выздоровлении 6 мая 1878 года назначен правителем дел Николаевской академии Генерального штаба. В этой должности он являлся ближайшим сотрудником начальника академии генерала М. И. Драгомирова. Руководил практическими занятиями по тактике, читал лекции в Николаевском кавалерийском училище и Пажеском корпусе. Также ему было поручено преподавание тактики и военной истории в. к. Петру Николаевичу и Сергею Михайловичу. Сухомлиновым был составлен ряд учебных пособий по тактике. Потом два года – командир полка.

С 10 января 1886 года – начальник офицерской кавалерийской школы. Находясь в течение почти 12 лет во главе школы, Сухомлинов положительно повлиял на развитие и усовершенствование техники армейского кавалерийского дела. За время руководства школой Сухомлиновым был написан ряд учебных пособий и рассказов, а также историческое исследование о Мюрате. Кроме того, в разное время он сотрудничал с журналами «Разведчик», «Военный сборник» и газетой «Русский инвалид». С апреля 1897 года – начальник 10-й кавалерийской дивизии, входившей в состав войск Киевского военного округа. Штаб дивизии располагался в Харькове, в ее состав входили Новгородский драгунский, Одесский уланский, Ингерманландский гусарский и Оренбургский казачий полки. Способствовал учреждению в Сумах кадетского корпуса. С мая 1899 года Сухомлинов – начальник штаба Киевского военного округа. В штабе округа в это время работали генералы Рузский – генерал-квартирмейстер, Маврин – дежурный генерал, Благовещенский – начальник управления сообщений. Во время Курских маневров 1902 года Сухомлинов был начальником штаба «Южной армии» из войск Киевского военного округа, возглавляемой военным министром Куропаткиным. С октября 1902 года Сухомлинов – помощник командующего Киевским военным округом М. И. Драгомирова. С началом русско-японской войны Куропаткин предложил Сухомлинову занять пост его начальника штаба, но тот отказался, так как не был

знаком с дальневосточным театром военных действий и сибирскими войсками. После выхода Драгомирова в отставку, Сухомлинов был 23 октября 1904 года назначен командующим войсками Киевского военного округа. В результате произошедших в Киеве беспорядков, которые твердой рукой Сухомлинова были прекращены, 19 октября 1905 года его назначают Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Это пришлось на время революции 1905–1907 года. Несколько раз он становился целью террористов.

С основания Киевского отдела монархической организации «Русское собрание» был его председателем. В связи с назначением Киевским генерал-губернатором вынужденно отошел от дел и был замещен В. К. Абазой. После смерти своей второй жены Сухомлинов женился на Екатерине Викторовне Бутович (урожденной Гошкевич). Этому предшествовал скандальный бракоразводный процесс между Екатериной Викторовной и ее первым мужем, статским советником В. Н. Бутовичем, бывшим инспектором Народных училищ Киевской губернии. 2 декабря 1908 года Сухомлинов был назначен царем начальником Генерального штаба. Принимая должность начальника ГУГШ, он настоял на своем подчинении военному министру, считая необходимым единоначалие. В качестве начальника Генерального штаба Сухомлинову пришлось заниматься составлением новых мобилизационных планов. Член Совета государственной обороны (1908–1909).

Блистательное завершение его карьеры произошло 11 марта 1909 года, когда Сухомлинов занял пост военного министра, где проявил себя сторонником развития и использования новых видов техники. В его министерстве были созданы автомобильные части, Императорский военно-воздушный флот, в полках сформированы пулеметные команды, а в корпусах – авиаотряды. При Сухомлинове были расформированы резервные и крепостные войска, за счет чего были усилены полевые войска (число армейских корпусов выросло с 31 до 37). В 1911 году была создана военная контрразведка. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных органов». Во время министерства Сухомлинов много ездил по стране, проверяя проведение пробных мобилизационных упражнений в разных частях.

Когда Сухомлинов был введен в Государственный совет, у него сложились натянутые отношения с министром финансов В. Коковцовым, который стремился сократить военные расходы. В связи с Балканской войной все более вызывающим, в отношении России, становилось поведение Австро-Венгрии и от этого в ноябре 1912 года на совещании у императора рассматривался вопрос о мобилизации войск трех российских военных округов. Сухомлинов выступал за эту меру, но В. Коковцову, ставшему к тому времени премьер-министром, удалось убедить императора не принимать такого решения, угрожавшего втягиванием России в войну. Сухомлинов же сказал: *«Все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать ее раньше... Государь и я, мы верим в армию и знаем, что из войны произойдет только одно хорошее для нас».*

В обстановке войны, когда к весне 1915 обнаружился большой недостаток снарядов и другой военной амуниции, Сухомлинова стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии. 4 июня 1915 года под давлением общественного мнения Сухомлинов был уволен царем с должности военного министра. Вскоре было начато расследование его деятельности на посту министра, в том числе и вскрывшейся истории с бывшим внештатным агентом московской полиции Николаем Соловьевым, нечистым на руку дельцом и фальшивомонетчиком, который втерся в доверие к жене Сухомлинова и через нее добился протекции министра и даже работы в контрразведке. 8 марта 1916 года Сухомлинов был уволен с военной службы и исключен из членов Государственного совета. 21 апреля 1916 года он был арестован и находился в заключении в Трубочном бастионе Петропавловской крепости, пока продолжалось следствие. 11 октября 1916 года был переведен под домашний арест, и у него появилась возможность публичного оправдания. Со стороны высших сановников предпринимались попытки свернуть дело Сухомлинова, но министры юстиции А. А.

Хвостов и А. А. Макаров не допустили этого, угрожая отставкой.

Сухомлинов впоследствии вспоминает: «В то время, когда я так отстаивал свою голову, вспыхивает Февральская революция 1917 года, и какая-то компания вооруженных людей арестовывает меня на квартире и везет в Таврический дворец, где уже организовалась новая власть. Во время переезда в грузовом автомобиле субъект в очках держал против моего виска браунинг, дуло которого стучалось мне в голову на ухабах. Полнейшее мое равнодушие к этому боевому его приему привело к тому, что он вскоре спрятал оружие в кобуру. Затем несколько вопросов относительно моего дела и совершенно спокойные мои ответы на них окончились тем, что первоначальное неприязненное ко мне отношение превратилось в благожелательное. У Таврического дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народу, и никаким оскорблениям я не подвергался, как об этом неверно сообщали газеты. Действительно, всего один долговязый, кавказского типа человек произнес из дальних рядов: „Изменник“. Я остановился и, глядя на него в упор, громко ему ответил: „Неправда!“. Тип настолько уменьшился тогда в росте, что головы его больше не стало видно, и я спокойно продолжал дорогу, без малейших каких-либо инцидентов».

Из воспоминаний участников задержания бывшего министра: «За домом, где проживал Сухомлинов, был учрежден надзор. 1-го марта мне сообщили, что по черному ходу будто бы прошел Сухомлинов, и что около дома собралась толпа, желавшая учинить над ним самосуд. Указав толпе, что в наши задачи не входит производить самосуд, так как Сухомлинов не избежит суда, я с депутатами от той же толпы прошел в квартиру. Мне сказали, что Сухомлинова нет дома. Но при обыске Сухомлинов совершенно случайно был найден в своей спальне под периной и с подушкой на голове. Ему было предложено немедленно же одеться, Сухомлинов заявил, что пребывание его известно председателю Государственной думы Родзянко, которому он будто бы послал письмо. Сухомлинов утверждал, что он не скрывался. При обыске квартиры найден один револьвер. Об обыске составлен акт, оставленный у госпожи Сухомлиновой за подписями всех присутствующих. При выходе Сухомлинова толпа кричала: „Изменник, продал родину!“ и хотела сорвать с него погоны. Сухомлинов, бледный, как полотно, и трясущийся, поднял руку и стал клясться, что он невинен, спрашивал, почему Россия недовольна им, ведь он к началу войны выставил четыре с половиной миллиона войск, что он был во главе военного ведомства и все было благополучно. После этой своей речи он был посажен в автомобиль и доставлен в Государственную Думу».

Суд проходил с 10 августа по 12 сентября 1917 года Председателем суда был сенатор Н. Н. Таганцев, обвинителем В. П. Носович, защитником М. Г. Казаринов. Сухомлинову были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и 20 сентября 1917 года приговорен к бессрочной каторге и к лишению всех прав состояния. В качестве соучастницы была привлечена также жена Сухомлинова, которую вскоре оправдали. Каторга была заменена на тюремное заключение, и Сухомлинов был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После Октябрьского переворота переведен в тюрьму «Кресты». По амнистии, как достигший 70-летнего возраста, 1 мая 1918 года освобожден и выехал в Финляндию, а оттуда в Германию. В эмиграции написал воспоминания.

Владимир Иконников - исследователь, у которого я многому научился

Он родился 9 декабря 1841 года в Киеве, в семье отставного офицера-ветерана Отечественной войны 1812 года. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета в 1865 году, став в 1869-м доктором истории, а в 1871 году его профессором. 8 октября 1873 года Владимир Степанович был избран главным и бессменным редактором «Университетских известий». При открытии в 1872 году в Киеве одного из важнейших для изучения Украины Исторического общества Нестора-летописца был его членом-учредителем, а с 20.05.1874 по 20.11.1877 - его председателем. Автор многочисленных научных трудов по историографии, источниковедению, истории науки, культуры, общественно-политических движений в нашем отечестве. Все его произведения имеют богатый фактический материал, который и поныне дает нам полную и ясную картину прошлого. Исчерпывающее исследование источников и литературы, документальность изложения составляют основу и отличительные свойства, как самостоятельных работ, так и многочисленных критических статей, написанных Владимиром Степановичем. Но главный труд - это капитальный «Опыт русской историографии». Почти на 2000 страницах исследования мы получаем уникальную возможность постигнуть все величие нашей отечественной истории. Как жаль, что современное состояние дел не позволяет не только переиздать, но хотя бы допечатать неосуществленное издание третьего тома.

В последние годы жизни Иконников стал кабинетным ученым, сказался и возраст, и политическая обстановка в городе. Ошарашенный господствующими культами насилия и безграмотности, ученый умер в Киеве 26 ноября 1923 года.

Кто помнит Дмитрия Пихно?

Когда-либо вообще вспоминали главных редакторов газет, которые, самозабвенно формируя лучшие печатные издания, средства информации, – заведомо были обречены на безвестность? Для примера возьмем Д. И. Пихно, четверть века бывшего главным редактором газеты «Кіевлянинъ». Она со дня выхода в 1864 году сразу стала самой главной и самой читаемой газетой всего Юго-Западного края (напомню, территории трети самой населенной части современной Украины, а тогда это была совокупность трех губерний: Киевской, Волынской и Подольской). Громадный регион разворошило кровопролитное Восстание 1863 года. С первых дней существования газеты в ее девизе «Этот край – русский!», подразумевался исключительно религиозный подтекст, так как имелось в виду только православное, а не другие вероисповедания. Прежде всего католики, которых в крае проживало много, и они были более образованными и имущими. Активное участие Дмитрия Ивановича в газете приходится на период с 1877 по 1913 годы. Это время интенсивного экономического подъема Российской империи, время обострения социальных и национальных противоречий, которые привели к позорному поражению в русско-японской войне и к 1-й русской революции.

Пихно Дмитрий Иванович. Фотография 1900-х гг.

Д. И. Пихно родился 1 января 1853 года в Чигиринском уезде Киевской губернии, в семье крестьянина-хуторянина. (Еще до раскулачивания в 1930-х годах существовал Пихнов хутор). Иван Пихно приписался к мещанскому сословию и служил управляющим или экономом в имениях пионеров сахарного дела, знаменитых Яхненко-Симиренковых, являясь дальним их родственником. Тем не менее, многочисленность детей, как было принято в крестьянских семьях, не позволяли отцу выйти из нужды. Настойчивость и жажда знаний любого способного ребенка, юноши давала возможность даже в царской России «выбиться в люди». В 1862 году десятилетний Дмитрий, по прошению старшего брата, ученика 6-го класса, был принят во 2-ю гимназию. А так как жил в большой нужде, то со второго полугодия был освобожден от платы за право учения, а с 5-го класса сам начал давать уроки. Способный мальчик уже тогда обращал на себя внимание. Досрочно окончив гимназию в 16 лет, Дмитрий не смог поступить в университет из-за своего малолетства. Поэтому его принимают домашним учителем в семье великого педагога К. Д. Ушинского, рано умершего и похороненного в Выдубицком монастыре. Год, проведенный среди близких Константина Дмитриевича, сильно повлиял на юношу. Достигнув возрастного ценза в 1870 году, Пихно поступил на юридический факультет университета Св. Владимира, где поражал окружающих своей вдумчивостью и серьезным подходом к научным проблемам. Можно с уверенностью сказать, что именно в студенческие годы сложилась цельная натура Дмитрия Ивановича. По окончании учебы Дмитрию предлагают остаться профессорским стипендиатом по кафедре гражданского права. Но вскоре Пихно работает по полицейскому праву и политэкономии у известного экономиста, впоследствии министра финансов Н. Х. Бунге. Обаяние этого ученого было столь велико, что юноша меняет направление своих научных интересов и готовится по этим важным предметам к магистерскому экзамену. В 1876 году защищает диссертацию на тему «Коммерческие операции государственного банка», получает звание магистра полицейского права и в качестве приват-доцента читает лекции в университете по политэкономии и статистике.

С этого времени начинается его участие в газете «Киевлянинъ». После смерти в 1878 году ее основателя - профессора В. Я. Шульгина, Дмитрий Иванович становится редактором газеты, с которой с небольшим перерывом была связана вся его последующая жизнь.

В 1885 году его покровитель, министр финансов, Н. Х. Бунге отзывает Пихно в Петербург, назначает 32-летнего экстраординарного профессора чиновником особых поручений по министерству финансов.

Принципиальные разногласия с преемником Николая Христиановича И. А. Вышнеградским заставили Д. И. Пихно покинуть Петербург. Он отдает свою докторскую диссертацию на тему «Железнодорожные тарифы», вкладывая в нее наряду с собранным за границей литературным материалом богатый опыт, вынесенный из службы в министерстве финансов и работы в министерстве путей сообщения. После защиты Дмитрий Иванович вновь возвращается на кафедру экономики в родной университет, и, самое главное, берет все руководство «Киевлянином» в свои руки. Во время его отсутствия газетой руководил его родной брат В. И. Пихно.

С этого времени Д. И. Пихно делит свои рабочие часы между кафедрой и газетой, где уделяет много внимания экономическим вопросам, анализируя важнейшие политические реформы и преобразования. Статьи Дмитрия Ивановича на злободневные темы заставляли прислушиваться к доводам профессора как заинтересованные классы, так и правительственные органы.

Не считая необходимым делать все в полсилы, Дмитрий Иванович при всем этом много внимания уделяет семье. Он усыновил детей своего покойного друга Виталия Яковлевича Шульгина и проявлял во всем воистину отеческую заботу.

Это происходило до 1902 года, пока признаки серьезного недомогания не заставили Пихно покинуть университет, но не газету. Революционные, смутные события 1905-1907 годов увлекли редактора в вихрь политической деятельности. Он тогда любил повторять слова Бисмарка: *«Революцию готовят философы, делают дураки, а плодами пользуются мерзавцы!»* Это были годы, когда тревожные события приносили страдания населению Киевской губернии, да что там, всей Российской империи. Тяжелая скорбь от пережитого и выстраданного, дни и ночи напряженного труда, ежедневные, кровью написанные передовые, в которых Дмитрий Иванович выражал свои взгляды и чувства, непоправимо подорванное сердце, сила воли и ясность мысли, не подавленные враждебным силам, - вот из чего сплетена повседневная жизнь Пихно в те годы.

Его пасынок В. В. Шульгин вспоминал первый день царского манифеста 18.10.1905: *«Резкая борьба „Киевлянина“ с революцией удерживала значительное число киевлян в*

контрреволюционных чувствах. Но с другой стороны, вызвала бешенство революционеров. В виду этого, по приказанию высшей военной власти, „Кіевлянинъ“ охранялся. Его редактор, профессор Дмитрий Иванович Пихно, принадлежал к тем немногим людям, которые сразу по „альфе“ (1905 г.) определили „омегу“ (1917 г.) русской революции».

Растерявшиеся под натиском революционных сил представители государственной и губернской власти, состоятельные люди, да просто все, привыкшие к порядку и устойчивой вере в завтрашний день, находили в «Кіевлянине» необходимую поддержку, даже простое выражение своих мыслей, особенно ночных, когда над древним городом, с наступлением сумерек, начинали властвовать силы беззакония и хаоса. Много лет храню дома сборник политических статей Дмитрия Ивановича 1906 года «В осаде». С его автографом! Как много созвучного с событиями 15-10-летней давности я там находил. В этой книге Дмитрий Иванович на вопрос оппонента: «Что такое марксизм?» – ответил: – «Маркс царствует и быстро расширяет свое опасное владычество безнравственным учением, ниспровергающим все основы общества и государства. Он проповедует отрицание собственности, государства и религии, классовый интерес вместо общечеловеческой нравственности и долга, классовую ненависть и классовую борьбу». Анализируя события в крупных городах того времени можно допустить, что политическая обстановка в Киевском крае была более спокойной благодаря газете «Кіевлянинъ» и ее сотрудникам.

Император Николай II, читая «Кіевлянинъ», оценил громадные государственные заслуги профессора-редактора и дал указание призвать его в Государственный совет. С 1907 года Д. И. Пихно работал и в нем, совмещая редакторскую должность и занимаясь проблемами дорогого ему Юго-Западного края. В те годы происходило становление органов местного самоуправления, так называемого, земства. Пихно несказанно много сделал для привлечения в них достойных и работающих на благо народа людей. Представители земства защищали интересы своего края в различных министерствах, других государственных органах империи.

Д. И. Пихно умер от сердечного приступа 29 июля 1913 года. Отпевание происходило во Владимирском соборе при громадном стечении народа, проводившего в последний путь столь почитаемого главного редактора самой популярной газеты.

Не было газеты, где так подробно, обстоятельно и достоверно освещались все события, произошедшие в России более чем за столетия. И не было никакого «политического крена» в угоду той или иной партии. За это газету люто ненавидели большевики, впоследствии приписывая ей «черносотенность»!

Смерть Столыпина

О сентябрьских событиях 1911 года в Киеве за столетие столько написано и так много рассказано, что уже трудно отличить, где правда, а где вымысел. Могу заверить – гениями не рождаются, а умирают. Последующий материал дается по воспоминаниям современников.

По свидетельству предводителя Киевского губернского дворянства Ф. Н. Безака, который довольно часто проводил вечера в Царском дворце на склонах Днепра за долгими беседами с вдовствующей императрицей, она говорила: *«Государю было очень неприятно вспоминать, что он, под влиянием придворных кругов, начиная с апреля 1911 г. потерял то исключительное доверие, которое испытывал к Столыпину в течение пяти лет пребывания у рычагов власти. Уже после его смерти император перечитывал стенографические отчеты Государственного совета в связи с законопроектом о Юго-Западном крае. Тут ему стало ясно, что многие сановники, выступая против Столыпина, вели подрывную деятельность против государства и ее народа. Николай II считал, что выстрел Богрова лишил его того человека, самого верного подданного и патриота России, к тому же дальновидного дипломата и мудрого руководителя».* Мария Федоровна впоследствии неоднократно отмечала, как ее сын и во время войны вспоминал Петра Аркадьевича, приговаривая, что среди министров так и не нашлось человека, который мог бы хоть частично заменить Столыпина.

Étudiantes russes.

Революционно настроенные курсистки. Худ. И. М. Прянишников, кон. XIX в.

И даже во время последней их встречи в Могилеве царь грустно произнес: *«Столыпин никогда бы не допустил наделать столько глупостей, как те, которых он приблизил к себе».*

П. А. Столыпин выехал в Киев и 27 августа 1911 года поселился в генерал-губернаторском доме. Вызывал министров, обсуждал подготовку нового народного представительства. Принимал депутации, отдельных лиц. Пропуск был свободным для всех категорий посетителей, хотя охранному отделению было известно о подготавливаемом покушении. По приезду он отправляет письмо супруге: *«Дорогой мой ангел. Всю дорогу я думал о тебе. В вагоне было страшно душно. В Вильно прицепили вагон с Кассо и Саблером. В Киев прибыли в час ночи. Несмотря на отмену официальной встречи, на вокзале, кроме властей собрали дворянство и земство всех трех губерний. Сегодня с утра меня запрягли: утром митрополичий молебен в соборе о благополучном прибытии Их Величеств, затем освящение музея им. св. Алексея, затем прием земских deputаций, которые приехали приветствовать царя... Тягостны многочисленные обеды и завтраки. Целую крепко и нежно, как люблю».*

Видимо, Петр Аркадьевич не счел нужным тревожить жену сообщением о досадных обстоятельствах пребывания царя и его в Киеве. П. Курлов, который находился в непосредственном подчинении министру внутренних дел Столыпину, решил обойти своего шефа, передал царю доклад об усилении мер по охране августейшей семьи. Николай II, обычно педантичный в этих вопросах, почему-то без визы Петра Аркадьевича эти предложения утвердил. По традиции охрану императора вне Петербурга на себя принимал местный генерал-губернатор, в Киеве – Ф. Ф. Трепов. Он взбесился, узнав, что это взял на себя Курлов как начальник жандармов.

29 августа Николай II с супругой, детьми, вдовствующей императрицей, с многочисленной свитой прибыли на киевский вокзал, торжественно украшенный по этому случаю. Погода была прекрасной. Родной брат моей бабушки Владимир Добжанский – основной кинооператор-хроникер, снимавший все события до 1919 года, запечатлел и этот визит императорской семьи. Хотя существует мнение, будто бы император отнесся премьер-

министра, но в хронике моего дяди мы видим их вместе. Петр Аркадьевич стоит по правую сторону вблизи царя во время прохождения почетного караула 29 августа. Позднее, в тот же день, они идут все вместе по Киево-Печерской лавре – царская семья и Петр Аркадьевич. Знаменательно то, что император и великий реформатор во время молебна на могиле Василия Кочубея и Ивана Искры стояли как раз на том месте, где через несколько дней будет похоронен Столыпин.

Программа описываемого визита императора была насыщена – тут проводилось всё – от инспекции Юго-Западного края до открытия памятника Александру II. Что ни день, то мероприятия, – посещения учебных заведений, собора, монастырей, парады кадетов... Атмосферу трагического дня подробно воспроизводит очевидец, киевский гражданский губернатор А. Ф. Гирс: «Утро 1 сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался осенний живительный холодок. В восьмом часу утра я отправился к дворцу, чтобы быть при отъезде Государя на маневры. После проводов Государя ко мне подошел начальник киевского охранного отделения полковник Кулябко и обратился со следующими словами: „Сегодня предстоит тяжелейший день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено провести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, Председатель Совета Министров, но не исключается и попытка цареубийства, а также покушения на министра народного просвещения Кассо. Рано утром я доложил обо всем генерал-губернатору, который уехал с Государем на маневры. Генерал Трепов заходил к П. А. Столыпину и просил его быть осторожным. Я остался в городе, чтобы разыскать и задержать террористку, а генерал Курлов и полковник Спиридович тоже уехали с Государем. Мы условились, что полковник Кулябко вышлет за Председателем Совета Министров закрытый автомобиль, чтобы в 5 час. дня отвезти его в Печерск на ипподром, где должен был происходить в Высочайшем присутствии смотр потешных. Кулябко передаст шоферу маршрут, чтобы доставить министра туда и обратно кружным путем. По приезде П. А. Столыпина к трибуне я встречу его внизу и провожу в ложу возле царской, назначенную для Председателя Совета Министров и лиц свиты. Вокруг Кулябко незаметно расположит охрану. Кулябко просил провести министра так, чтобы он не останавливался на лестнице и в узких местах прохода. Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружит и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи Государя и министров он будет держать своего агента-осведомителя, знающего террористку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена. До крайности встревоженный всем услышанным, я поехал в Печерск на ипподром. Поднимаясь по Институтской улице, я увидел шедшего мне навстречу П. А. Столыпина. Несмотря на сделанное ему предостережение, он вышел около 11 утра из дома начальника края, в котором жил. Я повернул на соседнюю улицу, незаметно вышел из экипажа и пошел за министром по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся в подвезде Государственного банка, где жил министр финансов Кокорев».

Перед трибунами ипподрома выстроились в шахматном порядке учащиеся школ. Яркое солнце освещало их рубашки, белевшие на темном фоне деревьев. Я встретил Столыпина на условленном месте. Выйдя из автомобиля, он стал подниматься по лестнице, но знакомые задерживали его, и я видел обеспокоенное лицо Кулябки, который делал мне знаки скорее проходить. Мы шли мимо лож, занятых дамами. Петр Аркадьевич имел вид крайне утомленный. „Скажите, – начал он беседу со мной, – кому принадлежит распоряжение о воспрещении учащимся-евреям участвовать 30 августа, наравне с другими, в шпалерах во время шествия Государя с крестным ходом к месту открытия памятника?“ Я ответил, что это распоряжение было сделано попечителем Киевского учебного округа Зиловым, который мотивировал его тем, что процессия имела церковный характер. Он исключил всех не христиан, т. е. евреев и магометан. Министр спросил: „Отчего вы не доложили об этом мне или начальнику края?“ Я ответил, что в Киеве находился министр народного просвещения, от которого зависело отменить распоряжение попечителя округа. П. А. Столыпин возразил: „Министр народного просвещения тоже не знал. Произошло то, что Государь узнал о случившемся раньше меня. Его Величество крайне этим недоволен. Подобные распоряжения, которые будут приняты, как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо, а их последствия ложатся на голову Монарха“.

Во время этих слов я услышал, как возле меня что-то щелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина. Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском сюртуке с резкими чертами лица, смотревший в упор на министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находящегося рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он не возбуждал во мне беспокойства.

С опозданием часа на полтора приехал Государь с детьми. П. А. встретил Государя внизу и прошел в ложу рядом с царской. Охранявшая министра охрана, в том числе и агент, стоявший у фотографического аппарата, сошла со своих мест и окружила Государя, его семью, министров и свиту. Смотри потешных прошел, и разъезд закончился около 8 часов вполне благополучно».

Николай II и князь Борис на торжествах в Киеве

Вечером того же дня в Городском театре был назначен спектакль «Сказка о царе Салтане». Усиленные наряды полиции на улицах, тщательная охрана входов театра, предварительный осмотр его подвальных помещений, проверка билетов полицейскими чинами, казалось, исключали всякие неожиданности. В блиставшем огнями роскошном зале собралось лишь избранное общество. Не каждый генерал мог добиться входного билета. Лишь 36 мест партера были отданы в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны.

В 9 часов прибывает Николай II с двумя дочерьми – Ольгой и Татьяной. Рядом с ним наследник болгарского престола князь Борис, великие князья Андрей Владимирович и Сергей Михайлович. Столыпин занимает пятое место в первом ряду у левого прохода, недалеко от императорской ложи.

Во время второго антракта, когда зал опустел, стоящий у рампы Петр Аркадьевич беседовал с бароном В. Фредериксом, В. Сухомлиновым и графом И. Потоцким. Подошедшему В. Коковцеву Столыпин посетовал на скверное настроение, сказав при этом, что «чувствует себя целый день каким-то издерганным, разбитым» и на прощание сказал: «Как я вам завидую, что вы едете в Петербург! Возьмите меня с собой...» Через две минуты раздался выстрел, который круто изменил ход истории.

Дадим слово тому же Гирсу: «В театре громко говорили, и выстрел слышали немногие. Когда в зале раздались крики, то все взоры устремились на Столыпина, и на несколько секунд все смолкло. П.А. как будто не понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, растянул сюртук и, увидев жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: „Все кончено!“ Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышимым всем, кто находился недалеко от него, произнес: „Счастлив умереть за царя!“ Увидев Государя вошедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки, и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но ему загородили проход. Его стали бить. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не произошедший самосуд: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти. Я все-таки вышел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. „Каким образом вы прошли в театр?“ – спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18-м ряду. Я взял план театра и против номера кресла нашел надпись: „Отправлено в распоряжение генерала Курлова для чиновников охраны“. В это время вошел Кулябко, прибежавший с улицы, где он старался задержать террористку по приметам, сообщенным его осведомителем. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: „Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил“. Всмотревшись в лицо убийцы, я признал в нем человека, который днем стоял у фотографа, и понял роль, сыгранную этим предателем».

Тем временем в поднявшейся суматохе Столыпина подняли на руки, понесли в фойе и уложили на диван. Профессора Г. Рейн и Н. Оболонский сделали первую перевязку. Зал наполнился встревоженной публикой,

которая в сопровождении оркестра взволнованно спела «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя»... Профессура признала рану очень опасной и решили в карете скорой помощи везти его в клинику Маковского на Малой Владимирской. Тут, меня, киевлянина, уже не одно десятилетие волнует вопрос. А почему именно в клинику Маковского? Она ведь иного направления – глазная, да и расположена подальше, чем универсальная клиника Университета. А анатомический театр, где сейчас Музей медицины, еще ближе, каких-то 500 м. К тому же нужно было иметь в виду, что к этим двум, постоянно дежурящим, медицинским учреждениям идет ровная без ухабов дорога. А вот к клинике Маковского шла крутая, с булыжным покрытием улица. По воспоминаниям К. Паустовского, ее крыли соломой, чтобы стук колес извозчиков не беспокоил раненого премьера. Не злой ли тут умысел?! Такого же мнения и Н. С. Михалков, который при личной встрече со мной сетовал, что раненого, истекающего кровью, нужно было нести на руках, а не трясти в карете по булыжной мостовой!

Доставленный вскоре в клинику, Столыпин был поначалу «в полном здравии, видимо, сильно страдал, но сдерживал стоны и казался бодрым. После первого осмотра врачи нашли положение скверным: говорили, что, возможно, пробита печень, если только пуля, ударившая в крест, не изменила траектории. Операцию по извлечению пули решили отложить до утра». Петр Аркадьевич дал согласие отправить телеграмму супруге в Колноберже.

2 сентября. В этот день, в 12 часов, в Михайловском соборе духовенство вместе со съехавшимися в Киев земскими представителями и петербургскими чиновниками отслужили молебен об исцелении. Примечательно, но никто из августейшей фамилии и свиты на молебне не был, так как они все 2 сентября уехали в Овруч Волынской губернии.

Посещение императором старинного города планировалось задолго. Николай II, прекрасно понимая всю ответственность момента, не счит нужным отменить свое посещение Овруча, расположенного в 200 км от Киева. В прекрасно отреставрированном соборе св. Василия священники особенно старательно пели здравницу «болярину Петру Аркадьевичу».

Может быть, эти здравницы подействовали, но ненадолго. Утром в состоянии здоровья раненого наступает некоторое улучшение. 15 медицинских светил осматривают его: «...При настоящем течении болезни в оперативном вмешательстве надобности не встречаются».

В этот же день приезжает О. Б. Нейгардт – жена Петра Аркадьевича. Состояние больного ухудшается: он начинает бредить, стонать, временами теряя сознание. Клинику под вечер посещает Николай II, но заплаканная Ольга Борисовна не пускает его к больному. Доктор Е. Боткин уверяет, что положение не столь критическое, но приехавший по настоянию врачей профессор Цейдлер склоняется к худшему и удаляет у Столыпина пулю. Он в полном сознании и, поздравив дежурившего при нем профессора, спросил: «Выживу ли я?»

5 сентября вечером началась агония. После несвязных бредовых слов Столыпин вдруг ясно сказал: «Зажгите электричество!» Всего несколько минут, и его не стало. Было 22 часа 12 мин.

Император проводил время в постоянных разъездах. Утром 6 сентября, возвратившись из Чернигова, Николай II приехал в клинику проститься со Столыпиным. Вдова, сидевшая у изголовья, поднялась навстречу царю со словами, ставшими крылатыми: «Ваше Величество, Сусанины не перевелись еще на Руси». По воспоминаниям дочери: «Государь преклонил колени перед телом своего верного слуги, долго молился, и присутствующие слышали, как он много раз повторил слово „Прости“». Отслужили панихиду, после чего Николай II вернулся во дворец и в тот же день отправился на отдых в Ливадию. Покидая Киев, император решил разрядить напряженную обстановку, и на имя киевского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова послал:

«Высочайший Рескрипт.

Федор Федорович! Оказанный Нам в дни Нашего пребывания в древнем стольном городе Киеве и других посещенных нами местностей Юго-Западного края радушный прием всех слоев населения глубоко тронул меня и Государыню Императрицу.

Наше светлое настроение омрачено злодейским покушением в Моем присутствии на верного слугу Моего, доблестного исполнителя своего долга, Председателя Совета Министров. Но доходящее до Нас со всех сторон выражение искреннего возмущения по поводу совершенного злодеяния убеждает Нас в том, что все благомыслящее население Киева, как и прочих посещаемых Нами местностей, преисполненное одного желания – встретить своего Монарха, испытывает вместе с Нами чувства скорбного негодования.

В памяти Нашей неизгладимо сохранится навсегда выраженная Нам любовь к Родине и Престолу населения города Киева и представителей края: дворянства, земства и крестьянства.

Представляющаяся Мне депутация от шести Западных губерний, в коих ныне введено земское положение, убеждает Меня в том, что все слои населения, согласно указаниям Моим, направят силы и знания свои на пользу края и Нашей дорогой России.

Поручаю вам объявить всему населению Юго-Западного края и города Киева Мою и Государыни Императрицы искреннюю благодарность за оказанный Нам горячий прием.

НИКОЛАЙ».

Тут надо остановиться на очень важных обстоятельствах покушения – Богров был евреем. На второй день после покушения во взбудораженном Киеве готовился еврейский погром, предотвратить который власти были не в силах, поскольку войска ушли на парад и маневры, а полиции и жандармов было катастрофически мало. По распоряжению фактически вступившего в должность главы правительства В. Н. Коковцева три казачьих полка в спешном порядке вызвали обратно с маневров и они, вступив в город, «заняли Подол и все части города, заселенные сплошь евреями», которые затем стали готовиться к бегству и штурмовали вокзал.

Когда вскрыли завещание Петра Аркадьевича, составленное задолго до смерти, то в первых строках значилось: «Я хочу быть похороненным там, где меня убьют...». По одной из версий, он высказал свое пожелание жене устно: «Похороните меня, Оля, в Киеве, – в этом городе хорошо лежать». Место вечного упокоения избрано в Киево-Печерской лавре, возле могил Кочубея и Искры. Здесь направляется историческая параллель: Искру и Кочубея казнили по указу не разобравшегося в их верноподданстве Петра I, а Столыпина убили при попустительстве Николая II. 8 сентября, в соответствии с волей покойного и монарха, в сопровождении множества людей тело П. А. Столыпина было доставлено в Киево-Печерскую лавру и после отпевания похоронено возле Трапезной церкви. На могилу положили плиту из прекрасного полированного гранита, к которой прикрепили бронзовую доску с

традиционной надписью, поставили массивный каменный крест.

Николай II поддержал всеобщее мнение о необходимости поставить памятник Столыпину в Киеве. Пожелание царя было уважено, и в три дня только в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник, – так драгоценна для всех была память о Петре Аркадьевиче. Местом установки памятника стала площадь (сейчас Майдан Незалежности) перед Городской думой. Скульптор Э. Ксименес с энтузиазмом взялся за выполнение работы, и 1 сентября 1912 года памятник был торжественно открыт. П. А. Столыпин был изображен стоящим на думской трибуне и произносящим слова, ставшие пророческими: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна великая Россия!» У подножия статуи государственного деятеля символические фигуры богатыря – «Мощь» и женщины в русской одежде – «Печаль». На фронтальной стороне памятника также слова *«Петру Аркадьевичу СТОЛЫПИНУ – русские люди»*. На других сторонах фразы реформатора: *«Не запугаете!»* и *«Твердо верю, что затеплившийся на западе России свет русской национальной идеи не погаснет и скоро озарит всю Россию»*.

В последнее время у некоторой части населения сложилось ошибочное представление о том, как тот или иной исторический персонаж относился к украинцам. Мое мнение следующее и оно неизменно: если государственный деятель будет делить своих подданных по национальному признаку – он недостоин этого поста! Все граждане каждой страны, вне зависимости от социального или религиозного статуса – равны перед правителями! Столыпин всеми силами стремился создать мощное нерушимое государство, где всё население обладало бы равными правами и возможностями. Его реформы усилили империю! Мой большой друг, лауреат Шевченковской премии Мыкола Шудря, как-то мне сказал, что благодаря Столыпину Украина получила множество сельских собственников, которые повысили благосостояние всех украинских земель. Это те многочисленные «кулаки», которых уничтожила репрессивная сталинская государственная машина, вызвав в целых губерниях голодомор!

В 1929 году Печерский монастырь первый раз закрыли. Надругательства над могилой начались не сразу, хотя обстановка способствовала этому. На территории Киево-Печерской лавры устроили заповедник и экскурсионно-туристическую базу, где велась активная пропаганда атеизма. В 1961 году, когда зима была на исходе и ярко светило солнце, на верхнюю территорию бывшего монастыря прибыла небольшая группа одетых «не по-нашему» людей и положила на могилу цветы. Это были приехавшие родственники Петра Аркадьевича. Не успели они выйти за ворота, как незамедлительно по указанию цветы переложили с могилы Столыпина на соседнее захоронение Искры и Кочубея. И пошла лавина звонков из разных вышестоящих инстанций. Руководство Киево-Печерского заповедника оттягивало развязку, требуя письменного распоряжения. По телефону, как было принято в то время, кричали, угрожали, но давать ответственный документ остерегались. Однажды заболел (скорее, сказался больным) директор заповедника. Воспользовавшись ситуацией, тогдашний министр культуры дал указание оставшемуся за старшего завхозу организации разрушить захоронение, что и сделали апрельской ночью 1961 года. Невероятно тяжелую надгробную плиту тащили по двору. Это было нелегко. Дело в том, что подворье было вымощено массивными булыжниками, скорее валунами, еще при Екатерине II. Поэтому не получалось, как предполагали, катить на катках надгробие и крест. Тянули волоком, и по пустынному подворью, отражаясь в оконных проемах, гулко отзывалось эхо. Даже сейчас можно увидеть сколы на гранях плиты, образованные при ударах, и следы применения ломов. В тот же день яму засыпали и аккуратно выложили перенесенными с другого места булыжниками. Асфальтом покрыли значительно позднее. Место захоронения ничем не обозначили. В заповеднике запретили упоминать имя Столыпина. Экскурсоводы спешили обойти стороной памятное место и зайти в музей атеизма, находившийся в Трапезной церкви. Говорить о Петре Аркадьевиче осмеливался только С. В. Грабарь. Он позволил как-то на планерке высказаться о необходимости возобновления захоронения, но это было встречено неодобрительно, даже с насмешками, хотя на дворе был уже конец «перестройки».

Памятник П. А. Столыпину у Городской думы. Открытка 1910-х гг.

В феврале 1989 года в Киеве открылась выставка И. С. Глазунова. Он не упустил возможности посетить могилу великого реформатора. Художнику подробно рассказали о разрушении могилы. Илью Сергеевича это очень взволновало. Он высказал пожелание найти надгробие и принять меры по восстановлению могилы.

Чутье подсказывало мне, что остатки мемориала где-то рядом. Захоронение снесли наспех, ночью, до прихода посетителей и сотрудников. Плита и могильный крест из тяжелых монолитных горных пород. Далеко их переместить не могли, поэтому они находятся на ближайшей свалке. Спрятав один раз, перепрыгнуть возможности уже не было. Свои соображения я высказал Сергею Владимировичу, знавшего в Лавре всё досконально. Став на могиле Столыпина, Грабарь как бы покрутился вокруг оси, прикидывая, куда могли волочить тяжеленную могильную плиту. Таким местом оказался первый ярус Большой колокольни. Там могильная плита и крест, засыпанные мусором и тридцатилетней пылью, пролежали, дожидаясь нас. Илья Сергеевич обратился в еще существующий тогда ЦК КПУ и лично к первому секретарю. Тот, пользуясь полнотой власти, дал указание

администрации Киево-Печерского историко-архитектурного заповедника вернуть надгробие на захоронение. Так что эту многотонную плиту вновь потащили на первоначальное место, а следом водрузили и каменный крест. Теперь мы видим могилу в полном порядке, с мемориальной бронзовой памятной доской и надписью. На ней всегда цветы.

В 1996 году в Париже я несколько часов провел с внуком великого реформатора Дмитрием Аркадьевичем Столыпиным. Он настоятельно просил ничего не менять на могиле его деда!

Распутин в Киеве

Трудно найти более одиозную фигуру чем Распутин, которая уже целое столетие будоражит людскую фантазию. О нем врали все – от классиков марксизма-ленинизма до Пикуля и Радзинского. Все, кто о нем писал, снимал фильмы, руководствовались лишь ловко состряпанным мифом, а не реальностью, основанной на исторических фактах. Для большинства Гришка Распутин – лишь неграмотный сибирский мужик, обладающий чудодейственными магнетическими способностями и эротической притягательной силой.

Предметом оживленных разговоров в светском и политическом обществах Распутин становится с 1909 года. В следующие пару лет тема выходит за пределы простой обывательской сплетни, приобретает явно выраженный острый политический характер. Расстрелянный вместе семьей Николая II лейб-медик Евгений Боткин как-то заметил: *«Если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь»*. Напомню читателю, что основная часть вымыслов о связи императрицы с «сибирским мужиком» связана с отношениями фрейлины Александры Федоровны с Анной Вырубовой. Опубликованный в 1927 году ее дневник (сочинители П. Е. Щеголев, А. Н. Толстой), как и другие письменные доказательства о ее связях со старцем и императором, были сфальсифицированы и лживы.

Оболганная вся и всеми некрасивая толстушка Анна Вырубова, замученная ехидными вопросами охранников в Петропавловской крепости в 1917 году, потребовала освидетельствования врачей. Каково было удивление интересующейся «общественности», когда выяснилось, что она оказалась девственницей. Муж ее, старший лейтенант, был психически больным и импотентом. Это явный пример того, когда нагромождаемая одна на другую сплетня становится сильнейшим оружием, принесшим разрушение государству посильнее залпа «Авроры»!

В этой книге я хочу привести мнение Г. Распутина о нашем городе. Оно взято из книги, изданной в 1911 году. Не уверен, что «старец» является автором ниже приведенных строк. Но некоторые восторженные восклицания и неправильные слова ему присущи.

Дни торжества киевлян

Что поразило восторгнуться и возрадоваться Киевскому граду? Какие радости! Божже! Божже! Велик Батюшка-Государь! Так трепещет весь простой народ, и аристократия, и неверующие! У неверующих страх, а у верующих и в лицах их отражается свет душ! И украшенные сердца их наполнены любовью к Родине. И служит приезд Государя к обновленью Родины. И солдатики чувствуют себя светозарными и сильными. И в эти дни на всю жизнь готовы и заразились силой благодатной и храброй – воинов. Никто не может дать обновленья, как посещение Самого Батюшки-Царя. Никто не может поведать: как? почему? – у всех торжественная сила от Батюшки-Царя! – Поймите силу Высших властей, – Небесных Творцов, – то и земной Творец, и Управитель наш, и Создатель охраны на земле, – нас хранит и милует; поэтому и радость, и ликование у всех верующих. Такая радость, что всяк не может православный христианин сказать случившегося с ним от радости, увидя Батюшку-Царя! А у злых и у неверующих такая злоба бывает, – они хотят, но у них сила ничто, – потому сильные радости у толпы народа: и злые, и завистники не могут принести зла, – их, злых, толпа тает как снег от жары, потому что радость и «ура» как гром и молния. Как гром грянет, то мы крестимся, а «ура» – сила. Злые бессильны и «ура» бегут, как бесы – молитвы; противники Родины трепещут, и бегут, и скрываются. И столкновение публики ничто иное – тысячи толпы, и все обновлены духом, – как волны на море плещут. И народ от украшения и ожиданья напряжения не может равнодушно говорить о дивном приезде. Что ни приезд, а будто с небес, – ожиданье как Самого Господа. Толпа движается по Киеву, и народ от радости не может усидеть, – всего трепещет и веселится; и в сердцах у них более чем иллюминации; а иллюминацию нельзя простым огнем назвать, т. е. вещи заставляют радоваться. Что же скажешь? Украшен Киев! Божже! Божже! Всевозможными цветами и гирляндами, и флагами, они стараются украсить и убрать. Несметным счетом флагов испестрен весь – для дорогого гостя нашей Родины. И все чувствуют силы в себе – поддержать свой град Киев и спешно приносят в жертву силы и чтут дорогого гостя Родины и Земли. И ничто, нет сравненья, как я был очевидцем и видел, что турки ожидали своего султана. Народ, начальство – да, ожидает, а простой вот ничего уж; еще видел и другие нации тоже одно начальство, а простой народ – будто нет. А чем объясните? Тем, что велика православная вера, и в ней явился Избранник и Помазанник Божий. А слов на это совсем нет и сравнивать нельзя. Господи, мы счастливы! А о маленьких потешных и сказать нельзя. О их, во-первых, успехах: как ангелы между херувимами, как они занимаются! Ведь не верится себе: такие крошки, а сами в деле, как и нужно. Так радуешься! Смотришь, вот и видишь в юношах, как они показывают в себе будущую защиту всех нас. Только бы в них сохранили веру. Эти потешные, – это стена каменная, где мы за ней спрячемся. И вся армия стоит и трепещет. Божже! Как дисциплина: в ней нет в то время ни зависти, ни коварства, поэтому и назвались христолюбивые воины до смерти.

Что же более изукрашен? Вокзал. Чувства живые и поражающие, – как в раю слово говорить, что все ожидает: вся природа и все украшения. Врата Киева привет воздать дорогому гостю, Батюшке-Утешителю нас.

Вот Его поездка как будит всех спящих. Наверно, ежели бы он стал почаще ездить, то Он бы увидел, как Его ждуют и любят, и светом любви освещают. А Им, говорят, не высказывали своих нужд; это мне говорили из Союза Русского народа, – им не велели. А почему не высказать правду Отцу Родины? Жаль, что запретили сказать дорогому Батюшке. Ведь мужичок перед Царем врать не будет: «что-то озабочен», кто запретил говорить Ему. Давай, Боженька, благополучия! Батюшка наш проехал с радостью и потом еще раз за разом поселил оживленья Своим посещением. Господи, яви милость Свою на нас! Давай мужества Батюшке-Царю, чтобы Он нас более и более посещал все Свое – посаженный рассадник земли.

Ведь как же! Посмотрите на Союзников как они подходят, как величайшие святые! Да, где же они будут врать? О, Господи! Все-таки не так они вылили свое горе дорогому Отцу; они воистину слуги Церкви и Батюшки, Великого Царя. И собрались в Киев тысячами; идут они как сокровища всех названий партий и сплотились единым духом. Вот для них-то и нужно посещать Россию по разным городам. Когда они видят Царя, у них единый дух; а в них громадная сила, то евреям и деться некуда, – это оплот; кружки Архангела Михаила и разных названий...; но не видать и бранятся между собой; потому – у них сила и друг другу покориться не могут. Эти кружки нужны для евреев; они очень их боятся. Когда они идут по Киеву, то жида шушукуются и трепещут; армий меньше боятся, потому у них дисциплина не позволяет, а у «Союза Русского народа» нет дисциплины. Теперь как можно, надо основывать кружки и не ссориться; то евреи и не подумают просить равноправия. Только надо, чтобы посреди их был пастырь, – хороший батюшка. Так это Киев дал понять приезд Батюшки-Царя. Необходимы кружки, и наминать с водки, и чтобы не было ее; а кто пьет, тех не нужно, – от нее вред.

Как отраден и поучителен приезд Хозяина Земли!

А в самой-то Матушке-Лавре Киевской какое ожиданье! Божже! Какая радость! – Как река течет мира, что-то иное; большие тысячи по древам как птица! Господи! И служба непрестанна; везде переполнено! Господи! Это никогда того скопления не встретишь, и все трепещет Одного Лица. Хотя полные братья, да бегают бегом. Сколько может дать Один Человек силы и подумать что-то тут не само по себе творится. Кто-то невидимо предстоит с Тем Лицом – дает подумать. И для всех живущих в Лавре такая неожиданная радость и не знают как встретить. Все они в поднятом духе, и убрано – уже не в духе человеков, а в духе Бога и Разуме Его. Что же скажешь о том, почему это все? Потому Сам Господи дал праздник! Словно Лавра переродилась!

Великое дело посещать Обитель Царям! В то время все молятся с наслаждением. Только поболее нужно пускать богомольцев. И на век остается Их посещение, где побывли, как веселилась толпа народа Святому Семейству Их Величеств. С энергией высшей степени кричали «ура». Нужно, чтобы все общество пело «Народный Гимн» и молитвы. И какая в толпе сила ума и слова. Толпы давали знать, что этот народ безопасен, и организация очень нужна: ранее, прежде не было «Союзов», и было посещать Россию опасно, а теперь опора в них, в надежде посещения. Богу угодно, Он и даст силы охранять Святую Семью; тем более, что все в куче – все Семейство Великих сего мира.

И киевляне свидетельствуют, что прежним тем Царям не было такого почета. Это свидетельство доказывает, что не было «Союзов», и выписывали из деревень встречать. А в настоящее время много и так пришло; весь народ так пришел и весь отдался, только бы видеть. И после этого вот здесь, где удостоились повидеть всю Семью, и все бежали в Лавру и служили молебн. О, святое дело! И у всех явилось желание и единодушие поблагодарить Господа и всех, всех Святых Киевских Чудотворцев: Феодосия, Антония. И крик, и вопли были святые и нелицемерные. Как святая Лавра была освещена! И какие разных цветов огни горели. И давали понять, что это велик день для киевлян. И вера также горела у всех разными цветами: у кого более, у

кого менее, и получится в разном свете: зеленый и белый свет – иллюминация, – подъем духа у всех верующих. Господи! Как изукрашен Киев! Первый день приезда Великого Семейства прямо сияет и сравнения подобного и не найдешь примера. Да, есть пример: выше есть благочестивые люди, которые удостоились видеть Небесный Чертог, и много Отцов, которые описывают небесную красоту в таком же духе; но там не от рук человека освещено. А что народу! Тысячами и толпами! Боже! Миллионы ходят, но настроенье у всех поднято, и сердятся друг на друга, потому что толкаются все, все по Крецатику. Но сердятся не вредно, потому что не знают друг друга.

Какой дивный привет Александру II памятник. Как Его чтит Сам Государь со всем Своим Семейством. Как его открывали, с такой честью! И со многими полчищами войск и священнослужителей; шли крестным ходом, – Сам Государь из Михайловского Монастыря с дочерьми и Митрополит, было духовенства сотни. А миру черняди множество, толпы народа; и все начали молиться и молились вместе со всеми, но молитвенников очень мало, потому простой народ не пускают; а тут надо руки пожать, и платья дорогие замараются, – помолиться – упасть в землю, и места у них дорогие, а простой народ и стеснен; но Сам Государь со всем Семейством за всех молился и депутация – да.

Въезд Николая II в Киев со стороны железнодорожного вокзала. Фотография 1911 г.

Когда Государь скомандовал на караул, то Его звук как молния поразила всех, и так все встрепенулись и потом войска здоровались с самой семьей их Величества, и у солдатиков в лицах свет озарен как лучи. Между солдатиками и Царем, когда здороваются, видится: Бог, да Царь посреди их. И солдатики марш играют и плывут словно лебеди; и все депутации стали на колени и пропели: «Боже, Царя храни». Пели гимн у памятника, – это после Государева отъезда, когда поехали к себе во дворец. И всю неделю, каждый день толпа всех народов видит Государя и вместе радуются и все светят; как лучи сверкали очи от радости; – чем чаще видишь, тем более хочется.

Солдатики просто не человек, подобны ангелам; без сомненья они от музыки забыли все человечество, и музыка отрывает их от земли в небесное состояние; и сила у них как у рыцарей.

И вот еще поразило, когда Государь был в Купеческом Собрании, – там было ничто иное – как рай; пускали ракеты и подобные светилам небес. Когда молились старцы, то видели благочестивые люди, что светились, озарены лучами; так и в августе 31-го, когда там была Семья Их в Купеческом саду; депутации пели «Боже, Царя храни», гимны, – не похожи звуком человека, от любви сердца. И слушатели с умиленьем вынесли трепет в душах; горело умиленье от такого редкого события. Волна духовно в душах пела ко успокоению, и все представители получили обновленье и говорили, и не верили себе: как, они ли, счастливы? Это у них до смерти всякий день будет повторяться, как и у всех, кто видел Святую Семью, и все не верят себе! Сколь ни величие Божие! Воистину Помазанник Христов!

Как это видеть Христианина, когда стоишь в ряду и ожидаешь Их Высочайших – Семью. Христианин не может стоять равнодушно, такая в нем волна славы, что вверх скачет; а которые с Ним, с Государем, у сопровождающих у тех – в душе больше Киева – я.

Когда Наследник к потешным прибыл, то получилась картина, то ни с чем не сравнить ту картину. Это было небесное состояние, как ангелы с херувимами. Чистота горела до небес. Вся музыка – ангельский звук, – совсем небесное состояние, – земного не было. Ну, после у потешных гордость будет. Для простолюдья это – да; а для левой – они молодцы; для внутренней – это да.

Как потешные йдут, то на них со умиленьем смотришь, и без слез – нельзя. Великое торжество от них получается.

Даже и училища увидели кротость на себе после посещения Великого Счастья, – Батюшки-Царя! И так на них повлияли дивные кроткие очи Батюшки-Царя; и они обещали учиться с кротостью все: духовная академия и все учебные заведения снова переродились. Храни их, Боже!

О, какие были проводы! Миру стояло на много верст и ничем их не оценить, – не люди, а какая-то в них светила радость. Смотришь на них, что их тут нет, они где-то в седьмом небе, а тело на земле. Вот, что может дать Самодержавная Семья: у кого слезы как ручьи, у кого трепещут ноги; кто мысленно высказывает свои нужды, кто делится радостью, кто печалью; и все открывают более чем батюшке (священнику) свои недостатки; все скорби и грехи – все Батюшке-Царю и Святому Семейству великого мира.

Солдатики на проводах стояли рядами; они, как ангелы, охраняют Славу на небе; отдались в послушанье и в военную дисциплину. И уподобились за свое послушанье в лица ангелов, поэтому назвались христолюбивые воины.

И как в виду всех перерождаются все учебные заведения при посещении Великого Монарха. Когда при проводах все классы были на панелях, провожали с кротостью и с радостью, а маленький класс девочек – пример и сравненье, как вели во храм Иоаким и Анна Святую Отроковицу, так и эти девочки готовы служить и Богу, и видеть Батюшку-Царя; это в них говорила чистота и ласки детские и отражались на Святом Семействе. Дивная картина малюток – их святость! Очень радуют все детские выходки, как они бросали цветочки по пути и намеревались бросить Их Величествам. Это смотришь, – не видишь, что бросаюь они ручками, а будто хотят вместе с букетом упасть к Ним в экипаж, на колени.

И как возрастают ничем, и не украсишь, как украсило само Святое Семейство.

Киев. Август 1911 г.

И еще раз о евреях

Влюбившись в свою ученицу, будущий всемирно известный писатель Шолом-Алейхем добивался ее руки шесть лет. После свадьбы Ольга Лоева стала верным другом и подарила ему шестерых детей. А еще – отдала все свое приданое, и он смог начать печатать свои романы огромными тиражами и разъезжать по всему свету. Ольга осталась с ним, даже когда писатель разорил семью, проиграв все состояние на киевской бирже.

«Однажды, как рассказывала тетя Тойба старику, она заметила, как они зашли в домик к эконому Доде. Это ей сразу не понравилось: „Какие дела могут быть у детей в бедном домике эконома?“ Она не поленилась, эта тетя Тойба из Бердичева, и заглянула в окно эконома – видит, парочка ест с одной тарелки. Что они там ели, она не знает, но она сама видела, дай ей Б-г так видеть добро в жизни, как они ели, болтали и смеялись. Одно из двух – если это нареченные, то должны знать родители. Если же тут любовь, роман, то родители давно должны знать об этом. Потому что лучше, достойнее, приличней выдать дочь за бедняка учителя, у которого всего-то за душой одна пара белья, чем ждать, покуда учитель в одну темную ночь сбежит с дочкой в Богуслав, в Таращу или в Корсунь и там тайком обвенчается с ней... Таковы, как выяснилось впоследствии, были соображения тети Тойбы. И высказала она их кузену под строжайшим секретом за полчаса до отъезда. Слова ее нашли отклик в сердце старого Лоева: когда он вышел проводить свою родственницу, видно было, что он чем-то взбешен. В течение целого дня после этого он ни с кем слова не вымолвил, заперся у себя в комнате и больше в тот день не показывался. В доме творилось что-то странное, в доме было беспокойно. Царила странная, зловещая тишина, затишье перед бурей. Кто мог предполагать, что несколько многозначительных слов, брошенных тетей Тойбой, произведут такой переполох и перевернут в доме все вверх дном. Возможно, если бы тетя Тойба знала, что ее слова приведут к таким результатам, она не вмешалась бы, во что не следует. Долгое время спустя стало известно, что тетя Тойба тут же пожалела, что затеяла всю эту историю, и хотела поправить дело, но было уже поздно. Повернув дышло, она пыталась внушить старику, что несчастье, собственно, не так уж велико, и она не видит причин для особого огорчения. Разве парень виноват в том, что он беден? „Бедность – не порок“, „Счастье от Б-га“, – говорила тетя Тойба, но слова эти не помогли. Старик твердил одно – против парня, собственно, он ничего не имеет, но как у него в доме посмели завести роман без его ведома! Он вовсе не возражает против того, чтобы дочь его вышла за бедняка. Но только в том случае, если он, отец, найдет для нее мужа, а не она сама будет выбирать себе жениха. Ему было больше всего, что она сделала выбор, не спросив отца. Обо всех этих толках и разговорах Шолом узнал лишь много времени спустя. Теперь же юноша и девушка, как невинные ягнята, ничего не подозревали. Они только чувствовали, что в доме заварилась каша. Какая это каша, видно будет завтра. Утро вечера мудренее...» (Шолом-Алейхем «С ярмарки». Но утром Шолом, как следует из дальнейшего «жизнеописания» писателя, не обнаружил в доме ни души. Старик Лоев забрал всю семью и выехал из дома, честно оставив возлюбленному своей дочери конверт с оплатой его преподавательской деятельности, не удосужившись черкнуть ни строчки объяснений. «Катастрофа была огромна, такой пощечины он не ожидал», – писал Шолом-Алейхем в своей автобиографической книге «С ярмарки». Какое-то время он еще продолжал писать письма своей возлюбленной, но не получал на них ответа, ведь почтальон передавал их только в руки старика Лоева.

Считая себя отвергнутым после десятка безответных писем, Шолом опустил в безнадежности руки и постарался как можно быстрее забыть свою ученицу и самую большую любовь своей жизни – Голду Лоеву. Однако у него этого тогда не получилось. К несчастью, вскоре после выпуска первой части своей автобиографической книги писатель умер, так и не успев поведать нам о продолжении любовной истории. Но финал нам известен – 24 мая 1883 года Шолом и Голда Лоева сыграли свадьбу.

Будущий писатель родился 2 марта 1859 года в городе Переяславе в патриархальной еврейской семье. Вскоре после рождения родители переехали в село Вороньково близ Киева. Отец, весьма состоятельный человек, со временем разорился, а когда мальчику было 13, умерла его мать. Прочитав «Робинзона Крузо», в 15 лет Шолом написал собственную версию повести и твердо решил стать писателем.

Шолом Алейхем. Фотография 1907 г.

Но до славы было еще далеко. Для начала, получив образование, Шолом стал подрабатывать репетитором, и наконец, переходя из дома в дом, очутился в семье крупного землевладельца и торговца Лоева – «еврейского помещика», как называл его сам Шолом. Элимелех Лоев утвердил Шолома в качестве учителя для своей тогда еще 14-летней дочери. В этом богатом доме Шолома с его манерами и интеллектом приняли как равного, – он стал почти членом семьи буквально с первых дней. Хотя, как признавался сам писатель, при всем радушии чувствовал себя он в первое время не очень комфортно среди этой роскоши. Например, поглощение еды долгое время не приносило ему никакого удовольствия из-за того, что постоянно приходилось быть начеку, чтобы использовать правильные столовые приборы для разных блюд.

К своей ученице Голде (Ольге) Лоевой Шолом поначалу относился как к сестре, после уроков гулял с ней, ходил в гости. Рассказав о мечте стать писателем, читал ей первые свои романы. О том, что они любят друг друга, Шолом и Ольга поняли перед первой по-настоящему долгой разлукой. Шолома призвали в армию. Сборам предшествовало, по словам Шолома, *«очень печальное прощание»*. *«В доме царил траур, а на душе было пусто и темно. Когда Шолом уже сидел в фэтоне и кучер Андрей потянулся за кнутом, юный герой в последний раз посмотрел на окна и увидел пару заплаканных глаз, которые говорили яснее всяких слов: „Счастливого пути, милый, дорогой! Приезжай поскорее, потому что я без тебя жить не могу...“ Слова эти герой ощутил всей душой, и глаза его ответили: „Прощай, милая, дорогая! Я вернусь к тебе, потому что и я жить без тебя не могу...“*. И только теперь почувствовал он, как крепко привязано его сердце к дому, который он оставляет, и что нет в мире такой силы, которая могла бы оторвать его от ученицы, разве только смерть». Однако разлука была недолгой – старик Лоев тогда подсуетился, и после того как Алейхем вытянул номер 285, призыв окончился на номере 284. Возвращаясь обратно, Шолом всю дорогу только и думал, как он признается старику Лоеву в чувствах к его дочери, мысленно выстраивал разговор, заключительными словами которого должно было стать предложение руки и сердца Ольге. Но по приезду он отложил разговор до утра, затем еще на день, а по прошествии нескольких месяцев, за которые Шолом так и не смог решиться, в гости к Лоеву приехала его двоюродная сестра – та самая тетя Тойба, которая и открыла всем глаза на взаимоотношения молодых.

Лоев, при всей своей расположенности к Шолому, не смог принять, что в доме происходило что-то без его ведома, и по-английски распрощался с несостоявшимся на тот момент зятем. Хотя, возможно, читая перехваченные письма Шолома к его дочери, старик Лоев осознал, что погорячился. Но признать это он смог лишь через шесть лет, когда дочь все же тайно сбежала к писателю, узнав о его письмах и разыскав его.

С того дня и до смерти писателя Ольга Лоева стала его лучшим другом, помощницей и спутницей в нелегкой писательской жизни. С началом их семейной жизни вчерашний Шолом Рабинович избрал себе псевдоним Шолом-Алейхем, что означает «Мир вам!», и начал завоевывать мировую славу. Благополучие тестя-миллионера позволило Шолому публиковать свои произведения в тиражах, о которых до этого он и мечтать не мог. Не мог позволить себе и поездки, которые после свадьбы стали постоянными – Шолом читал свои произведения публике в самых разных уголках мира, постепенно завоевывая популярность.

Чувство Ольги к мужу не остудил даже его проигрыш на киевской бирже, который разорил семью. Ведь после того, как умер ее отец, им досталось огромное наследство. Правда, вместе с ним вокруг новоявленного богача Шолома начали кружиться жулики и спекулянты. Внимая их речам, писатель пустился в биржевые спекуляции, промотав за пять лет колоссальное состояние. Не раз именно Ольге приходилось держать ответ перед многочисленными кредиторами. Это она отдавала долги мужа, который, по некоторым данным, находился в постоянных разъездах не только с целью литературных чтений, но и чтобы не встречаться с кредиторами.

Во многом именно попытки поправить финансовое состояние семьи ухудшили, в конечном счете, здоровье писателя, веселый и одновременно печальный взор которого угас 13 мая 1916 года. В последнем пункте его завещания написано: *«Последняя моя воля, обращенная к наследникам, и просьба к моим детям: оберегать мать, скрасить ее старость, усладить её горькую жизнь, оберегать её разбитое сердце...»*

И создается впечатление, – если бы вторая часть жизнеописания великого писателя всё же увидела свет, то большая часть была бы посвящена Голде Лоевой. Ведь в немалой степени именно благодаря Ольге Лоевой Шолом-Алейхем вошел в историю мировой литературы как известнейший еврейский писатель.

Самый киевский Бродский...

«Что я Бродский, чтобы кушать рыбу каждый день?» – говорил словами своего героя Шолом-Алейхем.

Не имеет значения, к кому мы испытываем ксенофобию – к евреям, украинцам, немцам, русским или американцам... Потом всегда становится стыдно. Или противно. Плохие народы и нации бывают только в творениях прислуживающих правящей власти литераторов. И в головах их хозяев. А также в искаженном сознании объектов воздействия. Это прослеживается испокон века, даже в летописях, даже в Святом Письме.

Ни в одном из советских энциклопедических изданий вы, однако, не найдете упоминания, что из Брод берет свое начало династия крупных российских предпринимателей и фундаторов отечественной свеклосахарной промышленности – Бродских. Ответ можно найти в еврейской энциклопедии Брокгауза и Эфрона, из которой узнаем, что примерно в XVI веке здесь поселилось семейство Твиас-Шор, которое дало местной еврейской общине ряд известных раввинов и коммерческих деятелей. Но в своем рассказе упомяну лишь об одном из них – Меире Шоре, с которого, собственно, и начинается уже новая фамилия – Бродские.

Меир родился в семье ученого раввина Александра Твиаса-Шора – автора ряда известных тогда религиозно-философских трактатов. Родитель его, вероятно, видел в нем продолжателя своих духовных дел и исследований. Однако Меир выбирает другой жизненный путь и для этого покидает родные пенаты, переезжая в поисках своей судьбы в местечко Златополь Киевской губернии. В память о своей «малой родине» он принимает фамилию Бродский, оставляя наряду с ней свою исконную – Шор. О деятельности Меира нам известно лишь то, что, женившись здесь на дочери местного богача, он сравнительно успешно занимается коммерцией, своим пяти сыновьям оставляет немалое наследство. И надо сказать, что все они отцовские капиталы использовали успешно. Но особенно выделялся из них финансовыми способностями, коммерческой и благотворительной деятельностью, а также широкой предприимчивостью на промышленном поприще снискавший титул «сахарного короля» Израиль Меирович (Маркович) Бродский.

После смерти отца и раздела имущества он унаследовал немалый по тем временам капитал в размере 40 тысяч рублей, с которым и начал свой сахарный бизнес. Коммерческое и предпринимательское чутье подсказывает ему, как и графу Алексею Алексеевичу Бобринскому, что постановка этого дела в Украине на широкую промышленную основу открывает огромные возможности.

Но если граф Бобринский, располагавший значительными капиталами, получаемыми из собственных вотчин и имений, и имевший «крепкие тылы» в виде родственных связей, стоял достаточно крепко, вкладывая средства в новое дело, то Израиль Бродский рисковал своим благополучием. Но у него получилось значительно приумножить свои капиталы. Поначалу он приобрел захиревший Лебединский сахарный завод, который производил сахарный песок, и, переоборудовав его, наладил здесь выпуск пользовавшегося большим спросом рафинада. Реконструкция завода, произведенная им, быстро позволила довести производство сахара на заводе с десятка тысяч до миллиона пудов ежегодно.

Развивая и расширяя дело, Израиль Маркович основывает Александровское товарищество сахарных заводов, являвшееся на то время самым крупным промышленным объединением в области сахарного производства.

Для характеристики масштабов этого, пожалуй, одного из первых в империи концернов, следует сказать, что в его состав входило тринадцать песочных и рафинадных заводов. Основной капитал этих предприятий к концу 1870-х годов превышал 9 000 000 рублей. Производство рафинада достигало около 1/4 выпуска его на сахарных заводах России. На заводах, входивших в Александровское товарищество, работало более 10 000 человек.

Надо полагать, что уже тогда Израиль Бродский усвоил для себя истину, что «кадры решают все», проявляя внимание и заботу по отношению к рабочим и служащим своих заводов. Многие из них, по отзывам современников, работали там по 25 и 30 лет.

Израиль Маркович Бродский был, безусловно, финансовый и промышленный гений. Интересную характеристику дал ему в своих воспоминаниях долго проживавший в Киеве видный государственный российский деятель граф Сергей Юльевич Витте: *«В то время, как я жил в Киеве среди евреев, которых там жило довольно большое количество, главным был Бродский (Израиль). Это был на вид очень почтенный старик, напоминающий собою по наружности библейского патриарха... Мне приходилось с ним*

неоднократно разговаривать, вести чисто деловые беседы, и всегда он производил на меня впечатление человека замечательно умного, но совсем почти необразованного». Еще до переезда в Киев в 1876 году Израиль Маркович начинает благотворительную деятельность в своем родном Златополе. Здесь на свои деньги он строит больницу и дом для престарелых, щедро жертвует значительные средства на другие благотворительные цели. Отмечая его заслуги на этом поприще, газета «Киевское слово» писала: «Правда, он родину свою – местечко Златополь – осыпал благодеяниями. Там все общественные благотворительные учреждения удовлетворены и обеспечены на вечные времена соответствующими капиталами и доходами с подаренного этим учреждениям имения с лишком в две тысячи десятин земли».

Киевский период жизни Израиля Бродского также отмечен значительными пожертвованиями на благотворительные цели. В стоящей у меня в шкафу (я ее даже переиздал в 1995 году) книге инспектора классов Киевского института благородных девиц М. М. Захарченко «Киев теперь и прежде», выпущенной в 1888 году, где, упоминая новый тогда район застройки Лукьяновку, автор пишет: «Кроме того в этой части города еще останавливают на себе внимание: тюремный замок, замечательный своей обширностью, астрономическая обсерватория, открытая в 1845 году, еврейская больница, построенная на деньги, пожертвованные И. М. Бродским, около 150 тысяч рублей».

Израиль Маркович выделяет более 40 тысяч рублей на строительство и оборудование ремесленного училища, в котором сотни детей из бедных семей учились на его средства у частных мастеров. В своей щедрой и последовательной благотворительной деятельности Израиль Бродский не ограничивался кругом еврейской общины. Будучи членом многих христианских обществ и организаций, он выделял ежегодно на их деятельность сотни тысяч рублей.

Выдающиеся заслуги в деле развития экономики российского государства одного из пионеров отечественного свеклосахарного производства были по достоинству отмечены императором – ему было пожаловано звание коммерции советника. Сообщая об этом Израилю Марковичу, министр финансов Бунге (тоже связан с Киевом) в своем письме от 26 февраля 1885 года писал: «Милостивый государь Израиль Маркович! Государь император по всеподданнейшему докладу моему о полезной деятельности Вашей на поприще отечественной торговли и промышленности Всемилостивейше соизволил в 26 день сего февраля пожаловать Вам звание коммерции советника. Поздравляю Вас с такою монаршей милостью и прошу принять уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности. Бунге».

В последние годы жизни Израиль Маркович хотел построить на свои средства еще одно ремесленное училище и основать еврейское кладбище, но большая занятость коммерческой деятельностью и болезнь помешали ему сделать это. Он умер в сентябре 1888 года. В одном из некрологов на его смерть отмечалось: «Он, несомненно, унес с собою в могилу то желание, чтобы и дети его продолжали распоряжаться оставленным им богатством, как он распоряжался, чтобы они по пути благодарения шли по его стопам, чтобы они сделали и осуществили в этом отношении то, что он желал сделать, но по вполне независимым от него причинам не успел осуществить. – Одним словом, чтобы они оказались достойными детьми достойного отца».

Израиль Маркович мог умереть спокойно. Сыновья его Лазарь и Лев расширили и развили начатое отцом сахарное дело, способствуя тем самым значительному оживлению промышленности Юго-Запада России.

Следуя своим склонностям, каждый из братьев определился в своей сфере деятельности. И если Лазарь «ударился» более в промышленно-предпринимательскую, то Лев в большей степени сосредоточился на финансово-банковской. Но оба они при этом до конца своей жизни достойно несли принятую из рук отца эстафету благотворительности и филантропии. Следует сказать, что был еще третий брат, Соломон, который страдал психическим недугом и жил под опекой братьев и сестер.

Его именем, кстати, Лазарь и Лев назвали ремесленное еврейское училище, построенное на их деньги.

Лазарь Израилевич, образованный и опытный предприниматель, благодаря своей энергичной деятельности сразу же занял видное место в сахарном мире. При его активном участии создается Всероссийское Общество сахарозаводчиков – мозговой и организующий центр новой набирающей силы отрасли промышленности. С первых же дней он становится бессменным членом правления этого Общества.

На своих заводах Лазарь Бродский смело вводит все новейшие достижения и изобретения в области сахарного дела, внимательно следя за достижениями науки и техники, поддерживая и поощряя творческую деятельность инженерно-технического персонала. По его инициативе проводились полевые опыты с культурой сахарной свеклы, или, как ее тогда называли, свекловицей. А для ознакомления крестьян с правильным ведением сельского хозяйства он в имениях при некоторых сахарных заводах организовывал показательные поля.

Но в своих планах научного обеспечения производства он шел дальше, вынашивая мысль об организации Института сахарной промышленности и свекловодства.

И буквально одним штрихом хотелось бы охарактеризовать еще одну грань деятельности Лазаря Бродского, направленную на предотвращение кризиса в сахарной промышленности. Но сначала несколько слов о сложившемся к концу 80-х положении на сахарном фронте России.

К этому времени успехи, достигнутые здесь пионерами этого дела – Бобринским, Бродскими, Терещенками, Харитоненками и Ханенками, подвигнули многих других удачливых коммерсантов и предпринимателей инвестировать капиталы в перспективный и прибыльный сахарный бизнес. И как следствие – массовое строительство новых сахарных заводов. А далее – успехи в области свекловодства, повышение культуры земледелия, применение техники и удобрений, плюс к тому научно-технический «скачок» в сахарной промышленности привели к значительному росту производства сахара. Налицо возможный кризис перепроизводства. Без регулирования рыночной конъюнктуры не обойтись. И тогда Лазарь Бродский и поддержавшие его, прозорливые предприниматели, выступили с инициативой создания сахарного синдиката. Деятельность этого первого «регулятора» – тема иного рассказа, более приличествующего для специального читателя. Здесь же скажем, что политика синдиката на протяжении ряда лет, до введения государственных нормативных законодательных актов (в 1895-м и 1903 году), позволяла предотвращать кризисную ситуацию и удерживать стабильные цены на сахарном рынке.

Помимо сахарного дела Бродские вкладывали средства и вели бизнес в мукомольной, пивоваренной, винокуренной промышленности. Кстати, «высотное» здание на Почтовой площади, получившее у киевлян название «Нотр-Дам де Подол», в свое время было построено Бродскими с целью использования под зерновой элеватор. Ну а если мы заговорили о построенном в Киеве на средства Бродских, то здесь благотворительная деятельность братьев полностью оправдала и даже, пожалуй, превзошла все надежды их отца. Итак, с чего начать? Может быть, с одного из крупнейших и заслуженно широко известного Политехнического института, в строительство которого Бродские вложили значительные средства, получив разрешение увеличить процент поступающих на обучение евреев. Не менее известный Бактериологический институт, ныне носящий имя ученого-эпидемиолога с мировым именем Громашевского. Первый директор этого института В. М. Чернов, профессор Киевского университета им. Св. Владимира, отмечая значение этого научно-медицинского учреждения для города, писал: *«За короткое время институт превратился в просторное здание... Теперь мы имеем возможность готовить десятки тысяч спасительных доз против многих болезней и оказывать помощь всем, кто в ней нуждается»*.

Лазарь Израилевич Бродский. Фотография 1904 г.

А в здании еврейского училища ученики, получая общее образование, обучались профессиям слесаря, токаря, столяра на станках новейшей конструкции, выписанных из Германии и Америки. В этом здании начинал впоследствии свою деятельность всемирно известный Институт электросварки имени Патона. Очевидно, соревнуясь в чем-то, оба брата неподалеку одна от другой выстроили здания двух синагог – хоральную Лазаревскую, где немало лет правоверные иудеи мирно уживались с кукольным театром, и Львовскую – ныне не существующую, но на своем фундаменте несущую еще один очаг культуры – кинотеатр, известный под названием «Кинопанорама».

В 1889 году в Киеве был создан первый украинский музей. Счет своим экспонатам он начал с подарков своих основателей, одним из которых был Лазарь Бродский. Без преувеличения можно сказать, что не было в те годы ни одного заметного общественного проекта, в котором бы не принимали участие братья Бродские.

Сидевшая подчас «на бобах» киевская управа не раз обращалась за финансовой помощью к состоятельным и сознательным горожанам (многие из них впоследствии удостоивались звания «почетных»). Бродские, например, «отстегивали» значительные суммы на улучшение работы первого в России киевского трамвая и на расчистку «авгиевых конюшен» киевской канализации.

А для того, чтобы определить масштабность фигуры Лазаря Бродского во всех ипостасях его деятельности, сошлемся на формуляр, составленный и представленный на Высочайшее имя для очередного поощрения выдающегося промышленника, коммерсанта, общественного деятеля и благотворителя, или говоря современным языком – спонсора. Не боясь утомить Читателя, приведем его с небольшими купюрами: *«Потомственный Почетный гражданин Лазарь Израилевич Бродский состоит с 26 февраля 1884 года Почетным членом дома призрения и ремесленного образования бедных детей, состоящего под Высочайшим покровительством Его Императорского величества, почетным членом Попечительства детских приютов, выборным Киевского Биржевого общества, членом Биржевого Комитета, членом правления общества домов трудолюбия, Почетным блюстителем Киевской Фундуклеевской женской гимназии и Левашевского при ней пансиона, состоял гласным Переяславского уездного земства и в то же время гласным Полтавского губернского Земства, Киевской городской Думы и членом Киевского Губернского податного присутствия. Состоит Председателем Правления общества борьбы с заразными болезнями»*. И за каждым участием стоят немалые деньги. Так создавалась благотворительность! Далее следует список тех поощрений, которых удостоился Лазарь Израилевич за свою многогранную и многотрудную деятельность. В списке этом две Высочайшие благодарности за щедрые пожертвования на учебные заведения, научные и общественные учреждения.

За особое усердие на пользу народного образования он был награжден орденом Станислава II степени и святой Анны II степени. Деятельность Лазаря Бродского получает международную огласку. Французское правительство удостоивает его наипрестижнейшей награды – ордена Почетного легиона. Он имел также и сербский орден. Для принятия и ношения этих орденов Лазарь Израилевич получает соизволение от императора.

А впереди у него были новые планы, новые замыслы в бизнесе, общественной, благотворительной деятельности – ведь за спиной еще неполных 56 лет. Но 19 сентября из Швейцарии в Киев пришла печальная весть. Здесь, в Базеле, на руках своей дочери, жены офицера швейцарской армии, скончался Лазарь Израилевич Бродский. 24 сентября на вокзальной площади тысячи киевлян встречали поезд, прибывший из Швейцарии. В этот же день в хоральной синагоге при огромном стечении народа состоялось отпевание. Весь фасад ее был задрапирован траурными лентами, а над входом висела надпись: «Впереди его шествует добродетель». Воздать последние почести покойному пришел весь город.

Лазарь Израилевич ушел из жизни, а эстафета его добрых дел продолжалась уже после смерти. Так, на завещанные им 500 тысяч рублей был построен известный далеко за пределами Киева первый в городе крытый Бессарабский рынок.

А вскоре после похорон брата Лев Израилевич получил довольно любопытное послание, которое дает почву для размышлений и о другой стороне благотворительной деятельности Лазаря Бродского. В письме, отправленном анонимом, подписавшимся «уважающий обыватель», содержится просьба ко Льву Бродскому оказать материальную помощь 100 политическим заключенным, находившимся в Лукьяновской тюрьме. В письме, в частности, говорилось: *«Суть же этого письма ясна – нужны деньги. Хотя бы в виде единовременного пожертвования. Надо же прибавить, что покойный не обошел нужды и этого общества, а с его смертью они лишились огромной поддержки. Пожертвования были весьма солидными и несколько раз в году»*. Что Лазарь Израилевич в дальнейшем

давал деньги на политические цели, мы можем узнать... даже из Украинской советской энциклопедии, правда, в соответствующей интерпретации: *«В частности, Бродские финансировали контрреволюционные „правительства“ в годы гражданской войны»*. Речь идет, теперь уже можно сказать открытым текстом, о финансовой поддержке Центральной Рады и Директории.

Вот, пожалуй, вкратце всё, что можно рассказать о Бродских. Вихрь революции разметал их по свету. Лев Израилевич окончил свою жизнь во Франции в 1923 году.

Когда же, наконец, начнем с благодарностью воздавать должное тем, кто достойно потрудились на благо общества, избавляясь при этом от идеологической шелухи. В Киеве, наконец, появилась снова улица Терещенковская. Будем же ее рассматривать как первую ласточку нашего благодарного прозрения. Может быть, появится и улица Бродских. Они, право же, у нас, киевлян, это заслужили.

Здесь же следует сказать и о построенном на деньги Бродских Троицком народном доме, где впервые в Киеве выступала украинская труппа. Тут блистал до 7 мая 1917 года театр Н. К. Садовского. Николай Карпович был его главным режиссером, да и сам проживал в этом здании. В театр приглашались для разовых выступлений известные оперные певцы, здесь во время учебы пел в хоре И. С. Козловский, здесь же он дебютировал как оперный певец в 1918 году, исполнив партию Андрея в опере С. С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем». С театром сотрудничали композиторы М. В. Лысенко и К. Г. Стеценко, несколько опер Лысенко впервые были поставлены на этой сцене. С 1916 года в театре Садовского работала труппа Леся Курбаса, а 16 мая того же года возник театральный кружок, на основе которого через год был создан его «Молодой театр».

Весной 1917 года в помещениях театра Садовского проходили собрания театральных деятелей, на которых было организовано Украинское театральное общество, создан Всеукраинский театральный совет, основан еженедельник «Театральные вести» (первый номер вышел 1 апреля). 24 апреля основан комитет Украинского национального театра, работа которого непосредственно опекалась властями УНР. В результате была создана труппа, которая арендовала Троицкий народный дом и в сентябре 1917 года открыла в нем «Украинский национальный театр» (известен также как «Национальный образцовый театр»). В 1918 году при Украинской Державе произошла реорганизация театральных структур, вместо комитета Украинского национального театра действовал Театральный совет, театр в народном доме 14 августа преобразован в «Государственный народный театр». В 1919 году, при Директории УНР, театр переименован в «Украинский народный театр», а затем в «Народный театр». До 15 сентября 1922 года им руководил П. К. Саксаганский. Затем снова произошла реорганизация, создали Государственный драматический народный театр Губполитпросвета, с 12 января 1923 года – театр им. М. Заньковецкой. Уже в феврале того же года коллектив вынужден был уехать из Киева, ныне (с 1944 года) работает в Львове. В 1919 году с 27 мая до 17 августа в народном доме выступал Первый театр УСР им. Т. Г. Шевченко (ныне Днепропетровский драматический театр имени Т. Шевченко).

Григорий Павлуцкий - первый исследователь украинского церковного искусства

Мы мало знаем о скромных исследователях украинской культуры, таких как, например, Г. Г. Павлуцкий. Григорий Григорьевич родился в 1861 году в Киеве, в семье доктора. Учился он в 3-й гимназии. Высшее образование получил на историко-филологическом факультете Киевского университета, окончив его в 1886 году. Еще будучи студентом, напечатал работу о Таците. Продолжил образование за границей, а по возвращении преподавал в университете. В 1893 году вступил в брак с дочкой профессора ботаники А. С. Роговича. В том же году был откомандирован за казенный счет в Сорбонну. За работы по античному искусству он получил звание доктора истории и теории искусств, в 1906 году - ординарного профессора, а через 7 лет - заслуженного. Так и остался в этом звании, несмотря на революции и смены властей, в своем родном университете. Тут он собрал сотни красивых художественных памятников для кабинета искусств, как и положено в каждом элитном учебном заведении. Уникальные художественные произведения наглядно свидетельствовали об эволюции идей и форм разных народов мира. В связи с тем, что большинство экспонатов были религиозного содержания, прежде всего интересовавшие Павлуцкого, после его смерти собрание частично разворовали, частично разорили. Зачем в начале 1920-х годов студентам И.Н.О.(Института Народного Образования - так назывался тогда университет) нужно было творчество прошлого? Они должны были учить детей рабочих и крестьян как строить социализм.

Еще с 1880-х Павлуцкий, исследуя народное искусство, демонстрирует много полезных материалов и наблюдений. В большинстве своих работ он был первым, особенно в разработках по деревянному церковному зодчеству - в 1895 году вышло его исследование «Древности Украины». Летом ученый ездил по селам и городкам, исследовал деревянные церкви и их оформление. Для него не было второстепенных деталей, - в искусстве все важно. Особое внимание уделял изучению орнаментов и мотивов - по ним без ошибок можно определить время изготовления предмета.

Павлуцкого на изучение украинского искусства вдохновил XI археологический съезд, который проходил в Киеве в 1899 году. Заметим, что в то время археология была исключительно любительской, поэтому не зависела ни от кого, только от украинских патриотов-меценатов. Она была достаточно передовой наукой, о чем свидетельствуют хорошо изданные, с множеством интересного материала, научные сборники. Через десятилетие уже на XIV археологическом съезде Павлуцкий читает доклады: «Киевские храмы домонгольского периода и их отношение к византийскому зодчеству», «О происхождении форм деревянного церковного зодчества», «О церковных постройках в стиле Емріге в Полтавской губернии». Каждая из этих статей дала направление дальнейшим исследованиям. Когда вышла фундаментальная «История русского искусства» Игоря Грабаря, то и там не обошлось без исследований Павлуцким украинских церквей и даже синагог. Профессор убедительно доказал, что их по заказу иудейских общин строили украинцы, применяя свои привычные методы и стиль.

Не имея художественного образования, Павлуцкий хорошо рисовал. Любил пейзажи, но с обязательной церквушкой. Достигнув совершенства в своих художественных произведениях, он не стеснялся экспонировать их на многочисленных выставках. Среди ближайших его друзей - художники А. Мурашко и Н. Пимоненко, написавший в 1880 году его портрет.

Григорий Григорьевич Павлуцкий

Когда Украина стала на короткое время независимой, несмотря на возраст и болезни Г. Г. Павлуцкий работал с воодушевлением во всех художественных проектах, принимал активное участие в создании Академии Искусств, разработке почтовых марок, бон, государственного герба Украины, изучении Святой Софии...

Первый исследователь отечественной церковной архитектуры умер 15 марта 1924 года от

воспаления легких. Изображения большинства уничтоженных жемчужин зодчества остались лишь на его зарисовках и фотографиях.

Выставка 1913 года

Киев словно предназначен природой и своим местоположением для проведения региональных и всемирных выставок. С 1908 года, когда было принято решение о проведении в Киеве Всероссийской выставки, было перебрано не менее десятка мест, пока не остановились на отрогах Черепановой горы. Создали правление под председательством графа А. Н. Тышкевича, поставив изначально правильную задачу – проведение выставки, охватывающей все отрасли современной техники, науки и культуры. Со всех уголков империи приходили заявки желающих участвовать. Так из региональной, которой была до этого, по решению правительства от 4 сентября 1912 года. Выставка переросла в общегосударственную. А иначе не могло быть, ведь она проводилась во время пышного всеимперского праздника – 300-летия Дома Романовых, и поэтому ее приняли «под Августейшее покровительство Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича». Характерной особенностью киевского мероприятия стало то, что большинство основных павильонов построено не по обычному «выставочному» типу из недолговечных материалов, которые разбираются и приходят в упадок сразу после закрытия экспозиции. Даже до 1977 года просуществовало два павильона.

Инициатива фундаментального строительства принадлежала члену управы В. Г. Иозефи, взявшего на себя наблюдение за строительством, которое проводилось под общим руководством городского архитектора Н. А. Шехонина. Городская дума отпустила на это 250 тыс. руб., а за пользование зданиями Комитет вернул городу 85 тыс. рублей. Сохранившиеся многочисленные фотографии подтверждают, что солидность проведенного мероприятия оправдала затраты.

В центральной части в классическом стиле были построены главные павильоны, к которым вела большая лестница. Вся территорию украсили скульптуры, фонтаны и декоративные композиции. Общий вид Выставки только выиграл от высоких сооружений, возведенных на пологих склонах горы, выдержанных в едином стиле, как и главные корпуса. Кроме главных павильонов поставили еще и несколько частных. В конторе Выставки работало кроме председателя и его помощника всего 12 человек. Управляющий Н. Н. Петровский смог без задержек удачно разместить несколько тысяч экспонатов.

Николай Корнильевич Пимоненко в своей мастерской. Фотография 1900-х гг.

Торжество официального открытия и освящения Выставки состоялось 29 мая в присутствии начальника края генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова, губернатора, шталмейстера Н. И. Суковкина, городского головы И. Н. Дьякова. Выставка прошла с большим успехом, превзойдя по своей популярности все предыдущие, проводимые в государстве, при этом прославив Киев как крупный культурный и экономический центр, показав что можно все затраты по строительству и благоустройству экспозиционной территории окупить в дальнейшем.

12 июня 1913 года состоялось заседание Комитета по организации 1-й Российской олимпиады, проводимой в рамках Выставки. Председатель Комитета проведения Выставки граф А. Н. Тышкевич доложил о согласии в. к. Дмитрия Павловича принять под свое покровительство как отдел спорта и физического воспитания, так и Российскую олимпиаду. Великому князю пришлось приложить немало усилий. Стадион хотели устроить на территории Выставки, но потом перенесли в другое место. На спортивном поле устроили трибуны на 5 тыс. человек. В программу Олимпиады вошли: легкая атлетика, пятиборье, десятиборье, кросс кантри (так тогда называли бег с препятствиями), борьба, гимнастика, футбол, фехтование, лаун-теннис и стрельба. Гонки на

велосипедах и мотоциклетах, марафонский бег проходили в других местах, а плавание, гребные и парусные гонки – на Днепре в яхт-клубе.

Святыи́йся фонтан на Всероссийской выставке. Открытка 1913 г.

В Олимпиаде приняло участие 600 человек – представители спортивных организаций России, а также офицеры-учащиеся гимнастическо-фехтовальных школ Петербургского, Варшавского и Киевского военных округов. По родом состязаний больше всего участников соревнований по легкой атлетике – 164, по стрельбе – 92, в велосипедных гонках – 26 человек. Последняя проводилась между Киевом и Черниговом – 141 км. Отмечу, что 25 участников киевской Олимпиады участвовали в международных состязаниях в Берлине и Стокгольме.

Официальные выступления проводились по 24 августа, но дополнительные состязания по футболу и сокольские (так назывались военно-спортивные), продолжались в последующие дни. 20 августа 1913 года состоялось торжественное открытие. На великокняжеской трибуне стояли в. к. Дмитрий Павлович, князь Гавриил Константинович, руководители края. Перед ними продефилировали участники Олимпиады со знаменами и выстроились перед трибунами. После молебна Дмитрий Павлович объявил Олимпиаду открытой. Четыре дня шли напряженные состязания. Победителям вручал призы лично великий князь, а подавал их Гавриил Константинович. Отличившиеся с благодарностью получали награды под аплодисменты командующего киевским округом Н. И. Иванова, членов Олимпийского комитета во главе с А. К. Анохиным и многими присутствующими. Остановимся на призах победителям.

Первого приза Его Величества Государя императора удостоился Санкт-Петербургский кружок любителей спорта – легкая атлетика.

Второго приза великого князя удостоился Киевский кружок за наибольшее число побед; остальные призы от него получили: за стрельбу – команда 131-го пехотного Тираспольского полка, за выездку – группа лейб-гвардии уланского Его Величества полка; за лучшую строевую лошадь – ротмистр из Кавказского военного округа Резников.

Третий приз Свиты Его Величества генерал-майора Воейкова получила команда Петербургской гимнастическо-фехтовальной школы.

Приз председателя Киевского олимпийского комитета А. К. Анохина получил поручик Ватеркампф за личное первенство по гимнастике.

От Киева был удостоен приза десятиборец Гантворг (СПб) и за фехтование поручик Шкилев (СПб). От различных лиц и организаций призы получили Сакирич (СПб) за фехтование на рапирах; штабс-ротмистр Его Величества кирасирского полка Плешков; за выездку штабс-ротмистр лейб-гвардии драгунского Московского Императора Петра Великого полка Пожерский; за троеборье поручик Стародубского драгунского полка Алтуфьев.

Выставка вызвала большой интерес, в ее рамках мероприятия проходили в различных местах города. 18 августа на откосах Царского сада состоялось открытие Всероссийской конской выставки, которая проводилась под «Августейшим покровительством великого князя Дмитрия Константиновича и его высочества князя Гавриила Константиновича». После их прибытия митрополит Иннокентий совершил молебен, все вышли на главную площадку, и Дмитрий Константинович торжественно объявил о ее открытии. Конная выставка функционировала десять дней, после чего состоялся аукцион.

Врач-масон

Анохин Александр Константинович – врач, пропагандист спорта (тяжелой атлетики), теоретик и тренер. Первый в Киеве владелец официального диплома «Тренер по тяжелой атлетике» (1908). В 1913 году стал председателем Киевского олимпийского комитета. Председатель оргкомитета Олимпиады 1913 года в Киеве. Организатор турнира тяжелоатлетов Первой Всероссийской олимпиады. Агент ВЧК и еще, как минимум, двух разведок. Пропагандировал дзю-до и волевою гимнастику. Владел мастерством гипноза.

Родился 14 августа 1882 года в селе Дружковка Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. В 1910 году окончил медицинский факультет Киевского университета св. Владимира.

С 1906 года преподает гимнастику в Реальном училище Ф. Альдингера, также преподает гимнастику и физические упражнения: на Высших женских курсах профессора А. А. Карницкого; в Киевском 1-м коммерческом училище; в Киевском атлетическом и гимнастическом обществе. Тренировал тяжелоатлетов в студенческом кружке Киевского университета. Получается, что вся физическая культура Киева держалась на нем! При этом он продолжал заниматься врачебной практикой. Увлекался популярными молодежными движениями «Сокол» и скаутами. С 1913 года – редактор спортивного журнала «Красота и сила». Это было киевское передовое специализированное научно-педагогическое издание: *«независимый орган физического воспитания с научно-спортивным отделом»*. Анохин пытался на страницах журнала рассмотреть актуальные вопросы теории и практики физического воспитания различных групп населения, развитие всевозможных видов спорта.

Анохин является основателем и активным руководителем скаутской организации в Киеве, а также председателем Киевского спортивного общества. Киевские скауты особенно активно участвовали в работе общественных и благотворительных организаций, помогали приему раненых с фронта, заменяли крестьян, мобилизованных на войну на время летних полевых работ. В 1915 году доктором Анохиным был создан первый в России отряд герлскаутов – девочек-разведчиц. К концу года в Киеве было уже около 700 разведчиков и 150 разведчиц. При этом имел освобождение от воинской службы. По состоянию здоровья...

Под псевдонимом Б. Росс печатался в дореволюционной периодике – журналах «Геркулес», «Сила и здоровье», «Спорт», «Спортсмен» – со статьями по физической культуре, спорту и олимпийскому движению. В моей библиотеке есть «Словарь спортсмена» составленный Александром Константиновичем.

Анохин активный член киевской масонской ложи «Нарцисс», которую возглавлял С. К. Маркотун, вместе с последним руководил ложей (член «треугольника») «Молодая Украина». Несколько слов и о Сергее Константиновиче. В 1916 году на основе маргинистской ложи «Св. апостола Андрея» киевские мартинисты во главе с Маркотуном образовали масонскую ложу с одноименным названием. Маркотун, побывав секретарем гетмана П. П. Скоропадского, в эмиграции стал председателем Украинского национального комитета (УНК), образованного в ноябре 1919 года в Париже. УНК представлял собой, по сути, союз беспартийных федералистов, отрицательно относившихся к политике С. В. Петлюры, направленной на полный разрыв с Россией. Франко-украинские масоны, переписываясь с Христианом Раковским, лояльно относились на то время к советской власти на Украине. Умер Сергей Константинович в 1971 году в статусе Царя Гермеса на своей вилле на Канарских островах.

Вернемся к Анохину. После революции он работал в Особом Отделе XII Красной Армии, был резидентом ВУЧК в Киеве. В 1920 году арестован Киевским ГубЧК. Покончил жизнь самоубийством.

Александр Константинович Анохин

Совершенно неожиданно для меня я нахожу сведения об этом интересном киевлянине у Юрия Власова, который был не только сильнейшим штангистом мира конца 1950-х и начала 1960-х годов, человеком великого духа, но и хорошим писателем. Цитирую с сокращениями из его книги «Справедливость силы»: *«В течение ряда лет я выяснял судьбу Анохина... Студентом-медиком Анохин публикует первые статьи, так или иначе связанные с физической гигиеной и тренировкой (...) Впоследствии (...) издает семь книг, непосредственно посвященных различным системам тренировки (...) Его работа „Волевая гимнастика. Психофизические движения“, напечатанная в 1909 году, выдерживает шестнадцать изданий! Из них восемь – посмертных, последнее – в 1930 году. Анохин являлся также редактором „Всероссийского календаря спортсмена“ (...) Анохина, несомненно, можно отнести к строителям русского спорта. Невозможно счесть его очерки, заметки в разных спортивных журналах, каждая – самостоятельный взгляд на судьбу того или иного атлета, а также на назначение физической культуры и спорта.*

Это одна сторона жизни Анохина. Другая – руководство крупнейшим в дореволюционной России масонским орденом Андрея Первозванного (ложжа Нарцисс). (...) На Анохине как на пророке ложжи и вообще русского масонства замыкаются связи с орденом Изида, оккультной коммунной Гисбар и парижским Верховным советом мартинистов (через (...) небезызвестного французского консула Энно). У масонов строгая иерархия всех братьев по ложже. Есть высшее звание – пророк, есть – магистр, маг, рыцарь. (...) Масонская ложжа тесно связывает Анохина с будущим гетманом П. П. Скоропадским, „самостийником“ С. В. Петлюрой, В. Н. Луниным – внебрачным сыном царского военного министра Сухомлинова, Воробиевским (он вывозил в карете „скорой помощи“ гетмана Скоропадского в немецкий военный эшелон, отбывающий в Германию) – все они встречаются в этой ложже, все – братья по ложже... и по ненависти к революции.

Еще до известных событий Петлюра приносит клятву в помещении масонской ложжи на Львовской улице, 47, кстати, в присутствии будущего гетмана Скоропадского. В этом же доме квартиру под номером девять занимал Анохин.

В 1919 году при облаве на киевских валютчиков случайно задержан Анохин. Он не имеет никакого отношения к черной бирже, но при выяснении личности и допросе в милиции вдруг дает подробные показания о руководимой им масонской ложже и ее российских и международных связях. Важные сведения тут же поступают в ЧК. Неизвестно, по каким причинам, то ли опасаясь возмездия, то ли в раскаянии за свою слабость (как-никак выдал святая святых – ложжу и братьев по ложже), то ли по другим, неизвестным причинам, но Анохин кончает жизнь самоубийством в своей одиночке (все из-за той же важности сведений его посадили в одиночку). Характерна поза покончившего с собой – поза распятого Андрея Первозванного – символа любой русской масонской ложжи. (...) (По другим данным, исходящим от масонов, он покончил собой, удавившись собственным шарфом в позе демона Бафомета (поглощенного в мудрость), совпадающей с одним из масонских символов – пятиконечной звездой. – В. К.) Такова противоречивая и сложная судьба одного из зачинателей русского спорта.

Жаль, что один из немногих людей, которым я напрямую обязан своим крепким здоровьем, сам прожил так мало. Александр Анохин ушел из жизни в конце марта 1920 года, всего 37 лет отроду».

«Еще до известных событий...» – под этим Юрий Власов завуалированно подразумевал Октябрьский переворот, так как «Справедливость силы» писалась при советском режиме. Роль доктора Анохина в становлении и популяризации российского спорта описывает с несомненной достоверностью. Что же касается его оккультно-масонской деятельности, отношений с большевиками-чекистами и их противниками и ненавистниками, обстоятельств ареста и смерти – было самоубийство или что-то иное – тут осталось много неясностей, да и не хотел в это вникать великий спортсмен!

Масоны в Киеве?!

Только с началом XX века в Российской империи возродилось движение масонов, переключившееся с мистически-просветительских на политические и карьерные цели. Тогда, по строгим подсчетам, не более полусотни россиян состояло в правильных ложах, включая также иностранные. Но буквально через несколько лет объединений насчитывалось свыше сорока с численностью 400 братьев. После Февральской революции количество лож уменьшилось до 28, а их деятельность угасла. Это вызвано падением царизма, с которым боролись масоны, являясь тайной организацией, пришедшей к власти. Лидеры лож, ставшие правителями России, забыли основные масонские правила, ибо никогда всерьез в них не верили, а свои организации «усыпили», то есть закрыли. Попробую вкратце осветить это важное десятилетие масонства, которое привело страну к революции.

Реаниматор отечественного масонства, известный историк и этнограф М. М. Ковалевский, окончив Харьковский университет, отправился за границу. В то время, увлекаясь первобытным обществом и соответственно коммунизмом, лично познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В Париже в 1901 году организовал Российскую высшую школу общественных наук, в программу которой входил курс истории Украины. Это было впервые, потому что Максим Максимович не упускал возможности защитить украинскую культуру публично - в печати, в Государственной думе или Госсовете, членом которого состоял. Это очень не нравилось В. Ленину, критиковавшего его за эти симпатии. Ковалевский стал чуть ли не с юности французским масоном, а в 1906 годк получил повеление открыть две ложи в Москве и одну в Петербурге. Через два года таковые были основаны в Киеве, Харькове и еще в 16 городах империи от Варшавы до Иркутска. Один из его первопосвященных, адвокат В. А. Маклаков, постоянно бывавший у нас в городе, и организовал киевскую ложу.

Более подробных данных у меня пока не имеется, но можно сказать, что от начала 1-й мировой войны до февраля 1917 года, который, я убежден, и был ими подготовлен, в империи не было профессионального союза, учреждения, государственной или общественной организации без масонов. Кто в них состоял? Трудно сказать. Для начала назову только тех, кто связан с Киевом (по словарю, взятому из книги Нины Берберовой «Люди и Ложи»).

1. Алданов (Ландау) Марк Александрович (1886, Киев-1957), писатель, один из основателей лож «Свободная Россия» и «Северная звезда» в Париже.
2. Анохин С.К.
3. Балаховский Даниил Григорьевич (1863-1931), сахарозаводчик. До 1917 года - французский консульский агент в Киеве, затем эмигрант.
4. Вакар Николай Платонович, сотрудник парижских «Последних новостей», с 1919 г. инициатор возобновления масонских лож в эмиграции.
5. Вернадский Владимир Иванович (1863-1945), академик, первый президент НАНУ.
6. Воропаев М.А., крупный промышленник.
7. Гольдштейн Моисей Леонтьевич, адвокат, в Киеве глава Всеукраинского комитета пострадавших от погромов.
8. Григорович-Барский Дмитрий Николаевич, председатель киевской судебной палаты.
9. Грузенберг Оскар Осипович (1866-1942), адвокат, защитник по делу Бейлиса.
10. Гуль Роман Борисович (1896, Киев-1986), писатель.
11. Добрый А.Ю., сахарозаводчик и банкир. Из-за него в УНР произошел правительственный кризис в апреле 1918 года. Был арестован за потакание немецким властям.
12. Кочубей Леонтий Васильевич, член Госдумы и масонского Межпарламентского союза (1910-е годы).
13. Лопухин Сергей Алексеевич, прокурор Киевской судебной палаты, сенатор.
14. Луначарский Анатолий Васильевич (1875-1933), литератор, государственный деятель СССР, ложа «Великого Востока Франции», в которую он вступил в Париже, обучаясь у Ковалевского М. М.

М. М. Ковалевский. Фотография 1906 г.

15. Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), адвокат, защитник Бейлиса, ложа «Свободная Россия».

16. Маркатун.

17. Одинец Дмитрий Михайлович (1882-195?), профессор истории, министр Центральной Рады, член киевской ложи «Астреи», в Париже - «Северная Звезда».

18. Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), литератор, политический деятель, лидер Директории, Великий мастер «Великой ложи Украины».

19. Терещенко Михаил Иванович (1888, Киев-1958), сахарозаводчик, товарищ председателя Военно-промышленного комитета, министр финансов, а затем иностранных дел Временного правительства.

В. И. Вернадский. Фотография 1889 г.

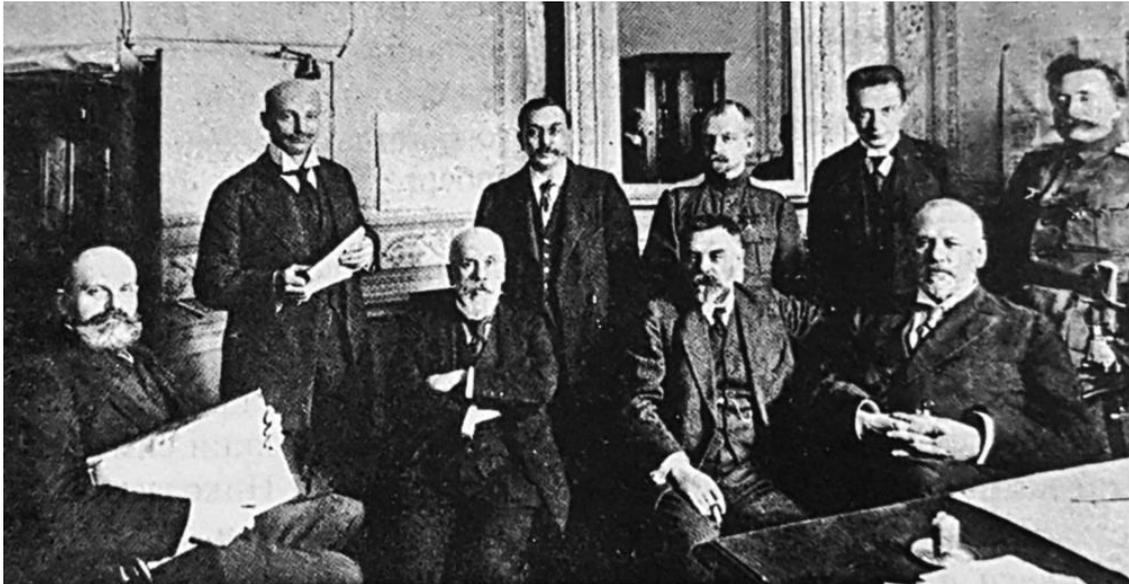
Сведения о деятельности брата Терещенко взяты из книги Н. Берберовой, но там возможны неточности и ошибки, других более достоверных данных пока просто нет. Берберова считает, что он вместе со своим близким другом и единомышленником Керенским объединили всех масонов России и подготовили государственный переворот. Из ее книги: *«Когда Терещенко захотел уйти из министров в отставку (после второго коалиционного правительства), то Керенский прерывающимся от волнения голосом, в котором слышались ноты рыданий, упрекнул Терещенко в том, что тот его покидает, так как обещал не расставаться с ним до „последнего момента“.* Такие сцены, возможно, повторялись несколько раз, так как при каждой смене министров для Керенского было очень важно, кто масон, а кто нет. Своим братьям он напоминал о клятве». Тройка: Керенский, Терещенко, Некрасов свидетельствовала, что членов тайного общества объединяло нечто более сильное и прочное. Есть предположение, что Михаил Иванович был членом или даже организатором в 1910 году, несмотря на свои молодые годы, ложи «Люцифер». Но, скорее всего, он вошел через два года в возобновленную ложу «Малая Медведица». Керенский с братьями напечатали устав, назвав себя «Итальянские угольщики». В том же году в строгой тайне создали «Верховный Совет народов России», который контролировал всемирный масонский Конвент. Уже через год в этом Совете в качестве так называемых «Секретарей» оказались Керенский, Терещенко и Некрасов. Вскоре была организована «Думская ложа», в составе 40 человек. «Верховный Совет Народов России» поручил всем Досточтимым Мастерам русских лож на территории империи составить список будущего правительства. Так были подготовлены кадры для свержения самодержавия и взятия власти. Став в феврале 1917 года одним из лидеров государства, Михаил Иванович не оставил после себя воспоминаний. Остаются только свидетельства его друзей и недругов. Молодость в Киеве, с 17 лет стал богатейшим человеком, потом жизнь «баловня судьбы» в Петербурге, дружба с английским послом, Блоком, Ремизовым, с известным, не скрывающим свой статус масона, в. к. Николаем Михайловичем, создание популярного издательства «Сирин». В феврале 1917 года Терещенко вошел в состав Временного правительства, где из одиннадцати министров только П. Н. Милюков не был масоном. Он был «профаном», потому что презирал все мистическое, ненавидел всякий символизм и таинственность. В «Воспоминаниях» Павел Николаевич пишет: *«Я хотел бы подчеркнуть связь между Керенским, Некрасовым, Терещенко и Коноваловым. Все четверо довольно различны и по характеру, и по*

своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не только политические взгляды. Они связаны какой-то личной близостью политико-морального характера. Их объединяют взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. В политике последние министры – новички, и их появление вызывает особые объяснения. Киевлянин Терещенко известен, как меломан в петербургских кругах; другой „министр-капиталист“, почти профессиональный пианист. Терещенко берет, по ассоциации со своими капиталами, портфель министра финансов; потом столь неожиданно, без всякой предварительной подготовки, становится дипломатом. Природный ум и хорошее воспитание его выручают. Мой антагонист и преемник, он потихоньку ведет мою же политику, успешно надувая Совет рабочих депутатов, но к концу постепенно освобождается от своего левого гипноза и даже разрывает с Керенским». В этом отрывке Милюков, которого на посту министра сменил Терещенко, как бы спорит с другим лидером, кадетом В. Д. Набоковым: «Французские и английские дипломаты относятся лучше к Терещенко, чем к Милюкову. Почему?». Войдя и во второй состав правительства с теми же братьями-масонами, Терещенко продолжает политику, обещанную союзникам. А это всеобщий мир без аннексий и контрибуции, прочные связи с Антантой, невозможность сепаратного мира с Германией, оборонительная война и освобождение земель, занятых немцами.

Анатолий Васильевич Луначарский

Используя свои связи, Михаил Иванович приезжает в июле 1917 года в Киев вместе с Керенским, ведет переговоры с Центральной Радой. Несмотря на то, что многие украинские лидеры помнили его еще по Киеву, ключевые государственные вопросы не были решены. Пришлось ни с чем возвращаться в Питер.

Временно исполнительный комитет Государственной Думы. Фотография 1917 г.

Хорошо известный по советским источникам арест «министров-капиталистов» после штурма Зимнего дворца, странное освобождение нашего земляка из рук большевиков, «6 января 1918 г. в свой последний день в России Терещенко пошел проститься с великим князем Николаем Михайловичем. Тот поцеловал его крепко в обе щеки и лоб» (Воспоминания Д. Бьюкенена), потом эмиграция - Норвегия, Франция, Англия, смерть в Монако - вот вехи его долгого жизненного пути. Подробно о М. И. Терещенко можно узнать в вышедшей недавно прекрасной книге Яна Валетова «1917 год».

С установлением Советской власти масонство как политическое направление прекратилось. Многие масоны погибли или эмигрировали, к тому же не было необходимости в ритуалах, и самое главное - строгое соблюдение «Главного закона» СССР: «Больше трех не собираться». По этой же причине прекратило существование и мистическое масонство, хотя еще в 1920-е годы Киевское ГПУ время от времени арестовывало членов лож в пригородах - Боярке, Ирпене, Фастове. В усадьбах с отдельным входом легче сохранить тайну собрания, чем в многоэтажках с бдительными соседями.

Мой род Добжанских

Родной брат моей бабушки Владимир Добжанский всей своей жизнью доказал основные качества благородных людей: честь, отвага, служение гуманным целям. К сожалению, приходится констатировать, что это лишнее в тоталитарном государстве.

Владимир Пантелеймонович Добжанский, как и я, принадлежит к старинному шляхетному роду Dobrzanski (по-украински – Добжанський). Шляхтичи Добжанские были весьма представительными, так как их имена встречаются в бумагах различных местностей Белоцерковщины. Известный исследователь Евгений Чернецкий первое упоминание о нашем семействе нашел в 1621 году Род Добжанских имел два колена и два узаконенных герба: Сас и Лелива. Судя по гербу, мои предки отличились на поле брани в борьбе с татарами и турками.

Не имея конкретных сведений о глубокой древности своего рода, расскажу только о прадеде Пантелеймоне Григорьевиче. Он не был богатым, хотя показывать себя бедным не позволяла шляхетность, поэтому работал кассиром на сахарных заводах семейства Терещенко. Так утверждают семейные предания, в советское время не позволявшие глубоко заглядывать в «благородное» прошлое. Это могло сказаться на карьере, да и мешало быть гражданином «страны рабочих и крестьян». В Киеве П. Г. Добжанский (1852–1927) имел свой дом на Большой Васильковской, 130, что свидетельствовало о его непрестом социальном статусе. Супруга, Неонила Осиповна Соколовская (1860–1905), происходила из семьи военного, имевшего еще более высокий ранг, поэтому родители перестали общаться с дочерью, которая вышла замуж за человека, стоявшего ниже по рангу. У них было, как положено в то время, 7 детей, двое из которых умерли в малолетстве. Старший Александр (1888–1941) был убит в Киеве оккупантами. Мария (1890–1972), Стефания (1892–1968) и Ольга (1902–1982) прожили хорошую, яркую жизнь, оставив благодарное потомство. О Владимире (1894–1946) будет рассказано ниже, а пока подробно остановлюсь на своей бабушке Стелле.

А. А. Шанцер и его сотрудники

Стефания Пантелеймоновна Добжанская – высокая, стройная и элегантная дама, работала кассиршей в лучшем дореволюционном кинотеатре Киева – А. Шанцера, в котором служила вся семья. Ее муж, Михаил Константинович Борисенко, работал там бухгалтером. О моем родном дяде Борисенко я знаю очень мало, и тому имеются серьезные причины: его в 1919 году призвали в армию Деникина. И если М. Булгакова забрали, как врача, то моего деда – в финчасть. Через год он пропал в водовороте гражданской войны. Мой отец, Геннадий Киркевич, появился на свет на год раньше залпа «Авроры» на Крещатике, в доме № 8, поэтому место рождения сразу определило его положение в жизни как центральное. Бабушка, имея сына и дочь Евгению, вышла в 1920 году замуж за Александра Осиповича Киркевича, который тоже имел двух сыновей. Его добропорядочность и заботливость позволили воспитать всех детей, дать им образование, не чувствовать различия в родственных чувствах. Они – трое ребят и одна девочка – всю жизнь прожили дружно, помогая друг другу. А. И. Киркевич был очень деятельным человеком, занимал ответственные посты во время коллективизации: как 25-тысячник был председателем колхоза; во время войны – начальником госпиталя, а, вернувшись в Киев – зам. директора Октябрьской больницы, где родился я, а затем мой старший сын Геннадий.

Бабушка всю жизнь дружила с книгой, не раз обращалась к трудам философов, отвлекаясь от повседневных тягот и забот. Как и все Добжанские, она обладала неискоренимым оптимизмом, живя активной жизнью до последней минуты.

Прежде чем повести рассказ о дяде Володе, необходимо остановиться на кинотеатре А. А. Шанцера. Его предприятие было весьма солидным: оно не только демонстрировало, но и выпускало фильмы, имея свою небольшую киностудию, снимавшую хронику.

Австрийский подданный Шанцер в 1907 году поселился в Киеве, где владел салоном дамской одежды на Крещатике, 25. Используя свои коммерческие способности, Антон Александрович стал приобретать дома и предприятия. Особенно его интересовали нововведения, которыми он любил заниматься, несмотря на случающиеся неудачи. Так журнал «Сине-фоно» сообщал, что 3.06.1908: *«В машинном отделении электро-биографа А. А. Шанцера в Киеве произошел пожар. Все фильмы, находившиеся в помещении, сгорели»*. На месте иллюзиона Шанцера «Express Bio» с 15 сентября 1908 года, в специально обустроенном помещении начинает функционировать кинотеатр А. Шанцера «Экспресс» (Крещатик, 26). Как писали газеты: *«Он единственный в стране с точки зрения совершенства и красоты. В роскошном фойе полный концертный оркестр из 25 музыкантов. Усовершенствованы в техническом отношении и перестроены внутренние помещения. В зале – специальная вентиляция, аппаратная выполнена из железа и бетона»*. «Экспресс» начал продавать и сдавать картины в прокат. В конце 1911 года миллионер получил от Городской думы разрешение на аренду помещения на Крещатике, 38 под устройство торгового предприятия, кинематографа, концертного зала, театральных спектаклей, выставок, кафе и буфета. Не теряя времени даром, предприниматель за полгода на месте снесенного двухэтажного флигеля, по тому же адресу, при участии архитектора В. Н. Рыкова, построил кинотеатр на 1100 мест, который открылся 11 декабря 1912 года. Журнал «Сине-фоно» писал: *«...кинематографа, подобного электротeatру г. Шанцера, в России нет, да вряд ли найдется в Европе»*. Моя тетя, Евгения Александровна Киркевич, вспоминает: *«Кинотеатр занимал значительную часть двора и выходил на улицу – Крещатик, 38. Это был самый красивый, самый богатый кинотеатр в России, построенный по парижскому образцу. Внутри фойе украшали мраморные колонны, между которыми под потолком свешивались люстры в виде гирлянд из хрусталя. Кинотеатр был рассчитан 600 мест внизу и на 170 на балконе. Над экраном находилась скульптура Прометея, державшего факел с колыхающимся пламенем. На первом этаже буфет, на втором этаже малый кинозал. На эстраде играл оркестр для ожидающих сеанс»*. Теперь на этом месте здание горсовета.

К австрийцу А. А. Шанцеру отношение было неоднозначным, особенно оно ухудшилось после начала 1-й мировой войны. В то время граждан немецкой и австрийской национальности, подозревая в симпатиях к врагу, выселяли из пограничных или прифронтовых областей. Мне сообщали случаи, когда немцы выдавали себя за евреев, особенно со схожими фамилиями, – чтобы не быть выселенными. Не избежал нападков и киевлянин: *«Владелец самого крупного киевского кинотеатра австриец Ю. А. Шанцер, занимавшийся демонстрацией местной киевской хроники, пересылал за границу киносетки секретных военных объектов»*. Вскоре его простили, или сведения оказались надуманными, поэтому во второй декаде января в. к. Александр Михайлович и, сестра царя, в. к. Ольга Александровна в форме медсестры посетили электротeatр Шанцера. Они были встречены оркестром из 60 музыкантов и просмотрели двухчасовую программу из восьми

отделений. После революции кинотеатр национализировали и поменяли название на 1-й Госкинотеатр, а 19 февраля 1918 года торжественно отметили его десятилетие. Это великолепное здание было разрушено в сентябре 1941 года во время страшного пожара. Развалинами стал и дом, где родился мой отец Геннадий Киркевич (Борисенко), входивший в комплекс зданий Шанцера.

В 1911 году всё тот же Шанцер основывает киностудию «Экспресс», выпускающую хроникальные и видовые киноленты. У него работал родной брат моей бабушки – Владимир Пантелеймонович Добжанский, один из первых кинооператоров. Его первая работа датируется 25.06.1911 – хроника «Ужасная строительная катастрофа в Киеве – обвал дома № 14 на Львовской улице со многими человеческими жертвами». Становление творчества дяди Володи далее происходило в освещении других трагических, но чаще торжественных, государственного масштаба сцен. Он любил говорить: *«Наконец-то временные трудности закончились, – наступили трудные времена»*.

Многие годы меня волнуют события последних дней П. А. Столыпина. Мы с И. С. Глазуновым и С. В. Грабарем много сделали для обнаружения надгробия великого реформатора и воссоздания его могилы. Пути Господни неисповедимы, только недавно узнал, хотя догадывался, что мой дядя Володя был последним, кто снимал Столыпина. И это единственная известная хроника, где премьер-министр идет в свите царя за несколько дней до покушения. Божье Провидение направило мои усилия на воссоздание, опять вместе с Глазуновым, памятника княгине Ольге. А как же иначе: и его открытие в 1911 году запечатлел на пленку Добжанский. Вот название этих фильмов: «Киевские торжества по случаю открытия памятника царю-освободителю в присутствии Их Величеств (в сопровождении П. А. Столыпина)» – демонстрация 30 августа; «Открытие памятника Александру II в присутствии Государя Императора и премьер-министра Столыпина» – показ 4 сентября; «Перенесение тела покойного премьер-министра П. А. Столыпина в Киево-Печерскую лавру» и «Похороны Столыпина» – 10 сентября; «Открытие памятника Св. Ольге в Киеве 4 сентября 1911 г.» – 27 сентября. Народ и тогда любил лицезреть бедствия и трагедии «Надзвичайних новин», поэтому, выполняя заказ владельца кинотеатра, Владимир Пантелеймонович снимал похороны Л. Н. Толстого, а в Двинске «11 апреля 1912 г. погребение сионистского деятеля М. Е. Мандельштама». И уже в то время зрителю «щекотали нервы» стихийные бедствия, а что делать хроникеру – 14.04.1912 в кинотеатре «Экспресс» демонстрировался фильм «Грандиозный разлив Днепра и наводнение предместий г. Киева в 1912 году». Не было события, которое бы не запечатлел В. П. Добжанский. Это «Воздушное колесо, как ветряной двигатель, изобретенное крестьянином Иосифом Рябоконом» (23.07.1912) и «Дело к расследованию убийства Андрея Ющинского» (август того же года). Работать приходилось оперативно. 5.09.1912 оператор снял закладку памятника П. А. Столыпину в присутствии семьи покойного, а через два дня фильм демонстрировался в кинотеатре. И при царе существовала цензура, да и полиция не дремала. Дядя Володя был украинским патриотом, поэтому его лента о похоронах Н. В. Лысенко стала первым в Украине фильмом, запрещенным полицией. Фильм был выпущен на экран 30 октября, но через день по распоряжению городского полицеймейстера Веревкина кинотеатры, демонстрирующие картину, были закрыты. Просмотр ее не позволяли и в других городах. В. П. Добжанский снимал и проведение Всероссийской олимпиады в Киеве. 30 августа 1913 года вышла первая серия его фильма «Первая Всероссийская в Киеве» и состоялся просмотр фильма с тем же названием фирмы «Бр. Пате» (с которой активно сотрудничал Владимир Пантелеймонович), смонтированного из тех же пленок. Этой же фирмой был выпущен фильм «Дело Бейлиса», который впоследствии запретили смотреть по всей России. Но дяде Володе не мешало, он выпускает у известного кинодеятели А. А. Хонжонкова вторую серию, с несколько измененным названием «К процессу Бейлиса». Были ли на этот раз репрессивные последствия, мне неизвестно. В царское время можно было крутиться. Если какое-нибудь произведение запрещали, то это не мешало продвижению следующего, наоборот, происходившее будило интерес, способствовало популярности. Хроникер обязан был выбирать самое интересное и животрепещущее, поэтому 16 сентября 1913 года вышел на экран фильм В. П. Добжанского и А. А. Шанцера «Торжественное открытие памятника статс-секретарю П. А. Столыпину и закладка нового киевского вокзала в присутствии г. г. министров». Участие предпринимателя понятно, дело в том, что Владимир Пантелеймонович по-прежнему у него работал.

В. П. Добжанский. Фотография 1925 г.

Как это происходило, рассказывала моя тетья Евгения Александровна: «Я, мой младший брат Геня (мой отец, - В. К.) и мама жили на Крещатике № 38 в кв. 31. Дом был разрушен в 1941 г., и теперь на этом месте Горсовет. Эту квартиру мама получила в здании, построенном кинопредпринимателем Шанцером - для служащих кинотеатра, в котором работала кассиршей. Жилой дом примыкал вплотную боковой стороной к

кинотеатру Шанцера. Из наших окон хорошо было видно, как по окончании фильма выходили зрители. Квартира наша располагалась на третьем этаже. Второй этаж под нами занимал мой дядя В. П. Добжанский под кинолабораторию. Она состояла из трех комнат, в том числе одна большая без окон, для проявления пленок. В лаборатории проявлялись и монтировались отснятые киноленты, переводились титры с иностранного языка. Родился дядя Володя в 1894 г., а его мать Неонила Осиповна умерла от воспаления легких, когда ему было 8 лет. Она была высокого роста, даже выше супруга Пантелеймон Григорьевича. Была очень строгой, дети боялись ее как огня, слушались с одного взгляда. Была остроумна, мужественно шутила даже в последние минуты».

Впервые о дяде Володе я прочитал в «Истории Киева», вышедшей в 1960 году. Это упоминание о самой знаменательной съемке с воздуха, скорее всего, первой в мире. Осенью 1913 года самолет, или как тогда называли моноплан «Ньюпор», которым управлял знаменитый летчик Петр Нестеров, совершил перелет «Киев-Остер-Козелец». С высоты 1000 м Добжанский снимал город, Днепр, Десну, местечки и села по пути следования моноплана. Продолжительность этого уникального фильма 30 минут. Самое интересное, что пленка сохранилась в Фонде кинофотоматериалов в Москве, и ее иногда показывают на телеэкране. До меня дошли сведения, что свой опыт, как запечатлеть с воздуха вражеские передвижения и укрепления, Владимир Пантелеймонович продолжил в 1914 году с началом боевых действий в Галиции. Так что гражданское содружество с Петром Нестеровым переросло в боевое...

Дальнейшая судьба выдающегося кинооператора Владимира Пантелеймоновича Добжанского изложена в моей книге «Истории киевского гида».

Киевские воспоминания Николая Бердяева

Вдумчивый читатель может заметить, что истинный философ иначе, чем обыкновенный человек, анализирует годы своего детства и юности, старается как бы постичь общие законы человеческой памяти. Выдающийся философ Н. А. Бердяев никогда не забывал, что Киев – его родина. Здесь формировался его взгляд на мир, складывались его философские позиции: *«Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не получается быть точным воспроизведением... Память активна. В ней есть творческий, преобразующий элемент, и с ним связана неверность, неточность воспоминания»*. Возьмем его философски точную автобиографию «Самопознание»: *«По своему происхождению я принадлежу к миру аристократическому. Это, вероятно, наложило печать на мою душевную формацию. Со стороны отца я происходил из военной семьи. Все мои предки были генералы и георгиевские кавалеры, мой дед М. И. Бердяев был новороссийским генерал-губернатором. Отец был кавалергардским офицером, но рано вышел в отставку, поселился в своем имении в Обухове, на берегу Днепра, был одно время предводителем дворянства, потом в течение 25 лет был председателем правления Земельного банка Юго-Западного края»*.

Бабушка Николая Александровича *«жила в собственном доме с садом в верхней старинной части Киева, которая называлась Печерск. Атмосфера там была особая, смесь монашества и воинства... На улицах постоянно встречались монахи. Там была Аскольдова могила, кладбище на горе над Днепром, где похоронена бабушка и другие мои предки. Вместе с тем Печерск был военной крепостью, с множеством военных. К Печерску примыкали Липки, тоже в верхней части Киева. Это дворянско-аристократическая и чиновничья часть города, состоявшая из особняков с садами. Там всегда жили мои родители, там был у них дом, проданный, когда я был еще мальчиком. Наш сад примыкал к огромному саду доктора Меринга, занимавшему сердцевину Киева»*. Бердяев с теплым чувством пишет о книжном магазине Оглоблина на Крещатике: *«Почти каждый день я ходил туда осматривать новые книги. Любовь к книжным магазинам у меня сохранилась и донныне»*. Признается, что неизгладимый след его памяти оставили все те же Липки, *«мир несколько иной, чем Печерск, мир дворянский и чиновничий, более тронутый современной цивилизацией, мир, склонный к веселью, которого Печерск не допускал»*.

Особенно подробно рассказывает философ о своем пребывании в Белой Церкви, в имении двоюродной сестры матери, графини Марьи Евстафьевны Браницкой, урожденной княжны Сапеги, куда он ездил каждую осень ежегодно. Детально описывает Александрию – *«настоящее феодальное герцогство, с двором, с неисчислимым количеством людей, питавшихся вокруг двора, с охотами, на которые съезжалась вся аристократия Юго-Западного края. За обедом давали до пятнадцати утонченных блюд»*. И тут же подчеркивает: *«Но я никогда не любил этого мира и еще в детстве был в оппозиции. Я всегда чувствовал большое несоответствие между мной и стилем Браницких»*.

Принадлежа по рождению к киевскому высшему кругу, Бердяев уже к своим 14–15 годам познакомился с очень модной тогда марксистской литературой. Он, ощущая свое душевное одиночество, проводил время за чтением серьезных книг по философии, социологии, истории. Когда был владимирским кадетом (до 1892), а затем учился в университете Св. Владимира, начал пропагандировать модный тогда марксизм. За что его в 1897 году и исключили из студентов. Но марксизм Бердяева, «аристократа от социализма», имел несколько своеобразное направление. Бердяева всегда волновала проблема свободы как величайшей универсальной ценности. *«Сначала мы становимся рабами своих желаний, а потом рабами тех, от которых зависит исполнение этих желаний. В мире все меньше того, что невозможно купить, и все больше того, что невозможно продать»*.

А напоследок обращусь ко всем интеллектуалам Украины, в первую очередь, со столь любимых Бердяевым Липок, с его утверждением: *«Нет красоты в лицах, искаженных злобой политической. И красивы лица, горящие негодованием человеческим. Неправедно политику признавать центром жизни, ничем не одухотворяя плоть человеческую, ей подчинять всё богатство бытия. Неправеден путь борьбы политических партий, оторванных от центра жизни, от смысла ее. Довести политику, как таковую, до крайнего минимума, до окончания, до растворения ее в культуре и в религии – вот что должно быть нашим регулятивом, вот хотение наше, вот истинное освобождение... Нужно государственности, насилию власти, отвлеченной политике противопоставить иное начало, внесударственное, иную, ненасильственную общественность, не новое, политическое насилие, а свободу иных путей»*.

Н. А. Бердяев. Фотография нач. XX в.

Нельзя забывать, что лень нашего простого человека - это не грех, а совершенно необходимое средство нейтрализации кипучей активности руководящих им дураков.

Именем киевлянина названа целая сеть крупнейших авиастроительных заводов в США

Расскажу о человеке, прославившем наш город на весь мир. Игорь Сикорский родился в Киеве, тут начал конструировать свои самолеты, разрабатывать первый в мире вертолет. Его заслуги в развитии авиации бесспорны, и нет никаких сомнений, что именно этот человек раздвинул наши представления о технических способностях цивилизации.

Сикорский появился на свет 25 мая 1889 года на улице Ярославов Вал, в семье известного профессора, крупнейшего специалиста по детской психологии. Повзрослев, заинтересовался конструированием, и не только игрушек, но и всяких приспособлений. У отца, Ивана Алексеевича, была прекрасная библиотека, где Игорек смог в старинном фолианте о Леонардо да Винчи найти рисунок вертолета, разработанного великим художником и ученым в 1482 году. Находка не давала покоя, пока не получилось сконструировать модель, используя электродвигатели и батарейки, которые работали дольше, чем сейчас. Но вертолет не взлетел. Лишь при использовании тугой резинки его затея увенчалась успехом. Конструирование, которым юноша занимался, не мешало его успешной учебе в гимназии, в Петербургском морском училище (1903-1906), а с 1907 года - в Киевском университете. Тогда всех волновали летательные аппараты. Игорь Иванович отправился во Францию, в то время родину воздухоплавания, для обучения в Парижской технической школе, где профессура об авиации даже не упоминала. Пришлось найти мастерские, где безмянные механики монтировали аэропланы. Блерио, Фарман, Вуазен - достойные кумиры того времени. Каждый их полет вызывал бурю восторгов, но Сикорского, прежде всего, интересовала техническая сторона. И когда пришло время возвращаться в Киев, в багаже юноши, кроме смены белья, был авиационный двигатель.

На родине он незамедлительно окунулся в любимое дело, нашел умельцев, которые за бесценок и без особых проблем сделали ему еще парочку подобных двигателей. Проживая за городом на даче даже в зимнее время, и понимая, что добраться на лекции вовремя довольно сложно, Сикорский конструирует аэросани, и использует их к неописуемому восторгу местных ребятишек. Игорь все-таки не расстается с идеей о машине с вертикальным взлетом. Он рассчитал, что у вертолета должно быть два винта. Они могут быть в перпендикулярных плоскостях, если второй винт хвостовой. Конструкция с соосными винтами показалась молодому Сикорскому самой простой. Однако что бы он не делал, два трубчатых вала никак не хотели вращаться один в другом. В Киеве не было нужных материалов. Пришлось сконцентрироваться на самолетах, с которыми дело пошло «на ура». Игорь строил их прямо на семейной даче, улучшал от модели к модели, и учился летать на них. Конечно, были и аварии, всего лишь 4 за два года, но он серьезно не пострадал, а самое важное в самолетостроении быстро понял. Например, что двигатель нельзя ставить позади пилотов, которые нередко именно из-за этого и гибли. Самолет при разбеге встречает камень или ямку, двигатель стремительно подавался вперед и сминал человека.

И. И. Сикорский. Фотография 1914 г.

Сикорский во многих изысканиях был пионером, вел счет своим моделям, давая возможность четко утверждать, какие из них добились успеха. В феврале 1912 года его самолет S-6A получил 1-й приз на Московской авиационной выставке. Стать победителем не помешало ни свежеспаханное поле, ни профессиональные авиаторы - соперники. Этот проект окончательно разорил его отца. Казалось, больше самолетов у Игоря не будет, но победа в Москве заставила обратить на него внимание крупную автомобильную компанию «Руссобалт», которая решила приступить к строительству самолетов. Она предложила 23-летнему самородку-киевлянину, не имеющему диплома, возглавить самый амбициозный проект - четырехмоторный самолет «Гранд» с возможностью перевозить дюжину пассажиров на 500 верст. Для этого нужно было расстаться с Киевом, где строили только сельскохозяйственные машины. Он оставил в родном городе родителей, но забрал шесть способных сотрудников. С юности Сикорский усвоил - умелых мастеров и ценных специалистов - беречь и холить. Эта особенность, учитывать человеческий фактор - сделала его самым знаменитым инженером и преуспевающим бизнесменом в США. Об этом немало сказано. А пока в Петербурге начался творческий путь авиаконструктора, самого молодого в истории авиации. Самолет «Гранд» был как «Титаник» в воздухе, но без трагического финала. Айсберги не летают! Этот самолет имел, помимо кабины пилота, салон с четырьмя стульями, диваном и, впервые, даже туалетом. Управлял пилот самолетом с балкончика перед кабиной: весил «Гранд» более 4 тонн, имел четыре двигателя по 100 л. с. каждый и два огромных крыла. Летом 1913 года, когда Сикорский поднял самолет в воздух, его, пилота, в течение года никто не смог заменить - так конструктор чувствовал свое детище. Этот самолет практически по всем показателям побил мировой рекорд, при этом нужно заметить, что всё, кроме двигателей и шин, было отечественного производства. Сам Николай II со свитой осмотрел самолет, взобравшись на борт по приставной лесенке. Трапов тогда не было. Император, удовлетворенный осмотром, полчаса вел беседу с Сикорским, после этого изъявил желание совершить полет.

Но особенный восторг всех газет вызвал самый дальний перелет из Петербурга в Киев и обратно. И, несмотря на

то, что он проходил не по прямой (не было опыта в навигации, да и погода не способствовала), 4000 км были преодолены без особых трудностей.

Отечественная авиация вышла благодаря Сикорскому на первое место в мире. И это еще до выпуска 60 бомбардировщиков «Илья Муромец». Германия, имеющая более высокий промышленный потенциал, подобный самолет смогла запустить в производство лишь спустя три года, да и то кое-что переняв у нас. «Муромец» был практически неуязвим, зениток тогда не было, а выход из строя одного-двух членов экипажа не отражался на боеспособности машины. За всю войну было потеряно всего два самолета. Но военные не особенно уповали на развитие авиации, а ее командующий в. к. Александр Михайлович напрасно требовал у императора новых выпусков аэропланов - генералы считали, что победу может принести только конница. Значительная часть «Муромцев» осталась на складах в несобранном виде.

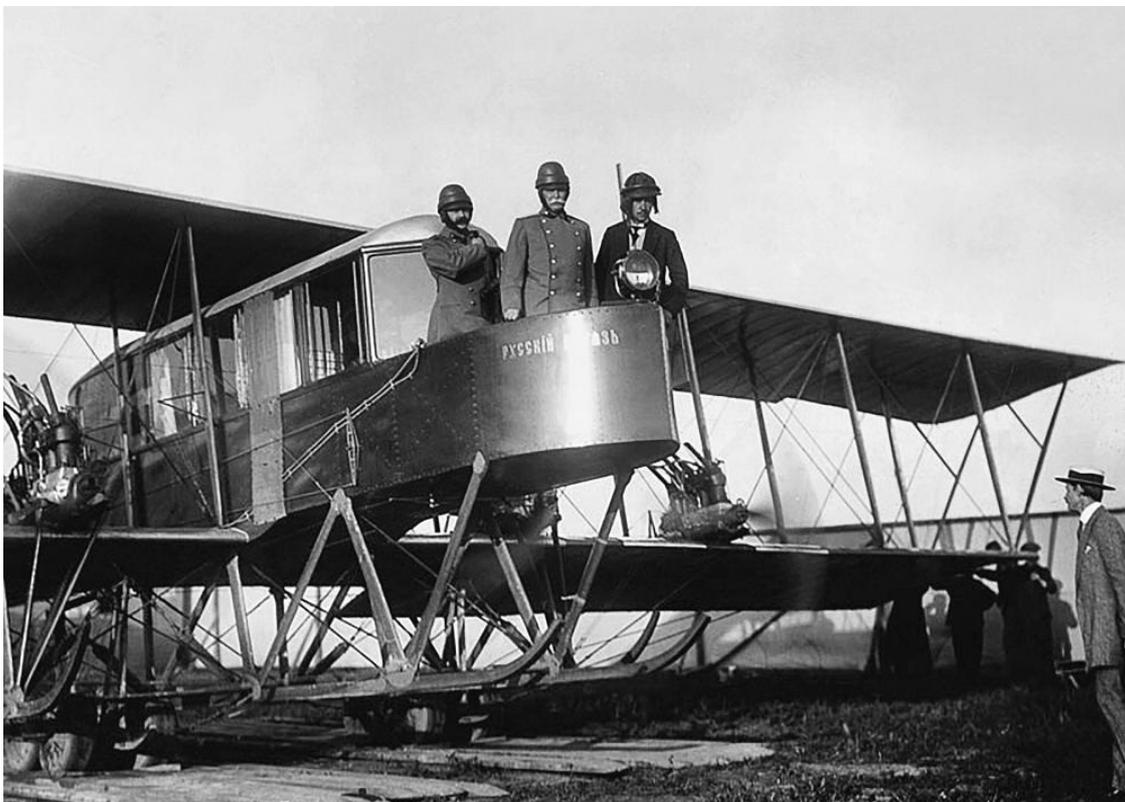
С приходом большевиков к власти Игорь Иванович понял, что деятельность на родине невозможна. В 28 лет он одновременно лишился родины и жены, и в том, и в другом случае, без особого сожаления. Не сложились у него ни семейная жизнь, ни отношения с советской властью.

Самолет S-6A. Фотография 1912 г.

В начале эмиграции попытался освоиться в Париже, но французы, значительная часть страны которых стала полем сражения, не хотелось развивать военную авиацию, и тем более пассажирскую. Пришлось отправиться в США, но и там были определенные трудности. Те, от которых зависели заказы, не знали о достижениях Сикорского в России, да и конкуренция не давала возможности развернуться молодому инженеру. Сказался и языковой барьер, знания французского за океаном не помогли. Пришлось зарабатывать репетиторством. На помощь пришли соотечественники, и как ни странно, не «технари», а музыкант Сергей Рахманинов и художник Николай Рерих, который в своем издательстве «Алатас» издал сочинения И. Сикорского. С помощью земляков в 1923 году удалось создать компанию «Сикорски» - сам конструктор стал вице-президентом, а для пользы дела ее возглавил американец. Первый двухмоторный биплан S-29A получил признание. Компания начала процветать. Большинство сотрудников говорили по-русски - в этом был расчет Игоря Ивановича: он дал работу безработным соотечественникам и обеспечил свое предприятие надежными кадрами. С их помощью Сикорский стал разрабатывать популярные во время отсутствия аэродромов гидросамолеты. Особый триумф вызвала лодка S-42, побившая сразу 10 рекордов. За 16 лет существования его фирма создала 15 типов самолетов. Так как я не «советский» автор, - не буду останавливаться на неудачах эмигрантов, а сразу приступлю к рассказу о самом большом достижении Сикорского. Это вертолет! В США, СССР, Германии, Франции безуспешно пытались создать вертолеты. Сикорский понимал, в работе над вертолетом сновная задача - добиться устойчивости. Благодаря удачному расположению хвостового винта Сикорский с этим справился и создал первый в мире серийный вертолет S-51! На очень популярной фотографии 1939 года человек средних лет в пальто и нелепой широкополой

шляпе. Вертолеты принимают участие в боевых действиях во 2-й мировой войне чисто эпизодически. Но большинство боевых машин во Вьетнаме носили имя нашего земляка, что приводило в бешенство советских идеологов. Спасение 9 тыс. мексиканцев во время глобального наводнения в 1956 году наша пресса тоже не освещала. Нам сейчас трудно представить мир, где не было бы машин с вертикальным взлетом. Последней моделью Сикорского стал S-64, который поднимал 10 тонн и мог переносить груз на далекие расстояния.

И. И. Сикорский (справа) и генерал Каульбарс (в центре) на самолете «Русский витязь». Фотография 1914 г.

Деятельность Сикорского можно описать его словами: *«Самые крупные неудачи и жесточайшие разочарования происходят от чрезмерной самоуверенности и бесконтрольного воображения, принимаемых изобретателем за интуицию»*. Это из автобиографии, написанной в 49 лет. Казалось на первый взгляд преждевременное подведение итогов, но становится вполне оправданным, когда узнаешь, почему он написал эти слова. Пришло время испытаний вертолета, и Сикорский становится первым человеком, который на нем поднимается, при отсутствии уверенности в благополучном исходе. Игорь Иванович написал меньше, чем его отец, но и то немногое незадолго до кончины привел в порядок и издал. Его литературные произведения удивляют ясностью мысли, изяществом стиля и четкостью обозначения тех жизненных ориентиров, которых он придерживался всю жизнь. Сикорский был истинно верующим человеком, болезненно переживавшим атеистическую вакханалию, происходившую на его родине. Эта была одна из причин, из-за которой он давал в своем литературном творчестве уничижительные оценки коммунизму, за что его ненавидели в СССР. Мне кажется, еще и потому, что его инженерный гений позволил именно США выйти на первое место в развитии авиации. Поэтому крупнейшие авиастроительные объединения были «Сикорски», вертолеты, бомбившие джунгли Индокитая, были тоже «Сикорски». Вскоре после смерти Игоря Ивановича, а умер он 26 октября 1972 года в Истоне, штат Коннектикут, в СССР сняли художественный фильм, живо рассказывающий о двух авиаконструкторах: один служил социализму и поэтому радостно процветал, а другой мучился угрызениями совести за бесцельно прожитую жизнь в эмиграции. Авторы фильма забыли, что некоторым нашим «генеральным конструкторам», чтобы добиться воплощения своих идей, нужно было пройти через лагерь и тюрьму, пусть и с названием «шарашка».

Вертолет S-47 (R-4)

И напоследок еще одна несправедливость, почему улица, на которой испытывал свои модели Игорь Сикорский, носит имя Буденного, не сделавшего Киеву ничего хорошего, позволившего немцам подойти к городу в августе 1941 года, и сдавшего свою 1-ю конную армию Германии в 1920-м.

Почему в Киеве нет улицы Сикорского!?

Красавец Киев шлет Вам привет!

Пришлось бы и далее считать мой город terra incognita, если бы не... филокартисты. Они (и я в том числе), собиратели почтовых карточек, смогли донести до нас не только облик старых улиц, ушедших домов, разрушенных храмов, но и быт, представления, вкусы и... гримасы того десятилетия, которое историки называют «предреволюционный период». Безусловно, и это время тщательно изучалось, но с какой стороны? Только с революционной! Да и то весьма однобоко. Только верных ленинцев-большевиков, остальных обходили стороной или не замечали. Я уже описывал довольно забавную историю, произошедшую с исследователями жизни В. И. Ульянова-Ленина, посылавшего матери и сестре открытки из Швейцарии. В одной, отправленной 16.04.1904, он писал: «Привет Красавцу...». Историки КПСС не могли понять, с какой стати В. Ленин посылает привет В. В. Вакару, партийная кличка которого «Красавец», – ведь тот примкнул к меньшевикам и стал идеологически чужд «вождю пролетариата». Им было сложно уразуметь, что на почтовой карточке, которую перед этим отослала своему сыну М. И. Ульянова, был вид города с надписью «Красавец Киев шлет Вам привет!».

Тот период, который считается наименее исследованным (1900–1915 годы) называется «золотым веком» почтовой открытки. За это время в разных странах их напечатали не менее одного миллиона. Это разнообразие сюжетов и назначение их вполне оправдано, иначе их бы не покупали. Потому что почтовая карточка имела одну очень важную особенность – это было открытое письмо, отсюда – открытка, «листочка». На ней не получалось написать что-то оскорбительное, донос, ложь – по почте она посылалась в открытом виде, поэтому зловерный отправитель мог быть узнан соседями. Исходя из этого, писали адресату исключительно искренне добрые слова, желали большого здоровья, благодарили за оказанный прием, напоминали о себе, посылали приветствие с дороги. Писали: «Жив, здоров, того и тебе желаю!» или «Соблаговолите посетить нас в четверг вечером!». А бывало: «Вместо марки – поцелуй жаркий!» Тексты вполне соответствовали назначению послания.

Первые видовые киевские открытки радуют своим изяществом, четкостью рисунка и разнообразием сюжетов. Как и положено, в них имелся набранный впоследствии текст: «Привет из Киева». За 40 лет коллекционирования прихожу к мнению, что их вышло не менее 6000 различных оттисков. В этом меня убедил и ведущий собиратель киевских открыток Олег Кий. Но он собирает и разновидности, в которых отличаются размещение и цвет текста, тип бумаги и особенности печати. Хотя не менее интересны традиционные объекты, преобладающие и сегодня: памятники князю Владимиру, Богдану Хмельницкому, Лавра, София и тому подобное. Их как бы половина. Но вторая половина и после десятилетий поисков радует своей неожиданностью и эффектными ракурсами. При этом можно заметить, что чем незначительнее объект, тем менее тираж открытки. Иногда он не превышает десяти экземпляров. А где в этом коммерческий интерес, спросите Вы. Все равно издатель имел свой умысел, он свои вложения оправдывал, да к тому же изучал спрос. Довольно значительные подборки почтовых карточек выпустили с видами киевских пригородов, многие из которых со временем вошли в городскую черту. Так что существуют «Приветы... из Святошино, Дарницы, Пущи-Водицы, Китаево, Боярки». С развитием транспорта и появлением туризма с конца XIX века путешествующие никуда не спешили, поэтому такие предложения современных туристических фирм «Париж за три дня» или «Прага за два часа» тогда выглядели бы, по меньшей мере, странно. Чтобы проникнуться тем или иным городом, понять ту или иную историческую местность, нужно было в них пожить, а в музее возле картин полюбившегося художника провести не один час в раздумьях. Иначе это будет напоминать современную экскурсию – осмотр города из окна автобуса, где хорошо просматриваются лишь регулировщики улиц, а на утвержденных местах стоянок приходится отбиваться от докучливых фотографов, цыган, продавцов сувениров... Тогда уж лучше смотреть по телевизору – на диване удобнее и видимость лучше! Купленные возле экскурсионных объектов открытки «на память» рассматривались дома или с друзьями, сопровождалась комментариями и пересказом личных впечатлений.

Мы убедились, что кроме вопросов социальной нищеты «пролетариев» и революционной борьбы подпольщиков-большевиков наука «История СССР» не занималась исследованиями. Все научные одно- и многотомные монографии были построены по единому принципу. Вначале, в первой главе – «партийная жизнь и роль большевиков», и в самом конце – культура, где понятно, что особое, центральное место, занимали писатели, поднимающие тему роли простого народа и его борьбы против эксплуататоров. Вопросы художественного плана раскрывались поскольку-постольку... А если бы не было Н. Островского и Б. Кустодиева, то ничего не знали бы о быте. Но это Поволжье, а в Москве В. Гиляровский образно показал картинку будничной жизни простых москвичей. В Киеве были попытки А. Куприна, «Киевские типы» вскользь, а вот зачитанный подростками том с «Ямой» показал, в отличие от других городов, буйство пороков, особенно проституции. Когда Светлана Ильинская сняла фильм «Яма» с А. Папановым, О. Меньшиковым, Т. Догилевой в главных ролях, я был в титрах как «главный консультант». Вначале это льстило, как-никак моя фамилия с такими знаменитостями, но поразмыслив...

У Александра Куприна есть рассказ, написанный более 100 лет назад, в 1908 году, но актуален до сих пор! Особенно подобное обхождение повсеместно встречаешь в Турции. Называется он «Гастрономический финал». Мне кажется, что он очень точно объясняет, что случилось с «русскими сердцами». А вы попробуйте поверить, что написан он был 110 лет назад, а не вчера! Итак: «Помню, лет пять тому назад мне пришлось с писателями Бунинным и Федоровым приехать на один день на Иматру. Назад мы возвращались поздно ночью. Около одиннадцати часов поезд остановился на станции Антреа, и мы вышли закусить.

Длинный стол был уставлен горячими кушаньями и холодными закусками. Тут была свежая лососина, жареная форель, холодный ростбиф, какая-то дичь, маленькие, очень вкусные биточки и тому подобное. Все это было необычайно чисто, аппетитно и нарядно. И тут же по краям стола возвышались горками маленькие тарелки, лежали грудками ножи и вилки и стояли корзиночки с хлебом.

Каждый подходил, выбирал, что ему нравилось, закусывал, сколько ему хотелось, затем подходил к буфету и по собственной доброй воле платил за ужин ровно одну марку (тридцать семь копеек). Никакого надзора, никакого недоверия.

Наши русские сердца, так глубоко привыкшие к паспорту, участку, принудительному попечению старшего дворника, ко всеобщему мошенничеству и подозрительности, были совершенно подавлены этой широкой взаимной верой.

Но когда мы возвратились в вагон, то нас ждала прелестная картина в истинно русском жанре. Дело в том, что с нами ехали два подрядчика по каменным работам.

Всем известен этот тип кулака из Мещовского уезда Калужской губернии: широкая, лоснящаяся, скуластая красная морда, рыжие волосы, вьющиеся из-под картуза, реденькая бороденка, плутоватый взгляд, набожность на пятиалтынный, горячий патриотизм и презрение ко всему нерусскому – словом, хорошо знакомое истинно русское лицо. Надо было послушать, как они издевались над бедными финнами.

– Вот дурачьё так дурачьё. Ведь такие болваны, черт их знает! Да ведь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривен съел у них, у подлецов... Эх, сволочь! Мало их бьют, сукиных сынов! Одно слово – чухонцы.

А другой подхватил, давась от смеха:

– А я... нарочно стакан кокнул, а потом взял в рыбину и плюнул.

– Так их и надо, сволочей! Распустили анафем! Их надо во как держать!»

Вернемся в старый Киев. Были в нем и проститутки, как и во всех крупных городах

мира, но в городе преобладал средний класс. Были и заводчики, аристократы, монахи, множество нищих возле храмов и монастырей, а мелких предпринимателей, преподавателей, торговцев, приказчиков, врачей, адвокатов и прочих, прочих, прочих... было несказанно много. И депутаты были!

Журнал «Сатирикон» 1908 года: *«Вы кто такой? – Депутат. – Стыдитесь! Здоровый человек! Лучше бы работать пошли».*

Помимо культовых сооружений привлекали интерес театры, синема, клубы, выставки, и особенно цирк. Издавна в Киеве эти представления считались популярными. Они проходили в разных местах, но уже в 1903 году, на ул. Николаевской, коннозаводчик П. С. Крутиков построил здание постоянного цирка. Возведение шло с таким расчетом, чтобы постройку можно было использовать и как концертный зал. Кто бы мог подумать, что этот цирк сыграет особую роль в политической истории Украины...

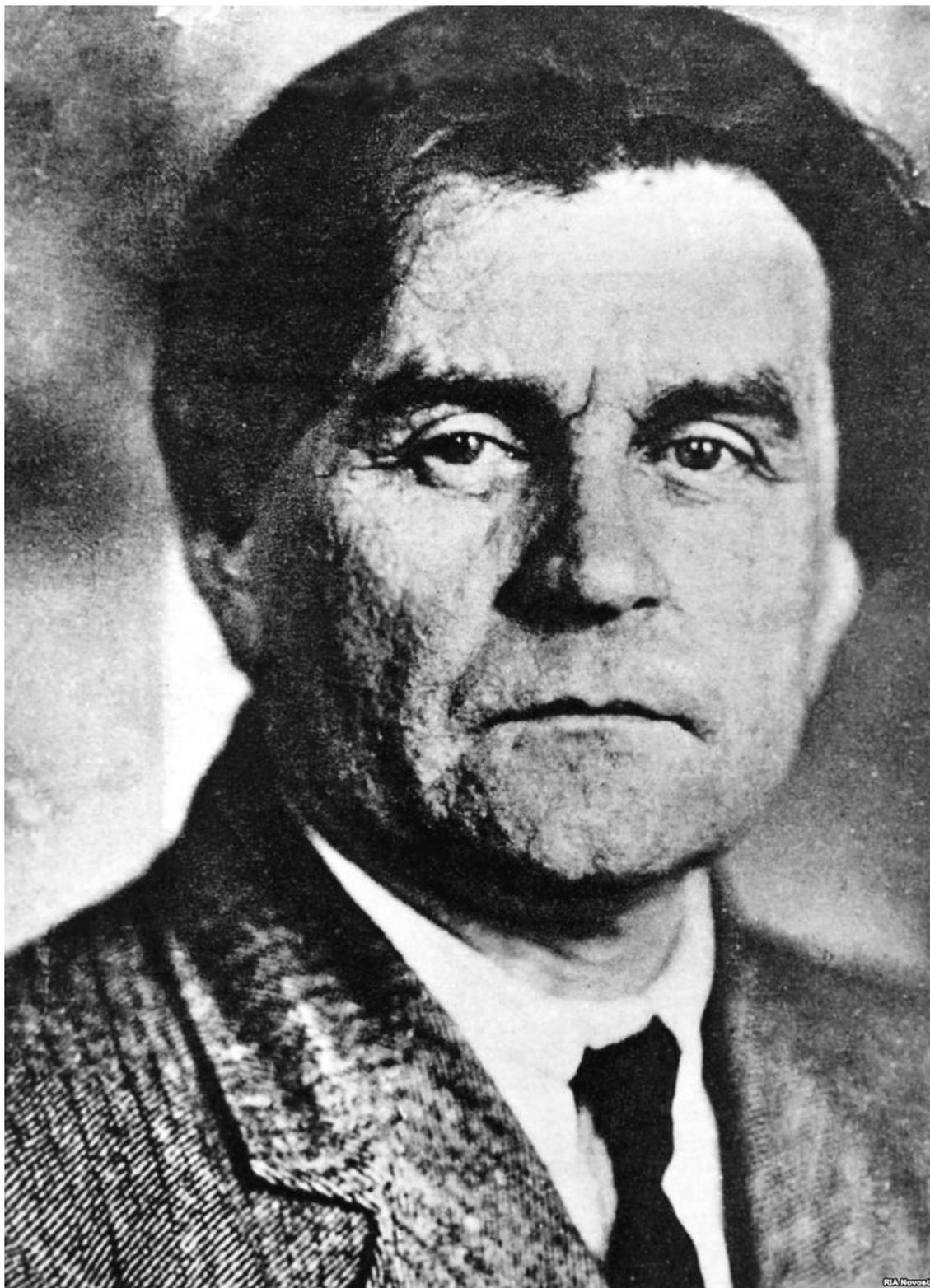
Популярны были общественные гуляния. Владимирская горка, Купеческий сад, «Шато-де-флер» – очень востребованы. Прогуливаясь или сидя на скамейках, жители, далеко не все, слушали выступления артистов или местных духовых оркестров. Летом, несколькими семьями, собрав в корзины провизию и взяв дорожный самовар, переезжали на лодках на Труханов остров и, устроившись в ивовом кустарнике, отдыхали на лоне природы. Замечено, что наиболее ярко культура народа проявляется на массовых гуляниях и в общественном транспорте.

Соседство общественной жизни с наличием множества монастырей и церквей, приходы паломников и приезд путешественников способствовали атмосфере доброжелательности и гостеприимства, что характерно для Киева той поры. Преобладание по численности прислуги над пролетариатом исключает Киев из городов империи с активными социальными протестами. Революция 1905 года здесь проявилась в «странном» выступлении саперного батальона под руководством поручика Б. Ждановского, поддержанного группой рабочих, да еще единичными выступлениями рабочих Шулявки. Жизнь в городе бурлит в другом русле: театральные и художественные сезоны, студенческое времяпровождение: от вечеринок до борделей... С другой стороны, патриархальное соблюдение постов и массовое отмечание церковных праздников. Продолжающееся грандиозное строительство жилищ и общественных зданий, самой крупной в России выставки в 1913 году. Таким предстает перед нами Киев, в котором много природной красоты. И благодаря открыткам мы его рассматриваем: строения, улицы, а еще забытые страницы мещанской жизни, чувствуем настроение времени и ближе узнаем горожан.

«Киевский квадрат» Казимира Малевича

30 лет назад, когда интеллигенция получила возможность называть улицы моего города, появились улицы не военных или героев-матросов-железников, а творцов: поэтов, историков, архитекторов: Ахматовой, Булгакова, Высоцкого, Ушакова, Закревского, Николаева, Городецкого... Не хочу комментировать переименования улиц сегодня: я лично это воспринимаю как какое-то антиукраинское духовное вредительство!

Казимир Северинович Малевич (Kazimierz Malewicz) – художник-авангардист, педагог, теоретик искусства, философ. Основоположник супрематизма – одного из наиболее ранних проявлений абстрактного искусства новейшего времени. В соответствии с записью в приходской книге киевского костела Св. Александра, Казимир Малевич родился 11 февраля, а крещен 1 марта 1879 года. Его отец, Северин Антонович Малевич (1845-1902) (шляхтич Волынской губернии Житомирского уезда), служил управляющим на сахароваренном заводе Николая Терещенко. Мать, Людвиг Александровна (1858-1942), в девичестве Галиновская, была домохозяйкой. По происхождению родители поляки. Венчались они в Киеве 26 февраля 1878 года. Казимир стал их первенцем. В семье было еще четыре сына (Антон, Болеслав, Бронислав, Мечислав) и четыре дочери (Мария, Ванда, Северина, Виктория). Всего у четы Малевичей родилось четырнадцать детей, но только девять из них дожили до зрелого возраста. В семье Малевичей говорили по-польски, что было характерно для Киева. Сам Казимир Малевич считал себя поляком, но в 1920-е годы, после 3-го похода Антанты, Малевич в ряде анкет указал – «украинец». До 17 лет Казимир с семьей жил на Подоле. В 1895 году посещал Киевскую рисовальную школу Н. И. Мурашко. В 1890 году отца переводят на сахарный завод в село Пархомовка, что возле Белополя, и семья переезжает с ним. Казимира устраивают в 5-классное сельхозучилище. В сельских церквях мальчик впервые увидел украинскую народную икону и был потрясен! *«На этой основе и начала развиваться любовь к искусству, к рисованию»*, – напишет он впоследствии. Через четыре года Малевичи перебираются в Вовчик, потом в Конотоп. Казимир знакомится и становится другом на долгие годы с Мыколой Рославцем, впоследствии всемирно известным композитором-авангардистом. И наконец начинает активно заниматься живописью. «Краски, палитра, кисти, зонтики, складной стульчик с самого Белополя – не давали мне покоя. Мне было 16 лет, я уже рисовал, как мне казалось, всё: и коров, и коней, и людей». А вот с профессиональным «оформлением» таланта как-то не складывалось. В Киевской рисовальной школе Н. Мурашко Казимир не задержался.

Казимир Малевич. Фотография 1930-х гг.

В 1896 году семья Малевичей переехала в Курск. Здесь Казимир работал чертежником в Управлении Московско-Курской железной дороги, параллельно занимаясь живописью. Вместе с единомышленниками Малевич сумел организовать в Курске художественный кружок, его руководителем был профессиональный живописец Лев Квачевский. К занятиям

относились весьма серьезно – рисовали со специально выписанных из Москвы гипсов, а также моделей. Они были местными. Юноша тяготился повседневными заботами провинциала, нелюбимой и тоскливой службой чертежника, его неудержимо тянула жажда творчества. 1898 год сам Малевич в своей «Автобиографии» назвал *«началом публичных выставок»* (хотя документальных сведений об этом не обнаружено). Тогда работы Малевича впервые появились на выставке. Несмотря на ее скромный провинциальный масштаб, художник никогда не забывал о ней – начиная отсчет, впоследствии, грандиозной своей экспозиционной деятельности. В 1899 году женился на Казимире Ивановне Зглейц. Венчание состоялось 27 января 1902 года в курском костеле Успения Богородицы. В Курске семья Малевичей за 260 рублей в год снимала дом (пять комнат), по адресу ул. Почтовая, 17, принадлежавший Анне Клейн. Здание сохранилось до наших дней, но находится в плохом состоянии, под угрозой разрушения.

В 1904 году Малевич круто изменил свою судьбу и переехал в Москву, невзирая даже на то, что супруга была против, так как Малевич оставлял ее с детьми в Курске. Это поспособствовало расколу в его семейной жизни. 5 августа 1905 года он впервые подал прошение о приеме в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Однако в училище его не приняли. Возвращаться в Курск к жене и детям не хотелось. Тогда он поселился в художественной коммуне в Лефортово. Здесь, в большом доме художника Курдюмова, жили около тридцати «коммунаров». Впоследствии, на вопрос об учебе, отвечал, что всего достиг лишь самообразованием. Платить за комнату приходилось по семь рублей в месяц – по московским меркам очень дешево. Но через полгода, весной 1906-го, когда деньги на жизнь закончились, Малевич был вынужден всё же вернуться назад, в Курск, к семье и службе в Управлении Московско-Курской железной дороги. Летом 1906 года он снова подал документы в Московское училище, однако его не приняли и во второй раз.

Казимир стремительно преодолел все предварительные этапы развития искусства: традиционное на то время увлечение передвижниками осталось далеко позади. Малевич-импрессионист состоялся в 1907 году – после долгого (с весны до осени) пребывания в Курске. Его работы были ближе к постимпрессионизму. Возвращение в Москву изменило его пристрастие: *«Москва и икона перевернула все мои теории и привела к третьей стадии развития. Через иконописное искусство я понял эмоциональное искусство крестьян, которое любил раньше»*. Кроме икон, была еще выставка «Голубая роза», наполненная медитационным покоем и загадочностью. Началось увлечение символизмом, впрочем, тоже непродолжительное.

Во время революции 1905–1907 годов они с братом Мечиславом принимали участие в баррикадных боях в Москве. Но им казались более увлекательными бои, связанные с реформированием искусства. Борьба за «новое искусство» шла постоянно, но еще никогда не была так тесно связана с эпатажем – по крайней мере, так воспринимало ее большинство зрителей. На организованных журналом «Золотое Руно» выставках демонстрировалось что-то непостижимое – картины Сезанна, Гогена, Ван Гога, Матисса, а также представителей новейших западноевропейских художественных течений – кубизма, фовизма и экспрессионизма; экспонировались и произведения молодых российских художников – Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, получивших скандальное признание.

В 1907 году в Москву поехала мать Казимира Малевича Людвиг Александровна, найдя работу заведующей столовой. Через несколько месяцев, сняв квартиру из пяти комнат, она отправила невестке распоряжение переезжать со всей семьей в Москву. Впоследствии Людвиг Александровна арендовала столовую на Тверской улице. Эту столовую в рождественские праздники 1908 года ограбили. Имущество семьи было описано и продано, и Малевичи переехали в меблированные комнаты в Брюсовом переулке, а Людвиг Александровна вновь открыла столовую в Напрудном переулке. Три из пяти комнат занимал Казимир Малевич с семьей (женой и двумя детьми). Там усилились размолвки и Казимира Зглейц, забрав обоих детей, уехала в село Мещерское, где нашла работу фельдшершей в психиатрической лечебнице. Уехав оттуда с врачом, она оставила детей у одной из сотрудниц больницы. С 1906-го до 1910 года Казимир посещал занятия в студии Ф. И. Рерберга в Москве. В 1907 году принимал участие в XIV выставке Московского товарищества художников. Познакомился с М. Ф. Ларионовым. Когда Казимир Малевич приехал за детьми, они были у заведующего хозяйством Михаила Рафаловича. Его дочь, Софья, вскоре стала гражданской женой Казимира Малевича (несколько лет Малевич не мог получить развода с первой женой). В 1909 году он развелся и вступил в брак с Софьей Михайловной Рафалович, отцу которой принадлежал дом в Немчиновке, куда отныне Малевич постоянно приезжал жить и работать. В 1910 году художник принял участие в первой выставке «Бубнового валета». В феврале 1911 года экспонировал свои работы на 1-й

выставке общества «Московский салон». В апреле-мае участвовал в выставке петербургского «Союза молодежи». Через год Малевич участвовал в выставках «Союза молодёжи» и «Синего всадника» в Мюнхене. Экспонировал более двадцати неопримитивистских работ на выставке «Ослиный хвост» в Москве (художник входил в группу молодых художников «Ослиный хвост»). Познакомился с М. В. Матюшиным.

В 1913 году Малевич принял участие в «Диспуте о современной живописи» в Петербурге, а также в «Первом в России вечере речетворцев» в Москве. Участвовал в выставке «Мишень». Оформил ряд футуристических изданий. На последней выставке «Союза молодежи» экспонировал, наряду с неопримитивистскими произведениями, картины, названные им самим «заумным реализмом» и «кубофутуристическим реализмом». В декабре 1913 года в Петербургском «Луна-парке» состоялись два представления оперы «Победа над Солнцем» (музыка М. Матюшина, текст А. Крученых, пролог В. Хлебникова, декорации и эскизы костюмов М. Малевича). Согласно воспоминаниям самого художника, именно во время работы над постановкой оперы к нему пришла идея «Черного квадрата» – задник декорации одной из сцен представлял собой квадрат, наполовину закрашенный черным. В 1914 году, вместе с Алексеем Моргуновым, устроил эпатажную акцию на Кузнецком мосту в Москве, разгуливая по улице с деревянными ложками в петлицах. Участвовал в выставках общества «Бубновый валет», Салона независимых в Париже. С начала Первой мировой войны сотрудничал с издательством «Сегодняшний лубок». Иллюстрировал книги А. Крученых и В. Хлебникова. В 1915 году участвовал в первой футуристической выставке «Трамвай В» в Петрограде. Работал над первыми супрематическими полотнами. Написал манифест «От кубизма к супрематизму».

Новый живописный реализм», изданный Матюшиным. На «Последней футуристической выставке картин „0,10“» экспонировал 39 работ под общим названием «Супрематизм живописи». Самое знаменитое живописное произведение Малевича «Черный квадрат» (1915), которое явилось своеобразным живописным манифестом супрематизма, было впервые выставлено в Петрограде 1 января 1916 года на выставке «0,10» и имело значительный успех. Картина, по замыслу художника, являлась частью триптиха, в который входили «Черный круг» и «Черный крест». Тогда Малевич участвовал с докладом «Кубизм – футуризм – супрематизм» в организованной совместно с И. А. Пуни «Публичной научно-популярной лекции супрематистов». Принял участие в выставке «Магазин». Экспонировал 60 супрематических полотен на выставке «Бубновый валет». Организовал общество «Супремус» (в него входили О. В. Розанова, Л. С. Попова, А. А. Экстер, И. В. Клюн, В. Е. Пестель, Надежда Удальцова, Мстислав Юркевич и другие), готовил к изданию одноименный журнал.

Летом Малевич был призван на военную службу (демобилизован в 1917 году). В мае 1917 года он был избран в совет профессионального Союза художников-живописцев в Москве представителем от левой федерации (молодой фракции). В августе становится председателем Художественной секции Московского совета солдатских депутатов, занимался просветительской работой, разрабатывал проект Народной академии искусств. В октябре был избран председателем общества «Бубновый валет». В ноябре 1917 года московский Военно-революционный комитет назначил Малевича комиссаром по охране памятников старины и членом Комиссии по охране художественных ценностей, в чью обязанность входила охрана ценностей Кремля. В этом же году выступил с докладом на диспуте «Заборная живопись и литература». В 1918 году он опубликовал статьи в журнале «Анархия». Избран членом Художественной коллегии Отдела ИЗО Наркомпроса. Пишет «Декларацию прав художника». Переезжает в Петроград. Создает декорации и костюмы к спектаклю В. Э. Мейерхольда по пьесе В. В. Маяковского «Мистерия-Буфф». Участвовал в заседании комиссии по организации Музея художественной культуры (МХК). В 1919 году он вернулся в Москву. Руководил «Мастерской по изучению нового искусства Супрематизма» в Свободных государственных художественных мастерских. Экспонировал супрематические работы на X Государственной выставке («Беспредметное творчество и супрематизм»).

В ноябре 1919 года художник переехал в Витебск, где начал руководить мастерской в Народном художественном училище «нового революционного образца», которую возглавлял Марк Шагал. В том же 1919 году Малевич издал теоретическую работу «О новых системах в искусстве». В декабре в Москве открылась первая ретроспективная выставка художника «Казимир Малевич. Его путь от импрессионизма к супрематизму». К 1920 году вокруг художника сложилась группа преданных учеников – УНОВИС (Утвердители Нового Искусства). Ее членами стали Эль Лисицкий, Л. Хидекель, И. Чашник, Н. Коган. Сам Малевич в этот период практически не создавал картин, сосредоточившись на написании теоретических и философских работ. Также, под влиянием Эль Лисицкого, начались первые опыты в области архитектуры.

В 1920 году Малевич выступил с лекцией «О новом искусстве» на конференции УНОВИС'а в Смоленске руководил работами по декоративному оформлению Витебска к 3-й годовщине Октября. В этом же году у художника родилась дочь, которую он, в честь УНОВИС'а, назвал Уной. В 1921 году участвовал в выставке, приуроченной к Третьему конгрессу Коминтерна в Москве. В 1922-м Малевич закончил работу над своим главным теоретико-философским трудом – «Супрематизм. Мир как беспредметность или вечный покой». В Витебске была издана его брошюра «Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика». В начале июня 1922 года художник переехал в Петроград с несколькими учениками – членами УНОВИС'а. Участвовал в деятельности петроградского Музея художественной культуры.

Работы Малевича экспонировались на Первой русской художественной выставке в Берлине. В 1923 году в Москве состоялась вторая персональная выставка художника, посвященная 25-летию творческой деятельности. В этом же году он прочитал доклад в Государственной академии художественных наук (ГАХН) в Москве; создал эскизы новых форм и декоративных супрематических росписей для Петроградского государственного фарфорового завода. С 1924-го по 1926 год он был директором Ленинградского государственного института художественной культуры (ГИНХУК), возглавлял в нем формально-теоретический отдел. В 1925 году художник прочитал доклад «О прибавочном элементе в живописи» в ГАХН; участвовал в выставке «Левые течения в русской живописи за 15 лет»; работал над объемными архитектурными супрематическими моделями – архитектонами. Был членом «Объединения современных архитекторов» (ОСА).

В 1926 году экспонировал архитектоны на ежегодной отчетной выставке ГИНХУКа. 10 июня в «Ленинградской правде» была опубликована статья Г. Серого «Монастырь на госснабжении», послужившая поводом для закрытия ГИНХУК. Был аннулирован подготовленный к печати сборник трудов Института с работой Малевича «Введение в теорию прибавочного элемента в живописи». В конце года ГИНХУК был ликвидирован. В 1927 году Казимир Северинович вступил в третий брак – с Наталией Андреевной Манченко. В 1927 году Малевич уехал в заграничную командировку в Варшаву (8-29 марта), где была организована его персональная выставка, затем – в Берлин (29 марта – 5 июня), где ему был предоставлен зал на ежегодной большой берлинской художественной выставке (7 мая – 30 сентября). 7 апреля 1927 года посетил Баухаус в Дессау, где он познакомился с Вальтером Гропиусом и Ласло Мохой-Надем. 5 июня срочно вернулся в Ленинград, оставив картины, экспонировавшиеся на выставке, пояснительные таблицы к лекциям и теоретические записи на попечение архитектора Гуго Херинга (часть их в настоящее время принадлежит Городскому музею Амстердама и МоМА). В Мюнхене в свет вышла книга «Мир как беспредметность». В этом же году работы Малевича экспонировались на организованной Н. Н. Пуниним в Русском музее выставке Отдела новейших течений в искусстве. В 1928 году Малевич работал в Государственном институте истории искусств; публиковал статьи в харьковском журнале «Новая генерация».

Готовясь к персональной выставке в Государственной Третьяковской галерее, художник вновь обратился к станковой живописи: так как многие его работы 1900-1910-х годов к тому времени были за границей, он создал цикл работ «периода импрессионизма» и датировал их 1903–1906 годами; таким же образом он восстановил работы крестьянского цикла и датировал их 1908–1912 годами. Предположительно, для этой же выставки Малевич создал третий вариант «Черного квадрата», по своим пропорциям соответствующий картине 1915 года. Сделано это было по просьбе дирекции галереи, так как работа 1915 года, хранившаяся к тому моменту в Третьяковской галерее, была в довольно плохом состоянии.

С 1928-го до 1930 года Малевич преподавал в Киевском художественном институте. 1 ноября 1929 года в ГТГ открылась «Выставка произведений живописи и графики К. С. Малевича». В этом же году работы Малевича экспонировались на выставке «Абстрактная и сюрреалистическая живопись и пластика» в Цюрихе. В Государственном институте истории искусств был закрыт отдел, которым руководил Малевич. В 1929 году Малевич назначен Луначарским «народным комиссаром ИЗО НАРКОМПРОСА». В 1930 году произведения художника экспонировались на выставках в Берлине и Вене, сокращенный вариант выставки ГТГ открылся в Киеве (февраль – май). А осенью 1930 года Малевич был арестован ОГПУ как «германский шпион» пробыв под следствием до декабря. В 1931 году работал над эскизами росписи Красного театра в Ленинграде. В 1932-м получил должность руководителя Экспериментальной лаборатории в Русском музее. Произведения художника были включены в экспозицию «Искусство эпохи империализма» в Русском музее. В 1932 году художник участвовал в юбилейной выставке «Художники РСФСР за XV лет». По мнению некоторых специалистов, для этой выставки художником был написан четвертый, последний из известных на сегодняшний день, вариант «Черного квадрата» (ныне хранится

в Эрмитаже).

В 1932 году Малевич работал над неосуществленным проектом - картиной «Соцгород». Начался последний период в творчестве художника: в это время он писал в основном портреты реалистического характера. В 1933 году началась тяжелая болезнь (рак предстательной железы). В 1934-м участвовал в выставке «Женщина в социалистическом строительстве». В 1935 году поздние портреты Малевича экспонировались на Первой выставке ленинградских художников (последний показ работ Малевича на родине - вплоть до 1962 года). Казимир Малевич скончался в Ленинграде 15 мая 1935 года. По завещанию, после смерти тело Малевича поместили в супрематический гроб, в виде креста с раскинутыми руками, перевезли в Москву, где кремировали в Донском крематории. 21 мая урна с прахом была захоронена под любимым дубом художника близ деревни Немчиновки. Над могилой установили деревянный кубический монумент с изображенным черным квадратом, на дубе закрепили доску со словами: «Здесь погребен прах великого художника К. С. Малевича (1878-1935)». В годы войны могила была утрачена. Позже ее местонахождение с достаточной точностью определила группа энтузиастов. Здесь было пахотное колхозное поле. Поэтому в 1988 году памятный знак для увековечивания места захоронения вынужденно разместили на опушке леса, примерно в двух километрах от реального погребения. Он представляет собой белый бетонный куб с красным квадратом на лицевой стороне. На тыльной стороне монумента размещена табличка с текстом: «В этой местности 25 мая 1935 года был захоронен прах всемирно известного художника КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА. Знак установлен 30.7.1988 г.». К настоящему времени колхозное поле также застроено и место погребения праха Малевича попало на территорию жилого комплекса «Ромашково-2». 20 августа 2013 года родственники Малевича поместили землю с места захоронения в капсулы, одна из которых будет захоронена под памятным знаком в Ромашкове, остальные переданы в места, связанные с жизнью художника. В Санкт-Петербурге, на стене дома Мятлевых, на Исаакиевской площади, 9, где находился возглавляемый К. С. Малевичем ГИНХУК, установили памятную доску.

В сентябре 2012 года депутаты Киевского городского совета поддержали инициативу профессора-искусствоведа Дмитрия Горбачева и президента Ассоциации европейских журналистов историка искусства Артура Рудзицкого, о переименовании в Киеве улицы Боженко в улицу Казимира Малевича. Именно на этой киевской улице - тогда Бульонской - родился в 1879 году К. Малевич. В США создано Общество Малевича (The Malevich Society), которое поддерживает многие, в том числе российские, исследовательские проекты. Например, при содействии общества в 2009 году в России вышло исследование раннего супрематизма - книга Александры Шатских «Казимир Малевич и общество Супремус».

«Погибший гений» Чекрыгин

В собрании рисунков моего друга, выдающегося собирателя Якова Бердичевского было несколько рисунков Василия Чекрыгина. Я их держал в руках и до сих пор вспоминаю восторженный трепет, который меня охватил! Это был гений, но судьба распорядилась так, что его непревзойденный талант вспыхнул... и погас, когда ему было лишь 25 лет! Василий Николаевич Чекрыгин (1897, Жиздра, Калужской губернии - 1922, станция Мамонтовка, Московской губернии) - живописец, график, один из основателей и наиболее ярких художников объединения «Маковец».

Давно замечено, что столетиями Киев, его среда и природа способствует духовному росту индивидуума. Гениальность многих творцов прекрасного пробудилась именно на киевских холмах. Чекрыгин рос в Киеве и мальчиком был принят в иконописную школу Киево-Печерской лавры, где проснулся его незаурядный талант. В тринадцать лет в сопровождении старшего брата отправился в Москву поступать в МУЖВЗ и легко выдержал конкурс. В 1912 году три студента училища своими руками изготовили книжку стихов, которые написал один из них - Чекрыгин переписал стихи на специальную бумагу, с которой их можно было перевести на литографский камень, и добавил несколько рисунков. Это была первая книжка стихов В. В. Маяковского - «Я!». Талантливый юноша дружил со старшими товарищами, увлеченными поисками новых форм, новых путей в искусстве. Он писал угловатые, резкие, полные внутреннего драматизма портреты, вызывая недовольствие педагогов. В 1914 году ушел из училища. Участвует в одной из знаменитых «левых» выставок - «№ 4» (1914). Первая мировая война застала его за границей, кружным путем он возвратился в Россию, был на фронте.

Начало 1920-х годов - расцвет творчества художника. От этого времени дошло до нас почти полторы тысячи его рисунков. Он работал чаще всего прессованным углем, мягкими, бархатистыми пятнами ложающимся на бумагу. И из этих клубящихся пятен, образующих на листе неопределенное, таинственно пульсирующее темное пространство, выступают неясные, но проникнутые страстным драматическим напряжением фигуры и лица. Рисунки эскизные, беглые. Художник не дает им названий - они лишь звенья бесконечной цепи, частицы единого, колоссального замысла, наброски отдельных персонажей и эпизодов, которым предстоит еще получить свой окончательный смысл, объединившись в стройное целое.

В. Н. Чекрыгин. Фотография 1920 г.

В самом деле, художник мечтал о грандиозной фреске, посвященной грядущим судьбам человечества. В основе этого утопического замысла - философское учение Н. Ф. Федорова о воскрешении ушедших поколений и переселении человечества в космические дали, которое произвело на Чекрыгина неизгладимое впечатление. Но овладение космосом, путь к звездам - это для художника не техническая задача, а духовный подвиг, совершаемый героическим порывом и озарением. Листы Чекрыгина с их сияющими из мрака

обнаженными телами не имеют ничего общего с научной фантастикой. *«Не принимайте эти фигуры за тела, в них не должно быть ничего телесного, это только образы, духи»*, - говорил художник. Но рядом с этой философской утопией возникает в чекрыгинских рисунках совсем иная тема, злободневная, прямо с газетной страницы: «Голод в Поволжье» (1922). И здесь тот же интерес не к факту, хотя и страшному, а к его внутреннему драматизму, к духовному напряжению времени. Перейдя от живописи к рисунку, позволявшему почти мгновенно выплескивать на лист эту разрывающую его бурю страстей, Чекрыгин оставался живописцем по всему своему творческому складу. Эти скромные по материалу листы и кажутся живописью, они не графичны, не линейны, наполнены могучими массами цвета (пусть только черного и белого), сиянием света и глубинами тьмы. И в своей трагической мощи работы эти перекликаются с наиболее драматическими образами великих мастеров прошлого - с могучими рисунками Тинторетто, одухотворенной графикой Рембрандта, трагическими гротесками Гойи.

Страстная одержимость искусством, проникающим в судьбы страдающего и прекрасного человечества, сделала совсем еще молодого Чекрыгина вдохновителем целой группы художников с близкими духовными устремлениями. Они называли ее «Искусство - жизнь» или, по заглавию своего журнала, «Маковец». Художник-мыслитель, стремившийся и теоретически определить смысл своего искусства, Чекрыгин был идеологом группы. Но путь его оборвался трагически рано: в возрасте двадцати пяти лет художник погиб под колесами поезда.

Мечь искусства, или синдром Стендаля в Киеве невозможен

Киев – город светлой духовности. А вот Венеция... Первый в мире город по количеству самоубийств. Нездоровая обстановка постоянной сырости и антисанитарии подчеркивают декадентскую, незаметно исчезающую красоту города, стоящего в воде и всегда готового уйти на глубину. В этом городе происходят трагические события романа «Смерть в Венеции» Томаса Манна, по которому поставил свой знаменитый фильм Лукино Висконти. Смерть словно добавлена в венецианскую воду, и от нее нет спасения. Красота Венеции – как один большой мираж, от которого мутнеет разум, просыпается внутренний, давно забытый страх, или одно самое заветное желание. Своим существованием этот безумный город, недаром тут самые знаменитые карнавалы, словно говорит: красота – это болезнь, от сладкой приторности которой хочется забыться и умереть, слушая, как вода бьется о каменные ступени, пока довольный чаевыми гондольер поет дурацкую, грустную песню. Город Венеция – бесконечный синдром Стендаля в Адриатическом море.

Санкт-Петербург – город-музей с такой же болезненной атмосферой и неисчезающей перспективой наводнения. Населенный литературными персонажами, умирающими от чахотки и убивающими старушек, Питер лучше других мест умеет устраивать проверки на прочность при помощи «пыток искусством». Страшный громадный паук Эрмитажа высасывает сок жизни из всех «жителей и гостей города». Неспроста у всех после его посещения болит голова. Он требует регулярно приносить ему жертвы, подобно Молоху – ненасытному божеству, методично пожирающему принесенных ему младенцев. Гигантский музей требует, чтобы вы как-то реагировали на его присутствие, он не оставит вас равнодушными ни в коем случае. Вы должны будете полюбить его или возненавидеть. Очень популярная, но не менее страшная, Кунсткамера хранит все безобразия всемирной этнографии и привлекает зевак заспиртованными уродцами. Кунсткамера исполняет роль закрытой, а оттого манящей комнаты Синей Бороды, в которой тот казнил своих жен. Приходили же они в «кровавую комнату» сами. Из любопытства. А может – от любви к искусству, которое так любит изображать человека страдающим. Искусство – это преступление. Чем же будет «художественный терроризм» как не преступлением против преступления? Ведь существует поговорка «За искусство нужно платить!» Сколько в мире преступлений было совершено, чтобы овладеть прекрасными вещами. «Портрет Дориана Грея» – детская сказка по сравнению с полицейскими хрониками или отчетами ЮНЕСКО.

В 1992 году в газете «Вечерний Киев» я написал строки, которые перепечатали несколько изданий, в том числе и весьма серьезные, с обязательной ссылкой на мое авторство: *«Постигая город, удивляешься какой-то уникальной светлой неповторимости Киева – и не столько внешней, сколько внутренней, духовной. Недаром Киев в разные времена был „Матерью городов русских“, „Иерусалимом земли славянской“, „землей обетованной“, а Днепр называли нашим Иорданом. Киев – необычный город. В Киеве родилось великое множество знаменитостей и ни одного руководителя партии большевиков, ни одного представителя репрессивного аппарата, они не рождались даже в негативных местах города. Но ни в одном городе мира не появилось на свет столько деятелей искусств, науки, культуры, техники, писателей и поэтов»*. Получается, что Киев на грани двух веков породил и рассеял по свету целую череду вопрошателей и совопросников мира сего – философов, историков, культурологов, решавших на своем профессиональном языке те же задачи, что и их земляк Булгаков – в литературе.

И снова о Марии Федоровне

Вдовствующая императрица Мария Федоровна была недовольна создавшимся положением, и при первом удобном случае покинула северную столицу с присущими ей дворцовыми интригами и уехала на юг. Поводом для этого стала война. В начале 1915 года она переезжает в Киев, где проводит долгие два года, занимаясь организацией госпиталей, санитарных поездов и санаториев, где поправляли свое здоровье тысячи раненых. Она покровительствовала и возглавляла Российский Красный крест. При активном участии Марии Федоровны впервые в Киеве был создан госпиталь, оснащенный рентгеновским кабинетом. Дневники, которые она вела, свидетельствуют о повседневной, с раннего утра до позднего вечера, работе. Она посещала госпитали, встречалась с представителями земств для организации санитарных отрядов, с ранеными солдатами и офицерами, от которых узнавала о событиях на фронтах. О местах ее пребывания в Киеве и перемещениях по Юго-Западному краю свидетельствуют газетные сообщения и ее дневник. 25 июня. «*Деум работает здесь в Киеве в моем госпитале уже год. Когда я посетила госпиталь, все, кто мог ходить, пришли поприветствовать меня. Офицеры, которые были тяжело ранены, оставались на койках*».

1 июля 1915 года: «*...Всю первую половину дня писала письма Алекс и Вальдемару (брат. - В. К.)... В 3 часа поехала с Игнатьевым (на то время управляющий Министерством народного просвещения. - В. К.) в порт, посетили два маленьких госпиталя на судах. Мы проплыли по Днепру до Миргорода, где поднялись на берег и зашли в церковь, которая находилась наверху. Прогуливающая публика была очень приветлива, когда я шла под руку со старой монахиней. Вернулась обратно в 8 часов, очень удовлетворенная прогулкой*». Хочется прокомментировать эту запись. Марии Федоровне всегда было присуще кокетство, ей самой на то время было 68 лет, но, тем не менее, она назвала «старой» монахиню. И не могла она побывать в Миргороде, он находился далеко и не на Днепре. Скорее всего, это было Межгорье, где была женская обитель. Приведем воспоминания М. В. Родзянко: «*12 июля я поехал с женой на Южный фронт, и по пути остановился в Киеве. Там в это время жила императрица Мария Федоровна, удалившаяся от всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде. Я посетил ее, она продержала меня часа два, много говорила о деятельности Красного Креста и о жизни в Киеве. На замечание, что она хотела побыть в Киеве неделю, а остается уже несколько месяцев, она ответила: „Вы не можете себе представить, какое для меня удовольствие, после того, что я пятьдесят лет должна была скрывать свои чувства, иметь возможность сказать всему свету, что я ненавижу немцев“*».

К 1915 году Киев стал наиболее крупным госпитальным центром не только Юго-Западного фронта, но и всей империи. Российский Красный крест проводил наиболее активную работу. Здесь сосредоточилось 103 лечебных заведения, которым оказывала всяческую помощь Мария Федоровна, стараясь не обделить вниманием и посещать как можно чаще. Старалась больше внимания оказывать раненым нижним чинам, с особым участием разговаривая со слепыми и калеками. При этом мать-императрица не утратила вполне естественного интереса к политическим и военным событиям, происходящим в стране.

Приведем несколько свидетельств занятости вдовствующей императрицы:

23.07.1915 - посещает приют и мастерские Киевского отдела по снабжению увеченных воинов протезами, расположенного в училище им. С. Ф. Грушевского.

19.10.1916 - присутствует на молебне, совершенном Василием, епископом Каневским в церкви Института императора Николая I по случаю 50-летия со дня принятия ею участия в делах ведомства учреждений императрицы Марии.

24.11.1916 - участвует в торжественном освящении Высочайше пожалованного знамени в Николаевском артиллерийском училище на Соломенке.

«Киевская мысль»: «*Вчера 12 июня 1916 года на Зверинце в Высочайшем Присутствии ЕИВГИ Марии Федоровны, состоялось торжество закладки храма-памятника на братском кладбище. Новое кладбище застраивается по инициативе бывшего командующего армией ЮЗФ генерал-адъютанта Н. И. Иванова для погребения чинов армии всех вероисповеданий, павших смертью храбрых в настоящую войну. Кладбище расположено с ю.-з. стороны Троицкого монастыря и представляет несколько отдельных открытых террас с широким видом на Днепр и Заднепровье. В центре братского кладбища приступлено к сооружению двух приделов храма-памятника им. Святителя Николая Чудотворца в надземном ярусе и им. Святителя Алексея Митрополита Московского в подземном ярусе. В нижнем ярусе будут устроены склепы для погребения высших чинов армии. Эскиз вновь сооруженного храма составлен архитектором П. П. Фетисовым, а разработка его, совместно с архитектором Фетисовым, произведена архитектором В. Н. Рыковым. Для заведования постройкой кладбища и храма организована строительная комиссия под председательством коменданта г. Киева генерал-лейтенанта П. В. Мадера.*

Во 2-м часу дня, к моменту закладки из Свято-Троицкого монастыря вышел, при колокольном звоне, крестный ход. В нем следовали прибывшие к торжеству главный священник Юго-Западного фронта протоиерей Грифцов, протопресвитер Г. Шавельский, преосвященные Василий, епископ Каневский, Никодим епископ Чигиринский и Дмитрий епископ Уманский. По пути следования духовной процессии были расположены войска с музыкальными оркестрами, воспитанники военно-учебных заведений и детских приютов. На террасе находились прибывшие к торжеству начальственные лица и приглашенные. Над местом закладки был устроен особый павильон, в котором находились: главный начальник КВО генерал-лейтенант Н. А. Ходорович, комендант Киева генерал-лейтенант Н. В. Медер, другие начальственные лица военного и гражданского ведомств; и. о. городского головы Ф. С. Бурчак, председатель губернской земской управы М. А. Суковкин, консулы союзных с Россией держав; приглашенные на торжества представители инословных вероисповеданий - римско-католического, лютеранского, еврейского, караимского. Частная публика, собравшаяся в большом количестве, расположилась за террасами. Внизу на одной из террас большой массой стояли пленные австрийцы. При следовании процессии войска брали на караул. Хоры, музыканты исполняли „Коль славен...“. В 2 часа дня на братское кладбище изволили прибыть на автомобиле ЕИВГИ Марии Федоровна и графиня З. Г. Менгден, обер-гофмейстер кн. Г. Д. Шервашидзе и свиты Е. В. генерал-майор кн. С. А. Долгоруков. Протоиерей Г. Шавельский встретил Государыню Императрицу кратким словом, после чего архиерейским служением был совершен молебен с возложением многолетия Царственному Дому. Затем состоялась закладка храма. Государыня Императрица соизволила положить первый камень, а следующие закладочные камни возлагали другие высшие чины и духовенство».

Вдовствующая императрица Мария Федоровна в госпитале с солдатами. Фотография 1916 г. из коллекции автора

О пребывании Марии Федоровны в Киеве есть много свидетельств газет, но в первую очередь, дневники и письма. Она вела активную переписку. Многие – кто по случаю, а кто и специально заезжал к вдовствующей императрице, по-прежнему пытавшейся не упустить бразды правления империей, несмотря на свои семь десятков лет. Недомогание не мешало ей стойко держаться, выполнять свои и чужие обязанности. Ее стройная фигура вызывала всеобщую зависть. По словам ер фрейлины З. Г. Менгден: *«Когда императрица совершала свои ежедневные поездки, она не допускала того, чтобы кто-то из свиты сопровождал ее. И киевский губернатор Алексей Игнатьев, и полицейский чиновник часто были вынуждены следовать за ней на достаточно большом расстоянии, чтобы императрица не могла их видеть»*. Мать императора любили в Киеве. Парк, постоянное место ее прогулок, стал называться Мариинским. При этом в парке не запрещалось бывать самым широким слоям населения. Несмотря на войну, там в летние вечера играл оркестр, постоянно меняя репертуар. По парку все ходили аллеями, стараясь встретиться с императрицей, поклониться ей. Она, любезно улыбаясь, неторопливо ходила своими любимыми тенистыми аллеями летом, а зимой по аккуратно расчищенным тропинкам. Что творилось в душе этой хрупкой пожилой женщины? Можно предположить! Ее голова была заполнена последними событиями, происходящими на фронте, в Ставке, в Петрограде, но больше всего она думала о своем внуке Алексее. Прогуливаясь по парку, мать-императрица как бы начинала писать письмо, прокручивая события последних дней: *«Я очень грущу, что редко слышу тебя, но я знаю, конечно, что тебе трудно писать. Мои мысли всегда с тобой, и живу одной душой с нашими доблестными войсками... Мысленно всегда с тобой, милый Ники, и рада, что милый Алексей у тебя. Я Вас нежно обнимаю. Храни Вас Господь. Твоя старая мама»*. Император не упускал случая навестить мать. Запись в дневнике: *«8 мая 1916. Воскресенье. Приехали в Киев до 9 час. утра и к нашей радости были встречены дорогой Мама и Ольгой. Поговорили минут 20, простились и продолжили путь. Погода была холодная, с сильными ливнями...»*.

15 октября 1916 года вся царская семья собралась в Киеве. Дамы вместе с вдовствующей императрицей объезжали госпитали. Это был последний визит, который продлился четыре дня. Дети и внуки вместе со всей страной отмечали очень трогательный и важный ее юбилей – 50-летие вступления в руководство Ведомством учреждений императрицы Марии. Таких учреждений много было в государстве, но более всего – Киев. В ознаменование этого события планировалось открытие новой городской больницы, особой гимназии для лучших учеников городских училищ, учреждение стипендий и другие благотворительные мероприятия. Все носило имя Марии Федоровны. Тогда же исполнилось 50 лет со дня венчания ее с Александром III. Царь с наследником приехал в Киевский дворец, ставший материнским домом, поздравить бабушку, для которой это была последняя встреча с внуком. В своем дневнике цесаревич написал: *«27 октября. Встал поздно. Писал Мама. Завтракал дома со всеми. Играл в саду. Вернулся в поезд в 2 ½ ч. Читал по-французски. В 6 ч. отправились в Киев. Играл в „Naine Jaune“. Лег рано. 28 октября. Встал в 9 ¼ ч. Прибыли в Киев в 10 ½. Нас встретила Бабушка. Поехали в Софийский собор. После молебна поехали во дворец. После завтрака был на смотре юнкеров, произведенных в офицеры. Был у больной тети Ольги в ее лазарете. В 6 ¼ вернулся в поезд. Писал Мама. 29 октября. Встал в 9 ½ ч. Писал Мама. Потом был во дворце и играл в саду. Завтракал с Папа и Бабушкой. Катались по городу и заезжали к тете Ольге. В 6 ч. простились с Бабушкой. В 10 ¼ ч. поехали в Могилев»*. 12-летний мальчик в 1916 году вел свой первый и последний дневник. Эти скупые строки, написанные царевичем, говорят о многом. Во время этого киевского визита даже болезненность цесаревича была менее заметна по сравнению с обликом императора. Мария Федоровна с тревогой рассматривала осунувшееся лицо сына, испещренное мелкими морщинками. Глаза, обычно бархатные, голубые с темно-коричневым оттенком, совершенно выцвели и как-то

беспомощно перебежали с предмета на предмет, белки приобрели желтый оттенок. Николай II обнял мать и с какой-то грустью сказал: «Я бодрый и здоровый, но почти все время провожу в вагоне, без движений. Потом в вагоне я плохо спал. Пойдем, прогуляемся по парку над Днепром, и мое состояние немедленно улучшится». Сказанное не успокоило Марию Федоровну, знающую, что сына мучают боли в сердце.

Определенно можно сказать, что на императора сильно подействовала вереница неудач, которыми сопровождалось почти все его царствование, особенно усугубившиеся с началом войны с Германией. Взяв на себя еще и командование армией, император почувствовал, еще задолго до отречения, что не может с этим совладать. Последовать примеру своего прадедушки Александра I, который внезапно умер или ушел в схимники, став, по бытующей легенде, Федором Кузмичем, Николай II не мог. Казалось, отречение для него могло быть вполне желанным и ожидаемым путем спасения. Он не мог даже в мыслях предугадать ужасный финал своей семьи. Поэтому, начиная с 1916 года, ему, как простому смертному, пусть и «хозяину Земли Русской», становится все хуже и хуже. Наставник цесаревича Пьер Жильяр, находившийся при императоре и его сыне в этот последний визит в Киев, писал: *«Никогда он не казался мне таким смущенным. Несмотря на свое самообладание, он был нервным, раздражительным, и два или три раза ему случалось оборвать Алексея Николаевича»*. Императору было нелегко, он, задерганный со всех сторон, замученный советчиками, – и в армии, и в семье, пытался хоть у матери найти моральную поддержку. Но то, что она пыталась внушить, казалась ему старой песней, – не слушая жену, отстрани Штюрмера, выгони Распутина... Государь не скрывал содержание этих разговоров от Александры Федоровны, и отношения между свекровью и невесткой все время обострялись.

Тем не менее, известие о смерти «старца» и участие ее родственников – мужа внучки и племянника в его убийстве, – потрясли Марию Федоровну. Ее реакция не была однозначной; как императрица она была удовлетворена, но ее христианская мораль противилась убийству, хоть и спасительному для ее страны и семьи. И она встала на защиту великих князей, направивших письмо царю о снисхождении к участникам убийства. Александр Михайлович писал из Киева своему брату Николаю: *«Дошли слухи, будто бы государь желает, во что бы то ни стало выслать меня из Киева, но этому противятся окружающие и даже Александра Федоровна, не особенно в это верю, но возможно, проживем – увидим. Существующее положение требует личного выступления Марии Федоровны. Другого выхода я не вижу, или все это провалится, что более чем вероятно, придется ждать нормального и постепенного развития событий»*. В Киеве 4 января 1917 года мать-императрица записала: *«Очень тяжелое положение в столице. Лишь один Господь Бог может открыть бедному Ники, чтобы он не следовал советам своей супруги. В противном случае все приведет нас к несчастью»*. Муж ее внучки, Феликс Юсупов, предлагал великим князьям воспользоваться отъездом царя в Ставку, вместе с Марией Федоровной и «с людьми, которые смогут ей помочь и поддержать, отправиться в Петербург и вместе с Алексеевым и Гурко арестовать Протопопова и Щегловитова... Отправить в Ливадию Александру Федоровну и Анну Вырубову... только такая мера могла, „возможно“, еще спасти положение». То есть принять меры, схожие с событиями 1991 года, когда некоторые представители «партийной верхушки» пытались спасти СССР, в результате чего ускорили гибель Союза.

Известие об отречении Николая II всех невероятно шокировало. Великая княгиня Ольга Александровна писала из Киева, что это *«поразило нас как гром среди ясного неба... Моя мать была вне себя, а я всю ночь провела у нее. На следующий день она поехала в Могилев, а я возвратилась к своей работе в госпитале»*.

В чудом сохранившейся памятной книжке за 1917 год, которую она вела в Киеве, Мария Федоровна сделала следующие записи: *«3 марта 1917 г. Сандро пришел в 9 и сообщил ужасные подробности об отречении Ники. Все безнадежно плохо. Сандро предложил поехать к нему, и я сразу согласилась»*. 4 марта 1917 года: *«В 12 часов прибыли в Ставку в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции»*.

Великая княгиня Ольга Александровна

Многие годы, собирая открытки, обратил внимание на почтовые карточки с сюжетами, преимущественно на военные темы. На хорошо выполненном рисунке в нижнем углу были инициалы: «О.А.» Это были рисунки Ольги Александровны Романовой – родной сестры Николая II. Мало кто знает, что у нее с Киевом связано многое и в личной жизни, и в деятельности на благо раненым и больным воинам.

Отца она потеряла, когда ей было всего 12 лет. Но мать помогла развить способности и найти свое место в жизни, как ни странно, довольно трудной. Ольга Александровна никогда не была «принцессой на горошине». В юные годы была некрасивой, в отличие от своей сестры Ксении. Но Ольга обладала твердостью характера и целеустремленностью. От отца ей досталась та характерная особенность, которая в народе называется нелюдимостью, то, что никак не подходит великой княгине – нежелание бывать на сборищах, а больше времени проводить дома, в кругу семьи, играя на скрипке и рисуя. Предпочитая животных придворным, была ловкой и подвижной, разрабатывая гибкость в спорте, а не на балах. Но пришло время, когда «сорвиголове» и императорской сестре пришла пора выходить замуж. Ее первый муж Петр – сын принца Александра Петровича Ольденбургского и герцогини Евгении Максимилиановны Лехтенбергской. Это был очень симпатичный и мягкий человек, унаследовавший от своего отца, генерала, командира Гвардейского корпуса, лучшие качества, присущие отечественному офицерскому корпусу старой формации.

Но свою брачную ночь жених провел за игорным столом с приятелями-офицерами, к которым испытывал не только платонически-дружеские чувства. *«За пятнадцать лет нашего брака принц Ольденбургский и я ни разу не состояли в супружеских отношениях!»* – признавалась Ольга полвека спустя. Муж быстро проиграл миллион рублей своей супруги и оставил ее в покое. Она по-прежнему проводила время в прогулках с собаками, рисовала и играла на скрипке. Так было до апреля 1903 года, пока брат Михаил не взял ее на парад, где ей на глаза попался молодой гвардеец-кирасир. Тут младшую сестру государя охватила страстная любовь – и на всю жизнь. 22-летняя княгиня заставила своего брата представить ее избраннику, после чего у них возникло всепоглощающее взаимное чувство. Она, проявив истинно твердый характер, незамедлительно нашла своего вялого и безвольного принца в домашней библиотеке, объявила, что любит другого и хочет развода. Принц Петр, при всех своих специфических наклонностях ничуть не удивился, не запаниковал, а предложил ей семь лет на размышление. Вскоре принц назначил молодого капитана кирасиров Николая Куликовского своим личным адъютантом с повелением поселиться в его доме на Сергиевской улице в Санкт-Петербурге. Таким образом, молодые влюбленные могли жить под одной крышей, а принц старался не мешать их сердечным делам, взяв с них обещание держать всё в тайне. Это был поразительный *meprise a trois*. Интересно, как он действовал на практике? В конце 1950-х годов восьмидесятилетняя и крайне набожная Ольга Александровна утверждала – между ней и Николаем, который был на год ее старше, ничего такого не было до самого 1916 года, когда они смогли обвенчаться. Зная силу характера и волю великой княгини, можем надеяться, что и в данном случае память ей не изменила.

Свою незаурядность Ольга Александровна проявила и на войне. Когда Куликовского отправили на фронт, она пришла к мужу и заявила, что отправляется на войну сестрой милосердия и что не вернется к нему. Так великая княгиня вместе с Ахтырским полком, шефом которого являлась, уехала на фронт. Многие из представительниц дома Романовых надели форму сестер милосердия, но лишь некоторые только для позирования для фотографов. Большинство проявили в этой роли активную деятельность, особенно сестра императора. Ее самоотверженная служба не прекращалась даже под обстрелом, что очень тревожило брата и мать. Княгиня Ольга была награждена Георгиевской медалью, которой не придавала никакого значения, уверенная – ничего героического не совершала. Лишь настойчивые уговоры ее однополчан, что так награжден весь Ахтырский полк, заставили ее надеть медаль.

Всю жизнь она следовала девизу «Быть, а не казаться!», и в первые месяцы войны находилась в лазарете гусарского Ахтырского Е. И. В. великой княгини Ольги Александровны полка. Часть сражалась неподалеку от Ровно. Она работала рядовой медсестрой. С утра до вечера проводила в госпитале, ухаживала за ранеными, перевязывала их, писала письма неграмотным, читала письма ослепшим, не преминув подбодрить всех ласковым словом. Она не чуралась самой неблагодарной, грязной работы, и солдаты не верили, что эта обаятельная, стройная, молодая женщина – родная сестра императора.

Е. И. В. В. Кн. Ольга Александровна

Великая княгиня Ольга Александровна. Фотография 1910-х гг.

Госпиталь, где работала Ольга Александровна, по случаю отступления из Галиции был переведен в Киев. Отношение к императорской семье ухудшилось. Великая княгиня вспоминала: *«Вскоре я заметила, что многие доктора и сестры избегают смотреть на меня. Среди солдат ослабла дисциплина, все принялись горячо обсуждать вопросы политики. Дальше - больше. Однажды мне едва не размозжили голову. Как-то вечером мы работали с одной сестрой в аптечном отделении. Не знаю, что заставило меня повернуть голову, но я вдруг увидела, что эта женщина со сверкающими глазами и с искаженным ртом, замахнулась на меня огромной банкой с вазелином. Я вскрикнула, она уронила банку и выбежала на улицу. Медсестру отправили в монастырь»*. Скорее всего, местом ее ссылки был Покровский монастырь. Спустя несколько дней к Ольге в киевский госпиталь приехал ее Куликовский, ее «Кукушкин», как она любила его называть. Когда его отпуск закончился, Ольга Александровна отправилась в Петроград улаживать свою личную жизнь. Она и не догадывалась, что это ее последнее посещение родного города. Всей прислуге дома на Сергеевской она уплатила годовое жалование, так как муж все деньги продолжал проигрывать в карты.

Княгиня Ольга вернулась в Киев, в котором близость фронта сказывалась на настроении населения. Малейшему событию, казалось, будничной жизни, придавали политический оттенок. Большую радость принесло Ольге Александровне сообщение от матери, что она продает свой Аничкин дворец и переезжает в Киев. Теперь, по приезду Марии Федоровны, дочь каждый день могла обедать у матери во дворце, радуясь этой незначительной передышке от изнурительной службы в госпитале. Сама Ольга Александровна писала Марии Николаевне, дочери

Николая II: «*Совсем времени нет выходить на воздух, вчера 8 часов перевязывала, а третьего дня 10 1/2 часов работали и только наскоро проглатывали свою еду в неурочные часы. Я люблю, когда много работы*». Это подтверждает и ее мать в письме от 16.07.1916 царю из Киева: «*Ольга так занята, что я ее даже мало вижу, у нее 400 раненых солдат и около 28 офицеров*». Мария Федоровна в каждом послании сообщала о его сестре. Великая княгиня Александра Михайловна его служебные обязанности привели в Украину. Он жил в собственном поезде, стоявшем на путях недалеко от киевского вокзала. В вагоне имелась ванна, и сестра императора время от времени пользовалась ею. Нехватка топлива в Киеве привела к тому, что горячей воды не было даже в госпитале.

Николай II тоже не упускал возможности приехать в Киев и навестить мать и сестру. Навсегда в памяти осталась их последняя встреча 28 октября 1916 года. Ольга Александровна, как и ее мать императрица, остро почувствовали разительные перемены к худшему, произошедшие с императором. Она, встретив его на вокзале, вспоминала: «*Я была потрясена, увидав Ники таким бледным, исхудалым и измученным. Маму встревожила его необычайная молчаливость*». Памятным оказался эпизод в госпитале: «*У нас там лежал молодой раненый дезертир. Он был судим и приговорен к смертной казни. Его охраняли два часовых. Все мы жалели его: он казался совсем мальчиком. Врач доложил о нем Ники. Тот сразу же направился в угол палаты, где лежал дезертир. Я последовала за братом и увидела, что бедняжка окаменел от страха. Положив руку на плечо юноши, Ники очень спокойно спросил, почему тот дезертировал. Запинаясь, бедный мальчик рассказал, что, когда у него кончились боеприпасы, он испугался и кинулся бежать. Затравив дыхание, мы ждали, что будет дальше. И тут Ники сказал юноше, что он свободен. Тот сполз с постели, упал на колени и, обхватив ноги брата, зарыдал, как малое дитя. Мы все тоже плакали – даже те петроградские сестры, которые доставляли нам столько хлопот. Затем в палате воцарилась тишина. Все солдаты смотрели на Ники. Столько преданности было в их взглядах! Забыты были все трудности и невзгоды. Снова царь и его народ стали единым целым. На многие годы запомнился мне этот эпизод. С Ники мы больше не увиделись*».

Сам государь оставил в дневнике следующую запись: «*28 октября. Пятница. В 10 1/2 прибыли в Киев. Дорогая Мама встретила на станции. С Алексеем поехал в Софийский собор, а затем во дворец. Посидел с Мама. Завтракали втроем. Произвел юнкеров 5 Киевской школы в прапорщики во дворе. Поехали с Мама к Ольге в ее лазарет. Она поправляется после горловой болезни. После чая у Мама вернулись в поезд. В 8 обед с Мама и оставался с ней до 11 1/2 ч.*».

Как и во всех дневниковых записях «Помазанника Божьего», присутствует только конкретная фиксация событий, даже без малейшей попытки дать оценку или характеристику событию. Этим она не особенно отличается от записей цесаревича. Поэтому ни слова не было сказано о главной причине данного приезда в Киев. Дело в том, что его сестра Ольга, великая княгиня, совершила экстраординарный поступок, добилась развода, хотя ее супруг и не пытался склеить неудавшийся брак. Существование бывших супругов вдали друг от друга было довольно продолжительным. Поэтому сестра императора имела намерение вступить в брак, но с обычным дворянином, не из высшей знати, что само по себе грозило грандиозным скандалом.

Члены императорской семьи, а в первую очередь Александра Федоровна, были против развода, и тем более, морганатического брака. Она недолго любила Ольгу, стремилась лишний раз упрекнуть венценосного супруга за его родню и писала Николаю II в Ставку: «*Я все понимаю и не упрекаю ее за стремление прежде всего к свободе, а затем к счастью, но она вынуждает тебя идти против законов семьи, – когда это касается самых близких, это еще больнее. Она – дочь и сестра! Перед всей страной, в такое время, когда династия переживает такие тяжелые испытания и борется против революционных течений, – это грустно. Общество нравственно распадается, и наша семья показывает пример... Может это нехорошо, но я надеюсь, что Петя не даст развода...*».

Но Петр Ольденбургский развод дал, а Николай II, не послушав на этот раз супругу, согласился на брак сестры. Мария Федоровна одобрила решение сына. По прибытии из Киева в Могилев царь писал супруге: «*...Ольгу мы видели два раза, она уже встала вчера и выглядит хорошо, хотя и худая, – такое спокойное хорошее выражение лица. Она письменно просила разрешение повенчаться в субботу 5 ноября. Она, конечно, спросила об этом и Мама, и я принял ее сторону, сказав, что, по моему мнению, надо покончить с этим делом. Раз оно должно случиться, пусть случится теперь! Она хочет взять отпуск на две недели и затем вернуться к своей работе. Мама намерена еще пожить в Киеве, который она очень любит*».

Венчалась великая княгиня Ольга Александровна с ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Н. А. Куликовским 4 ноября 1916 года в Николаевской церкви в Киеве. Определить в какой именно церкви пока что не удалось. Только на Подоле их три. Была еще Николаевская церковь в Предместно-Никольской слободке, там венчались Николай Гумилев с Анной Ахматовой. Есть данные, что происходило это в церкви Святого Василия. Скорее всего, рангу венчающихся более подходил Никольский военный собор, но они отказались от него. Зачем им лишняя помпезность и огласка? Обряд бросал тень на весь царствующий дом, поэтому его совершили в тайне.

Ольга Александровна вспоминала: «*На церемонию пришли Мама и Сандро. Присутствовали два или три офицера гусарского Ахтырского полка и немногие мои подруги из числа сестер милосердия. Потом персонал лазарета устроил в нашу честь обед. Тем же вечером я вернулась на дежурство в палату. Но я была действительно счастлива. У меня сразу прибавилось сил. Стоя в церкви рядом с моим любимым „Кукушкиным“ я решила смело глядеть в лицо будущему, каким бы оно не оказалось. Я была благодарна Всевышнему за то, что Он даровал мне такое счастье». Больше сведений находим в тех же воспоминаниях великого князя Александра Михайловича: «*Что касается великой княгини Ольги Александровны, то самые заклятые враги династии не могли сказать ничего, кроме самого хорошего, о ее бескорыстной работе по уходу за ранеными. Женщины с такими качествами представляют собою редкое явление. Всегда одетая как простая сестра милосердия и разделяя с другой медсестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра, и часто не ложилась всю ночь, когда надо было перевязать вновь прибывших раненных. Иногда солдаты отказывались верить, что сестра, которая терпеливо и нежно за ними ухаживала, была родной сестрой государя и дочерью императора Александра III. Ее личная жизнь сложилась несчастливо. Она была первым браком замужем за принцем Петром Александровичем Ольденбургским, человеком с ней совершенно различным по характеру. Великая княгиня любила искренно и глубоко одного офицера-кирасира по фамилии Куликовский. Все ее надежды, что государь разрешит ей развестись с мужем и вступить в новый брак. И я был очень рад, когда однажды ясным зимним утром в 1916 году мы сопроводили Ольгу Александровну и ротмистра Куликовского в маленькую церковь в пригороде Киева. Это была исключительно скромная, почти тайная для всех свадьба: невеста, жених, вдовствующая императрица, я, две сестры из Кراسного Креста и четыре офицера Ахтырского гусарского полка, шефом которого состояла великая княгиня. Служил старенький батюшка. Его слабый голос шел, казалось, не из церкви, а раздавался откуда-то издали. Все мы были очень довольны*».*

Дальнейшая судьба новобранцев прослеживается весьма скудно. Ольга постоянно была возле матери и продолжала работу в своем госпитале. Но через некоторое время, ожидая ребенка, она уже не могла выполнять столь тяжелую и грязную работу. Тем более что однажды, в день возвращения матери из Могилева, она, беременная, при выходе из автомобиля оступилась и неудачно упала. После этого, переживая за ребенка, больше времени проводила с матерью.

Несмотря на уговоры своих родственников, Мария Федоровна не хотела покидать Киев, к которому очень привыкла, к тому же она хотела быть поближе к сыну. Ее зять, Александр Михайлович, вспоминал впоследствии: *«Я просил великую княгиню Ольгу Александровну постараться убедить вдовствующую императрицу переехать в Крым. Сначала я встретил решительный отпор: она не хотела уезжать от Ники еще дальше. Если это варварское правительство не позволит Ники переехать в Киев, заявила она, после того как нам удалось ей разъяснить настоящее положение государя, то почему же она не могла сопровождать его в сибирскую ссылку? Его жена Алекс слишком молода, чтобы нести бремя страданий одной. Она чувствовала, что Ники очень нуждается в поддержке матери».* Вскоре начались враждебные выпады местных властей против императорской семьи. Им не позволяли посещать госпиталь, так как в добром отношении к ним раненых и персонала видели монархическую пропаганду. Был издан приказ – всем членам бывшей императорской семьи покинуть губернский город. Это так возмутило Марию Федоровну, что *«пришлось почти что нести императрицу на вокзал. Она боролась до последней минуты, желая остаться и, заявляя, что предпочитает, чтобы ее арестовали и бросили в тюрьму».* Так в конце марта 1917 года мать-императрица со своей дочерью Ольгой, мужем дочери Ксении – великим князем Александром Михайловичем, отправились в Крым.

Великая княгиня Ольга Александровна со своим супругом Н. Куликовским и детьми. Фотография 1920-х гг.

Этот последний путь группы Романовых из Киева достоин описания. В городе они подвергались большой опасности, но и уехать было невозможно, если бы не инициатива и самоотверженные усилия Александра Михайловича. Ему удалось найти поезд, стоявший на заброшенном полустанке за пределами города и суметь привлечь на свою сторону небольшой отряд оставшихся верными императору саперов, строящих мост через Днепр. Они согласились сопровождать поезд в течение всего полного опасностей пути в Крым.

Семейство покинуло Киев ночью. Чтобы не вызывать подозрений, каждый добирался до поезда самостоятельно. Когда вдовствующая императрица, Александр Михайлович, Ольга с мужем разместились, даже после отправления долго ехали молча, каждый погруженный в свои думы. С ними следовали несколько придворных Марии

Федоровны. Служанка Ольги, верная Мимка, по собственной инициативе отправилась в Петроград, чтобы забрать хотя бы часть драгоценностей, оставшихся в доме ее хозяйки, но их вернуть не удалось.

Великая княгиня вспоминала: *«Ночь была холодная. На мне не было ничего, кроме формы сестры милосердия. Чтобы не привлечь к себе внимания, уходя из лазарета, пальто я одевать не стала. Муж накинул мне на плечи свою шинель. В руках у меня был маленький саквояж. Помню, я посмотрела на него, на мою мятую юбку и поняла, что это все, что у меня осталось»*. Романовы так и не поняли, как добрались до Севастополя. Четыре дня на каждой станции их поезд атаковали толпы беженцев, которых, как могли, сдерживали верные саперы. По прибытии их ожидали несколько автомобилей из авиационной школы, находящейся в ведении Александра Михайловича. Романовы направились в Ай-Тодор – его имение. Старшая дочь Ксения со своими тремя сыновьями приехали немного позже из Петербурга. С ними прибыла ее дочь Ирина со своим щеголем-супругом Феликсом Юсуповым. В имении Ай-Тодор, кроме Марии Федоровны, разместились ее дочери. С Ксенией был Александр Михайлович и их шестеро сыновей. Ольга – со своим мужем, ушедшим в отставку полковником. У них родился сын Тихон, который был зачат в Киеве (!). Всё августейшее семейство в Крыму пережило обыски, грабежи, различные угрозы, а также постоянные перемены власти. Сила духа, в первую очередь присущая Марии Федоровне и ее дочери Ольге, поддерживала всех.

Вскоре великая княгиня Ольга Александровна осталась единственной представительницей дома Романовых в России. Вместе с мужем и сыном она проживала на Кубани. Здесь 23 марта 1919 года родился их второй сын Гурий. Популярность великая княгиня вполне заслужила за свою личную скромность и необычайную трудоспособность. Она с присущей ей деликатностью отвергала все попытки провозглашения ее императрицей, которые вынашивали монархические круги в белых частях Юга России.

Когда Красная армия приблизилась к станции, великая княгиня с семьей и небольшой свитой переехали в Ростов, затем в Константинополь, а в 1920 году приехала к матери в Данию. Там она со своей семьей жила до 1948 года в Баллерупе близ Копенгагена. Ее дом вскоре стал общественным местом русской колонии в Дании. Она по-прежнему много времени отдавала рисованию. Дети, получив образование в русской гимназии в Париже, военную службу проходили в королевской гвардии. Жизнь в Датском королевстве была бы и далее спокойной, если бы не нота Советского правительства, посланная этой маленькой стране после войны. В нем обвиняли Ольгу Александровну в пособничестве «предателям родины». Не исключено, что существовал приказ Сталина о ее ликвидации. Дело в том, что она помогала всем землякам, попавшим в беду, вне зависимости от их политических симпатий. Их хотели выдать по требованию СССР, где, в лучшем случае, их ожидала Сибирь. Великая княгиня помогала им скрыться, пряча некоторых даже у себя дома, но затем, опасаясь за судьбу своих близких, вынуждена была переехать с семьей в Канаду, где благополучно прожила до своей кончины в ноябре 1960 года. Похоронена она на русском кладбище «Норс-Йорк» в Торонто, на два года пережив своего супруга. Они часто вспоминали свое пребывание и венчание в Киеве, городе, с которым их так много связывало.

Несколько лет тому назад я продал три тома «Истории Первой Киевской гимназии» и на вырученные деньги купил картину кисти Ольги Александровны. Она является для меня ярким напоминанием об этой замечательной Женщине из дома Романовых.

Великий князь Александр Михайлович и последние дни царского Киева

Великий князь Александр Михайлович, которого еще в Грузии, наместником которой был его отец, – называли Сандро, был дядей, шурином и ровесником царя Николая II, и также считался его приятелем. Он женился на в. к. Ксении, стал отцом шестерых сыновей и дочери Ирины, которая вышла замуж за красавца князя Феликса Юсупова. Обаятельный аристократ и веселый мудрый человек, моряк, адмирал и основатель российской военной авиации, нам он интересен тем, что последний предреволюционный год провел в Киеве. Многие из ниже приведенного взято из его «Воспоминаний». Довольно большие цитаты из этого произведения оправданы тем, что в них описывается предреволюционный Киев. Во время войны Александра Михайловича назначили руководить военной авиацией.

В своем дневнике о нашем городе он пишет: *«Наступил 1916 год. Я перенес мой штаб в Киев и готовился оказывать содействие главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Брусилову в его проектировавшемся наступлении против австрийцев. Императрица Мария Федоровна приехала в Киев к своей младшей дочери в. к. Ольге Александровне, которая с 1915 г. стояла во главе организованного ею в Киеве госпиталя. Вырвавшись из атмосферы Петербурга в строгую военную обстановку Киева, императрица чувствовала себя хорошо. Каждое воскресенье мы встречались втроем в ее киевском дворце – старинном доме на правом берегу Днепра. После завтрака, когда все посторонние уходили, мы обычно оставались в ее будуаре, обсуждая события истекшей недели. Нас было трое – мать, сестра и шурином императора. Мы вспоминали его не только, как родственники, но и как верноподданные».*

Находясь в Киеве и на фронте, великий князь ощущал разительный контраст настроения там и в Петрограде. *«Можно было сказать, что в нашем тылу произойдет восстание именно в тот момент, когда армия будет готова нанести врагу решительный удар. Я испытывал страшное раздражение. Я горел желанием отправиться в Ставку и заставить Ники тем или иным способом встряхнуться. Если государь сам не мог восстановить порядок в тылу, он должен был поручить это какому-нибудь надежному человеку с диктаторскими полномочиями. И я ездил в Ставку. Был там даже пять раз. И с каждым разом Ники казался мне все более и более озабоченным и все менее и менее слушал моих советов, да и вообще чьих-то ни было. Восторг по поводу успехов Брусилова мало-помалу утихал, а взамен на фронт приходили из столицы все более неутешительные вести. Верховный главнокомандующий пятнадцатимиллионной армией сидел бледный и молчаливый в своей Ставке, переведенной ранней осенью в Могилев. Докладывая государю об успехах авиации, я замечал, что он только и думал о том, когда же закончу доклад, и оставляю его в покое, наедине со своими думами. Когда я переменял тему разговора и затронул политическую жизнь в С. – Петербурге, в его глазах появилось недоверие и холодность. За всю нашу сорокаоднолетнюю дружбу я еще никогда не видел у него такого взгляда.*

– Ты, кажется, больше не доверяешь своим друзьям, Ники? – спросил я его полушутливо.

– Я никому не доверяю, кроме жены, – ответил он холодно, смотря мимо меня в окно. А потом, как будто испугавшись собственной откровенности, добавил с прежним дружеским тоном, – Останешься со мной на завтрак, Сандро? Расскажешь новости о маме и Ольге.

Я остался на завтрак, который был подан в саду, прилегавшем к канцелярии Ставки. Беседа была натянутой. Присутствовавшие главным образом интересовались живыми репликами 12-летнего цесаревича, приехавшего в гости к отцу в Могилев. После завтрака я отправился к своему брату в. к. Сергею Михайловичу, генерал-инспектору артиллерии и имел с ним беседу. По сравнению с Сергеем Михайловичем мой брат Николай Михайлович был оптимистом! Последний, по крайней мере, предлагал лекарства и верил в реформы. Настроение Сергея выражало отсутствие всякой надежды. Находясь в непосредственной близости от государя, Сергей видел, как приближается катастрофа.

– Не трать время, Сандро, пытайся открыть царю глаза. Возвращайся к своей работе, и моли Бога, чтобы у нас не произошло революции еще в течение года. Армия находится в прекрасном состоянии. Артиллерия, снабжение, технические войска – все готово для решительного наступления весной 1917 года. На этот раз мы разобьем немцев и австрийцев, если, конечно, тыл не свяжет свободу наших действий. Немцы могут быть спасены только в том случае, если спровоцируют у нас революцию в тылу. Они это прекрасно знают и стремятся добиться своего, во что бы то ни стало. Если государь будет поступать и впредь так, как он делал до сих пор, то мы не сможем долго

противостоять революции».

Подробности убийства Распутина широко известны, но как эту весть восприняли в Киеве, лучше всего, расскажет Александр Михайлович, тем более, что одним из участников покушения был его зять Феликс Юсупов. *«17 декабря рано утром мой адъютант вошел в столовую с широкой улыбкой на лице:*

- Ваше императорское высочество, сказал он торжествующе, Распутин убит прошлой ночью в доме вашего зятя, князя Феликса Юсупова.

- В доме Феликса? Вы уверены?

- Так точно. Полагаю, что вы должны испытывать большое удовлетворение по этому поводу, так как князь Феликс убил Распутина собственноручно, и его соучастником был великий князь Дмитрий Павлович.

Невольно мои мысли обратились к моей дочери Ирине, которая жила в Крыму с родителями мужа. Адъютант удивился моей сдержанности. Он рассказывал, что жители Киева поздравляют друг друга на улице и восторгаются мужеством Феликса. Этого следовало ожидать. Я сам радовался тому, что Распутина нет более в живых, но в этом деле возникало два опасения. Как отнесется к убийству Распутина императрица и в какой мере будет ответственна царская фамилия, за преступление, совершенное при участии двух ее сочленов?

Я нашел вдовствующую императрицу еще в спальне, и первый сообщил ей об убийстве Распутина.

- Нет? Нет! - вскочила она.

Когда она слышала что-нибудь тревожное - она всегда выражала свой страх и опасения этим полувопросительным, полувосклицательным: „Нет?!“

На новость она отреагировала так же, как и я.

- Слава Богу, Распутин убран с дороги, но нас ожидают теперь еще большие несчастья.

Мысль о том, что муж ее внучки и племянник обагрили руки кровью, причинила ей большие страдания. Как императрица она сочувствовала, а как христианка была против пролития крови, какие бы благородные побуждения ни двигали преступниками. Мы решили просить Ники разрешить нам приехать в Петербург. Вскоре из Царского Села пришел утвердительный ответ - Ники покинул Ставку рано утром и поспешил к своей жене. Прибыв в Петроград, я был совершенно подавлен царившей в нем сгущенной атмосферой обычных слухов и мерзких сплетен, к которым присоединилось злорадное ликование по поводу убийства Распутина и стремление прославлять Феликса и Дмитрия Павловича. Оба „национальных героя“ признались мне, что принимали участие в убийстве, но отказались, однако, открыть мне имя главного убийцы. Позднее я понял, что этим они хотели прикрыть Пуришкевича, сделавшего последний смертельный выстрел. (...)

На следующий день я уехал в Киев с Феликсом и Ириной, которая, узнав о происшедшем, приехала в Петроград из Крыма. Находясь в их вагоне, я узнал во всех подробностях кошмарные обстоятельства убийства. Я хотел тогда, как желаю этого и теперь, чтобы Феликс раскаялся в своем поступке и понял, что никакие громкие слова, никакое одобрение толпы не могут оправдать в душе истинного христианина этого преступления. По возвращении в Киев я отправил Ники пространное письмо, высказывая мое мнение о тех мерах, которые были необходимы, чтобы спасти армию и империю от надвигающейся революции. Мое 6-дневное пребывание в Петрограде не оставило во мне ни капли сомнения, что начало революции следует ожидать никак не позже весны».

Великий князь Александр Михайлович, дядя Николая II. Фотография 1910-х гг.

Александр Михайлович далее вспоминал: «Как бы мне хотелось позабыть этот проклятый февраль 1917 года! Каждый день мне приходилось встречаться с кем-либо из родственников или друзей, которых более уже не суждено было увидеть: брата Николая Михайловича, другого брата Георгия Михайловича, шурина Михаила Александровича, двоюродных братьев Павла Александровича и Дмитрия Константиновича и многих,

многих других.

Брат Георгий Михайлович заехал в Киев по дороге в Ставку. С самого начала войны он занимал должность особоуполномоченного государя и имел задачу объезжать фронт и делать донесения об общем положении. Его наблюдения подтвердили самые худшие мои опасения. Армия и заговорщики были готовы разрушить империю. Я ушел с головой в работу и более не обращал ни на что внимания».

Когда в Киев дошли вести о столкновениях в Петрограде, встревоженный Александр Михайлович телеграфировал Николаю II с предложением прибыть в Ставку и поступить в полное его распоряжение. Одновременно с киевского телеграфа связался с братом Сергеем: «Его голос звучал очень озабоченно:

- Дела в Петрограде обстоят все хуже и хуже, нервно сказал он. - Столкновения продолжаются, и можно с минуты на минуту ожидать, что войска перейдут на сторону мятежников.

- Но что же делают части гвардейской кавалерии? Неужели и на них нельзя более положиться?

- Каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке в Петроград отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт.

От Ники я получил ответ: „Благодарю. Когда ты будешь нужен, я сообщу. Привет. Ники“.

Он был в ставке совершенно один. Единственный, кто мог дать ему совет – это мой брат Сергей Михайлович. Я вспомнил о генералах-изменниках, которые окружали государя, и почувствовал, что поеду в Ставку без разрешения. Помещение главного телеграфа, откуда я говорил с Сергеем, гудело, как потревоженный улей. Лица служащих, которые, конечно, все были врагами существующего строя, без слов говорили о том, что было недосказано Ставкой и газетами. Весь день я провел во дворце вдовствующей императрицы. Не нахожу слов, чтобы описать ее волнение и горе. Преданные императрице люди заходили к ней, чтобы сообщить о слухах и „непроверенных версиях“, о последних событиях в столице.

В шесть часов утра меня вызвали на главный телеграф для разговора с Сергеем по прямому проводу.

- Ники выехал вчера в Петроград, но железнодорожные служащие, следуя приказу Особого комитета Государственной Думы, задержали императорский поезд на станции Дно и повернули его по направлению к Пскову. Он в поезде совершенно один. Его хочет видеть делегация членов Государственной думы, чтобы предъявить ультиматум. Петроградские войска присоединились к восставшим.

Он больше ничего не сказал и очень торопился.

Прошел еще один день невероятных слухов. Вдовствующая императрица, Ольга и я более не находили слов. Мы молча смотрели друг на друга. Я думал о судьбе империи, они – о своем сыне и брате.

Мой адъютант разбудил меня на рассвете. Он подал мне отпечатанный лист. Это был Манифест царя об отречении. Ники отказался расстаться с сыном и отрекся в пользу Михаила. Я сидел в постели и перечитывал этот документ. Вероятно, Ники потерял рассудок. С каких пор самодержец может отречься от данной ему Богом власти из-за того, что в столице недостаток хлеба и частичные беспорядки? Измена Петроградского гарнизона? Но ведь в его распоряжении находилась пятнадцатимиллионная армия. Все это, включая его поездку в Петроград, казалось тогда, в 1917 году, совершенно невероятным. И продолжает мне казаться невероятным сейчас, в 1931 году.

Я оделся и пошел к Марии Федоровне разбить ее сердце вестью об отречении сына. Потом мы заказали поезд в Ставку, так как получили известие, что Ники было дано „разрешение“ (!) вернуться в Ставку, чтобы проститься со своим штабом».

И снова Александр Михайлович в своих «Мемуарах» свидетельствует о последних днях в Киеве. «Я лично хотел остаться в Киеве, чтобы быть поближе к фронту. В моей душе не было чувства горечи к русскому народу. Я любил родину и рассчитывал принести ей пользу, будучи на фронте. Я пожертвовал десятью годами жизни для создания и

развития нашей военной авиации, и мысль о прекращении привычной деятельности была для меня нестерпимой.

Первые две недели все шло благополучно. Мы ходили по улицам, смешавшись с толпой, и наблюдали грандиозные демонстрации, которые устраивались по случаю полученной свободы! Дни были заполнены бесконечными митингами, и многочисленные ораторы обещали мир, преуспевание и свободу. Было трудно понять, как это все произойдет, пока шла война, но, конечно, следовало считаться и с русской велеречивостью. Вначале население ко мне относилось весьма дружелюбно. Офицеры и солдаты отдавали мне при встрече честь, хотя отдавание чести было отменено пресловутым „Приказом № 1“.

Все шло как будто прекрасно,...к концу марта германские агенты всецело овладели положением, как в столице, так и в провинции. Совершенно безразлично, получали ли большевистские главарь какие-либо суммы от Людендорфа или ограничивались тем, что приняли приглашение германского правительства проехать через Германию в запломбированном вагоне. Ведь говорил же Ленин: „Я бы взял деньги на дело революции от самого дьявола“.

Странные сообщники - Ленин и Людендорф - не обманывались относительно друг друга. Они были готовы пройти часть пути к объединяющей их стремление цели. Генерал старался оставаться серьезным, думая о сумасбродстве этого „теоретика“ Ленина. Зато коммунист здорово посмеялся над Людендорфом двадцать месяцев спустя, когда революционная чернь в Берлине хотела повесить этого победителя при Тонненберге.

На знаменах, которые несли полные революционного энтузиазма манифестанты в Киеве, четкими буквами были написаны новые политические лозунги:

„Мы требуем немедленного мира!“

„Долой правительство капиталистов!“

„Нам нужен мир, а не проливы!“

„Мы требуем самостоятельной Украины!“...

По всей вероятности, некоторым из наших добрых друзей, тронутых нашим положением, удалось повлиять на Временное правительство, и в один прекрасный день к нам явился комиссар и передал приказ отправиться немедленно в Крым. Местный совет всецело одобрил этот план, так как считал, что „пребывание врагов народа так близко от германского фронта представляет собою большую опасность для революционной России“».

Брат Николая II, Михаил Александрович, отказался от короны, которая принадлежала ему ровно одни сутки. Вследствие отречения Временное правительство распустило Думу. И страна фактически стала республикой без какого-либо законодательного органа. Его величество история позаботилась, чтобы 300-летняя история семьи Романовых на царском престоле началась с Михаила I и закончилась Михаилом II.

Город Михаила Булгакова

Давно заметил, что для большинства интеллигентных туристов последнего десятилетия Киев ассоциируется с Михаилом Булгаковым. И это стало понятно задолго до безобразной экранизации в 2012 году «Белой гвардии», где от Михаила Афанасьевича остались лишь имена героев и добавлено много лживого помимо изменений сюжетной линии, – особенно в финале. В этом фильме пропал сам Город, главный герой моего любимого произведения. Для меня «Белая гвардия» – это гимн Киеву, печальная соната его жителям, восторженные марши его улицам и домам, игривые бурлески представителям богемы и меняющим убеждения и хозяев политическим кокоткам... Этот мощный финал усиливает памятник Владимиру, князю, всматривающемуся в далекие Заднепровские дали! И крест в руках равноапостольного, поставленный на имперском прошлом города.

Я не помню, да простите меня, ни одного более или менее известного писателя, который бы закончил филологический факультет. Михаил Афанасьевич Булгаков по профессии был врачом, а прославился как писатель.

А ведь задолго до булгаковской славы, полученной через нечистую силу «Мастера и Маргариты», люди столетиями стремились к Святому Граду, поклониться «Иерусалиму Земли Русской», его святыням, храмам, чудодейственным мощам, пройти по благодатной земле, прикоснуться к Вечности... И всё изменилось: вместо посещения киевских таинственных пещер, лицезрения мироносных икон бегут, стремятся на Андреевский спуск, притронуться, запечатлеться возле памятных мест, связанных с САМИМ Михаилом Булгаковым!!! Хотя на мгновение посидеть возле НЕГО на скамейке! Гения, запечатленного на селфи десятки тысяч раз «скамеечными соседями». Скамейка уже давно блестит, отполированная... А как можно ближе прикоснуться к литературной славе?! Чтобы стать, перевоплотиться хоть на мгновение в Ивана Безродного! Безусловно, здесь присутствует переоценка ценностей. И не без некоего «чертовско555го» характера творчества Великого Писателя. Налицо простое стремление современной молодежи и даже людей пусть и в пенсионном возрасте, но только-только начавших читать книги, просто запоздало познакомиться с художественной литературой. Господа, не почувствовавшие радость художественного чтения, – мне вас жалко! Так вот, освоив анекдотичность, шутовство некоторых потусторонних персонажей Затеяника, поверхностный читатель не замечает глубинных пластов этих героев, мудрых и суровых, скачущих по лунной дорожке в свите Воланда, какими их представляет Булгаков в финале романа. Неискушенный потребитель легких, на первый взгляд, произведений не ощущает всю мощь воистину философских притч Михаила Афанасьевича. Как *«редкая птица долетит до середины Днепра...»*, так и мало людей, понимающих всё величие творчества великого КИЕВЛЯНИНА. Ведь все гениальные произведения мировой литературы имеют несколько слоев восприятия и понимания сути вещей, в них происходящих. Как Библия!

Но именно «дьяволиадами» взял отечественного читателя Булгаков. Без «рогатого» тут не обошлось – как и в решении Министрства просвещения Украины в 2012 году заменить в школьной программе «Фауст» Гете на «Гарри Поттера». Для сотрудников важного и ответственного государственного органа эта замена не была тяжелой моральной. Им, вряд ли читавшим и Гете, и Роулинг, достаточно было краткого содержания произведения. Есть вещи настолько серьезные, что по их поводу можно только шутить.

Киев начала XX века нельзя представить без Михаила Булгакова. И это не только мое мнение Позвольте, я приведу размышления Мирона Петровского, прекрасно знающего и Киев, и творчество Великого Писателя.

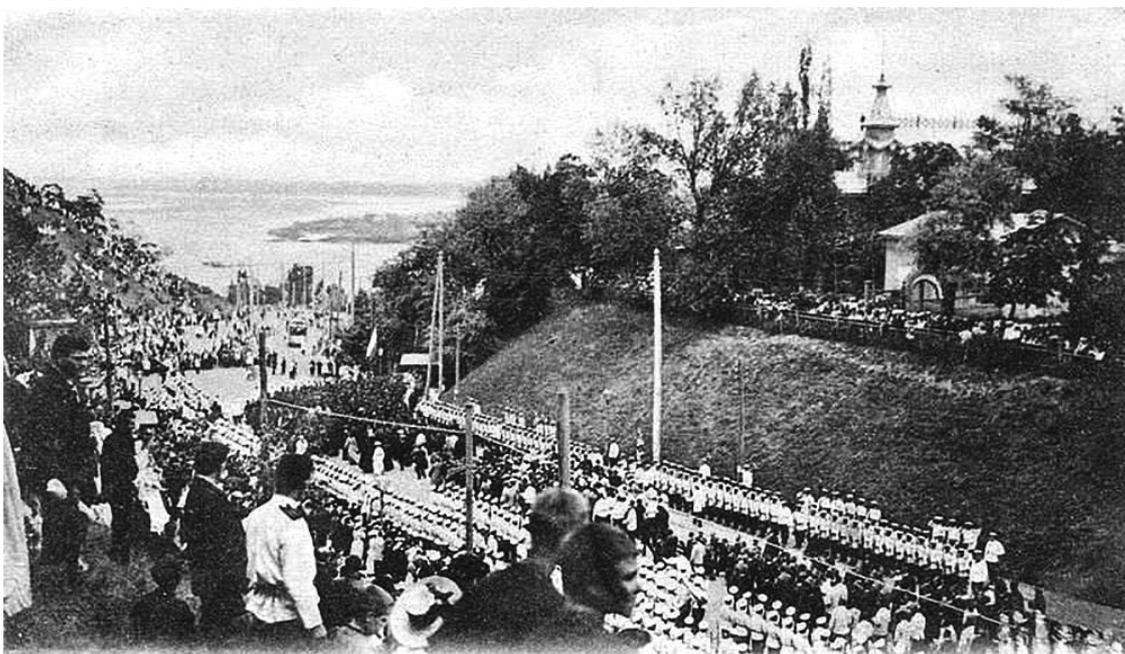
Петровский совершенно обоснованно считает, что появление Михаила Булгакова, писателя из Киева, не было ни чудом, ни случайностью. Чудо требует одноактности, оно по определению не может быть серийным, а Киев в конце описываемого периода непрерывно порождал явления отнюдь не городского масштаба и выводил персонажей воистину удивительных. До сих пор мало кем осознается тот факт, что русский символизм, определивший развитие отечественной культуры далеко за пределами так называемого «серебряного века», ведет свое начало из Киева, со статей и манифестов Николая Минского, Иеронима Ясинского и Виктора Библика. Что три крупнейших отечественных философа – Николай Бердяев, Сергей Булгаков и Лев Шестов – киевляне по рождению или по воспитанию. Что философ из Киева Яков Голосовкер, перебравшись в Москву, сочинил, между прочим, роман о дьяволе, сжег его, а потом восстановил заново, подобно тому, как сделал это герой Булгакова. Словно писать в Москве романы о дьяволе, сжигать их, потом восстанавливать – необходимая принадлежность некой «киевской типологии»... Был ли Киев провинцией для «двух столиц»? Читатель моей книги не согласится с этим. Конечно, роль областных гнезд (Киев, Одесса, Витебск, Воронеж, Чернигов...) в определенные временные промежутки была значительной, но всё же не шла ни в какое сравнение с ролью столиц, чье мощное притяжение непрерывно захватывало всё лучшее, что нарабатывалось на периферии. Это и определило появление в Москве 1921 году Михаила Булгакова, за которым долго тянулась репутация «писателя из Киева».

Так вот, разберем вопрос: был ли породивший и воспитавший многих творческих людей Киев – провинцией? На него не ответишь ни ссылкой на административное деление, ни напоминанием о славном историческом прошлом или о количестве и качестве библиотек и фабрик, театров и монастырей, издательств и учебных заведений, элеваторов и церквей... Тут на первый план выходит самоощущение человека, живущего в этом пространстве. Всё остальное годится для проверки – нет ли в этом самоощущении заносчивости или уничижительности? Николай Бердяев бросил крылатую фразу: *«Всё, что отдалено от Бога, – провинциально»*. Админделение и размер кружка на карте мало что решает, когда речь идет о столь высоких бытийных смыслах. Родина Булгакова являлась столицей его мира и творчества. Для понимания писателя не подходит концепция «двух столиц», тут нужно прибегнуть к представлению о трех – в духе Георгия Федотова: *«Западнический соблазн Петербурга и азиатский соблазн Москвы – два неизбежных срыва России, преодолеваемые живым национальным духом. В соблазнах крепнет сила. Из немощей родится богатство. Было бы только третье, куда обращается в своих колебаниях стрелка духа. Этим полюсом, неподвижной православной вехой в судьбе России является Киев, то есть идея Киева»*. Из этого «третьего» и пришел писатель и внес в национальную литературу «идею Киева». Это город дал Булгакову необыкновенный дар – воспринимать общенациональную культуру, находясь в ней, и при этом как бы созерцать со стороны, охватывая взглядом его целостность.

Одержимость Киевом – едва ли не доминанта булгаковского творчества, а «идея Киева», сопрягающая, несомненно, всемирно-историческую, «сверхстоличную» судьбу города со столь же несомненной его каштано-акациевой провинциальностью, поражает, как бы наперед задал своей неразрывной несовместимостью основные структуры художественной мысли Булгакова. В конфликте между столицей и провинцией, в споре «двух столиц» играет выразительно «третью» – медиативную – роль. Есть нечто обнадеживающее в том, что популярность Булгакова стремительно росла как раз в ту пору, когда пролетарские и деревенские писатели вострились друг на друга литературные зубы.

Булгаков, Вертинский, Шестов, Бердяев, Куприн и многие другие светила XX века творчески формировались в

самом начале его. Причем это происходило в киевской духовной питательной среде. Но эти «художественно-идейные движения» мало исследованы и описаны. Лишь в последнее десятилетие появились фундаментальные исследования, в первую очередь – Мирона Петровского. Он отметил, что у исторического познания есть своя дистанция, свой поступательный шаг, свой модуль: современность становится привлекательной для историка по прошествии примерно 20 лет. Приблизительно через такой срок, равный, как считают, времени вхождения в жизнь нового поколения, историческая наука «замечает», что текучее «сегодня» уже стало «вчера» и ее, науки, поле познания приросло новым участком. Сегодняшняя современность, ставшая вчерашней, осознается как место приложения усилий историка. Сегодня, скорее всего, не найдем хроникеров или панорамных описателей 1980-х годов, последних лет советской власти, при всей их красочности. Бытописатели найдутся, а вот с историческим и культурологическим анализами посложнее. Может попробовать? В подобном соответствии время 1900-1910-х годов для познания специалистов должно было пробить после Первой мировой, гражданских войн, революции, одним словом – после... Но, по словам Салтыкова-Щедрина, «история прекратила течение своё...». Нет, нет, не поток событий, а возможность серьезной научной фиксации и осмысливания этого потока, возможность историографии, а самый интересный, самый духовно богатый, наиболее насыщенный период киевской истории оказался и самым неизвестным. Предреволюционный период, непосредственно противостоящий истории режима, возникшего в результате смены власти, превратился в запретный для историка. В этом сыграли свою неблагоприятную роль советские историки, да и что греха таить, и национальные кадры, получившие доступ в «спецхраны» после обретения Украиной независимости. Этот период им показался скучным. Великокняжеский Киев Владимира и Ярослава, древний город изучен досконально, не в пример лучше, чем столяр, казалось бы, близкий, рядом стоящий Киев времен детства и юности Михаила Булгакова, поэта этого города, почти нашего современника.

Ежегодный парад 15 июля в память св. Владимира. Открытка 1910-х гг.

Всё прошедшее за весь промежуток существования Киева было далеко от народовластия, от истинной демократии. К ней мы еще не пришли, еще сильны феодальные предрассудки, нет у народа еще уверенности в своих силах. Была, правда, Оранжевая революция, когда народ, показав свою силу и твердость, впоследствии почил на лаврах, думая, что депутаты с феодальными замашками будут защищать права своих избирателей. Нет, депутатом нужно не благоденствие всей страны, а в их собственной семье. Произошла перестановка мест слагаемых – раньше была власть партии, а теперь партия власти.

Наш современник и мой друг - М. С. Петровский

Я тут привел немало высказываний Мирона Семеновича, поэтому нахожу нужным рассказать о нём, моем современнике литературоведе, пишущем о начале прошлого столетия.

Мирон Семенович – известный писатель, культуролог, литературовед и тонкий знаток творчества Булгакова. И прежде всего, киевлянин, хотя родился 8 мая 1932 года в Одессе. С детства увлекался литературой, был, как и я, запойным читателем. Настоящим открытием, воспоминание о котором осталось на всю жизнь, для Петровского стала книга К. Чуковского «Высокое искусство»: *«Эта книга открыла мне, двенадцатилетнему закомплексованному подростку, возможность быть свободным, научила свободе. То есть, конечно, я не стал миг и навсегда свободным, но ощущение было такое, будто я вырвался из клетки самого себя, прорвался к самому себе, и обратно уже не вернусь, а буду только расширять прорыв, отгибая прутья. Так научившийся однажды держать равновесие на велосипеде или держаться на воде уже вовеки не разучится, даже если никогда и близко не подойдет к воде и велосипеду. Такое вот ноу-хау. Разумеется, тогдашние слова были другие, да и не помню я слов, но ощущение было то самое. Самое то».*

В 1957 году М. Петровский окончил заочное отделение филологического факультета Киевского университета им. Т. Шевченко. Вскоре после окончания жилья Мирона Петровского на площади Льва Толстого в Киеве стало одним из средоточий молодежной неформальной субкультуры. Среди участников встреч были филологи Андрей Билецкий и Татьяна Чернышова, писатель Юрий Щербак, биолог Юрий Некрутенко, переводчик Юрий Педан, художник Вилен Барский и другие. Кое с кем я не раз впоследствии общался. В 1959–1960 годах у некоторых из них КГБ проводило обыски, их вызывали на допросы, предавали обструкции в прессе, часть подверглась гонениям (так называемое дело о «Литературной забегаловке»). Мирон был вынужден уехать из Киева в Москву, чтобы избежать преследований местных кагебистов. В Москве находился в сложном положении: без жилья и постоянной работы, еле перебиваясь на гонорары от статей. Позже работал литературным секретарем Корнея Чуковского, творчество которого его заинтересовало еще в университете. В московской нелегкой ситуации Мирон Петровский нашел лазейку, которая позволила ему публиковаться и работать по специальности. Ею была детская литература – одно из немногих убежищ для литераторов и ученых того времени. На протяжении 1960-х годов Петровский опубликовал несколько десятков статей о советской детской литературе в различных педагогических журналах. И никаких комплексов относительно якобы ненастоящего, «детского литературоведения», по словам автора, не испытывал.

Петровский как-то поделился со мной своим представлением о том, что такое булгаковский Киев. Дело не в том, чтобы называть так городские объекты, связанные с жизнью писателя или упоминавшиеся в его произведениях. Булгаковский Киев для киевлянина, да и по-видимому, не только для него – это та акварель, разглядев которую, человек меняет представление о культурной ценности собственной жизни, собственных представлений, города, в котором он живет. То есть для меня это скорее идеологическое и духовное понятие, чем конкретно топографическое. Хотя и этого я не отрицаю.

В 1966 году М. Петровский собрал, переделал и скомпоновал свои статьи в книгу под названием «Детская литература – большая и маленькая» (отсылая к маршакскому названию «Большая литература для маленьких»). Впрочем, книга не только не была издана, но и стала причиной скандала. 21 августа 1968 года автор получил из Москвы телеграмму о том, что договор на книгу разорван в одностороннем порядке, а набор рассыпан. На протяжении 1966–1986 годов Петровский не мог напечатать свою главную книгу, поскольку его заявки отклоняли, рукописи возвращали или вообще оставляли без ответа. Как вспоминает автор, одних заявлений, которых он подал, около 40, с различными проектами и концепциями хватило бы на отдельную книгу. За эти двадцать лет

вынужденного молчания он написал почти десяток книг по различной тематике: о культурных контекстах Маяковского, о советской научной фантастике (между утопией и детективом), о структурной поэтике цирка, о поэтическом мышлении Самуила Маршака, книгу очерков «Только одно стихотворение» и другие. Однако все они так и остались в рукописях – как свидетели того времени. В настоящее время в центре интересов Мирона Петровского – город и всё, что с ним связано: художники, детская литература, романс, кабаре, анекдот и многое другое.

Наконец в 1986 году Петровскому удалось издать вторую, новую книгу о детской литературе – «Книги нашего детства», а в 1990 году в издательстве «Советский писатель» вышел его культурологический труд «Городу и миру: киевские очерки», который меня вдохновляет и сейчас на мое творчество о Киеве. Поэтому рассказ о моем хорошем многолетнем друге Мироне Петровском, я хочу завершить его сентенцией, относящейся к описываемому мной периоду – началу XX века: *«Понятию „булгаковский Киев“ как явлению интеллектуальному и духовному может угрожать только время, способное ослабить интерес к художнику и его не производству, а творению, так сказать. Что же касается „булгаковского Киева“ как понятия топографического, реально объектного, то оно почти потеряно, благодаря не в последнюю очередь неразумной, хищнической застройке города. Меня обижает и удивляет этот способ застройки, я вижу в нем не только покушение на булгаковский Киев, но и на Киев как на понятие исторически-культурное. Я обижен тем, что на место хищников социалистических, которые портили и позорили Киев по-своему, пришли хищники капиталистические, которые своим отнюдь не лучшим способом делают то же самое».*

Финал

Почему я этот том заканчиваю февралем, а не октябром 1917 года? А потому, что настоящая история Киева, в отличие от СССР, не имеет такой даты – 25 (7 ноября)! В Киеве, как и по всей нашей стране – Украине, – ничего не произошло. А «штурм Зимнего» вообще для всей Российской республики, пришедшей на смену империи, прошел незамеченным. История моего родного Города XX столетия начинается с 9 березоля 1917 года... Почему – узнаете в моей новой книге.

Как получилось, что в феврале 1917 года 300-летняя монархия не просто пала, а рухнула в считанные дни? Столетия могущества и процветания – и агония за несколько дней. Почему это произошло? И какие уроки преподает живущим в XXI столетии история потери власти домом Романовых?

Итак, чуть боолее чем 100 лет назад рухнула монархия Романовых. Я в своих первых двух книгах *«Истории Киева»* осветил немало положительного, сделанного Романовыми для империи, куда входила и Украина. Тут уместно всё же говорить не об иронии истории, а о гримасе или даже оскале исторического процесса! Сопоставьте: столетия могущества и процветания и непостижимого роста территории до 1/6 земной суши – и полный распад за два-три дня. Почему это произошло и куда подевались многочисленные защитники престола – аристократические семейства, дворянство, генералы, адмиралы, министры, жандармы, купечество, монархисты наконец?

Не разобравшись с этим, мы рискуем в очередной раз что называется «вляпаться в историю». И ладно уж с Россией, которая уже десятилетие своей внутренней, а еще более, внешней политикой стремится к печальному (но будем надеяться, что этого не произойдет), даже трагическому концу. Давно доказано, что история повторяется, потому что никто из нее не делает выводов. А ведь так хочется наконец научиться действовать на опережение, не повторять ошибок, избежать ненужных жертв. Попытаемся проанализировать события 100-летней давности с современными и выделить основные уроки февраля 1917 года. Это очень важно, потому что в интернете, особенно в Фейсбуке, где я провожу немало времени, немало страшилок «третьего майдана», «кровавых расправ» и «штурмов»... Такой вывод или, скажем осторожней, такую гипотезу, идущую вразрез с мнениями, принятыми в исторической литературе, следовало бы подкрепить «внешними» фактами, возможно, влияниями – прямыми и опосредованными.

Согласно Дюркгейму, аномия – это состояние общества, в котором происходят разложение, дезинтеграция и распад определенной системы устоявшихся ценностей и норм, ранее поддерживавшей традиционный общественный порядок, по причине ее несоответствия новым, сформулированным и принятым государством, идеалам. Итак, запутавшись в оттенках красно-коричневого, забыли, что есть также белое и черное, есть добро и зло, есть захватническая война и война освободительная. Имеет право человек на свое мнение о войне? Не о войне Алой и Белой Розы, не о 2-й Пунической, а о сегодняшней, на которой каждый божий день гибнут люди? Конечно! Давайте обсудим весь спектр! Ну? «Война – хорошо»? «Не слишком хорошо, но пусть будет»? «Так себе войнушка! Шарахнуть надо! Весь мир в труху!» – какое разнообразие мнений о войне?! А об оккупации чужих территорий? Будем спорить, хорошо ли красть? Давайте! Я только серебряные ложечки спрячу и сумку с кошельком в руки возьму, а то вдруг ваше мнение о воровстве совпадет с образом действий?

Но поверь мне, читатель, существует и подлинный революционный процесс. В том-то и ужас, что да! К сожалению, чаще всего более или менее кровавый! История учит: как ни мерзка предреволюционная бюрократия, гораздо омерзительнее бюрократия послереволюционная. Просто до поры до времени она скрыта за артистичным авангардом революции, в которую с удовольствием играем мы все. Потом, когда перформансы и массовка сольются с лужами крови, все станет ясно, но будет уже поздно.

«Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд», – это строка Бориса Пастернака, написанная им, правда, задолго до революционных событий 1917 года и по другому поводу, создает не только должный эмоциональный фон для моих размышлений, но и заставляет серьезно углубиться в те драматические события, без чего было бы невозможным определить основные ошибки и просчеты тогдашнего политикума, а значит извлечь уроки для нашего сегодняшнего бытия, особенно для Украины.

Урок 1. Если ввязываешься в войну – обязан побеждать. Другими словами, не уверен в победе, не начинай! Потому что военных поражений власти народ не прощает. слабление страны в результате внешних событий почти всегда приводит к резкому обострению накопившихся внутренних проблем. Вспомним, к февралю 1917 года российские войска оставили территорию с населением в 25 миллионов. Уже не выдерживала нагрузок экономика – производство составляло чуть более 44 % от довоенного уровня, покупательная способность рубля упала до 27 копеек и т. д. Проигранная война очень часто приводит к внутреннему распаду. Не случайно же после Первой мировой войны распались четыре из шести воевавших империй – Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская – все, проигравшие в той войне.

Урок 2. Власти не прощают слабости. Впрочем, мировая история знает примеры, когда власть выдерживала и не такие нагрузки, как монархия Романовых в 1917 году, значительно большие, и оставалась на «плаву». Известны долгие периоды удивительного терпения низов, измученных гнетом и нуждой, – и ничего, обходилось без революций. Как писал гениальный мыслитель того времени Василий Розанов: «...революции происходят не тогда, когда народу тяжело. Тогда он молится».

Потому что для революции, учил известный социолог Питирим Сорокин, мало одних только подавленных базовых инстинктов (пищеварительный, самосохранения и т. д.), необходима еще дезорганизация власти, ее слабость. Пока власть еще внушает доверие, уважение или страх – она держится, несмотря на все свои грехи и промахи.

Власти простят всё или почти всё, единственно чего ей не простят и не забудут – это слабости. Этого не простили в феврале 1917 года, этого не простят и сегодня! 100 лет назад общество получило достаточно сигналов дезорганизации власти. К примеру, так называемая «министерская чехарда». Это когда в военное время правительства менялись с умопомрачительной частотой.

Так, за 30 месяцев войны – с лета 1915 года – у власти сменились четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел (в среднем – по 2,5–3 месяца), четыре военных министра. И это в годы войны (в среднем – 4,5 месяца), три министра иностранных дел и тому подобное.

В России тогда при назначении нового министра устраивались пари или тотализатор на срок его пребывания у власти. За это правительство в народе называли «кувырк-коллекцией». В современной истории подобный правительственный калейдоскоп, пожалуй, не имеет аналогов, разве что в Украине, где за четверть века Независимости сменилось 16 премьер-министров и 18 правительств.

А слабость лидера – это сигнал к активизации придворных группировок, конкурирующих между собой, усилению оппозиции и недовольства масс.

Обратимся еще раз к Питириму Сорокину, который утверждал, что история терпит хищнические, жесткие, циничные правительства, пока они сильны, покуда они хотят и знают, как управлять государством. Но бессильные, паразитические, бесталанные истории долго не выносят.

Урок 3. Власти не прощают некомпетентности и продажности. История знает, что практически все дореволюционные правительства (в разных странах) отличались, с

одной стороны, бессилием, нерешительностью и некомпетентностью, а с другой – распушенностью, продажностью, казнокрадством и взяточничеством. Вот и в России в 1917 году казалось, что у власти не было ни одного здравомыслящего министра, какая-то галерея, вереница ничтожеств и авантюристов.

Куда-то пропали адекватные люди. К примеру, одним из тех 4-х председателей Совета министров был 77-летний Горемыкин, который о себе говорил, что напоминает старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана нафталином. Его сменил 68-летний Штюрмер, находившийся в состоянии старческого маразма, да еще в добавок имел немецкую фамилию – это в разгар шпиономании в воюющей России.

Или взять военного министра Сухомлинова, по прозвищу Генерал Отлетаев. Отлетаев потому, что всё время разъезжал по стране, а разъезжал он по стране потому, что давали хорошие командировочные, которые позволяли покрывать неумеренные траты его супруги. Закончилось всё судом. О нем подробно я говорил выше.

В общем, ощущение, что Россия управлялась в лучшем случае идиотами, а в худшем – предателями, было почти всеобщим. Совершенно очевидно, что и нынешняя власть основательно «прогнила и заворовалась», вскрывающиеся сегодня один за другим коррупционные скандалы – это шанс «властьпредержащим» не просто очиститься, а выжить в новых реалиях. Впрочем, это не только российская и украинская проблема. Как говорил французский государственный деятель наполеоновских времен Талейран, целые народы пришли бы в ужас, если бы узнали, какие мелкие люди властвуют над ними. Я подробно останавливаюсь на последнем году императорской России для того, чтобы мой читатель осознал, что мы с вами живем в предгрозовое время. И меня волнует вопрос: как моей любимой Украине выйти с как можно меньшими жертвами и потерями из этого запутанного экономически и политически положения?! Тем более что в 1916 году у Империи не было такого опасного соседа, как Россия, которая может затянуть Украину в пучину хаоса, анархии и беззакония.

Урок 4. Во время социальных потрясений власть над людьми получают сумасшедшие, юродивые и галлюцинанты. Этот урок известен еще со времен Великой французской революции 1789 года. В Российской империи это явление связано с именем Григория Распутина. Можно сколько угодно спорить о Распутине – злой демон или святой старец, последний защитник царя и церкви, – но совершенно очевидно, что он сыграл роковую роль в жизни той России. Его появление при царском дворе было совершенно не случайным. Тому способствовало предгрозовое состояние российского общества (когда человеку тяжело жить, он с головой погружается в мир сказок, иллюзий, гаданий и предсказаний), болезненный мистицизм царицы, который с годами перерос в религиозный экстаз (к царскому двору тянулись колдуны, медиумы, астрологи) и, конечно, тяжелая неизлечимая болезнь долгожданного сына.

Десять долгих лет страна ждала-ждала наследника, а он родился с гемофилией (пониженная свертываемость крови, когда малейшая царапина ведет к обильному кровотечению). Как известно, Распутин умел «заговаривать кровь», что за этим стояло – расчет (появлялся, когда кровотечение само должно было остановиться), или он все же обладал даром гипнотизера – неважно. Главное, что несчастные родители держались за него, верили в его чудодейственную силу, особенно царица. А он этим пользовался, постоянно вмешиваясь в государственные дела.

Урок 5. Власть, над которой безнаказанно глумятся, близка к гибели. И без того чудовищный факт вмешательства полуграмотного крестьянина в государственное управление со временем превратился в миф, что Россией правит темный сибирский мужик. По стране ширились слухи о его якобы неограниченном влиянии на царскую семью, диких оргиях, в которых участвуют царица и ее старшие дочери, царь в народе предстал пьяницей и безвольным подкаблучником (ему приписывали слова: лучше один Распутин, чем десять истерик в день), которым манипулируют недостойные советники и полуграмотный

мужик. Да и его фамилия как-то двухсмысленно воспринимается даже сегодня... Всё это подрывало устои монархии и мешало народу любить такого царя. Распутинщина фактически катализировала недовольство властью, ибо создавала картину маразма при царском дворе. Как писал известный американский историк Ричард Пайпс, Николай II лишился трона не потому что его ненавидели, – таких случаев немало, а потому что его стали презирать.

Власть может быть какой угодно – только не смешной. Другими словами, царская власть лишилась божественного ореола, произошла ее десакрализация. Россия перестала любить царя, а ведь любовь к нему в российском государстве была патриотическим долгом и религиозной обязанностью каждого. «Боже, царя храни!» – речь здесь не о царе и не о его судьбе, а о том, как отмечал известный мыслитель того времени Федор Степун, что революционные пожары начинаются с поджогов господствующего мировоззрения.

Урок 6. Причина всех революций – реформы, не проведенные вовремя. Здесь нужно сказать о трагическом несоответствии Николая II и выпавшей ему миссии – быть главой огромной империи. Истории было угодно в наиболее сложный для России период отдать ее человеку с кругозором «полковника, хорошего отца семейства» – хорошего человека, отличного семьянина, человека глубоко религиозного, но плохого политика и слабого царя. В стране тогда более чем назрели реформы, а царь не в состоянии был их проводить. Возьмите его переписку с женой. Как следует из нее, оба были абсолютно убеждены, что подвластному ему народу нужно самодержавие и только царь. Но отрицая реформы, Николай II готовил революцию. Ведь что такое революция? Революция – это попытка радикально решить вопросы, которые не решались поэтапно. К тому времени политическая система страны серьезно отставала от новых социальных условий. Эта проблема вновь встала перед российским государством. Владимир Путин всё чаще воспринимается в обществе как олицетворение «старого режима». Правы или нет социологи, дающие Кремлю еще пару лет? И, как в 1917 году, гиперосторожная власть и супернетерпеливая интеллигенция не находят взаимопонимания. Но власть никогда не любила здравомыслящих!

Правящий класс пусть сам думает над тем, как ему сохранить власть, а вот нынешним российским, да и нашим оппозиционерам хотелось бы напомнить слова Розанова об ответственности интеллигенции: *«с удовольствием посидев на спектакле революции, интеллигенция собралась было в гардероб за шубами да по домам, но шубы их раскralи, а дома сожгли».*

Урок 7. Власть меняется не тогда, когда появляются те, кто хочет ее захватить, а тогда, когда исчезают те, кто готов ее защищать.

Эта аксиома получила свое подтверждение в феврале 1917 года, когда 300-летняя монархия Романовых от одного толчка рухнула как карточный домик (почти без сопротивления, в февральские дни в Петрограде погибло 169 человек и около тысячи было ранено. И в основном тут преобладали жертвы во время штурма винных и продуктовых складов). Оказалось, что царю уже не на кого было опереться, в последние месяцы он находился в полной политической изоляции.

От него отвернулось дворянство – опора царя, большая часть родни, оппозиционная Государственная Дума, верхи РПЦ, высший генералитет (как писали современники, царя поддерживали только два командира корпусов с очень русскими фамилиями – граф Келлер и хан Нахичеванский), а армия осталась в стороне. К революции присоединился даже полк личной охраны царя, состоявший исключительно из георгиевских кавалеров. Во всей огромной России не нашлось ни одного уезда, ни одного города, даже ни одного села, которые встали бы на защиту царя.

И еще в тему: Российская империя не смогла победить кайзеровскую Германию, а СССР, страна-победитель, со временем рухнула! Интересно, почему не отмечается День кончины СССР и никто об этом не помнит, мало кто скорбит об окончательной утрате великой страны, которая погибла без единого выстрела, а на

ее защиту народ-победитель даже не подумал встать! Победенный и осужденный трибуналом агрессор не только выжил, онкратно возобновил себя, свои силы, встал в ряд стран с ведущими и привлекательными экономиками мира! И где была КПСС, насчитывающая 19,5 миллионов членов?!

Заканчивая, отмечу, что история – хороший учитель, вот только за урок берет слишком дорого! Поэтому не лишним будет напомнить всем любителям революций и майданов – в нашей стране любая революция заканчивается большой кровью. И не только у нас!

Для чего и для кого я пишу свои книги? Для меня это уже давно решенный вопрос. У меня есть не одна сотня внимательных и преданных мне, автору, читателей. Значит, прожил свою жизнь недаром! Я имею в виду свою писательскую стезю. И другое – собирательство, например, – тоже не напрасно! Есть любящие дети, внуки, скрасил жизнь отцу и матери! Что помогло мне стать писателем?" Внутренняя дисциплина и девиз, который я взял у Олеши: «*Ни дня без строчки!*» У меня всю жизнь главным является принцип: если не я, то кто?!

А теперь об уме. Не ценят его. Скажем, выражение «очень умный» – не всегда комплимент. «Слишком умный» – угроза. Существительное «умник» звучит как издевательство. А глагол «умничать» – просто унижение. Не говоря уже о «горе от ума». Какой же смысл набираться ума? А приходится, раз хочешь общаться со всеми слоями населения...

Как без духовно-интеллектуальной подготовки заставить человека почувствовать, что «Украина – превыше всего!» Это очень сложно! Патриотическое воспитание необходимо проводить постепенно, а не с кондачка, нахрапом! А то получим, и повсеместно, обратный, отрицательный результат! Как с переименованием Проспекта Ватутина в Проспект Шухевича. Людям привычно и комфортно – Ватутин. Они его знали как освободителя Киева, который похоронен в нашем городе. А молодежи, двадцати-тридцатилетним, – вообще все равно! Не их герой. Спихнулись, что Ватутин «плохой»! Во-первых, это не по-христиански. «О мертвых или ничего, или хорошо!»

Вызывают стыд и пертурбации с памятником Николаю Щорсу. Мало того, что сам этот персонаж, сидящий на коне, не проявил себя никак по отношению к украинцам... Ни хорошо ни плохо! Но и сам памятник – произведение искусства! И по расположению его в Киеве – лучше нет! Простоял же памятник Николаю I в СПб (Петербург-Петроград-Ленинград) при всех режимах, – как художественное произведение. А царь этот «плохой» и Пушкина не любил, а Лермонтова и Шевченко отправил в ссылку... Так нет же – и грязью не поливали, и краской не писали гадости... А украинский гений Довженко не снимал бы о Щорсе фильм, если бы комдив чем-то себя по отношению к украинцам запятнал! А его оградили, именно «оградили» забором. А потом с чувствами, пусть Читатель сам решит какими, отпилили копыто лошади Щорса. «Копыто» – это звучит весьма двусмысленно, недаром один из потусторонних персонажей «Мастера и Маргариты» имел такую фамилию... Так что главным и зримым символом «декоммунизации» стало «копыто» коня Щорса!

Декоммунизация – нужна, но избирательно и постепенно. Меркуцию у Шекспира, получив смертельный удар шпагой, вскричал: «*Чума на оба ваших дома!*» История знает много примеров, когда после «низвержения кумиров» был получен обратный результат! И народ Украины неоднократно от этого страдал! В 1709 году, когда Мазепа стал союзником Карла XII, казаки пару лет боевых действий не могли перестроиться, что вдруг «супостат» оказался другой – царь Петр Алексеевич! Это и сказалось – в колебании, а часто, и нежелании части украинцев поддержать гетмана.

Большинство современных граждан прошло советскую среднюю и высшую школу, они воспитаны пионерской дружиной, комсомольским отрядом коммунистической ячейки – и другого восприятия исторических событий не хотят и не желают! Как и языка! Хорошо тем, кто в школе плохо учился, прогуливал занятия, не слушал

учителей... Они сразу провозглашают себя «лидерами украинизации»! Мозги-то не забиты «советским десятилетним всеобщим обучением». Но знайте, всё то, что приходит в «пустую голову» – тут же выветривается при первом «политическом сквозняке».

Просто мы сейчас находимся в таком состоянии, когда общество потеряло ориентиры. И поскольку мы – страна войн и революций, и, главное, у нас процветает культура войн и революций, то любая историческая неувязка (типа «перестройки», когда мы рванулись куда-то, хотели быть как все) возвращает нас к тому, что мы знаем – в военное, милитаристское, наше нормальное, привычное состояние.

Основной раскол в Украине проходит не между национальными общинами, а по цивилизационной линии – между будущим и прошлым украинцев. Фигура Романа Шухевича, как и многих персонажей нашей истории, является контраверсионной. Шухевич – не мой герой, но как историк, я понимаю, что многие мои сограждане, безусловно, считают его героем, так как он погиб за независимость Украины, воюя с Советским Союзом, войсками МГБ. Лишь немногие слышали, что он был гауптманом вермахта, когда началась война. Да и вермахт сегодня некоторым духовно ближе, чем Красная армия. Еще несколько лет – и Вторая мировая станет далекой историей, как и 2-я Пуническая...

А вот возня с переименованиями сегодня не приносит пользу нашей стране. Мы привыкли жить прошлым. Это касается, в первую очередь, украинцев, поляков, евреев. Это народы, которые пострадали от империй на протяжении столетий, на чем я подробно остановился в томе, который вы держите в руках. Жертвы трагедий живут больше прошлым, чем будущим. Исследователи этих трех упомянутых мной народов стараются осветить, с добавлением особых, черных красок страдания украинцев, поляков и евреев. И чрезмерно, в ущерб истине, сгущают краски. Мне бы хотелось, чтобы ученые исследовали факты, убрав излишнюю политизацию! А я и мои коллеги-литераторы будем знакомить население с результатами их исследований. Пока до нас доходят различные интерпретации фактов, которые не верифицированы. Есть советский миф и есть украинский миф. В нашей стране часто размахивают мифами так, что нет сил и возможности вместе идти в общее будущее. Украине нужно окончательно оторваться от коммунистического или имперского мышления, а мы попусту тратим энергию на борьбу с мифами.

У самодовольных «знатоков» науки – российских, польских, да и наших доморожденных, насмехающихся над стремлением украинцев сохранить преемственность своей истории от Киевской Руси, надменно объясняющих, что никаких украинцев в помине тогда не было, я все же хочу спросить: почему вы не насмехаетесь над греками, которые называют улицы в своих городах именами Аристотеля и Сократа, или итальянцами, продолжающими гордиться Овидием или Данте? Почему вы не насмехаетесь над евреями, молящимися у сохранившейся стены выстроенного Иродом Великим храма и рассказывающими детям предания о царях Давиде и Соломоне? Почему смеяться можно только над украинцами? Почему смеяться можно только над теми, чье прошлое нагло пытаются отобрать и присвоить?

Резкая, моментальная реакция украинцев на путинское заявление об Анне Ярославне продемонстрировало то, что мы сами далеко – и быстро – отошли от российской исторической мифологии. Мы жили в контексте этого мифа «о великом русском брате» не десятилетиями, а столетиями, изучали его школах и университетах... И это означает, что нас ждет тяжелая борьба за собственную историю. Нам необходимо выиграть эту битву в самой Украине, на уровне просвещения, науки и медиа – иначе мы никогда не станем народом, навсегда оставаясь населением. И нам нужно показать Европе и всему миру, что мы самостоятельная страна с прошлым, в котором положительную роль играли представители многих национальностей и вероисповеданий, и имеем вполне заслуженное право на светлое будущее. Для этого я и пишу свои книги на русском языке, чтобы как можно больше людей узнали о величии Украины!

Послесловие

Вот и встали все четыре тома «Истории Киева» на вашу полку, хотя велико желание автора, чтобы не было «застойного присутствия» моих творений в книжном шкафу... Чтобы они перманентно находились на руках у моих дорогих читателей, сохраняя их физическое и душевное тепло. Прочитав книгу, у Читателя, вполне ожидаемо, возникнут претензии: почему ничего не сказали, а иногда только упомянули о том или ином человеке? Не осветили то или иное событие? Ни слова о деле Бейлиса?! Вот, видите, вы, мой дорогой читатель, знаете и о персоне, и о событии, зачем вам заново пересказывать то, что ведомо, и достаточно освещено, – в моем труде поставлена задача рассказать о малоизвестном, напомнить забытое, поведать о скрываемом... Так вот почему я больше пишу о И. И. Фундуклее, чем о Т. Г. Шевченко. Об Иване Ивановиче ныне известно недостаточно, поэтому крайне предвзятое мнение довело до того, что даже не вернули его имя улице, когда-то называвшейся Фундуклеевской. Она стала улицей Богдана Хмельницкого – вместо Ленина. Люди, которые уверены, что знают всё на свете, раздражают нас, людей, которые действительно всё на свете знают!

Я не в силах предоставить полную историю этих трех столетий. Это невозможно для коллектива, не то что для одного человека. Получилось бы иначе многотомное издание, где автор или коллектив «умер» на первых томах по семейным, социальным, политическим, а чаще по финансовым обстоятельствам. При такой частой смене политических лидеров и общественных предвзятостей, последующие тома должны были бы опровергать предыдущие. Так, в Украине даже необходимость национальной идеи меняется, как будто в шахматном порядке: надо – не надо... А без национальной идеи не может существовать государство, как производственный коллектив без плана. Извините за тавтологию, но главное – уметь выбрать главное!

Не менее важным является объем книги. Громадные тома лучше смотрятся на полках библиотеки, чем на кресле читателя, чаще читательницы. Современная женщина коня на скаку остановит, но сгибается под тяжестью книги... Простите, мои обожаемые, за примитивность сравнения.

Я только теперь понял, почему в советских библиотеках (интернатовская молодежь даже не подозревает о существовании таких ячеек культуры) штамп ставили на 17-странице. 80 % читателей достигали только ее! Почему? Причин много, прежде всего усталость духа. Ирония – это способ существования материи.

Мои друзья часто задают мне вопрос: покупают ли книги? И как часто? Покупают, но значительно меньше, чем 40–30 лет назад! Дело тут не в интернете, причины более глубоки. Раньше покупали по многим причинам. Это было модно и престижно! В невозвратное советское прошлое было весьма презентабельно собирать библиотеки. Это придавало хозяину квартиры лоск и подобие интеллигентности. Помню, как один из моих сотрудников, любивший апломб, сквозь зубы с пафосом процедил: «Люблю на ночь почитать Плутарха или Светония». (А он на протяжении всей жизни не одолел «Конька-Горбунка» А. С. Ершова, хотя где-то по рассказам смутно помнил, что в какой-то книжке что-то есть и про Му-му.) И далее продолжил: – Я собираю «Библиотеку античной литературы»!

И действительно, эта серия из-за ярких суперобложек была весьма желанна для книголюбов 1970-х годов. Эти книги читали единицы, но они особенно хорошо смотрелись в интерьере жилища. Именно для этого в большинстве случаев и покупались! Помню фразу, бытовавшую, на стихийном книжном рынке: «Ищу Андрея Белого, Сашу Черного и красного Шукшина!» Двухтомник Шукшина был в красной обложке! Моему поколению всегда! И не по песне: «...зимою лета, осенью весны...». В магазинах ничего не было! Книг тоже не было! Нет, можно было купить «Целину» Л. И. Брежнева или «Поднятую целину» М. Шолохова, но нуждающихся в героических примерах юноши были лишены «Мира приключений», девушки романов о чистой любви! Интересующихся историей и остро нуждающихся в патриотическом воспитании украинцев пичкали книгами

серий «ПР», так назывались «Пламенные революционеры» или «Пионер – значит Первый». Министерство просвещения СССР, научное ЦК КПСС выдавало интеллект строго нормированными порциями, как хлеб в «блокадном Ленинграде»! Люди жаждали правдивой информации, а ее всё не было и не было! Потом «перестойка» и «свобода слова». Почтальоны изнемогали под тяжестью газет! Потом люди, понимающие толк в книгах уехали в южные страны...

Так почему перестали или совсем мало сегодня покупают книги?! Все-таки покупают! Вот вы же купили! Приведу самый главный фактор. Психологический – деньги на книги у граждан были и раньше, но сейчас, очень часто приходя на «Арсенал», киевляне покупают книги не те, которые нужны, чтобы прочесть сейчас, а те, которые нужны, чтобы поставить на полку. Если человек собирает хорошую библиотеку дома, это значит, что он собирается жить в этом городе, в этой стране, он уверен в своем будущем. Эта тенденция началась в прошлом году, и она усилилась в этом. А перед этим покупали книжки в основном, чтобы «сейчас» почитать.

В отличие от США Украина, а тем более Россия, в лице государственных органов препятствуют проявлению интереса к своему прошлому. В архивах США могут работать с 14 лет. А у нас подростки, те, которые заинтересовались историей своей семьи или страны, такой для них необходимой возможности лишены! А так как книга моя о нашей Стране, то давайте, дорогой читатель, поразмыслим: чему раньше и чему сегодня учат детей, особенно это касается отечественной истории. В школьном образовании СССР преобладали технические и физико-математические дисциплины, в первую очередь из-за их идеологической безопасности! В царской России была широкая сеть гимназий, дававших общее гуманитарное образование, и масса реальных училищ, дающих серьезное техническое обучение, которое совершенствовало в политехнических институтах. Были и коммерческие училища. Так вот, в 1920-х годах шло широкое просвещение населения по всем направлениям от физики до лирики! И в империи явно проявился и был отмечен расцвет образования и культуры! А техническое развитие государства шло семимильными шагами... Но борьба за власть между разными крыльями большевизма привела к обострению общественных отношений, а послереволюционный лозунг А. М. Горького: «С кем вы, мастера искусств?», обосновал расхождение – кто с большевиками, а кто «на нары»!

В 1960-х годах в Китае шло массовое оболванивание населения, где вся всемирная культура была разделена на две части в зависимости от ее полезности коммунистическому Китаю. И всё, что не могло быть задействовано в этом, было отброшено, в том числе А. Пушкин и П. Чайковский, создававшие свои произведения для империалистического общества. Что-то подобное пытаются провести и в наши дни в Украине, грубо и безапелляционно разделяя: народный украинский или антинародный – российский, отвергая всех и снося памятники всем, кто жил и что-то делал при коммунистах... Чкалов летал при коммунистах, значит снести ему памятник! Арка Дружбы тоже не имеет право на существование, – не замечено «дружбы народов». Но ведь была всегда и повсеместно дружба и любовь среди людей, говорящих на разных языках, верующих в разные духовные ценности, да и разных партийных принадлежностей. Именно, «принадлежностей», так как член партии, по коммунистическим понятиям, сам себе не принадлежит. Общественные отношения нивелируются до дворовых... «Этот мальчик из плохой семьи – не дружи с ним!» Практически по Зошенко: «соседка – сука, я ей в коммунальной кухне в борщ соль засыплю!»

История Киева всегда привлекала внимание как знаменитых ученых-историков, так и простых людей, причем каждый находил в этом городе что-то свое личное, при этом ощущая его государственное, общечеловеческое значение. Он был и «Мать городов русских», и местом, «куда язык доведет».

Неоднократные высказывания различных государей о возможности, даже желании видеть Киев столицей Российской империи, безусловно, должны были льстить истинным патриотам города. Но было бы это хорошо для города? Но так при этом Киев мог стать или серо-казенным, от массовой застройки доходными домами, как

в столице Российской империи, или растерять свою национальную самобытность, как Москва. Казенно-административная напыщенность многоязыковой империи задавила бы душевность и естественность любого города. Этому много примеров, особенно в СССР.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что мои книги о Киеве – это пока только «попытка обзора». Дальнейшая работа будет продолжаться. Влияние Дома Романовых, как мы убедились, было в значительной степени более продуктивным, благотельным, чем пытались показать некоторые историки и публицисты, стоящие на крайне националистических позициях, но и их можно понять – происходило отрицание отрицанием. Особенно много фактического материала о Киеве, Украине взято у Сергея Соловьева. При всем уважении к Михайлу Грушевскому, особенно к его важнейшим и серьезным разработкам 1920-х годов, я обнаружил, что во многих томах важного исследования «Історія України-Руси», касаясь важнейших для Украины событий, приведен не очень хороший дословный перевод «Истории России» С. Соловьева.

Более подробный материал найден в двух очень серьезных трудах выдающихся ученых В. С. Иконникова «Киев в 1654–1855 гг.» и В. И. Щербины «Нариси з історії Києва, відколи приєднано його до Московської держави, до початку світової війни і революції».

Использовано много дневников-воспоминаний, которые выходили в старые времена, в частности воспоминания Ф. Ф. Вигеля или «Славны бубны за горами» И. М. Долгорукова, которым и я просто зачитываюсь.

Весь приведенный материал брался из первоисточников, откуда отбирались наиболее интересные факты или свидетельства, иногда я пытался дать какой-то анализ событий, высказать свое субъективное мнение. Автор ни в коем случае в описании данного периода в своих суждениях не претендует на окончательную истину.

Теперь с помощью Владимира Ивановича Щербины намечу главные периоды в исторической жизни Киева, связанные с домом Романовых, а значит и с Российской империей, и подытожу их.

Киев как сосредоточение религиозной, национальной, культурной и политической жизни Украины имел большое значение еще во времена Богдана Хмельницкого. Он, как и польские короли, прекрасно понимал, что владение Киевом – главное условие обладания всей Украиной. Поэтому после первых своих побед гетман не раз гордо заявлял: «Мой Киев! Я пан и воевода Киевский!» В 1648 году Богдан Хмельницкий торжественно въезжает в великий город через древние Золотые ворота. Свое почтение киевским святыням, как религиозным, так и государственным, гетман Украины выражал повсеместно. *«Только берла и короны нехватало ему, чтобы быть настоящим монархом»*, – пишет летописец. Но произошла трагедия под Берестечком. Богдан Хмельницкий вынужден был в 1651 году из Белой Церкви обратиться за помощью к московскому царю. Потом Переяславская Рада, размещение стрельцов и воевод в Киеве и других городах, участвовавшие визиты украинского духовенства в Москву. Им были остро необходимы льготы и деньги, при этом они забывали о главном законе жизни: получая деньги, теряешь независимость. Только после «Вечного мира» 1686 года Киев окончательно перешел под власть Московского царства.

Начался первый период жизни города под Москвою, который при этом не терял своего прежнего самоопределения и практически все его обитатели даже не ощущали другой власти, за исключением военных другого государства, размещенных в городе. Более всего это смутило духовенство – украинская церковь, в лице Киевской митрополии, попала под протекторат Московского патриархата. Это положение в Киеве всяческими «ласками» поддерживали новые властители, пытаясь завоевать симпатии местного населения, давая всяческие льготы и привилегии, приструнивая зарвавшихся стрельцов, а иногда и воевод. Поэтому в этот первый период, продолжавшийся вплоть до конца XVII столетия, до начала

правления царя Петра, или доимперский, характерен развитием украинской, киевской городской культуры, получивший духовный толчок после освобождения от власти польской шляхты и не имеющий административного давления, так как ни один из московских правителей Киев, слава Богу, не посещал.

С укреплением власти Петра I начинает падать самобытность общественных отношений в городе, многие деятели культуры переезжают работать на север, в Москву или Петербург. Царь с завидным постоянством воплощает свою основную цель – создание сильной военной и торговой державы, и на местные обычаи и патриархальность не обращает внимания. Для монарха нет преград в осуществлении своих задач. Поэтому переход Мазепы к Карлу XII Петра I просто взбесил. Впоследствии из-за слабости центральной власти Украиной руководили то Коллегия, то гетманы, то различные администраторы, которые, вне зависимости от своей национальности, проводили политику Петербурга. Потом при Елизавете Петровне, а затем при Екатерине II, когда государственная политика стала централизованной, Киев начал многое терять из своего старого национального уклада. Вторым периодом характерен борьбой между остатками давней украинской культуры и централизованным управлением имперской власти. Это время быстрого упадка особенностей города, который постепенно превращается в большое село. Понятно, что он и не пришелся по душе Екатерине, которая прожив в нем три месяца, просто скучала.

Начиная XVIII века, особенно с правления Екатерины II, кроме централизации сказывалось еще особенное положение Киева как главного города, откуда шло руководство землями, отобранными или у Турции, включая Крым, или у Польши, граница с которой проходила сразу перед Васильковым, то есть в 40 км. Громадные земли Новороссии требовали новых поселений, которые наполнялись русскими, немцами, сербами, болгарами, а в большинстве украинцами, умеющими хорошо вести сельское хозяйство. Западные земли с вновь образованными Волынской и Подольской губерниями были заселены поляками и украинцами. Хлеборобы остались на земле, кто как хозяин, а кто как закрепощенный. А вот безземельные – шляхта, мелкие чиновники и прочие, не имеющие места, ринулись в губернские города, прежде всего в Киев.

Павел I к полякам относился хорошо, поэтому дал им особые права, как дворянам. Деловая переписка, даже в правительственных учреждениях, велась на польском языке. Многие польские магнаты, не желая жить в Австрии или Пруссии, предпочли поселиться в Киеве. Почти столетие значительная часть аристократов и вообще дворян – поляки. В наш город переводится ярмарка из Дубно, на которой преобладали польские и еврейские торговцы. Особенно растет влияние польского общества в Украине в царствовании Александра I. Обучение молодежи производится на польском языке. В Киеве строится Александровский костел. Образуются и переходят из Польши различные организации, даже масонские. Поэтому третий период истории Киева под Романовыми можно охарактеризовать как время преобладания в городе, как и во всем крае, польской культуры.

Особый стимул для развития получил Киев во время царствования Николая I, причем не сразу, а поэтапно. В начале его царствования город приносил самодержцу только одни неприятности, поэтому не исключено, что у императора присутствовала тайная мысль подвергнуть его участи Карфагена, то есть сжечь. В первые дни его правления: восстание декабристского, Южного общества, располагавшегося в Киеве, в окрестностях которого и выступил Черниговский полк. Потом, когда Николай I решил приструнить считающих себя главными в крае поляков, они взорвались кровопролитным Восстанием 1830 года. Но, поняв, что ни один город в державе не соответствует его девизу «Православие, самодержавие, народность» в сущности так, как Киев, Николай в корне изменил к нему свое личное отношение.

Официально считалось, что государственное устройство России пошло с «Матери городов», «откуда есть и пошла Русская земля», но главное – правители государства и на то время понятия не имели о существовании различий между русскими или украинцами. Для них они были «единым православным народом».

Генерал-губернатор Бибииков писал царю: *«Следует принять раз и навсегда окончательные и решительные меры по слиянию этого края, по большинству жителей и по истории своей русского с Великороссией»*. Поэтому Николай I стал решительно бороться против польского влияния в Юго-Западном крае.

Расправляясь с инакомыслящими, он собственноручно подписывал указы о разгроме кружков и жестокой расправе над их участниками. И ему было всё равно, это польская «гмина» или украинское Кирилло-Мефодиевское братство. И если социальная или национальная непокорность беспощадно подавлялась, то с таким же рвением поднималась экономика края, щедро выделялись деньги на строительство мостов, дорог, учебных заведений, храмов... Киев именно в царствование Николая Палкина постепенно превращался в средний европейский город, в котором от столицы Киевской Руси остались только горы, а на них храмы, большинство из которых уже надели на стены X-XII веков поздние каменные одежды.

Во время Николая I официально происходит тотальная русификация всего уклада страны и ее жителей в русле лозунга «Православие, самодержавие, народность», это четвертый период.

После позорного поражения в Крымской войне, смерти Николая I, с приходом к власти его сына началась демократизация общества, что сказалось и на облике Киева. Уже нет таких разительных перемен, но движение вперед не остановилось, город продолжает застраиваться и развиваться, но не такими темпами и не так скачкообразно. Этот процесс не могло остановить Польское восстание 1863 года. Эволюция края хоть и медленно, но продолжалась, и прогрессивные реформы, проводимые в империи, в первую очередь, освобождение крестьян, коснулись и Киева. Этот пятый период проявился довольно ярко в эпоху царствования Александра II и его сына Александра III. Интенсивно стал развиваться капитализм, который привел к быстрому росту промышленности и созданию рабочего класса. Но аморальное общество не может иметь моральное правительство. Оно избирает таких же аморальных, как и они сами. Охотно идущих на подкуп, лесть, ложь... Политики оцениваются, как актеры, по их внешним качествам.

Прогрессивное влияние правящей верхушки империи, отмена Валуевского указа, запрещающего украинский язык, развитие национальных экономических и культурных движений, расширение деятельности и рост значения университета св. Владимира, появление множества средних учебных заведений, в частности, Коллегии Павла Галагана, открытие Политехнического института, возникновение издательств, вереницы культурных обществ, выпуск журналов и газет, театральная и музыкальная жизнь привели к формированию украинской интеллигенции и вступлению Киева в созвездие культурных городов Европы, к возобновлению его центральной роли в Украине, которая начала возрождаться. Это происходит во время царствования Николая II и пребывания в городе его матери Марии Федоровны и других членов царствующей семьи. Этому не помешали ни война, ни события революции, ни гражданской войны, ни установление советской власти. Социальные условия в корне изменились, отношения между людьми стали совсем другими, а облик города остался тот же!

Потом не стало Романовых, исчезло напрочь их влияние, а традиции, которые были заложены Петром I, Екатериной II, Николаем I, Александром II и Александром III остались: централизованное имперское правление и тотальная русификация продолжалась до 1991 года, ее вновь проводили московские правители. Династия в полном смысле расплылась, ее заменило партийное руководство. Но это уже тема моей следующей книги!

Киев-Свалява. Санаторий «Квітка полонини»

2015-2017